

**АКАДЕМИЯИ МИЛЛИИ ИЛМҲОИ ТОҶИКИСТОН
ИНСТИТУТИ ТАҶРИХ, БОСТОНШИНОСӢ ВА
МАРДУМШИНОСИИ БА НОМИ АҲМАДИ ДОНИШ**

МУАРРИХ
(маҷаллаи илмӣ - назариявӣ)

№ 3 (43) 2025

Маҷаллаи илмӣ - назариявӣ «Муаррих» соли 2015 таъсис ёфта, дар давоми як сол чаҳор шумора ба забонҳои тоҷикӣ, русӣ ва англисӣ нашр мешавад. Маҷалла дар Вазорати фарҳанги Ҷумҳурии Тоҷикистон таҳти 331/МҚ - 97 22 февралӣ соли 2024 аз нав ба қайд гирифта шудааст.

Маҷалла аз 26 апрели соли 2018 дар рӯйхати маҷаллаҳои илмӣ тақризшавандаи Комиссияи олии аттестатсионӣ (КОА) назди Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон ва аз 21 февралӣ соли 2022 таҳти рақами 1520 дар Феҳристи маҷаллаҳои илмӣ тақризшавандаи Комиссияи олии аттестатсионӣ (КОА) назди Вазорати маориф ва илми Федератсияи Россия номнавис гардидааст.

САРМУҲАРИР: МУРОДЗОДА А. А., доктори илмҳои таърих, дотсент

МУҲАРРИРИ МАСЪУЛ: Ҳамза КАМОЛ, доктори илмҳои таърих, профессор

ҲАЙАТИ ТАҲРИРИЯ:

АБДУРАШИТОВ Ҷозил - доктори илмҳои таърих, профессор
ДОДХУДОЕВА Лариса - доктори илмҳои таърих, профессор
ДУБОВА Надежда - доктори илмҳои таърих, профессор (Россия)
ЁҚУБОВ Юсуфшо - доктори илмҳои таърих, академики АМИТ
ИБРОҲИМОВ Мурадҷалӣ - доктори илмҳои таърих, профессор
ИСКАНДАРОВ Қосимшо - доктори илмҳои таърих, профессор
ПИРУМШОЕВ Ҳайдаршо - узви вобастаи АМИТ, доктори илмҳои таърих, профессор
РАҶАБОВ Аскаралӣ - доктори илмҳои таърих, профессор
РИШАР Франсис - узви хориҷии АМИТ, доктори илмҳои таърих, профессор (Фаронса)
САИДОВ Абдуқаҳҳор - доктори илмҳои таърих, профессор
ФРАНКФОР Анри-Пол - узви хориҷии АМИТ, доктори илмҳои таърих, профессор (Фаронса)
ХУДЖАГЕЛДИЕВ Тура - номзади илмҳои кишоварзӣ
ЧУБАРИЯН Александр - академики Академияи илмҳои Россия (Россия)
ШАРИФЗОДА Абдуҷалӣ - номзади илмҳои таърих

**НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКИСТАНА
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И
ЭТНОГРАФИИ ИМЕНИ АХМАДА ДОНИША**

ИСТОРИК

(научно - теоретический журнал)

№ 3 (43) 2025

Научно-теоретический журнал «Историк» основан в 2015 г. и выходит четыре раза в год на таджикском, русском и английском языках. Журнал зарегистрирован в Министерстве культуры Республики Таджикистан под № 331/МЧ-97 от 22 февраля 2024 г.

Журнал с 26 апреля 2018 года входит в перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии (ВАК) при Президенте Республики Таджикистан и с 21 февраля 2022 года под № 1520 входит в перечень ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: МУРОДЗОДА А. А., доктор исторических наук, доцент

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР: Хамза КАМОЛ, доктор исторических наук, профессор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

АБДУРАШИТОВ Фозил - доктор исторических наук, профессор

ДОДХУДОЕВА Лариса - доктор исторических наук, профессор

ДУБОВА Надежда - доктор исторических наук, профессор (Россия)

ИБРОХИМОВ Муродали - доктор исторических наук, профессор

ИСКАНДАРОВ Косимшо - доктор исторических наук;

ПИРУМШО Хайдаршо - член-корреспондент Национальной академии наук Таджикистана, доктор исторических наук, профессор

РАДЖАБОВ Аскарали - доктор исторических наук, профессор

РИШАРД Франсис - иностранный член НАНТ, доктор исторических наук, профессор (Франция), доктор исторических наук, профессор (Франция)

САИДОВ Абдукаххор - доктор исторических наук, профессор

ФРАНКФОРТ Анри-Поль - иностранный член НАНТ, доктор исторических наук, профессор (Франция)

ХУДЖАГЕЛДИЕВ Тура - кандидат сельскохозяйственных наук

ЧУБАРЯН Александр - академик РАН (Россия)

ШАРИФЗОДА Абдували - кандидат исторических наук

ЯКУБОВ Юсуфшо - доктор исторических наук, академик НАНТ

NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF TAJIKISTAN
AHMAD DONISH INSTITUTE OF HISTORY,
ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY

HISTORIAN

(scientific - theoretical journal)

№ 3 (43) 2025

The scientific and theoretical journal «Historian» was founded in 2015 and is published four times a year in Tajik, Russian and English. The magazine is registered with the Ministry of Culture of the Republic of Tajikistan under number 331/MJ-97 dated February 22, 2024.

Since April 26, 2018 is the List of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission (HAC) under the President of the Republic of Tajikistan and since February 21, 2022 under No. 1520HAC Ministry of Education and science of the Russian Federation.

CHIEF EDITOR: MURODZODA A. A., doctor of Historical Sciences, Associate Professor

EXECUTIVE EDITOR: Hamza Kamol, doctor of Historical Sciences, Professor

EDITORIAL BOARD:

ABDURASHITOV Fozil - doctor of Historical Sciences, Professor

CHUBARYAN Alexander - academician of the Russian Academy of Sciences (Russia)

DODHUDOEVA Larisa - doctor of Historical Sciences, Professor;

DUBOVA Nadezhda - doctor of Historical Sciences, Professor (Russia)

FRANKFORT Henri-Paul - foreign Member of the NAST,

Doctor of Historical Sciences, Professor (France)

IBROKHIMOV Murodali - doctor of Historical Sciences, Professor

ISKANDAROV Kosimsho - doctor of Historical Sciences

KHUDZHAGELDIEV Tura - candidate of agricultural sciences

PIRUMSHO Khaidarsho - corresponding Member of the NAST,

doctor of Historical Sciences, Professor;

RAJABOV Askarali - doctor of Historical Sciences, Professor

RICHARD Francis - foreign Member of the NAST, Doctor of Historical Sciences, Professor (France)

SAIDOV Abdukakhhor - doctor of Historical Sciences, Professor

SHARIFZODA Abduvali - candidate of Historical Sciences

YAKUBOV Yusufsho - doctor of Historical Sciences, academician of the NAST

МУНДАРИЧА - СОДЕРЖАНИЕ - CONTENTS

ТАЪРИХИ ВАТАНӢ - ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ - NATIONAL HISTORY

ЯҚУБОВ Ю. Ориёно - асосгузори Роҳи бузурги Абрешим.....	5
ХОДЖАЕВА Н. ДЖ. О зороастрийском календаре	12
КАМОЛ Ҳ. Абдуллоҳ ибни Тоҳир ва тақвияти ҳукумати Тоҳириён дар Хуросони Бузург.....	21
САИДОВ А. Ихтилофи Уктой ва Чағатой дар муносибат бо мардуми Хуросони Бузург	32
МУКИМОВ Р. С. Архитектура, градостроительство и фортификация Мавераннаҳра и Хорасана в конце XIV-XV вв.	41
АКРАМОВ М. И. Из истории таджиков за пределами Таджикистана в 1920-1930-е годы.....	50
ГАФУРОВ А. Деятельность харьковского военно-авиатехнического училища в Сталинабаде в годы Великой Отечественной войны	63
НЕЪМАТОВ И. Мухтасари таърих ва таҷрибаи ғаъолияти мақомоти амнияти Тоҷикистон дар солҳои Ҷанги Бузурги Ватанӣ (1941-1945).....	69
АБУЛҲАЕВ Р. А. Баъзе масъалаҳои муҳочирати дохилӣ дар ноҳияҳои Помир ва ҷануби марказии Тоҷикистон (дар нимаи дуҷуми солҳои 20-уми асри XX).....	79
НУРЗОДА А. Р. Состояние медицины и оказания медицинской помощи в Средней Азии в до-революционный период.....	89
ОДИНАЕВ А. Н., БОРОШКО С. Л., БОЖИНСКАЯ-АРАНДАРЕНКО Л. В. Сафари Шарл-Эжен Уйфалви ба «кишвари ғалча» – ноҳияҳои кӯҳии округи Зарафшон	106
ДОВУТОВА М. З. Искусство мозаики в творчестве художника Асрора Аминджанова	122

БОСТОНШИНОСӢ - АРХЕОЛОГИЯ – ARCHEOLOGY

АСОМИДДИНЗОДА С. С. Ёдгории асримиёнагии Сари Кӯпрук ва аҳаммияти он дар таҳқиқи таърихи ноҳияи Данғара.....	128
--	-----

ЭТНОЛОГИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ ВА МАРДУМШИНОСӢ

-- ЭТНОЛОГИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ

- ETHNOLOGY, ANTHROPOLOGY AND ETHNOGRAPHY

ДОДХУДОЕВА Л. Эволюция эстетики национальной одежды таджикского народа: экосистем-ный подход.....	136
ЮСУФБЕКОВА З., ШОВАЛИЕВА М. Предварительные результаты этнографической экспедиции в Бальджуанский район.....	144
ОЛИМОВ М. А., ОЛИМОВА С. К. К проблеме изучения постсоветских обществ в странах Центральной Азии: обзор исследований среднеазиатской городской общины (махалля).....	152

ТАЪРИХНИГОРӢ ВА МАЪХАЗШИНОСӢ - ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ - HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDY

ГАФУРОВ А., ГИЁСОВ Д. Аҳаммияти маводи бойгонии минтақаӣ дар омӯзиши таърихи наватрини Тоҷикистон.....	167
САЙДАЛИЗОДА Ф. С. Саҳми Евгений Зеймал дар таҳқиқи сиккаҳои кушонӣ.....	172

УДК 94(575+510)"–11/–5":930.85

ОРИЁИҶО - АСОСГУЗОРИ РОҶИ БУЗУРГИ АБРЕШИМ

ЯҚУБОВ Ю.,

**Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии
ба номи А. Дониши АМИТ**

Омӯзиши таърихи роҳи Бузурги абрешим дар охири солҳои 90-уми асри гузашта, аз ҷониби ЮНЕСКО пешниҳод шуда, барномаи бисёрсола ва ҳамаҷонибаи таҳқиқоти илмӣ, фарҳангӣ, иқтисодӣ, сиёсӣ ва муносибатҳои савдоии беш аз 30 мамлакати Аврупо ва Осиёро дар бар мегирад.

Имрӯз бисёр мамлакатҳои дунё мехоҳанд, ки решаҳои гузаштаи худро донанд ва ҳиссагузорияшонро дар тамаддуни ҷаҳонӣ муайян намоянд. Бинобар ин, ин масъала хеле мураккаб ва омӯзиши мачмуии таҳлилиро металабад то робитаҳои сиёсӣ, фарҳангӣ, савдой ва иқтисодию иҷтимоии мардумони Осиё, Аврупо ва Шимолии Африқо муайян шаванд.

Имрӯз мардумони муғултабори то дирӯза кӯчии Осиёи Марказӣ даъвои қадимӣ ва аз ҳудудшон будани фарҳанги волои ин диёрро доранд ва даст ба сохтани таърихи зада, шахрҳои дар Роҳи бузурги абрешим сохтаи тоҷиконро шарм надошта азони худ меғоянд. Ҳол он ки сабаби аз миён рафтани Роҳи бузурги абрешим, ғорати қорвонҳо аз ҷониби муғултаборони имрӯзаи Осиёи Марказӣ буд.

Ибораи Роҳи бузурги абрешим таърихи тӯлонӣ надорад, он солҳои 40-уми асри XIX аз ҷониби олими олмонӣ барон Фердинан фон Рахтгофен дар мафҳуми сохтори роҳҳои алоқа ва савдо (Die Seidenstrasse) истифода шудааст.

Вожаи «абрешим» мафҳуми шартӣ, рамзӣ буда, аз ҳақиқат дур аст, зеро роҳи молҳои яклухт буд ва абрешим ҷузи андаке аз молҳои дигар. Маълумот дар ин бахш дар сарчашмаҳои таърихӣ, аз ҷумла солномаҳои чинӣ ва дастхатҳои суғдӣ ва тоҷикию арабӣ хеле фаровон мавҷуд аст.

Дар адабиёти таърихӣ асосгузори Роҳи бузурги абрешим мардуми Чинро дар назар доранд, ки иштибоҳ аст. Соли 139 то мелод императори империяи Хан У-Ди генерал Чанч Сиянро ба тарафи Ғарб мефиристад, то дар бораи душманони Чин маълумот ҷамъ намояд. Чанч Сиянро хунҳо-Кушонӣ гирифта ҳабс менамоянд ва баъди 13 сол ӯ аз маҳбас мегурезад ва ба император дар бораи мамлакати хунҳо-Кушонӣ маълумот пешкаш менамояд [4, 8].

Вожаи «хун», «ху» номи мардумони ориётабор ба забони чинӣ мебошад, ки аз вожаи «ҳиён»-и авестӣ реша мегирад. Дар замони Кушонӣ як чанд нафар буд-допарастон то мамлакати Портҳо омада, дар бораи шахрҳо ва дину оини Ориёза-

мин маълумот пешниҳод менамоянд. Дар ибтидои асрҳои мелодӣ дар дунё чор имерия: Рим, Порт, Кушон ва Чин савдои ҷаҳонро дар даст доштанд. Маҳз дар ҳамин давра тоҷирони Чин ба ин мамлакатҳо сафар менамоянд ва роҳи савдоии шарку ғарбро аз бар менамоянд. Дар сурате ки роҳҳои тичоратӣ ва фарҳангӣ байни Чину, Бохтар, Суғд ва дигар бахшҳои Ориёзамин дар ҳазораҳои IV-III п.м. вучуд доштанд [11,130-131]; [9-50]. Дар ин давраҳо дар заминҳои аз халиҷи Форс то Тибет мардумони ориётабор мезистанд. Дар бахши Хутан турҳои чорводори Ҳиёи авестой мезистанд ва баъдан, дар ин ҷо бахше аз онҳо бумӣ шуда ба кишоварзӣ шуғл варзида, шаҳру деҳаҳо месозанд ва бо кишоварзони ҳамнажоди Осиёи Марказӣ робитаҳои ҳешовандӣ, забонӣ ва додугирифт доштанд. Номҳои топонимӣ, ба монанди Хутан - ватани ориёҳои Ҳиён (сакоӣҳо), ҳоло Синзиян, Донхуан - Дарёи хунҳо-Ҳиёнҳо, Турфан- турҳои сафедруй, Кашғар-Бағали кӯх (Қошқар), Ҳамӣ ва боз даҳҳо номҳои дигари ҷуғрофӣ дар ин диёр боқӣ мондаанд ва бозёфтҳои археологӣ ба он далолат менамоянд, ки номи азалии вилояти Синзияни Чин Хутан буд ва ибораи «Мушки Хутан» дар адабиёти тоҷик хеле маъмул аст. Ин замини аҷдодии гузаштагони тоҷик сакоӣҳои Ҳиён аст ва забонашон бо номи сако-хутанӣ ба гурӯҳи забонҳои Эрони Шарқӣ дохил мешавад, яъне ободкундаи деҳа ва шаҳрҳои инҷо буданд. Бо ақидаи В.Б. Ҳенинг ва Г.Халун роҳи Хитойро дар асрҳои IV-III п.м. суғдҳо кушода буданд ва бахше аз онҳо дар инҷо сукунат ихтиёр карданд. Мувофиқи дасхатҳои суғдӣ аз Турфан ёфтшуда, дар ин ҷо дар солҳои 313-312 п.м. суғдӣҳо дуқонҳои тичоратӣ доштанд. Маркази ғарбии империя шаҳри Чанъанд ҳоло Сияньфу ба забони суғдӣ Хумдон ном дошт ва мо метавонем гӯем, ки асосгузори роҳи тичоратии байналмилалӣ байни Чину Ғарб суғдӣ буданд ва ин мамлакатро Чин ва Чинистон ном мебуданд [4, 8-10].

Таҳқиқотҳои археологӣ нишон медиҳанд, ки дар ҳазораи IV- III-уми пеш аз мелод дар Хванираси авестой, ҳоло Осиёи Марказӣ давлат-шаҳрҳо пайдошуда, байни онҳо робитаҳои маданӣ, забонӣ, динӣ ва тичоратӣ амал менамуданд. Бозёфтҳои Саразм нишон медиҳанд, ки аз Анави-Гургони авестой, мавзеҳои ҷанубу шарқии баҳри Каспӣ, ҳоло дар Туркманистони кунунӣ, Шаҳоди Кирмони Эрон, Қветти Покистон одамон омада аз Саразм хокаи мисро мебуданд, яъне роҳҳои тичоратии байни шаҳрҳои зикр шуда, ки ҳазорҳо километрро ташкил менамуд, обод ва қобили рафу омад буданд [9, 44].

Дар ҳазораи дуҷуми пеш аз мелод дар заминаи шаҳр-давлатҳо, дар Хванирас-Осиёи Марказӣ давлати ягонаи ориётаборон бо номи Каёниён ташкил мешавад. Дар замони Каёниён умумияти фарҳангӣ, забонӣ ва динии ягона бо китоби Авесто дар миёни ориётаборон паҳн шуда буд. Пираҳои Авесто- яштҳо ва готҳо бо забони суғдӣ дар Хутан ёфт шуданд, ки далели робитаҳои динӣ, фарҳангӣ ва забонӣ доштани ин бахши дурдасти Ориёзамин бо ҳамватанони марказии худ: Бохтару Суғд мебошад.

Чӣ тавре маълум аст, Куруши Кабир дар дунё аввалин нафаре буд, ки империяи ҷаҳонӣ сохт, ки 73 қавму халқҳои мухталифи дунё ба он дохил буданд ва идора намудани он робитаи доимиро металабид. Бинобар ин Дороюши Кабир ислоҳоти, маъмурӣ, пулӣ, ҳарбӣ ва роҳҳоро гузаронид, ки аҳаммияти умумибашарӣ

доштанд. Роҳи якум аз Шуш ба воситаи Осиёи Хурд то Кавказу Кимерия (Қрим) Азов мерасид, яъне замини скиф-сақоиҳои соҳили баҳри Сиёхро мепайваст. Роҳи дуюм аз Мефисти Миср то Бохтару Суғду Паракана (Фарғона) ва Хутан мерасид.

Дар ғӯри Пазирики Олтой гилеми замони Хахоманишонро ёфтаанд, ки аз муносибати додугирифтаи марказҳои Осиёи Миёна бо ин ғӯшаҳои дури ориёнишини ғувохӣ медиҳад [2, 20-21].

Дар ҳар фосилаи роҳи якрӯза корвонсаройҳо сохта шуда буданд, ки савдогарон дар онҳо таваккуф намуда, дам гирифта, тиҷорат ва истироҳат менамуданд.

Вожаи почта аз пост, пушта ё худ босбони тоҷикӣ реша мегирад. Барои хабари таъҷилии чопорҳо, яъне хаткашон ё худ қосидҳо буданд, ки аспонро иваз намуда, роҳашонро боз ба дигар манотиқи зарурӣ идома медоданд. Роҳҳо таъмир ва посбонӣ мешуданд.

Мо метавонем бигӯем, ки Дориюши Кабир асосгузори роҳҳои давлатӣ ва инчунин тиҷорати байналмилалӣ буд. Аммо бозёфтҳои археологӣ нишон медиҳанд, ки дар ҳазораи III-II пеш аз мелод роҳи интиқоли фирӯза, лочувард, лаъли Бадахшон ва абрешим вучуд доштанд. Пули Дорой Хахоманишҳо ва забони ориёӣ дар савдо нақши байналмилалӣ мебозид, яъне асосгузори роҳҳои байналмилалӣ ориёӣҳо буданд [3, 101-102].

Акнун чанд суҳан дар бораи пайдо шудани номи матои шохӣ - абрешим, ки пайдоиши онро бо Чин нисбат медиҳанд. Ривоят мешавад, ки император У-Ди ба занаш амр медиҳад, ки дарахти тутро аз ҳашоротҳо пок намояд. Ў кирми сафедеро дар тут мебинад, ки дар ҳолати танидан аст. Кирм ба об меафтад ва торҳои онро малика мегирад ва ба император нишон медиҳад ва сабаби пайдо шудани матои шохӣ дар Чин мешавад. Ин ривоят ба асри дууми пеш аз мелод нисбат дорад [4, 8].

Аммо бозёфтҳои археологӣ аз ғӯристони ориёнишини қадимаи Хутан, Турфан ва ҳавзаҳои рӯди Тарим нишон медиҳанд, ки таърихи пайдоиши матои абрешим ба ҳазораҳои IV - III пеш аз мелод ба замони халколит - мису санг - энеолит ва асри биринҷӣ аввал ҳазораи III пеш аз мелод мерасад.

Солҳои 1980 - 1989 дар ғӯристони Загунлуки назди деҳаи Карорайн ном ҷойи Синзиян - Хутани қадим олимони Франсия ғӯристонеро ҳафтиёт намуданд, ки дар он одамон бо либосашон ғӯронида шудаанд.

Мурдаҳо дар шароити регзамини биёбонӣ мӯмӣ табиӣ шуда, хуб боқӣ мондаанд. Мурдаҳо дар сар қулоҳи нӯгтези ба ғӯрӯҳи қулоҳҳои сақоиҳои Тиграҳуд нисбат дошта доранд. Дигар хусусияти ориёӣ буданашон дар бадан танбон - шалвор доранд.

Азбаски ориёӣҳо ромкунандагонӣ асп мебошанд, барои саворӣ танбон - шалворро ихтироъ намудаанд, ки дигар халқҳо баъдан онро аз мо қабул намудаанд. Сеюм нишона мурдаҳо симои аврупоӣ доранд, яъне бо қиёфаи худ аз муғулнажодони чинию уйғурҳои Синзиян ба қуллӣ фарқ менамоянд.

Доктори илми таърих Гузал Майдинова, ки худ аслан гирем уйғур аст, аз бозёфтҳои Загунлук, ки дар Осорхонаи Синзиян мавҷуданд, дидан намуда, дар бораи зане, ки дар бар либоси шохӣ дорад, аз ҷумла чунин нигоштааст: «Бозёфти соли

1980 аз ғӯристони назди Карорайн тамоми ҷаҳонро ба ҳайрат овард. Зан дар танаш куртаи дароз, камзӯли беостини шоҳӣ дошта, сафедпӯст, ҷашмқалон, мӯйи ҳавло-ранг дорад.

Археологҳо ӯро «Зебои Карорайн» номиданд. Либоси ӯ хуб боқӣ мондааст ва ба ҳазораи IV- III п.м. нисбат дорад.

Ин бозёфт ва бозёфтҳои дигари ин ғӯристон ва дигар ғӯристонҳо имконият медиҳанд, ки сару либоси на танҳо синзияниҳои ориётабор, балки Осиёи Миёнаро барқарор созем.

Чиниён аз сабаби рӯйи ғайричинӣ доштанишон маълумотро дар бораи бозёфтҳо маҳдуд нигоҳ медоштанд. Танҳо соли 1993 олими чинӣ (уйғур) Ғанӣ Саим маълумоти мухтасаре дар бораи бозёфтҳои солҳои 1980-1990 ҷоп намуд, ки онро кашфиёти муҳим дар Синзиян меноманд.

Мавсуф аз ҷумла қайд менамояд, ки соли 1989, 60 км дур аз Карорайн ғӯристони дигар ҳафриёт шуд ва дар он низ ғӯршудагон мӯмиёи табиӣ шуда, либосашон хуб боқӣ мондаанд ва дар пайкари онҳо низ шаш куртаи шоҳӣ ва камзӯли беостин, либосҳои пашмӣ ва пойафзоли ҷармӣ ба қайд гирифта шудаанд ва мувофиқи таҳлили карбонатӣ ба ҳазораи III п.м нисбат доранд.

Соли 1989 дар Зағунлук ғӯрҳоеро пайдо намуданд, ки либосҳои шоҳии онҳо ба охири ҳазораи II ва аввали ҳазораи I п. м. нисбат доранд [5, 70-72].

Яке аз кашфиётҳои муҳим дар пайкари баъзе аз онҳо либоси шоҳӣ, пашмӣ ва пойафзоли ҷармӣ - мукӣ мебошад, ки қадимтарин бозёфти матои шоҳӣ меҳисобанд, ки ба ҳазораи III п.м нисбат дорад.

Аз ҳама муҳиммаш он аст, ки дар инҷо тухми кирми абершимро пайдо намуданд, ки соҳибони ғӯр онро мепарвариданд, пилла истеҳсол менамуданд ва матои шоҳӣ мебофтанд.

Аз ғӯрҳои Зағунлук, кандиз либоси болопӯши шукуҳманди саворӣ -фоҳири дарборӣ, ки давлатмандон онро бештар дар китф менамоянд ва либоси кӯдаконаи гулбурии ранга ва шерозаҳои рангаи бофтаи дар гиребонҳои ҷома, курта ва дигар ороишҳо, миёнбанҳо, кулоҳҳои мухталиф пайдо намуданд.

Донандаи таърихи либосҳои тоҷикӣ, доктори илми таърих, профессор Гузал Майдинова, дар ин бахш мақолае навиштааст, ки дорои аҳамияти муҳим дар бораи таърихи пайдо шудани либоси ориётаборон мебошад. Вай қайд менамояд, ки аз лиҳози тарзи пора ва дӯхт ва намуд либосҳои аз ғӯристонҳои Хутан ёфтшуда ба либосҳои дар бадани пайкаракони бозёфтҳои Ҳазинаи Ому ва либоси замони Ҳахоманишиён монанд мебошанд [5, 2001,71; 6, 16-29] ва ман низ дар бахши этногенези тоҷик аз ин бозёфтҳо ёдоварӣ намуда, расми духтарчаи зардинамӯйи аз ин ғӯристони зикршударо овардаам, ки аслан гирем симои тоҷикӣ дарад [10, 14]

Соли 1992 кормандони Институти таҳқиқоти маводи моддии СУАР ГоҶан Чуян, Жан Шу Чин, Лю Ин Гу ва бостоншинос Анвар Олим дар ғӯристони Субешии Турфан ҳафриёт гузаронида, ба хулосае омаданд, ки маводи ёфтшуда, барои омӯзиши таърихи либоси мардумони Осиёи Миёна аҳамияти басо ҳам қалон доранд. Онҳо аз либосҳои қаблан ёфтшуда фарқ доранд. Як чанд намуди ко-

стюм, аз ҷумла либоси пашмӣ, чармӣ ва пӯстӣ пайдо шуданд. Либоси гӯршудагон аз ҳазораи II то асри VI-I п.м.-ро дар бар мегиранд.

Г. Майдинова низ дар ин хусус зимнан қайд менамояд, ки сохтор ва усули либосҳои пора намудани турфаниҳо хоси мардуми Осиёи Миёна мебошанд ва барои омӯзиши таърихи таҳаввули либоси мардуми Осиёи Миёна сарчашмаи хуб мебошанд [5, 17-26].

Соли 1993 дар ноҳияи Тухсин, деҳаи Иланлик аз гӯрҳо либосҳои хуб боқимондаи шохӣ, пашмӣ ва чармӣ ба даст омадаанд. Муаллифи ҳафриёт Анвар Мамад менависад, ки либосҳо шабеҳи либосҳои субешӣ мебошанд

Соли 1989 дар гӯрҳои пасхамии Тарими рӯди Тюмен пилла ва либоси парча ёфтанд, ки ба охири ҳазораи II п.м. нисбат дорад. Дар инҷо низ либоси шохии якранг ва гулдор пайдо намуданд [6,18-20].

Сохтори либосҳои аз гӯристонҳо Хутан ёфта, тасдиқи худро дар сохтори либоси маликаи Саразм дар меёбем, ки бешубҳа хешу таборӣ ва умумиятии фарҳангии мардумони ориётабори Ориёни Ғарбиро бо мардумони Ориёни Шарқиро нишон медиҳад [6, 23].

Боқимондаи либоси шохиро бостоншиносон дар пайкари гӯршудагони ёдгории кишоварзони Сафолтеппаи водии Сурхондарё пайдо намуданд, ки ба ҳазораи II п.м. нисбат дорад.

Муаллифи ҳафриёт А. Аскарров аз ҷумла чунин менависад; «таҳқиқи торҳои ёфтаи матоъҳои қадим, ки аз абрешими табиӣ тофта ва бофта шудаанд, нишон медиҳанд, ки бошандагони ин диёр шохӣбофии дастиро метавонистанд. Бо ин дахҳо чархҳои гилин ва сангии ба дӯк пайваست мешуда гувоҳӣ медиҳанд. Бошандагони Сафолтеппа аз шохӣ ва пашм ба худ либос мебофтанд [1,134]

Г. Майдинова ватани шохӣ Чинро меҳисобад ва қайд менамояд, ки осори пиллаи сангшудаи ба замони неолит тааллуқ дошта дар Сиинсун музофоти Шансӣ ёфтаанд ва дигарон метавонанд аз он истифода кунанд. [6,27]. Аввал ин, ки осори пиллаи сангшуда дар ёдгории неолит ёфтшуда, маъноӣ онро надорад, ки онро яқум шуда чиниён ихтироъ намуданд, вай метавонад табиӣ бошад. Муҳиммаш пайдо намудани либос дар пайкари мардумони хитойӣ мебошад ва дар адабиёти таърихӣ чунин далел нест. Осори пиллаи сангшуда аз Сиинсун метавонад табиӣ бошад, зеро кирми пилла дар табиат ҳамеша буд ва ин маъноӣ онро надорад, ки чиниён созандаи либоси абрешим бошанд.

Чӣ тавре аз гӯристонҳои ориёнишин маълум мешавад, ҳамаи гӯршудагоне, ки дар пайкари онҳо либоси шохӣ пайдо намуданд, ба мардумони ориётабори ноҳияҳои Хутан нисбатдоранд ва шояд ихтироӣ ин матоъ ба бошандагони ин диёри ориёнишин тааллуқ дорад ва чиниён аз онҳо технологияи коркарди шохиро гирифтаанд.

Дар таърихи қадими тоҷик ихтироӣ хат, асбоби мусиқӣ, дутор, ангубин - асал ва шохиро ба Таҳмураси девбанди Пешдодӣ нисбат медиҳанд.

Бо ривояти «Зайну-л-ахбор»-и Гардезӣ шохӣ сеюми Пешдодӣ Таҳмурас дево-нро дар банд ҳамедошт ва онҳо ба назди ӯ омаданд ва гуфтанд: «То кай моро ба дард хоҳӣ доштан?».

Тахмураc гуфт: «То вақте ки чӯби хушк, зеҳи хушк ба ҳадис ояд ва дарахт чомаи мулк барорад ва бод андар мушт бигирам ва таъоми хуш бихӯрам, ки ўро гов на кишта бошад ва оташ на пухта бошад».

Пас девон танбӯр бисохтанд, гуфтанд: «Инак, чӯб ва зех, ки сухан гӯяд». Ва кирми абрешимро оварданд, ки то бар дарахт абрешим танид ва аз он бигрифтанду битофтанду, бибофтанд ва гуфтанд: «Инак дарахт, ки чомаи мулк ба бор овард», яъне матои шоҳӣ дар назар аст. Ва занбӯри ангубин ниҳоданду гуфтанд: «Инак таъоми хуш, ки бе ранҷи гов ва пухтани оташ биёмад.» Ва ин корҳо се дев карданд: якеро Ҳаштим ном буд, дигареро Адодаро ва сеюмро Вату.»

Албатта, овардаҳои Гардезӣ ба замони хеле қадим, замони Тахмураc – палеолит, мезолит нисбат доранд. Зеро одамони қадим вақте дар ғорҳо мезистанд, асбоби мусиқӣ - дуторро ихтироъ ва дӯхтану бофтан ва кабоб карданро ёд гирифтанд. Занбӯри асали ёбой дар табиат ҳама вақт буд ва одамони қадим аз он огоҳӣ пайдо карда буданд.

Кирми пилла низ аз замонҳои қадим дар табиат мавҷуд буд ва шинохтани онро ба чиниён нисбат додан боварибахш нест, зеро метавонанд дигарон, аз ҷумла, ориётаборони диёри Хутан, Турфан аз он огоҳӣ пайдо намуда, онро хонагӣ карда, шо-яд, ки онҳо шоҳибофиро ба роҳ монда бошанд.

Дар «Форснома» ва «Шоҳнома» ихтирои абрешимро ба Ҷамшед нисбат додаанд. Баъди 50 - соли маъданҳоро аз бар кардан ба абрешиму қазза (пила) абрешим паст ва катон риштан ва бофтан ва ранг кардани он истихроҷ кард ва аз он таҷаммулҳо сохт пӯшидани ва фарш (палос Ю. Я.) ва ғайраҳо.

Дар «Шоҳнома»-и Ҳаким Абулқосими Фирдавсӣ аз ҷумла чунин омадааст:

Дигар панҷаҳ андешаи чома кард,

Ки пӯшанд ҳангоми нангу набард.

Зи каттону абрешиму мӯю қаз,

Қасаб кард пурмоя дебову хаз [7, 1,51].

Дар сарчашмаҳои тоҷикӣ дар ҳеҷ кадом ишора нест, ки абрешим ё худ кирми абрешим аз Чин оварда шудааст.

Аз сарчашмаҳо ривоят аст, ки кирми абрешимро савдогарони Панҷоб пинҳонӣ дар асри II п. м. дар найасо аз Чин ба Бохтар оварданд ва мардумони маҳаллӣ истеҳсоли онро ба роҳ мондаанд [8, 25-26].

Аммо ин ривоят асос надорад, одатан вақте чизеро аз мамлакате меоранд ва қабул менамоянд, номаш бо номи ҳамон мамлакат иртибот дорад, ба монанди «чинӣ», «чойнак», лекин номи кирми пилла, абрешим, шоҳӣ ҳама вожаҳои тоза тоҷикӣ мебошанд ва бозёфтҳои археологии низ аз ғӯристони сакоиҳои Хутан, Донхуани - Синзиан ва Сафолтеппаи Сурхондарё бар меояд, ки матои абрешимро гузаштагони тоҷик ориёӣҳо дар ҳазораҳои IV-III п. м. ихтироъ намудаанд ва ривояти Тахмураc аз ҷониби девон ва Ҷамшед ихтирои шоҳӣ ба ҳақиқати таърихӣ мебошад варна онҳо пайдо намешуданд.

Вожаи русии «шёлк» бошад аз англисии «сикл» ва чинии «сикҳой» аз шоҳии тоҷикӣ иқтибос шудааст.

Вожаи «абрешим» низ тоҷикӣ буда, аз ду бахш: «абр» ва «ши (м)» иборат мебошанд ва «абри сафед-ши(р)» ва «равшан»-ро ифода менамояд.

АДАБИЁТ

1. Аскаров, А. Сапалитепе / А. Аскаров. – Ташкент, 1973. – 173 с.
2. Гафуров, Б. К 2500-летию иранского государства / Б. Гафуров // История иранского государства и культуры. – М., 1971. – 204 с.
3. Дандамаев, М. А. Ахеменидское государство и его значение в истории древнего Востока / М. А. Дандамаев // История иранского государства и культуры. – М.: ГРВЛ, 1971. – С. 94-104.
4. Кляшторный, С. Г. Согдийцы в Центральной Азии / С. Г. Кляшторный, В. А. Лившиц // Формирование и развитие трасс Великого шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье: тез. докл. междунар. семинара ЮНЕСКО. – Самарканд, 1990. – С. 8-10. – 203 с.
5. Майтдинова, Г. М. Древний костюм из могильников Синьцзяна / Г. М. Майтдинова // Проблемы древней и средневековой истории и культуры Центральной Азии / под ред. Г. М. Майтдиновой, Ю. Я. Якубова. – Душанбе, 2003. – С. 70-87.
6. Майтдинова, Г. История таджикского костюма: в 2 т. / Г. Майтдинова. – Душанбе, 2003. – Т. 1. – 276 с.
7. Фирдавсий. Шохнома: Ҷ. 1 / Фирдавсий. – Душанбе, 1964. – 468 с.
8. Яценко, В. П. Греки, Бактрия и шёлк / В. П. Яценко // Формирование и развитие трасс Великого шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье: тез. докл. междунар. семинара ЮНЕСКО (Самарканд, 1-6 окт. 1990 г.). – Ташкент, 1990. – С. 25-26. – 203 с.
9. Якубов, Ю. Признаки города в Саразме / Ю. Якубов // Саразм – начало земледельческой, ремесленной и градостроительной цивилизации таджиков. – Душанбе, 2022. – С. 40-62.
10. Якубов, Ю. Таърихи пайдоиши этноним ва забони тоҷикӣ / Ю. Якубов. – Душанбе, 2018. – 120 с.
11. Якубов, Ю. Торговые пути между городами Северного Тохаристана / Ю. Якубов // Формирование и развитие трасс Великого шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье: тез. докл. междунар. семинара ЮНЕСКО (Самарканд, 1-6 окт. 1990 г.). – Ташкент, 1990. – С. 130-131. – 203 с.

ОРИЁИҶО - АСОСГУЗОРИ РОҶИ БУЗУРГИ АБРЕШИМ

Мақола аз ду бахш иборат аст. Дар бахши аввал далел аз сарчашмаҳо оварда мешавад, ки асосгузори Роҷи бузурги абрешим мардумони ориётабор, аз ҷумла Дориюши Кабир, сугдиҳо, сақоӣҳо буданд, ки дар ҳудуди Осиёи Марказӣ, аз он ҷумла Хутан - Синзиян аз қадимулайём мези-станд.

Дар бахши дуюми мақола далелҳо дар бораи либосҳои шоҳии аз ғурхонаҳои Хутан - Синзиян ҳазораҳои IV - I пеш аз мелод ёфтшудаи сақоӣҳои ориётабор оварда шуда, ихтирои матои шоҳӣ - абреширо ба онҳо нисбат дода мешавад.

Калидвожаҳо: *Роҷи бузурги абрешим, Куруши Кабир, Дориюш, сугдиҳо, сақоӣҳо Хутан, Чин, Синзиян, Осиёи Марказӣ-Хванирас, ғуристони Зағунлук, Субеш, Тарим, бозёфтҳо, либос, курта, камзули шоҳӣ.*

АРИЙЦЫ - ОСНОВАТЕЛИ ВЕЛИКОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ

Статья состоит из двух частей. В первой на основы фактов из источников доказывається, что основателями Великого шелкового пути были арийцами, в том числе Дарии I, согдийцы и саки, которые жили в Центральной Азии-Хванирас и Хутан- Циньцияне с древнейших времён.

Во второй части на основы шелковые одежды найдены из могильников IV-1 тыс. до н.э. сакских племён Хутана ныне Синьцзяна, делается заключение, что авторами создателями шелковой ткани были саки-хутанцы.

Ключевые слова: *Великий шёковый путь, Великий Кир, Дари, согдийцы, саки Центральная Азия-Хванирас, Хутан, Синьцзян, Чин, могильники Загунлук, Субаши, Тарим, находки шелковые одежды, саков, хутанцев.*

ARYANS - FOUNDERS OF THE GREAT SILK ROAD

The article consists of two parts. The first part, based on factual evidence from historical sources, argues that the founders of the Great Silk Road were Aryan peoples, including Darius I, the Sogdians, and the Saka tribes, who had inhabited Central Asia-referred to in ancient times as Khvaniras and Khotan (present-day Xinjiang)-since antiquity.

The second part examines silk garments unearthed from burial sites dating from the 4th to 1st millennia BCE, belonging to the Saka tribes of ancient Khotan (now within modern Xinjiang), and concludes that the creators and early producers of silk fabric were the Saka-Khotanese.

Key words: *Great Silk Road, Cyrus the Great, Darius I, Sogdians, Saka, Central Asia – Khvaniras, Khotan, Xinjiang, China, Zaghunluk burial site, Subashi, Tarim Basin, silk garment discoveries, Saka, Khotanese.*

Сведения об авторе: Юсуфшо Якубов - доктор исторических наук, академик Национальной академии наук Таджикистана, главный научный сотрудник отдела археологии Института истории, археологии и этнографии им А. Дониша НАНТ. Телефон: (+992) 938-77-56-22.

Information about the author: Yusufsho Yakubov- Doctor of Historical Sciences, Academician National Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan Head of the Archeology Department of the Institute of History, Archeology and Ethnography named after A. Donisha NAST. Phone: (+992) 938-77-56-22.

УДК 2-186.4(55)

О ЗОРОАСТРИЙСКОМ КАЛЕНДАРЕ

ХОДЖАЕВА Н. ДЖ.,¹

Институт истории, археологии и этнографии им. А.Дониша НАНТ

История создания зороастрийского календаря имеет длительный период. Начало его создания следует отнести к периоду, когда предки иранских народов перешли к производящему хозяйству, и появилось земледелие. Изначально это был земледельческий календарь, который регулировался точным соблюдением равноденствий, ориентируясь на цикл сельскохозяйственных работ, начиная от времени посадки урожая и заканчивая его сбором. Названия месяцев в этом календаре были связаны с природными явлениями, сельскохозяйственными работами и сезонными праздниками. Так, среди названия месяцев встречаются месяцы сильной весны, сбора чеснока и устойчивого тепла. Это свидетельствует о том, что древние иранцы движение годового цикла воспринимали как естественную смену природных явлений. Постепенно земледельческий календарь был заменен на рели-

^{1 1} Статья написана в рамках проекта «История таджикского народа (III – начало XX века), государственный регистрационный номер 0121TJ1211.

гиозный. Начиная с ахеменидского периода, все расчеты по составлению ежегодного календаря проводились религиозными служителями.

Время и место создания зороастрийской календарной системы неизвестны. В.А. Лившиц полагает, что зороастрийский календарь возник в Восточном Иране или в Средней Азии в первой половине I тыс. до н.э. [8, 320] Существует также точка зрения, что это начало I тыс. до н.э., северо-восточный Иран (территория Афганистана и Таджикистана) [9, 524], то есть Бактрия.

Создание зороастрийского календаря связано с младоавестийской традицией, так как в нем не зафиксирована терминология характерная для «Гат». Существуют точки зрения о том, что зороастрийский календарь сформировался или в ранний ахеменидский [20, 174, 176-177], или в поздний ахеменидский периоды [14,70;19,96]. В «Авесте» не зафиксированы сведения о календарной системе древних иранцев. Первые упоминания о календаре встречаются в надписях ахеменидских царей. О зороастрийском календаре подробно мы узнаем из пехлевийских источников. В разные исторические периоды и в разных регионах календарь имел свое название. Известны древнеиранский (ранний ахеменидский и поздний ахеменидский), парфянский, хорезмийский, согдийский и среднеперсидский (сасанидский) варианты зороастрийского календаря.

Самый ранний древнеиранский календарь появился при правлении Дария I (522-486 гг. до н.э.) [17; 21]. Календарь состоял из 360 дней, где было 12 месяцев по 30 дней [2,42-43]. Отличительной особенностью как древнеиранского, так и последующих календарей, является отсутствие понятия недели. Использовался он только в культовых целях, а при Артаксерксе II (465-434 гг. до н.э.) официально введен и для гражданского летоисчисления. Подобные календарные расчеты были заимствованы из вавилонского циклического календаря. Время заимствования вавилонского календаря неизвестно. Отмечая ежегодные взносы податей Дарию I, Геродот приводит интересные сведения, откуда мы узнаем, что при нем календарь состоял из 360 дней. Так, историк говорит, что из Киликии¹ доставляли 360 белых коней, по одному на каждый день в году (Геродот III. 90) [3]. А. Бируни о 360-дневном календаре древних иранцев пишет: «Я слышал, что персидские цари Пишдадида, – а это те, которые [когда-то] владычествовали над всем миром, пользовались годом в триста шестьдесят дней, по тридцать дней в каждом месяце, без добавления или уменьшения, что они каждые шесть лет дополняли год одним месяцем и называли такой год високосным, а раз в сто двадцать лет [прибавляли] к году два месяца – один из-за добавочных пяти дней, а другой – из-за четверти дня. Они, якобы, почитали такой год, называя его «благословенными», и предавались в течение его делам благочестия и благотворительности» [2, 20, 58].

Вавилонский календарь использовался при Селевкидах и Аршакидах (Парфия).

При Сасанидах зороастрийский календарь уже состоял из 12 месяцев по 30 дней плюс пять дней, то есть 365 дней. Он становится официальным с 226 г. и ис-

¹ Киликия – одна из сатрапий Ахеменидской державы.

пользовался до арабского завоевания в 621 г. Бируни отмечает, что они [персы] определили свой год в триста шестьдесят пять дней и отбрасывали последующие дроби, пока из четверти дня не набиралось, в сто двадцать лет, дней на целый месяц, а из пятой доли часа, которая, по их счету дополняет четверть дня, не накопился один день. И полный месяц они добавляли к году через каждые сто шестидцать лет [2, 19]. Далее он отмечает, что пять добавочных дней персы называли «фанджи» и «андаргах». Эти дни называли также «украденными» и «похищенными», так как они не числились ни в каком месяце [2, 57].

Исследования показали, что все зороастрийские календари были лунно-солнечными [18]. Хотя в «Авесте» и пехлевийских источниках имеются сведения о том, что древние иранцы пользовались лунным календарем [15, 778-779; 18]. Так, в «Мох-яште» говорится о фазах убывающей и растущей луны (Yt. 7. 2, 4) [11,1]. Исследователи отмечают, что в «Денкарде» содержатся комментарии к «Мох-яшту», где упоминаются термины лунного календаря [16; 18]. В.Ю. Крюкова считает, что сохранение следов лунного календаря не противоречит общему лунно-солнечному характеру древнеиранских календарей [7, 488].

Во всех вариантах зороастрийского календаря начало года соответствовало «вхождению Солнца в созвездие Овна», то есть 22 марта, дню весеннего равноденствия [2,59]. Этот день назывался Навруз – «новый день». В «Авесте» это слово не зафиксировано. Впервые оно встречается в пехлевийских источниках как *pōg gōz*. М. Бойс отмечает, что в древности мог существовать «более актуальный» термин *navasard-*, который применялся для обозначения начала астрономического нового года [13, 175, 186].

Итак, как мы отмечали выше, в зороастрийском календаре год состоял из двенадцати месяцев, названных по именам авестийских божеств. Следует отметить, что в авестийских текстах сохранилось только семь названий месяцев, остальные восстановлены по пехлевийским источникам. На достоверность авестийского календаря по пехлевийским источникам указывает правильная грамматическая форма (родительный падеж единственного числа), для авестийских имен, повторяющих оригинальный авестийский образец [18]. Авестийские и среднеперсидские (Bd. 25.7-14) [22; 5] названия месяцев [7, 488-489] в зороастрийском календаре следующие:

1. *Fravašīnaṃ*/Fravardīn – месяц, посвященный душам праведников.
2. *Ašahe wahištahe*/Ardvahišt – месяц, посвященный Аши Вахиште (Амеша Спента).
3. *Haurvatātō*/Xordād – месяц, посвященный Хаурватату (Амеша Спента).
4. *Tištryehe*/Tīr – месяц, посвященный Тиштрии (звезде Сириуса).
5. *Amərətātō*/Amordād – месяц, посвященный Амеретат (Амеша Спента).
6. *Xšaθrahe wairiiehe*/Šahrewar – месяц, посвященный Хшатре Ваирье (Амеша Спента).
7. *Miθrahe*/Mihr – месяц, посвященный Митре.
8. *Āraṃ waṇuhhināṃ*/Abān – месяц, посвященный Водам.
9. *Āθrō*/Adur – месяц, посвященный Огню.

10. Daθušō/Day – месяц, посвященный Создателю (Ахура-Мазде).

11. Waṇhəuš manāṇō/Wahman – месяц, посвященный Воху Мане (Амеша Спента).

12. Spəntayā ārmatōiš/Spandārmad – месяц, посвященный Спента Армаити (Амеша Спента).

Таким образом, из двенадцати месяцев три месяца посвящены божествам – Ахура-Мазде (10-й месяц), Тиштрии (4-й месяц) и Митре (7-й месяц), шесть месяцев посвящены Амеша-Спента («Бессмертные Святые») (2-й, 3-й, 5-й, 6-й, 11-й и 12-й месяцы), один месяц – душам праведников (фравашаи) (1-й месяц), два месяца – природным стихиям: воде (7-й месц) и огню (8-й месяц).

Подобная логика перечисления месяцев объясняется тем, что в древности зороастрийский календарный год начинался так же, как и в последующие эпохи, в день весеннего равноденствия и был связан, с одной стороны, с культом предков, с другой с праздником возрождающейся после зимнего периода природы, тогда месяц Fravašīnaṃ/Fravardīn находится на стыке зимы и весны. Об этом свидетельствует традиция, неоднократно зафиксированная и сохранившаяся в Иране до сих пор, где Новый год празднуется в день весеннего равноденствия [7, 489].

Название каждого месяца соответствовало его характерной особенности. Об этом свидетельствует «Наврузнаме» Омар Хайама. Так, месяц Фарвардин – это месяц начала роста растений. В этом месяце солнце находится в созвездии Овна.

Месяц Урдубихишт – это месяц середины весны. Солнце в этом месяце находится в созвездии Тельца.

Месяц Хурдад кормит людей пшеницей, ячменем и плодами. Солнце в этом месяце находится в созвездии Близнецов.

Месяц Тир является первым месяцем лета. В этом месяце Солнце находится в созвездии Рака, и его кульминация начинает понижаться.

Месяц Мурдад характеризуется тем, что плоды и фрукты созрели. Это месяц середины лета. Солнце в этом месяце находится в созвездии Льва.

Месяц Шахривар отличается обилием доходов. В этом месяце крестьянину легче платить налоги. Это последний месяц лета. Солнце в этом месяце находится в Весах.

Месяц Абан характеризуется пребыванием воды вследствие начинающихся дождей. Солнце в этом месяце находится в Скорпионе.

Месяц Азар (пехл. «огонь»). Становится холодно, люди нуждаются в огне. Это месяц огня. Солнце в этом месяце находится в созвездии Стрельца.

Месяц Дай (пехл «дьявол»). Он суров. Это первый месяц зимы. Солнце находится в Козероге.

Месяц Бахман холодный и сухой. Солнце в этом месяце вместе с Сатурном находится в Водолее и близко к Козерогу.

Месяц Исфандармуз (от пехл асфанд – «плод») характеризуется тем, что в этом месяце начинают прорасти плоды и растения. Солнце в этом месяце достигает последнего созвездия – созвездия Рыб [10, 27-28].

Еще одной отличительной особенностью зороастрийского календаря является, то, что названия имеют не только месяцы, но и дни месяца. Согласно зороастрийской доктрине, каждый день является частью месяца, и поскольку считается, что время движется по линейной шкале, существует вера в начало и определенный конец времени. Таким образом, зороастриец с каждым годом приближается к конечной цели – «Сотворению чудес», когда все творение будет восстановлено в совершенном состоянии. Время, каким мы его знаем, перестанет существовать, и мир наполнится абсолютной добротой, радостью, покоем и светом. Первый день месяца (Ормуздруз) сольется с 30-м днем Бесконечного Света (Анеранруз) в единый вневременный момент, в результате полного уничтожения зла в этом мире. Семь творений, состоящих из неба, воды, земли, растений, скота, человека и огня, будут восстановлены в бессмертном состоянии. И это будет полный триумф Ормузда.

Бируни отмечает, что среди персов нет разногласия относительно названия дней, а также и насчет названия каждого месяца, и они расположены [всегда] в одном порядке [последовательности] [2, 43]. Название дней, как и месяцев, в зороастрийском календаре имеет большое религиозное значение для древних иранцев. Они демонстрируют классификацию и иерархию божеств авестийского пантеона и устанавливают порядок исполнения богослужения, молитв и религиозных традиций. Каждый месяц и день имеют своего ангела, духа-покровителя или божество, в честь которого они названы [6, 195]. Каждый месяц состоял из 30-ти дней и главным праздником месяца был день, посвященный тому же божеству, что и весь месяц.

Впервые порядок из 30 имен язатов¹, соответствующих названиям дней, встречается в «Ясне» (Y. 16.3-6). Первый день посвящен Ахура-Мазде, затем шесть дней посвящены Амеша-Спентам, тем самым, образуя вместе с первым днем семидневный блок. Далее идут еще три блока: один из семи дней и два из восьми. Каждый из блоков начинается «днем Творца», то есть Ахура-Мазды, которому посвящается четыре дня месяца. Последние блоки включают по дополнительному восьмому дню, положение которых фиксировано по отношению к месяцу. Второй семидневный блок месяца посвящен язатам природных явлений, третий – язатам морали, суда и заступничества, последний язатам личного воздаяния. Данная последовательность сохранилась во всех календарях иранского мира, а именно в парфянском, сасанидском, согдийском и хорезмийском календарях. Все названия, как мы отмечали выше, происходят из авестийских имен, стоящих в родительном падеже. Авестийские и среднеперсидские названия [7,491-492] в зороастрийском календаре следующие:

1. Ahurahe mazdā/Ohrmazd – день, посвященный Ахура-Мазде, верховному Божеству авестийского пантеона.

2. Wan̥həuš manānō/Wahman – день, посвященный Воху Мане-Благому Помыслу (Амеша Спента).

¹ Язаты (авест. «почитаемые») – особый вид божеств, приближенных к Ахура-Мазде.

3. Ašahe wahištahe/ardwahišt – день, посвященный Аше Вахиште-Истине Наилучшей (Амеша Спента).
4. Xšaθrahe wairiiehe/Šahrewar – день, посвященный Хшатре-Ваирье-Власти Желанной (Амеша Спента).
5. Spəntaiiā āmatōiš/Spandārmad – день, посвященный Спента Армаити-Святому Благочестию (Амеша Спента).
6. Haurwatātō/xordād – день, посвященный Хаурватату-Целостности (Амеша Спента).
7. Aməratātō/Amordād – день, посвященный Амеретату-Бессмертию (Амеша Спента).
8. Daθušō¹/Day-pad-ādur – день, посвященный Создателю «при Огне».
9. Āθrō/ādur – день, посвященный Огню.
10. Āraṃ waṇuhhinam/Abān – день, посвященный Благим Водам.
11. Hwarəxšaētahe/Xwar – день, посвященный Солнцу.
12. Mānhahe/Māh – день, посвященный Луне.
13. Tištryehe/Tīr – день, посвященный Тиштрии (звезде Сириус), божеству дождей.
14. Gəuš (urune) /Goš (urwān) – день, посвященный Душе Быка², богине покровительнице скотоводства.
15. Daθušō/Day-pad-mihr – день, посвященный Создателю (при Митре).
16. Miθrahe/mihr – день, посвященный Митре, божество договора и согласия.
17. Sraošahe/Srōš – день, посвященный Сраоше, божеству послушания.
18. Rašnaoš/rašn – день, посвященный Рашну, божеству справедливости и правосудия.
19. Frawašinam/Frawardīn – день, посвященный Фраваши – душам умерших праведников (предков).
20. Wərəθraynahe/Wahrām – день, посвященный Веретрагне, божеству войны и победы
21. Rāmanō/Rām – день, посвященный Раману, божеству лугов и пастбищ.
22. Wātahe/Wād – день, посвященный Ветру.
23. Daθušō/Day-pad-dēn – день, посвященный Создателю (перед Верой).
24. Daēnaiiā/Dēn – день, посвященный Вере.
25. Ašōiš waṇhuiiā/Ard – день, посвященный Аши, богине возмездия и счастья.
26. Arštātō/aštād – день, посвященный Арштат, богине правды и справедливости.
27. Ašnō/asmān – день, посвященный Небу.
28. Zəmō/zamyād – день, посвященный Земле.
29. Maθrahe spəntahe/Māraspand – день, посвященный Святому Слову (Мантре)¹.

¹ *Датуш* – один из эпитетов Ахура-Мазды.

² В «Гатах» *геуш Урван* – олицетворение самого скота. В «Младшей Авесте» – женское божество, одно из божеств-покровителей скотоводства («Yt.» 9, 8, 11). Имеет второе имя – Дрваспа.

30. Апауранам гаосаһам/angrān – день, посвященный Бесконечному Свету².

Итак, из перечисленных названий дней месяца, тринадцать дней посвящены божествам (1-й, 3-й, 13-й, 14-й, 15-й, 16-й, 17-й, 18-й, 19-й, 20-й, 21-й, 25-й, 26-й дни) шесть дней – Амеша Спента (2-й, 3-й, 4-й, 5-й, 6-й, 7-й дни), четыре дня – небесным светилам (11-й, 12-й, 27-й дни), три дня – природным стихиям (9-й, 10-й, 22-й дни), по одному дню посвящены, душам умерших праведников (19-й день), Вере (24-й день), Земле (28-й день), Святому Слову (29-й день) и Бесконечному Свету (30-й день).

Выше мы отмечали, что если название дня совпадает с названием месяца, такой день считается праздником. Так, 13 день каждого месяца называется тир, четвертый месяц года также называется тир. День тир в месяце тире считается праздничным днем, посвященным воде, и связан с выполнением определенных церемоний. Поскольку в каждом месяце есть день, название которого совпадает с названием месяца, всего таких дней насчитывается 12 [12, 513].

Пять «дополнительных» дней – «ангардах» были посвящены фравашаи. Следует отметить, что в разных вариантах календаря эти дни назывались по-разному. И прибавлялись к разным месяцам: в древнеиранском и согдийском вариантах – к концу года, в среднеперсидском одно время – к восьмому месяцу, затем – концу года, в хорезмийском отсутствовали, относительно парфянского сведений нет. Ввиду разницы между продолжительностью календарного годового цикла (365 суток) и реального астрономического (365 $\frac{1}{4}$ суток)³, начало «зороастрийского» года сдвигалось каждые 4 года на 1 день, за 120 лет, следовательно, на месяц, - поэтому, для приведения календарного и астрономического годовых циклов в соответствие, в среднеперсидском варианте календаря 1 раз в 120 лет вводился дополнительный «високосный» год [8, 321; 4, 63; 9, 526]. Это было проблематично для зороастрийских богословов, так как возникало несоответствие между календарем и празднованием Навруза, которое совпадало с днем весеннего равноденствия, то есть «вхождением Солнца в созвездие Овна» [8, 322].

Таким образом, разные способы введения «високосного» месяца и учета «дополнительных» пяти дней – «андаргах» к 360 приводили к тому, что зороастрийские религиозные праздники совпадали по дням месяца во всех вариантах календарных систем. Однако они приходились на разные даты. Кроме того, один и тот же вариант календаря мог не совпадать в разных областях и в разные периоды. Подобные несовпадения приводят к путанице по определению исторических событий. По этому поводу И.В. Рак справедливо отмечает: «Поэтому датировки исторических событий, основанные на упоминаниях в древнеиранских источниках

¹ В «Гатах» Мантра Спента – воздействующее Слово Ахура-Мазды, тождественное «благим словам» в триаде зороастрийской этики («благие мысли, благие слова, благие дела») и «праведному учению», то есть зороастрийской религии (Y. 28.11; 29.7). В «Младшей Авесте» и среднеперсидской традиции к Мантра Спента/Мараспанд относятся также молитвы и заклинания, произносимые жрецами во время проведения ритуалов.

² Согласно зороастрийской мифологии Анаграмм Раучама/Анагран – четвертая, верхняя сфера, космического пространства, где обитает Ахура Мазда (Y. 40.10; 12. 25-37; 13.57; Yt. 22.15; Bd. 1.25; 44.8).

³ Зороастрийский календарь был короче астрономического на шесть часов.

дат этих событий по «зороастрийскому» календарю, во многих случаях не являются абсолютно надежными» [9, 527].

ЛИТЕРАТУРА

1. Авеста в русских переводах (1861-1996) / сост., общ. ред., примеч., справ. раздел И. В. Рака. – СПб.: Журнал «Нева»; Летний сад, 1998. – 480 с.
2. Бируни, Абу Рейхан. Избранные сочинения. Т. I / Абу Рейхан Бируни. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1957. – 485 с.
3. Геродот. История в девяти томах / пер. и примеч. Г. А. Стратановского. – Л.: Наука, 1972. – 600 с.
4. Дорошенко, Е. А. Зороастрийцы в Иране (Историко-этнографический очерк) / Е. А. Дорошенко. – М.: ГРВЛ изд-ва «Наука», 1982. – 133 с.
5. Зороастрийские тексты. Суждения Духа Разума (Дадестан-и меног-и храд). Сотворение Основы (Бундахишн) и другие тексты / изд. подгот. О. М. Чунаковой. – М.: Восточная литература РАН, 1997. – 352 с.
6. Иностранцев, К. А. Материалы из арабских источников для культурной истории Сасанидской Персии. Приметы и поверья / К. А. Иностранцев. – СПб.: Тип. Импер. Академии наук, 1907. – 124 с.
7. Крюкова, В. Ю. Древний Иран / В. Ю. Крюкова // Календарные праздники Древнего Востока: исследования и тексты. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2023. – С. 477-509.
8. Лившиц, В. А. «Зороастрийский» календарь / В. А. Лившиц // Бикерман Э. Хронология Древнего мира. – М.: ГРВЛ, 1975. – С. 320-332.
9. Рак, И. В. Древнеперсидская и «зороастрийская» календарные системы / И. В. Рак // Мифы древнего и раннесредневекового Ирана. – СПб.; М.: Журнал «Нева»; Летний сад, 1998. – 560 с.
10. Хайём, У. Наврӯзнама / У. Хайём. – Душанбе: Адиб, 2012. – 352 с.
11. Avesta. – URL: <http://titus.uni-frankfurt.de/texte/etsc/iran/airan/avesta/avest.htm> (дата доступа: 17.09.2024).
12. Boyce, M. On the Calendar of Zoroastrians Feats / M. Boyce // BSOAS. – 1970. – Т. 33, № 3. – P. 513-539.
13. Boyce, M. A History of Zoroastrianism / M. Boyce. – Leiden – Köln: E. J. Brill, 1975. – Vol. I. – 347 p.
14. Boyce, M. Zoroastrians: Their Religious Beliefs and Practices / M. Boyce. – New York: Routledge, 2002. – 252 p.
15. Hartner, W. Old Iranian Calendars / W. Hartner // The Cambridge History of Iran. – Cambridge: Cambridge University Press, 1985. – Vol. II. – P. 714-792.
16. Malandra, W. W. SRAOŠA / W. W. Malandra // *Encyclopædia Iranica*, online edition. – 2014. – URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/sraosa> (дата доступа: 24.09.2024).
17. Marquart, J. Untersuchungen zur Geschichte von Iran. – URL: <https://archive.org/details/UntersuchungenZurGeschichteVonEranI.21896/page/n5/mode/2up> (дата доступа: 22.09.2024).
18. Panaino, A.; Abdollahy, R.; Balland, D. Calendars. I. Pre-Islamic Calendars / A. Panaino, R. Abdollahy, D. Balland // *Encyclopædia Iranica*, online edition. – 1990. – URL: <https://iranicaonline.org/articles/calendars#prettyPhoto> (дата доступа: 23.09.2024).
19. Parise, F. Ancient Calendars / F. Parise // *The Book of Calendars: Conversion Tables for Ancient, African, Near Eastern, Indian, Asian, Central American and Western Calendars*. – Piscataway (NJ, USA): Gorgias Press, 2002. – P. 1-123.
20. Stern, S. Calendars in Antiquity: Empires, States and Societies / S. Stern. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – VIII + 457 p.
21. Taqizadeh, S. H. Old Iranian Calendars. – London: The Royal Asiatic Society, 1938. – URL: <https://archive.org/details/old-iranian-calendars/page/n11/mode/2up> (дата доступа: 22.09.2024).

22. The Bundahis, Bahman-Yasht [Pahlavi], and Shâyast [and: Appendix to the Bundahis: Selections of Zâdspram, brother of Dastûr Pârs and Kirmân, A.D. 881] / Transl. by E. W. West. – Oxford: University Press, 1880. – 434 p. – Part I, Ch. I–IX (Paraphrase of Bundahis I–XVII) – (SBE, vol. 5).

О ЗОРОАСТРИЙСКОМ КАЛЕНДАРЕ

История формирования зороастрийского календаря охватывает длительный исторический период. Начало его создания следует отнести к эпохе, когда предки иранских народов перешли от присваивающего к производящему хозяйству, и зародилось земледелие. Изначально календарь имел чисто земледельческий характер, отражая циклы сельскохозяйственных работ и природных явлений.

Со временем этот земледельческий календарь был постепенно заменён религиозным, что свидетельствовало о возрастании роли духовной и жреческой традиции в общественной жизни. Начиная с ахеменидского периода, все расчёты, связанные с составлением ежегодного календаря, осуществлялись жрецами-зороастрийцами.

Точное время и место возникновения зороастрийского календаря остаются неизвестными. Известно лишь, что зороастрийская календарная система неоднократно подвергалась реформам в разные эпохи, отражая как астрономические наблюдения, так и изменения в религиозной практике.

Все указанные вопросы подробно рассматриваются в данной статье.

Ключевые слова: зороастрийский календарь, месяцы, дни, Авеста, Бундахшин, земледельческий календарь, религиозный календарь, праздники, традиции.

ДАР БОРАИ ТАҚВИМИ ЗАРДУШТӢ

Таърихи тадвини тақвими зардуштӣ давраи тӯлониро фаро мегирад. Оғози хилқати онро бояд ба давроне нисбат дод, ки аҷдоди мардумони эронӣ ба иқтисоди тавлидӣ рӯй оварданд ва кишоварзӣ пайдо шуд. Дар ибтидо ин як тақвими кишоварзӣ буд. Ба тадриҷ тақвими кишоварзӣ ба тақвими динӣ иваз гардид. Аз давраи Ҳахоманишиён ҳамаи ҳисобҳо барои таҳияи тақвими солона аз ҷониби рӯхониён анҷом мешуд. Замон ва маҳалли тадвини тақвими зардуштӣ маълум нест. Низоми тақвими зардуштӣ борҳо ислоҳ шудааст. Ҳамаи ин масоил дар ин мақола мавриди баррасӣ қарор гирифтаанд.

Калидвожаҳо: тақвими зардуштӣ, моҳҳо, рӯзҳо, Авеста, Бундахшин, тақвими кишоварзӣ, тақвими динӣ, идҳо, анъанаҳо.

ABOUT THE ZOROASTRIAN CALENDAR

The history of the formation of the Zoroastrian calendar spans a long period. Its origins can be traced back to the time when the ancestors of the Iranian peoples transitioned to a productive economy and the practice of agriculture emerged. Initially, it served as an agricultural calendar, reflecting the seasonal cycles and the rhythm of farming life.

Over time, this agricultural calendar was gradually transformed into a religious one, marking the increasing influence of spiritual and ritual traditions on everyday life. Beginning with the Achaemenid period, all calculations related to the preparation of the annual calendar were carried out by Zoroastrian priests.

The exact time and place of the creation of the Zoroastrian calendar remain unknown. However, it is evident that the calendar system underwent multiple reforms throughout its history, reflecting both astronomical observations and changes in religious practice.

All these aspects are analyzed and discussed in this article.

Key words: Zoroastrian calendar, months, days, Avesta, Bundahishn, agricultural calendar, religious calendar, holidays, traditions.

Сведения об авторе: Ходжаева Наргис Джомиевна - доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела древней, средневековой и новой истории Института истории, археологии и этнографии Национальной академии наук Таджикистана. Адрес: Республика Таджикистан, 734025, г. Душанбе, пр. Рудаки, 33. Тел.: (+992) 918 64 91 85; E-mail: rangha@mail.ru

Information about the author: Khojaeva Nargis Jomievna - Doctor of History, Leading Researcher of the Department of Ancient, Mediaeval and New History of the A.Donis Institute of History, Archaeology and Ethnography, National Academy of Sciences of Tajikistan. Address: Republic of Tajikistan, 734025, Dushanbe, 33 Rudaki Ave. Tel.: Тел.: (+992) 918 64 91 85; E-mail: rangha@mail.ru

УДК 94(55)"0821/0833"(092)

АБДУЛЛОҲ ИБНИ ТОҲИР ВА ТАҚВИЯТИ ҲУКУМАТИ ТОҲИРИЁН ДАР ХУРОСОНИ БУЗУРГ¹

КАМОЛ Ҳ.,

Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониш

Маъруфтарин ҳокими Тоҳириён пас аз поягузори давлати Тоҳириён -Тоҳир ибни Ҳусайн, марди доно ва додгар Абдуллоҳ ибни Тоҳир аст, ки пас аз падараш Тоҳир ибни Ҳусайн ва бародараш Талҳа ибни Тоҳир сеюмин ҳокими сулолаи Тоҳириён ба шумор меравад. Абдуллоҳ ибни Тоҳир ва пеш аз он ки ҳокими Хуросони Бузург таъйин гардад, дар фуру нишонидани нооромиҳо дар вилоятҳои ошӯбхези хилофат нақши калидӣ ифода карда, дар дарбори хилофати Бағдод то сатҳи шахсияти мунҳасир ба фард иртиқоъ ёфт ва аз сипаҳсолорони муваффақи хилофат маҳсуб гардид.

Маъмун ҳангоми бар сари хилофати Бағдод нишастан, Абдуллоҳ ибни Тоҳирро раиси шуртаи Бағдод таъйин намуда, идораи Ҷазираро ба уҳдаи Яҳё ибни Маоз вогузор намуд. Соли 206 ҳ.қ. / 821-822 Яҳё ибни Маоз вафот кард ва қабл аз вафоташ писари худ Аҳмадро ҷонишин васият кард, вале Маъмун ӯро азл намуда, Абдуллоҳ ибни Тоҳирро аморат дод ва Раққа ва навоҳии атрофи онро низ ба ихтиёри ӯ супорид. Пас Абдуллоҳ ибни Тоҳирро бар зидди душмани худ Наср ибни Шабас, ки аҷдоди ӯ аз сипоҳиёни бани Умийя буданд, сафарбар намуд.

Тибқи ахбори Ибни Асир Маъмун қабл аз фармони худро содир намудан, Абдуллоҳ ибни Тоҳирро ба назди худ даъват намуда, гуфт, ки «Эй Абдуллоҳ, ман аз як моҳ пеш, балки бештар истихора мекардам, ки касеро амири он диёр таъйин намоям. Акнун Худованд туро барои ин кор ихтиёр фармуда, ки ман умедвор ҳастам, ки чунин бошад... Ман салоҳ дар ин дидам, ки туро амири Миср таъйин намоям ва ҷанги Ибни Шабасро ба уҳдаи ту вогузорам» [9, 305].

Абдуллоҳ қабл аз ба Раққаву Миср рафтаниш, писари амми худ Исҳоқ ибни Иброҳим ибни Ҳусайн ибни Мусъабро ба ҷойи худ раиси шаҳрбории (шуртаи) Бағдод таъйин намуд [9, 305].

¹ Мақола дар асоси лонҳаи «Таърихи халқи тоҷик (асри III – аввали асри XX)», рақами қайди давлатӣ 0121ТJ1211 навишта шудааст.

Азбаски Маъмун ба уҳдаи Абдуллоҳ ибни Тоҳир чунин масъулияти муҳимро вогузор кард, падараш, Тоҳир ба ӯ нома навишта, барои идораи давлат ва танзими умури мулки ба ӯ супоридашуда, масоили андозсупорӣ, муносибат бо умарову мардум ва ғайра дастуру машваратҳои зарурӣ дод. Ин номаро Тоҳир пас аз шаш моҳи ба Хуросон омадан унвонии писараш Абдуллоҳ нигошт, ки ба ҷанги Наср ибни Шабас мерафт [5,4972]. Таърихномаҳои садаҳои миёна матни ин номаи Тоҳир ибни Ҳусайнро ба писараш Абдуллоҳ бо худ ҳамл карда, то рӯзгори мо расонидаанд. Тоҳир ин номаро чун дастуруламале дар умури идории давлат ва кишвар ба писараш навиштааст. Номаи Тоҳир ба писараш Абдуллоҳ «миёни муаррихин

ва удабо бисёр маъруф аст ва дар ҳадди хеш назири он андарзҳо ва пандҳоест, ки ба подшоҳони бузурги Эрон нисбат додаанд, монанди аҳди Ардашер ва аҳди Анӯшервон ва ҷуз он ва ин номаро баҳраҳои бисёр дар ахлоқу ҳукмронӣ ва сиратҳои некуст» [14, 127].

Дар ин нома Тоҳир ба писараш насиҳат мекунад, ки аз осори гузаштагони порсо сар мапечад, аз адолат нисбат ба мардум ва хешу бегона дар бораи он чи писанд ва ё нописанди ӯст, малолат наёрад; ҳеҷ касро аз амале, ки ба ӯ месупорад, аз он пеш, ки кори вайро маълум дорад, тухмат назанад, зеро тухмат задан ба бегуноҳон ва бадгумонӣ нисбат ба онҳо гуноҳ аст; суханчинон ва дурӯғгӯёнро уқубат кунад, зеро нахустин табоҳӣ дар кори давлату кишвар, тақарруб додани дурӯғпардоз аст; захираву ганҷҳо бояд некӣ, парҳезгорӣ, беҳбудии раият, ободии вилоят, ҳифзи ҷамоат ва кумак ба дармондагон бошад; гуноҳеро сабук магирад; ба ҳасуд дил мабанад; ба бадкор раҳм ва ба душман мудоро макунад; фосикро ба кор мағуморад ва пайрави гумроҳ машавад; ҳеҷ касро ҳақир машуморад; аз ваъда таҳаллуф макунад; бо тарсу бим аз зolim дармагузарад; бо фақеҳон машварат бисёр кунад ва хештанро бо ҳилм водор намояд; аз мардуми хирадманд, соҳибраёӣю ҳикматпеша панд бигирад ва мардуми бахилу тангдилро дар машварати хеш даҳолат мадиҳад [5, 4972-4982].

Тоҳир дар номаи худ ба писараш Абдуллоҳ маслиҳат медиҳад, ки дар масъалаи андозситонӣ ниҳоят эҳтиёткор бошад, ситонидани онро аз рӯи инсоф ва адолат ба роҳ монад ва ба дороёну нодорон яксон муносибат намояд. Ӯ ба Абдуллоҳ таъкид менамояд, ки агар молу сарват зиёд гардад ва онро дар ҳазинаҳо захира намояд, он ҳеҷ фоида ва самара намеорад, вале агар он барои рушду нумӯ, салоҳи кори раият ва рафъи ниёзҳои мардум, аз қабилӣ беҳбудии кишоварзӣю ободии кишвар равона гардад, он афзунӣ ёфта, мояи фаровонии неъмат мешавад ва даромад зиёд мегардад, ки он боиси осоиши моддиву маънавии мардум хоҳад гашт. Агар бо ҳамин шева рафтор намояд, неъмат пайдор гашта, дар умури хирочситонӣ ва гирдоварии амвол аз раият фармонравоят тавонотар мегардад ва ин эҳсону рафторат майли мардумро ба ҷонибат зиёд менамояд ва онҳо фармонхоятро беҳтар пайравӣ карда, ба ҳар чӣ ирода кунӣ, онро бо кушодарӯӣ ва ризомандӣ мепазиранд [1, 623; 9, 311-312; 8, 375; 12, 4976]. Дар ҷойи дигар ба ин масъала рӯ оварда, таъкид менамояд, ки агар ҳирс ва озорро пеша гирифта, тамаъкор бошад, чунин шева пешаи ту мегардад, ки бисёр бигириву кам бидиҳӣ ва ин кор оқибат бар зара-

рат тамом хоҳад шуд. Бидон, ки агар ҳарис бошӣ, корат он қадар пеш намеравад ва агар аз амволи раият чашм пӯшида, ба онҳо ситам нақунӣ, дилбастаи ту мешаванд [1, 624; 9, 313-314; 12, 4977].

Тоҳир дар мавриди назорати бочу хироч ва молиёту ойидот таъкид менамояд, ки бочу хироч ва молиёту ойидот, ки раият мустақиман мепардозад, онро бояд хуб ниғаҳ дорад ва дар тақсими хироч ва додгарӣ роҳи адолат пеш гирад, ҳеч фарқе барои ашрофу кормандон ва ҳешону наздикони худ мағузорад, балки ҳамаро яксон бидонад, ҳаргиз беш аз андозаи зарурат мол маситонад. Беш аз он чи таҳаммулпазир бошад, мағирад ва тақлифи саҳт манеҳад, мардумонро ба ҳаққи ҳолис водор кунад, ки ин ҳамагишонро маҳфуз медорад ва ризои ҳамагонро фароҳам мекунад [1, 626; 9, 315-316; 12, 4979].

Вақте аз муҳтавои ин номаи Тоҳир ба писараш Абдуллоҳ халифаи Аббосӣ Маъмун хабар ёфт, «фармон дод, ки онро дар нусхаҳои бисёре истинсоҳ кунанд» [1,631] ва «дастур дод, ки онро ба ҳама омилон дар навоҳии амал бинависанд» [5,4982].

Ибни Халдун эътироф мекунад, ки «ин некутарин дастурест, ки дар бораи сиёсати иҷтимоии башарӣ бар он даст ёфтам» [1,631].

Матни комили номаи Тоҳир ба писараш Абдуллоҳ дар асарҳои Табарӣ, Ибни Асир ва Ибни Халдун оварда шудааст [1,618-630; 5,4973-4982; 9,305-321].

Соли 205 ҳ.қ. / 820-821 волии Миср Сарӣ ибни Муҳаммад вафот кард ва писараш Абдуллоҳ ибни Сарӣ бар зидди Маъмун исён оғоз карда, аз итоати ӯ саркашӣ намуд. Маъмун Абдуллоҳ ибни Тоҳирро барои сарқубии Ибни Сарӣ ба Миср фиристод. Ҳангоми ба Миср наздик шудан, Абдуллоҳ ибни Тоҳир барои ба сипоҳиёнаш маҳалле интиҳоб намудан, яке аз фармондеҳонашро пеш фиристод. Ибни Сарӣ гирдогирди Миср хандақ қанда буд. Ӯ хабари расидани он фармондеҳро шунида, бо гурӯҳе аз низомиёни худ аз хандақ берун омад ва байни онҳо ҷанги шадид сар зад. Даре нагузашта Абдуллоҳ ибни Тоҳир низ бо лашкари худ ба он ҷо расид. Ибни Сарӣ дар ин набард мағлуб гардида, бо сипоҳиёнаш ба Миср фирор намуд.

Ибни Сарӣ дохили Миср шуда, дарвозаҳои шаҳрро баст. Абдуллоҳ шаҳрро ба муҳосира гирифт ва ниҳоят Ибни Сарӣ маҷбур шуд, ки таслим шавад. Ба қавли Табарӣ ин воқеа соли 210 ҳ. қ./ 825-826 рӯй дода буд [12, 5000-5001]. Ибни Асир ва Фасеҳи Ҳавофӣ менависанд, ки Абдуллоҳ ибни Тоҳир соли 211 ҳ.қ. / 826-827 Ибни Сариро назди Маъмун фиристод [10, 27; 16, 319].

Дар ин айём Абдуллоҳ ибни Тоҳир тибқи фармони Маъмун бар зидди яке аз умарои араб Наср ибни Шабас, ки муҳолифи Маъмун буд, ба Кайсум лашкар кашид. Байни онҳо набардҳои шадид сар зад, ки он панҷ сол тӯл кашид. Дар натиҷа соли 210 ҳ.қ. / 825-826 Наср ибни Шабас таслим гашт ва Абдуллоҳ қалъаи Кайсумро вайрон намуда, Наср ибни Шабасро ба назди Маъмун фиристода, ҳудаш ба Раққа баргашт [2, 460; 6, 480; 16, 317]. Ҳамин тавр Абдуллоҳ ибни Тоҳир соли 206 ҳ.қ./821-22 ҳокими Сурия ва соли 210 ҳ.қ./825-26 ҳукмрони Миср буд [14,31]. Соли 211 ҳ.қ./826-827 Абдуллоҳ ворида Бағдод гашт.

Ҳангоме ки Абдуллоҳ ибни Тоҳир ба сарқубии Ибни Сарӣ машғул буд, як гурӯҳ муҳочирон бо пешвои худ Абуҳафс аз ҷониби Андалус бо киштиҳо омада,

Искандарияи Мисрро зери тасарруфи худ оварданд. Абдуллоҳ пас аз мағлубияти Ибни Сарӣ вориди Миср шуда, ба назди андалусиён намояндаи худро фиристода, талаб намуд, ки ба ӯ итоат намоянд, дар акси ҳол омодаи набард бошанд. Онҳо дархост карданд, ки бо амон хориҷ мешаванд ва ба яке аз навоҳии Рум, ки аз вилоятҳои ислом набошад, бираванд. Онҳо Искандарияро тарк намуда, бо иҷозати Абдуллоҳ ибни Тоҳир ба ҷазираи Иқритиш (Крит)-и Рум рафта, дар он ҷо иқомат намуданд [10, 24; 12, 5003-5004].

Дар ин миён баъзе аз бародарон ва хешони Маъмун ба ӯ гуфтанд, ки Абдуллоҳ ибни Тоҳир ҳаводори Алӣ ибни Абутолиб аст ва падараш Тоҳир ҳам аз ҳаводорони Алӣ буд. Маъмун ба гуфтаи онҳо бовар накард ва шахси парҳезкореро даъват намуда, дастур дод, ки ба Миср рафта, бо Абдуллоҳ ибни Тоҳир вохӯрда, аз нияту андешаи ӯ огоҳ шавад. Ниҳоят пас аз гуфтугузор ва саволу ҷавоби зиёд он марди парҳезкор ба ҳулосае омад, ки Абдуллоҳ ибни Тоҳир ба Маъмун содиқ аст ва назди халифа баргашта, ҳулосаи худро ба ӯ баён намуд. Маъмун хеле хурсанд шуд ва гуфт, ки ин ниҳолро ман бо дасти худам шинонда, тарбия намудаам [10, 27-28; 12, 5006-5007].

Тобистони соли 828 хабари марги Талҳа ибни Тоҳир ба бародараш Абдуллоҳ ибни Тоҳир, ки дар Бағдод буд, расид. Аммо халифаи Аббосӣ, Маъмун дар фиришодани Абдуллоҳ ба ҳукумати Хуросони Бузург тасмим намегирифт.

Маъмун соли 214 ҳ.қ. /829 Муҳаммад ибни Ҳамиди Тусиро бо сипоҳе бар зидди Бобаки Хуррамдин ба мантақаи ошӯбзададаи Озарбойҷон фиристод ва ин сипаҳсолор дар моҳи рабеъулаввали соли 214 ҳ.қ./ май-июни соли 829 дар ҷанги Бобаки Хуррамдин кушта мешавад ва Табарӣ дар зимн менависад, ки Бобак ўро ба қатл расонд ва «сипоҳашро бишкаст ва гурӯҳи бисёр аз онҳоро, ки ҳамроҳи вай буданд, бикушт... ба рӯзи шанбеи панҷ рӯз монда аз моҳи рабеъулаввал (2 июни соли 829)» [12, 5741].

Маъмун баъд аз ин руҳдод Абдуллоҳ ибни Тоҳирро ба ҳукумати навоҳии Ҷибол, Арманистон ва Озарбайҷон баргузида, ўро фармондеҳи сипоҳ ба ҷанги Бобак таъйин мекунад [12, 5741] ва ба қозиёну омилон амр медиҳад, ки зери фармони ӯ бошанд. Ба ин далел Абдуллоҳ бародари дигараш Алӣ ибни Тоҳирро ба ҷойнишинии худ дар ҳукумати Хуросони Бузург мансуб намуда [3, 299], ба набарди Бобак ба Динавар омада [6, 485; 12, 5011-5012], бо амри Маъмун дар Динавар ба ҷамъ намудан ва таҷҳизи лашкар барои мубориза бар зидди Бобаки Хуррамдин машғул гардид.

Бино ба хабари Динаварӣ Абдуллоҳ ибни Тоҳир баъд аз он ки ба дастури Маъмун озими набарди Бобаки Хуррамдин шуд, «дар беруни шаҳри Динавар, дар ҷойе, ки то имрӯз ба қасри Абдуллоҳ ибни Тоҳир маъруф ва Токистон машҳур аст, урду зад, сипас аз он ҷо ҳаракат кард ва худро ба Баз расонд ва дар он ҷанг кори Бобак боло гирифта буд... Абдуллоҳ бо сипоҳиёнаш бо ӯ пайкор карданд, вале коре аз пеш набурданд ва Бобак ҷамъи эшонро пароканда сохт ва сарони сипоҳи Абдуллоҳ ибни Тоҳирро кушт» [4, 444-445].

Ин замон аз Нишопур хабар расид, ки хаворич дар Хуросон аҳли як деҳро дар наздикии Нишопур қатли ом намудаанд ва бародари Абдуллоҳ, Алӣ ибни Тоҳир,

ки ҷойнишини ӯ дар умури идории Хуросон буд, дар ин набард бо хориҷиён кушта шудааст. Маъмун оромии Хуросони Бузургро муҳимтар дониста, Абдуллоҳро барои дафъи хаворич ба ин кишвар фиристода, идораи Динаварро ба уҳдаи Алӣ ибни Ҳишом вогузор намуд [3, 299].

Замони ҳукумати кӯтоҳмуддати Алӣ ибни Тоҳир дар Хуросони Бузург бо ҷанги хориҷиён гузашт. Баъд аз марги пешвои хориҷиёни Хуросон Ҳамзаи Хориҷӣ, хориҷиён Буисҳоқи Иброҳим ибни Умайр ва сипас Абдурахмон ибни Язеъро раҳбари худ баргузиданд. Алӣ ибни Тоҳир дар муддати кӯтоҳи ҳукумати хеш ба набарди хориҷиён пардохт, аммо дар задухӯрде бо онҳо дар наздикии Нишопур кушта шуд. Баъд аз ӯ Муҳаммад ибни Ҳамиди Тоҳирӣ, ки дар замони Талҳа ҳазонадори ӯ буд, фармондеҳии сипоҳро дар ҷанг бо хориҷиён ба уҳда гирифт [3, 299], аммо натавонист дар муқобила бо хориҷиён кореро анҷом диҳад. Ин буд, ки хориҷиён рустоҳои Нишопур ва атрофи онро ғоратида, ба оташ кашида, занону кӯдаконро қатли ом карданд. Ин хабарҳои нохушоянд ба зудӣ ба Бағдод расид ва ҷуноне ки зикр шуд, Маъмун ногузир Абдуллоҳро барои ором кардани вазъи Хуросони Бузург ба он ҷониб фиристод ва аз он ба баъд Абдуллоҳ ибни Тоҳир мустақиман идораи ҳукумати Хуросони Бузургро ба дӯш гирифт.

Абдуллоҳ моҳи раҷаби соли 215 ҳ.қ./август-сентябри соли 830 ба Нишопур омада, муқаддимаи лашкари худро бо даҳ ҳазор сипоҳӣ бо сардории Азиз ибни Нух барои дафъи хаворич фиристод [2,463; 3, 299; 10,42-43]. Абдуллоҳ бар зидди хаворич муборизаи беамон бурда, билохира онҳоро аз Хуросони Бузург берун намуд. Ӯ Нишопурро маркази давлати худ қарор дода, кӯшиш намуд, ки бо дароят Хуросони Бузургро аз тобеияти хилофат озод намояд. Абдуллоҳ ҳам мисли падару бародари худ ҳарчанд расман ноиби халифаҳо буд ва қисмате аз андозҳои ҷамъовардашударо ба онҳо мефиристод, вале дар асл ӯ вилоятҳои зертобеи худро мустақилона идора мекард ва аз вазъи мамлакат ба ҳокимияти марказӣ гузориш наметод.

15 раҷаби соли 218 ҳ.қ. / 9 августи соли 833 Маъмун вафот кард [5, 5040] ва бародараш Муътасим ба хилофат нишаст. Муътасим нисбат ба Абдуллоҳ ибни Тоҳир хусумат меварзид ва сабаб он буд, ки Ҳангоми ҳоҷиби Маъмун будани Абдуллоҳ, Муътасим бо ҷанде аз ғуломони худ дар новакӣ ба дари Маъмун омад. Аммо Абдуллоҳ ба ӯ иҷозат надод, ки дар ин бевакӣ бо ҷандин ғулом ба ҳузури халифа бор ёбад ва хоҳиши ӯро рад кард. Муътасим аз ин амал нисбат ба ӯ кудурат варзид. Маъмун аз ин воқеа хабардор гашт, ҳардуро ба назди худ даъват карда, ошӣ дод [3,300], вале бо вучуди ин Муътасим аз Абдуллоҳ ранчидахотир буд.

Муътасим бо вучуди ин ки ранчише аз Абдуллоҳ дошт ва наметавонист ин амири нерумандро аз ҳукумати Хуросони Бузург барканор созад, бинобар ин маҷбур шуд ҳукумати ӯро дар Хуросони Бузург дигарбора тайид кунад.

Абдуллоҳ ҳанӯз соҳиби заминҳои зиёде дар Ироқ буд, ки аз онҳо даромади Ҳануфте мегирифт ва ҳамчунон ҷанд шуғли расмӣ дар Ироқ дошт, аз ҷумла раёсати шаҳнағони Бағдод. Аммо боз ҳам Муътасим дар қасди аз миён бардоштани Абдуллоҳ буд ва ба назди ӯ канизаке бо дастори заҳролуде фиристода, таъкид намуд, ки Ҳангоми бо Абдуллоҳ мулоқот намудан, ин дасторро ба ӯ диҳад, то пайкари

худро бо он пок намояд. Канизак чун ба хонаи Абдуллоҳ омад, мафтунӣ шахсияти мунҳасир ба фарди Абдуллоҳ ибни Тоҳир гашт ва содиқона ба ӯ он розро ифшо намуд. Абдуллоҳ аз ин ба баъд дар муносибат бо Муътасим эҳтиёткорона амал мекард [3,300]. Ӯ боре ба дабири худ Исмоил гуфт, ки ӯ мақсади ба ҳаҷ рафтавро дорад. Исмоил чун хусумати Муътасим нисбат ба Абдуллоҳро медонист, ба ӯ гуфт, ки ту шахси ниҳоят оқилӣ ва бояд аз ин кор даст кашӣ. Абдуллоҳ ба дабириаш гуфт: «Рост гуфти. Аммо ман туро озмудам» [3, 300; 7, 266-267].

Соли 219 ҳ.қ. / 834 Муҳаммад ибни Қосим ибни Алӣ, ки аз наберагони имом Ҳусайн буд, дар Толиқон даст ба исён зад. Ӯ ҳамроҳи гурӯҳе аз пайравони худ аз Куфа ба Марв омада, тавонист пайравони зиёдеро гирди худ ҷамъ оварад. Сипас, ба Толиқон рафт ва дар он ҷо пайравонаш мардумро бо шиори «ар-Ризо мин Оли Муҳаммад» ба исён даъват карданд ва ҷамоате онҳоро дастгирӣ намуданд. Абдуллоҳ ибни Тоҳир қисме аз лашкари худро бо фармондеҳии Ҳусайн ибни Нух ба ҷанги онҳо фиристод, аммо ин сипоҳ шикаст хӯрд. Абдуллоҳ ногузир шуд ва сипоҳи дигареро бо фармондеҳии Нух ибни Ҳайён ба ҷанги Муҳаммад ибни Қосим ирсол намояд. Дар ҷанд набарде, ки миёни сипоҳи Абдуллоҳ ва Муҳаммад ибни Қосим рух дод, размандагони сипоҳи Абдуллоҳ ба саҳтӣ сипоҳи Муҳаммад ибни Қосимро шикаст доданд ва онҳо ба шаҳри Нисо ақиб нишастанд.

Маъмурони Абдуллоҳ ибни Тоҳир паноҳгоҳи Муҳаммад ибни Қосимро дар Нисо кашф карда, ӯро дастгир намуда, ба Нишопур оварданд. Чун Муҳаммад ибни Қосим ибни Алӣ, чуноне ки зикр шуд, аз наберагони имом Ҳусайн буд, ба ин далел Абдуллоҳ ӯро мучозот накард ва баъд аз се моҳи боздошт дар Нишопур, Муҳаммад ибни Қосимро пинҳонӣ ба назди Муътасим фиристод. Муътасим ӯро дар кохи худ зиндонӣ кард, вале ба Муҳаммад ибни Қосим муяссар гардид, ки шабона аз он ҷо фирор намояд [6, 496; 12, 5063-5064; 16, 328].

Соли 224 ҳ.қ. / 838-839 дар Табаристон Мозиёр ибни Қоран, писари амири Табаристон исён бардошт. Мозиёр ибни Қоран бо Абдуллоҳ ибни Тоҳир муносибати душманона дошт ва барои ӯ хироч намефиристод. Ӯ мегуфт, ки ман хирочи худро танҳо барои Муътасим мефиристам. Муътасим ҳар сол яке аз намояндагони худро ба Табаристон ирсол медошт, то хирочро аз Мозиён бистонанд ва онро ба вакили Абдуллоҳ ибни Тоҳир супоранд, то онро ба Хуросон барад. Миёни Абдуллоҳ ва Мозиёр оташи фитна боло гирифт. Мозиёр исён бардошта, хирочи зиёд ҷамъоварӣ намуд ва амволи бисёреро ба даст овард. Ӯ бори Омул ва Сорияро вайрон сохта, мардумашро ба асирӣ гирифт ва ба марзи Ҷурҷон наздик шуд. Мардуми Ҷурҷон бимнок шуда, қисме ба Нишопур фирор намуданд. Абдуллоҳ ибни Тоҳир амми худ Ҳасан ибни Ҳусайнро бо лашкари сершумор барои Ҳифзи Ҷурҷон фиристод [2,481-482].

«Халифа, - менависад Маръашӣ, - маншур фиристод, ки Мозиёр ҳозир шавад. Ӯ тааллул (баҳоначӯӣ) намуд ва аз Омул ба Рӯён омад... ва бо мардум зулму тааддӣ зиёд кард, то аз дорулхилофат амире, ки мураббии Мозиёр буд, ходими хоси худро ба Табаристон фиристода, Мозиёр дар Рӯёну Мозандарон ҷамъият ҷамъ кард ва фармуд атҳои халифаро биёранд. Аз эшон эҳтироми зиёд кард. Қозии Омул ва Рӯёнро равонаи дорулхилофат кард. Қузот чун ба хидмати халифа расид,

аз эшон ҳоли Мозиёрро пурсид. Дар зоҳир исломи ўро арза доштанд, дар пинҳон қозии Омул назди Яҳёи Аксам, ки қозии Бағдод буд, бирафт ва хубси (палидии) ақидат ва қуфри Мозиёр ва зулми ўро тақрир карда, гуфт: «Бар ҳамон ойини оташпарастист». Қозӣ ин суҳан ба халифа гуфт. Чун халифа ба ғазви Рум мерафт, ваъда дод, ки баъд аз хатми кори Рум таклифи ўро муайян хоҳад кард» [15, 64].

Ҳамдуллоҳи Муставфӣ дар мавриди ба ойини ниёкони хеш - зардуштия муътақид будани Мозиёр менависад, ки Мозиёр ибни Қоран ҳокими Табаристон ба наҳзати Бобаки Хуррамдин таваҷҷуҳ дошту ба ҷонибдорӣ ӯ ҷомаҳои сурх ба бар карданд, алайҳи хилофати араб исён намуд [18, 318].

Афшини Ҳайдар чун аз рақобатҳои Мозиёр бо Абдуллоҳ ибни Тоҳир хабар ёфт, умедвор шуд, ки ин боиси қанор задани Абдуллоҳ аз ҳукумати Хуросон хоҳад шуд ва ба Мозиёр номаҳо мефиристод, ки халифаи Аббосӣ ўро ваъдаи вилоятдорӣ Хуросон додааст. «Ва ин Мозиёрро бар он дошт, ки ба по хост ва муҳолифат овард ва хироч надод ва ҷиболи Табаристон ва атрофии онро гирифт. Ва ин аз ҷумлаи чизҳо буд, ки Афшинро хурсанд мекард ва ба кори вилоятдорӣ умед меод» [5, 5142].

Ибни Халдун ба ин назар аст, ки чун Афшини Ҳайдар хуруҷи Бобаки Хуррамдинро хомӯш кард ва «дар назди Муътасим мақоми арҷманд ба даст овард, тамаъ дар аморати Хуросон бааст ва ҷунон пиндошт, ки шӯриши Мозиёр василае барои даст ёфтан ба он диёр (Хуросони Бузург) бошад. Ин буд, ки ба истимолати Мозиёр пардохт ва ўро бар душмани Абдуллоҳ ибни Тоҳир ҳар чӣ бештар барангехт, то Мозиёр хилоф ошкор кунад ва алами туғён бардорад ва Муътасим ўро (Афшини Ҳайдарро) барои фуру нишонидани фитна ба Хуросон фиристад ва ӯ бад-ин васила бар Хуросон истило ёбад» [2, 482].

Аммо бар хилофи он чӣ Афшини Ҳайдар интизор дошт, халифаи Аббосӣ - Муътасим ҳокими Хуросони Бузург Абдуллоҳ ибни Тоҳирро ба ҳарби Мозиёр фиристод, ки дар натиҷа ин наҳзатро фуру нишонд ва Мозиёр асир афтод [15, 654; 18, 318].

Масъудӣ менависад, ки баъд аз асир афтодани Мозиёр «иқрор кард, ки Афшин бо вай дар бораи мазҳаби санавӣ ва маҷус ҳамсуҳан буда ва ўро ба хуруҷ ва туғён водоштааст» [11, 474].

«Дар ҳизонаи Мозиёр ибни Қоран, - менависад Қазвинӣ, - номаи Афшин ёфтанд, ки бад-ӯ навишта буд, ки ман дар ин мазҳаби писандида (зардуштия) бо ту муттафиқам. Биё то ба мадади ҳамдигар ин расму дини аъробро барандозем» [18, 318].

Баъд аз асир афтодани Мозиёр бино ба хабари муаллифи «Таърихи Табаристон» Абдуллоҳ ибни Тоҳир ба Мозиёр гуфт, ки «ман шафеи ту мешавам, то (халифа) аз тақсири ту бигзарад. Мозиёр гуфт: «Иншоаллоҳ узри ту хоста шавад». Абдуллоҳро аҷиб омад, ки ба чӣ тамаъ узри ман меҷӯяд? Гуфт бистоти шароб густурданд, косаҳои гарон бад-ӯ паймуд, то масту лоиақл шуд.

Абдуллоҳ аз ӯ пурсид: «Имрӯз ба лафзи шумо рафт, ки узри ту бихоҳам, агар маро мустаҳзар гардонӣ, нишот афзунтар хоҳад шуд». Мозиёр гуфт: «Рӯзе чанди дигар тӯро маълум гардад». Абдуллоҳ илҳоҳ (тақозо) намуд ва савганд ёд кард.

Мозиёр сарпӯш аз сирри худ бардошт ва гуфт: «Ману Афшини Ҳайдар ибни Ковус ва Бобак бо якдигар аҳд кардем, ки давлат аз араб бистонем ва ба хонадони Касро (Сосониён) нақл кунем. Парерӯз дар фалон маҳал қосиди Афшин расид, ки дар фалон рӯз Муътасимро бо фарзандон, ки Мутаваккил ва Восиқанд, ба меҳмонӣ ба хонаи худ мебарам ва ҳалок мекунам». Абдуллоҳ ӯро ба ҳолати мастӣ бигузорида ва аҳволро назди халифа Муътасим бинвишт» [15, 65-66].

Абдуллоҳ ибни Тоҳир Мозиёрро ба Сомарро фиристод ва ба дастури халифа Муътасим ӯро тозиёнаи зиёд заданд ва дар баробари Бобаки Хуррамдин баъди шикастагӣ зиёд ба дор овехтанд [15, 65; 18, 318].

Ин воқеа соли 225 ҳ.қ. / 839-840 рух дода буд [12, 5141-5164]. Фасеҳи Ҳавофӣ низ инро тасдиқ менамояд [16, 335]. Аммо воқеаи ғавти Мозиёрро Яъқубӣ соли 226 ҳ.қ. / 840-841 ва Гардезӣ соли 227 ҳ.қ. / 841-842 мешуморанд [3, 153; 6, 503].

8 рабеъулаввали соли 227 ҳ.қ. / 26 декабри 841 халифаи Аббосӣ -Муътасим вафот кард ва дар ҳамин рӯз бо писараш Ҳоруни Восиқ байъат карданд [13, 5961]. «Дар аҳди ӯ (Восиқ),-менависад Муставфӣ, -Абдуллоҳи Тоҳир волии Хуросон буд. Бародараш Мусъаб бо ӯ дарнамесохт. Восиқ ҳар дуру ширкат дод ва Мусъабро фармуд хидмати ӯ кунад» [17, 320].

Абдуллоҳ ибни Тоҳир бо часорат дар замони се халифаи Аббосӣ фаъолият намуд, кӯшиш ба ҳарч дод, ки бо халифаҳои Аббосӣ муносибати ҳасана дошта бошад ва байни онҳо муҳолифат сар назанад. Дар баробари ҳокими Хуросони Бузург будан, ӯ бо дастури халифаҳо чун сарлашқари ботачриба барои сарқубии муҳолифони онҳо вазифа иҷро мекард. Дар муддати ҳукмронии худ Абдуллоҳ ибни Тоҳир иқтидори давлатро таҳким бахшид, барои густариши қаламраваш сипоҳиёне алайҳи туркон ба фаросӯи Амударё ва кӯҳистони ҷанубу ғарби Хуросони Бузург фиристод ва вилоятҳои зертобеъро мустақиман идора мекард. Хуросони Бузург дар замони фармонравоии Абдуллоҳ шукуфо шуда, пойтахти он Нишопур масири рушду тараққӣ мепаёмуд, ки ин амр мояи рашқи ҳасудон мегашт.

Абдуллоҳ ибни Тоҳир бо он ки номи халифаро дар хутбаи намози ҷумъа меовард ва ҳар сол бахше аз хирочи Хуросони Бузургро ба дарбори ҳилофат мефиристод, аммо ба халифа иҷозати даҳолат дар умури дохилии Хуросони Бузургро намедод.

Таърихнигорони садаҳои миёна бо сароҳат навиштаанд, ки баъд аз Тоҳир ибни Ҳусайн маъруфтарин намоёнҳои ин хонадон Абдуллоҳ ибни Тоҳир аст, ки аз худ на танҳо лаёқати ғавқулодаи фармондеҳии сипоҳро таборуз дода, исёнҳои зиёдеро дар қаламрави ҳилофат фурӯ нишонда, Хуросони Бузургро комилан ором сохта буд, инчунин чун риҷоли сиёсӣ садди маҳқама барои марзу буми Хуросони Бузург дар баробари Аббосиён қарор дошт. Дар ин маънӣ Яъқубӣ мегӯяд: «Абдуллоҳ ибни Тоҳир Хуросонро ҷунун муназзам ва рому ором карда буд, ки ҳеҷ кас ҷунун тавфиқе наёфта буд ва ҳамаи билоди Хуросон ба фармони вай даромада ва беихтилоф ҳукми ӯро гардан ниҳоданд» [6, 508].

Ба сабаби истикрори ҳукумат ва ҳарос аз аксуламали Абдуллоҳ ибни Тоҳир халифаи Бағдод иқдоми душманонае алайҳи Тоҳириён дар Хуросони Бузург анҷом намедод. Табарӣ ривоят мекунад, ки халифаи Аббосӣ Муътасим ба ҳангоми

марг ба писараш Абуисҳоқи Муътасим чунин васият кард: «Абдуллоҳ ибни Тохирро ба кораш вогузор ва таҳрикаш макун» [5, 5039]. Ҳатто талошҳои Афшини Ҳайдари Усрушанӣ, ки назди халифаи Аббосӣ мақому манзалати арчманде дошт ва барои расидан ба ҳукумати Хуросони Бузург кӯшишҳо мекард, бесамар анҷом ёфтанд.

Халифаи Аббосӣ Муътасим замоне ки Сомарроро бунёд кард, соли 220 ҳ.қ./835 аз шаҳри пурошӯбу пурфитнаи Бағдод ба он ҷо маркази хилофатро интиқол дод. Аз соли 224 ҳ.қ./838-39 то соли 276 ҳ.қ. /889-90 ҳудуди панҷоҳ сол ду мақоми бузург - соҳиби шуртаи Бағдод (қасе, ки аз ҷониби халифа дар Бағдод ҳукумат мекард) ва фармондеҳи сипоҳи Бағдод ба дасти намояндагони хонадони Тохириён, аз ҷумла Абдуллоҳ ибни Тохир буд [14, 32].

Абдуллоҳ ибни Тохир 11 рабеъулаввали соли 230 ҳ.қ. [13, 5970] / 26 ноябри соли 844 дар синни 47-солагӣ, пас аз 14 соли ҳукумат дар Нишопур аз олам даргузашт. Дар он замон Хуросони Бузург, вилояти Рай, Табаристон, Кирмон ва Ироқ зери итоати ӯ буд. Илова бар он Абдуллоҳ ибни Тохир раиси кулли шуртаи Бағдодро ба уҳда дошт [6, 507; 10, 181; 13, 5213-5214; 16, 341] ва ӯ дар Хуросони Бузург ҳам ҳоким ва ҳам сипаҳсолор буд [10, 181; 13, 5214].

АДАБИЁТ

1. Абдурраҳмон ибни Халдун. Муқаддимаи Ибни Халдун. Ҷ. 1 / Абдурраҳмон ибни Халдун; мутарҷим Муҳаммад Парвини Гунободӣ; таълиқот ва тасҳеҳу ҳавошӣ аз Нурмуҳаммад Амиршоҳӣ. – Душанбе, 2019. – 688 с.
2. Абузайд Абдурраҳмон ибни Муҳаммад Ибни Халдун. Ал-Ибар. Таърихи Ибни Халдун. Ҷ. 2 / Абузайд Абдурраҳмон ибни Муҳаммад Ибни Халдун; тарҷумаи Абдулмуҳаммад Оятӣ. – Чопи дувум. – Техрон, 1383 ҳ.х. – 966 с.
3. Абусаъид Абдулҳай ибни Заҳҳок ибни Маҳмуди Гардезӣ. Зайну-л-аҳбор / таҳқиқи Абдулҳай Ҳабибӣ. – Чопи аввал. – Техрон: Дунёи китоб, 1363 ҳ.х. – 665 с.
4. Абуҳанифаи Динаварӣ. Аҳбору-т-тивол / аз арабӣ тарҷумаи Маҳмуд Меҳдавии Домғонӣ. – Чопи чаҳорум. – Техрон, 1383 ҳ.х. – 448 с.
5. Абуҷаъфар Муҳаммад ибни Ҷарири Табарӣ. Таъриху-р-русули ва-л-мулук. Китоби 7 / мутарҷим Абулқосими Поянда; таҳрир, тасҳеҳ ва таҳқиқи умумӣ аз Нурмуҳаммад Амиршоҳӣ. – Душанбе, 2014. – 726 с. (С. 4465-5177).
6. Аҳмад Исоҳи Яъқубӣ (Ибни Возеҳи Яъқубӣ). Таърихи Яъқубӣ. Ҷ. 2 / мутарҷим М. Оятӣ. – Техрон: Интишороти илмӣ ва фарҳангӣ, 1382 ҳ.х. – 644 с.
7. Бартольд, В. В. Средняя Азия до XII века // Сочинения. Т. 1. – Москва, 1963. – С. 238-385.
8. Ғафуров, Б. Ғ. Тоҷикон: таърихи қадимтарин, қадим, асри миёна ва давраи нав. – Душанбе: Нашриёти муосир, 2020. – 976 с.
9. Ибни Асири Ҷазарӣ. Таърихи комили бузурги ислом ва Эрон. Ҷ. 16 / аз арабӣ тарҷумаи А. Халилӣ ва А. Ҳолат. – Техрон: Муассисаи матбуоти илмӣ, 1371 ҳ.х. – 328 с.
10. Ибни Асири Ҷазарӣ. Таърихи комили бузурги ислом ва Эрон. Ҷ. 17 / аз арабӣ тарҷумаи А. Халилӣ ва А. Ҳолат. – Техрон: Муассисаи матбуоти илмӣ, 1371 ҳ.х. – 302 с.
11. Масъудӣ, Абулҳасан Алӣ ибни Ҳусайн. Муруҷу-з-заҳаб. Ҷ. 2. – Техрон: Илмӣ ва фарҳангӣ, 1357 ҳ.х. – 772 с.
12. Муҳаммад ибни Ҷарири Табарӣ. Таърихи Табарӣ. Ҷ. 13 / тарҷумаи А. Поянда. – Чопи панҷум. – Техрон: Асотир, 1375 ҳ.х. – С. 5517-5931.
13. Муҳаммад ибни Ҷарири Табарӣ. Таърихи Табарӣ. Ҷ. 14 / тарҷумаи А. Поянда. – Чопи панҷум. – Техрон: Асотир, 1375 ҳ.х. – С. 5945-6366.
14. Нафисӣ, С. Таърихи хонадони Тоҳирӣ. – Техрон, 1335 ҳ.х. – 420 с.

15. Сайид Захируддин ибни Сайид Насируддини Маръашӣ. Таърихи Табаристон ва Рӯён ва Мозандарон / муҳаққиқ ва мусаххӯҳ М. Тасбеҳӣ. – Теҳрон: Муассисаи матбуоти Шарқ, 1345 х.х. – 394 с.
16. Фасеҳи Хавофӣ. Мучмали Фасеҳӣ / муқаддима, тасхӯҳ ва таҳқиқи Сайид Муҳсини Ночии Насрободӣ. Ҷ. 1. – Теҳрон: Асотир, 1386 х.х. – 436 с.
17. Ҳамдуллоҳи Муставфӣ. Таърихи гузида / муҳаққиқ ва мусаххӯҳ А. Навоӣ. – Чопи севум. – Теҳрон: Амир Кабир, 1364 х.х. – 816 с.
18. Ҳамдуллоҳи Муставфӣ Қазвинӣ. Таърихи гузида / бо муқобилаи чандин нусха ба замимаи фаҳорис ва ҳавошӣ А. Навоӣ. – Теҳрон: Интишороти Амир Кабир, 1387 х.х. – 816 с.

АБДУЛЛАХ ИБН ТАХИР И УСИЛЕНИЕ ПРАВЛЕНИЯ ТАХИРИДОВ В ВЕЛИКОМ ХОРАСАНЕ

В данной статье автор рассматривает деятельность одного из самых мудрых, справедливых и известных правителей династии Тахиридов – Абдуллаха ибн Тахира. Он был третьим правителем государства после своего отца Тахира ибн Хусайна, основателя династии, и брата Талхи ибн Тахира.

До назначения наместником Великого Хорасана Абдуллах ибн Тахир, по распоряжению халифа, занимал ряд ответственных должностей. В 206 г. х./821-822 г. он был назначен губернатором Ракки и Сирии, а в 210 г. х./825-826 г. – правителем Египта. В эти годы он сыграл ключевую роль в подавлении беспорядков, вспыхнувших в различных областях халифата.

Создавая масштабы возложенной на сына ответственности, Тахир ибн Хусайн через шесть месяцев после прибытия в Великий Хорасан направил ему обширное письмо. В нём он изложил наставления и советы по вопросам государственного управления, налогообложения, регулирования доходов и расходов, а также по взаимоотношениям с эмирами и населением.

Средневековые исторические источники сохранили полный текст этого письма. Оно представляет собой важнейший документ административной мысли эпохи, отражающий принципы управления и этические установки династии Тахиридов. Автор статьи комментирует это письмо, опираясь на свидетельства средневековых хронистов.

После смерти Талхи ибн Тахира, правителя Великого Хорасана, 15 июня 828 года, по указу халифа власть над областью была передана Абдуллаху ибн Тахиру. Однако халиф аль-Ма'мун не спешил направить его в Хорасан, в связи с чем Абдуллах временно поручил управление своему брату Али ибн Тахиру.

Недолгое правление Али ибн Тахира оказалось омрачено восстанием хариджитов, в одном из сражений с которыми он пал под Нишапуром. После этих событий Абдуллах ибн Тахир лично прибыл в Хорасан в месяце раджаб 215 г. х. (август–сентябрь 830 г.). Он энергично боролся с хариджитами и, в конце концов, изгнал их из региона.

Абдуллах ибн Тахир сделал Нишапур столицей своего государства. Несмотря на то что он упоминал имя халифа в пятничной хутбе и ежегодно направлял в Багдад часть налоговых поступлений, фактически он сохранял полную независимость в управлении Хорасаном и не допускал вмешательства халифа во внутренние дела своей державы.

Ключевые слова: Тахириды, Тахир ибн Хусайн, Абдуллах ибн Тахир, Маъмун, Али ибн Тахир, Ибн Сари, Великий Хорасан, Нишапур, Сирия, Ракка, Египет, Искандария.

АБДУЛЛОҲ ИБНИ ТОҲИР ВА ТАҚВИЯТИ ҲУКУМАТИ ТОҲИРИЁН ДАР ХУРОСОНИ БУЗУРГ

Муаллиф дар ин мақола роҷеъ ба марди доно, додгар ва маъруфтарин ҳокими Тоҳириён пас аз поягузори давлати Тоҳириён - Тоҳир ибни Хусайн, Абдуллоҳ ибни Тоҳир сухан мекунад, ки пас аз падараш Тоҳир ибни Хусайн ва бародараш Талҳа ибни Тоҳир сеюмин ҳокими сулолаи Тоҳириён ба шумор меравад.

Абдуллоҳ ибни Тоҳир пеш аз он ки ҳокими Хуросони Бузург таъйин шавад, бо фармони халифа соли 206 х.қ./821-22 ҳокими Раққа ва Сурия, соли 210 х.қ./825-26 ҳукмрони Миср таъйин шуда буд ва инчунин дар паҳш кардани ошӯбоҳо дар қаламрави хилофат нақши калидӣ мебозид.

Азбаски Маъмун ба уҳдаи Абдуллоҳ ибни Тоҳир чунин масъулияти муҳимро вогузор кард, падараш, Тоҳир ибни Ҳусайн пас аз шаш моҳи ба Хуросон омадан, ба ӯ нома навишта, барои идораи давлат ва танзими умури мулки ба ӯ супоридашуда, масоили андозсупорӣ, муносибат бо умарову мардум ва ғайраҳо дастуру машваратҳои зарурӣ дод.

Таърихномаҳои садаҳои миёна матни пурраи номаи Тоҳир ибни Ҳусайнро ба писараш Абдуллоҳ дар худ хифз карда, то рӯзгори мо расонидаанд. Тоҳир ин номаро чун дастуруламале дар умури идории давлат ва кишвар ба писараш навиштааст, ки муаллифи мақола онро бар мабной манобеи таърихӣ шарҳу тавзеҳ медиҳад.

15 июни соли 828 ҳокими Хуросони Бузург Талҳа ибни Тоҳир вафот кард ва бо маншури халифа ҳукумати ин сарзамин ба Абдуллоҳ ибни Тоҳир дода шуд. Аммо халифаи Аббосӣ, Маъмун дар фиристодани Абдуллоҳ ба Хуросони Бузург ачала намекард. Аз ин рӯ Абдуллоҳ бародараш Алӣ ибни Тоҳирро ҷойнишини худ дар умури идории Хуросони Бузург таъйин кард. Замони ҳукумати кӯтоҳмуддати Алӣ ибни Тоҳир дар Хуросони Бузург бо ҷанги хоричиён гузашт, ки дар натиҷа дар яке аз набардҳо дар наздикии Нишопур Алӣ ибни Тоҳир кушта шуд. Баъд аз ин ҳодиса Абдуллоҳ моҳи раҷаби соли 215 х.қ. / август-сентябри соли 830 ба Нишопур омада, бар зидди хавориҷ муборизаи беамон бурда, билохира онҳоро аз Хуросони Бузург берун намуд. Ӯ Нишопурро маркази давлати худ қарор дода, ҳарчанд номи халифаро дар хутбаи намози ҷумъа меовард ва ҳар сол бахше аз хироҷи Хуросони Бузургро ба дарбори хилофат мефиристод, аммо ба халифа иҷозати даҳолат дар умури дохилии Хуросони Бузургро намедод ва дар асл ӯ вилоятҳои зертобеи худро мустақилона идора мекард.

Калидвожаҳо: Тоҳириён, Тоҳир ибни Ҳусайн, Абдуллоҳ ибни Тоҳир, Маъмун, Алӣ ибни Тоҳир, Ибни Сарӣ, Хуросони Бузург, Нишопур, Сурия, Раққа, Миср, Искандария.

ABDULLAH IBN TAHIR AND THE STRENGTHENING OF THE RULE OF THE TAHIRIDS IN GREAT KHORASAN

In this article, the author examines the life and governance of Abdullah ibn Tahir, one of the wisest, most just, and most renowned rulers of the Tahirid dynasty, following its founder Tahir ibn Husayn. Abdullah ibn Tahir was the third ruler of the dynasty, succeeding his father, Tahir ibn Husayn, and his brother, Talha ibn Tahir.

Before his appointment as governor of Great Khorasan, Abdullah ibn Tahir held several key administrative posts under the Abbasid Caliphate. In 206 A.H. / 821-822 A.D., by order of the caliph, he was appointed governor of Raqqa and Syria, and in 210 A.H. / 825-826 A.D., he became governor of Egypt. During this period, he played a crucial role in suppressing uprisings and maintaining order throughout the caliphate.

Recognizing the gravity of the responsibilities entrusted to his son, Caliph al-Ma'mun appointed Abdullah ibn Tahir to the governorship of Khorasan. Six months after Abdullah's arrival in the province, his father, Tahir ibn Husayn, addressed to him a letter containing detailed guidance and advice on the principles of governance, financial administration, taxation, relations with local emirs, and dealings with the populace.

Medieval historical sources have preserved the complete text of this letter, which serves as an invaluable document of early Islamic administrative thought. It represents Tahir ibn Husayn's counsel to his son on matters of governance and statecraft. The present article offers commentary on this document based on a comparative analysis of medieval chronicles and historical sources.

Following the death of Talha ibn Tahir, ruler of Great Khorasan, on June 15, 828 A.D., the caliph decreed that power over the region be transferred to Abdullah ibn Tahir. However, Caliph al-Ma'mun delayed sending him to Khorasan, and during this period Abdullah appointed his brother, Ali ibn Tahir, as his deputy in regional affairs.

Ali ibn Tahir's short rule in Khorasan was marked by conflict with the Kharijites, during which he was killed in battle near Nishapur. In response, Abdullah ibn Tahir personally traveled to Khorasan in Rajab 215 A.H. / August–September 830 A.D. He waged a determined campaign against the Kharijites and ultimately expelled them from the region.

After restoring stability, Abdullah ibn Tahir established Nishapur as the capital of his dominion. Although he continued to acknowledge the caliph's authority by mentioning the caliph's name in the Friday khutbah and by sending an annual share of Khorasan's tribute to Baghdad, in practice he exercised full autonomy in the administration of the province and did not permit the caliph to interfere in its internal affairs.

Key words: *Tahirid, Tahir ibn Husayn, Abdullah ibn Tahir, Mamun, Ali ibn Tahir, Ibn Sari, Great Khorasan, Nishapur, Syria, Raqqa, Egypt, Iskandariya.*

Сведения об авторе: **Хамза Камол (Камолов Хамзахон Шарифович)** – Институт истории, археологии и этнографии имени А. Дониша НАНТ, доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом древней, средневековой и новой истории. **Адрес:** 734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, пр. Рудаки, 33. E-mail: hamza_Kamol@mail.ru

Information about the author: **Hamza Kamol (Kamolov Khamzakhon Sharifovich)** – A. Donish Institute of History, Archeology and Ethnography NAST, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Ancient, Medieval and Modern History. **Address:** 734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Rudaki Ave., 33. E-mail: hamza_Kamol@mail.ru

УДК 94(55)"12/13":297

ИХТИЛОФИ УКТОЙ ВА ЧАҒАТОЙ ДАР МУНОСИБАТ БО МАРДУМИ ХУРОСОНИ БУЗУРГ ¹

САИДОВ А.,

Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии
ба номи А. Дониши АМИТ

Пас аз забти Мовароуннаҳр аз ҷониби муғулон то нимаи дувуми асри XIII шаҳру деҳоти ин кишвар ба харобазор табдил гашта, аз хотири сокинони ин сарзамин зарби шамшери ин хунхорон то ҳол зудуда нашуда буд. Ҳокимони муғулии ин сарзамин ва қабоиلى сершумори муғулие, ки ба Мовароуннаҳр омада буданд, оини бутпарастии хешро пайравӣ мекарданд. Мовароуннаҳр зери фармони писари Чингиз – Чағатой шуда, номи улуси Чағатойро гирифт ва аз соли 1227 то соли 1370 Чағатой ва чағатоӣҳо дар ин минтақа ҳукумат карданд.

Дар замони ҳукмронии Чағатой (1227-1242) хонҳои муғул ба қорҳои Мовароуннаҳр камтар даҳлат мекарданд. Худуди мулки ӯ дар шарқ аз кишвари уйғурҳо ва дар ғарб то Бухорову Самарқандро дар бар мегирифт. Вилоятҳои фарҳангии Мовароуннаҳр на аз номи Чағатой, балки аз номи хони бузурги муғулҳо идора

¹ Мақола дар асоси лоиҳаи «Таърихи халқи тоҷик» (асрҳои III - аввали асри XX) рақами қайди давлатӣ 0121TJ 1221 навишта шудааст.

мешуд. Ҳангоми пахши шӯриши Торобӣ дар Бухоро Мовароуннахрро Маҳмуди Ялавоч, ки аз ҷониби хони бузург ҳоким таъйин гашта буд, идора мекард, ки қароргоҳи ӯ шаҳри Хучанд буд. Ҳатто сарлашкарони кӯшунҳои муғулӣ дар Мовароуннахрро низ хони бузург таъйин мекард. Вақте ки Чағатой Маҳмуди Ялавочро худсарона аз вазифаи ҳокимии Мовароуннахр сабукдӯш намуд, бародараш Уктой ин амали ӯро ғайриқонунӣ шуморида, сарзаниш кард. Пас Уктой Мовароуннахрро ба сифати мулк (инчу) ба бародараш тақдим намуд. Дар солҳои охири ҳукмронии Уктой ва замони Манку тамоми вилоятҳои фарҳангӣ аз ҳудуди Чин то Бухоро аз номи писари Маҳмуди Ялавоч Масъудбек идора карда мешуд [1, 539].

Пас аз забти Хуросони Бузург ва Эрон дар байни хонҳо ва ашрофи муғул нисбат ба аҳолии муқимии кишварҳои забтгардида ду тамоюл падидор шуд, ки асосҳои иҷтимоии онҳо аз ҷониби А. Ю. Якубовский, И. П. Петрушевский ва Гафуров Б. Ғ. мавриди таҳқиқ ва баррасӣ қарор гирифтаанд [10, 52-53; 5, 48; 2, 514-516].

Тибқи таҳқиқоти Гафуров Б. Ғ. ҷонибдори тамоюли аввал қисмати зиёди ашрофи бодиянишини низомии муғул ва турк буданд, ки меҳостанд ҳамаи заминҳоро ба ҷароғохҳо табдил дода, шаҳрҳоро ба харобазор табдил диҳанд ва мардумро ғорат намоянд [2, 514]. Яке аз намояндагони ин тамоюл Чағатой ба шумор мерафт.

Намояндагони тамоюли дуюм дарк мекарданд, ки ғорату торочи беандозаи мардум онҳоро аз даромадҳои фаровони ҳарсола маҳрум месозад. Ба ин гурӯҳ қисме аз қоонҳо ва ашрофи бодиянишини муғул шомил буданд [2, 514-515]. Уктой қоон низ ҷонибдори тамоюли дуюм буд.

Чағатой ҳангоми ҳукмронияш нисбат ба аҳли ислом хайрхоҳ набуд. Махсусан дар масъалаи мувофиқ наомадани иҷрои баъзе қоидаҳои таълимоти ислом бо талаботи қонунҳои муғулӣ, Чағатой нисбати мусулмонҳо рафтори ниҳоят бераҳмона мекард.

Дар асари «Табақоти Носирӣ»-и Ҷузҷонӣ омадааст, ки «Чағатой мусулмононро душман доштӣ ва пайваста дар мизочи ӯ он буд, ки хуни мусулмонон бирезад ва ҳеҷ якро зинда нагузорад... Чағатой малъун мудом дар ийзoi (расондани зарари) мусулмон чид намуд ва асбоб меангехт, то бало ва заҳмате бар аҳли ислом лоҳиқ гардад (бар аҳли ислом мушқилоте сар занад) ва бақияи мусулмононро қалъ кунад ва мустаъсил гардонад (ноумеду маънос гардонад)... ва дар интишори он фитна қасд ва кӯшиш мекард. Ва ҷамоати муғулон ва дигар нуйинон ва баҳодуронро бар он медошт, то аз мусулмонон калимоте ва ҳаракоте ба Уктой мерасониданд, ки мучиби заҳмат ва зарари аҳли ислом мебуд ва сабаби қамъу ҳалоки эшон мешуд» [4, 580-581].

Сайфи Ҳиравӣ менависад, ки ««Ҷунин хондам дар китобе, ки мавсум аст ба «Ахлоқи хонӣ»... ҳеҷ як мусулмонро ҷунон душман надоштӣ, ки Чағатой ва душмани ӯ дар ҳаққи аҳли ислом то ғояте буд, ки ҳар кас, ки хабар бад-ӯ бурдӣ, ки имрӯз фалон мусулмонро ба ҷиҳати гуноҳе ба қатл расониданд, як болиши зар¹ бад-ӯ бахшидӣ» [8, 1325].

¹ Болиши зар - тангаи тиллоӣ бо арзиши 2000 динар.

Дар бораи душманиву бадбинии Чағатой нисбати мусулмонон академик В. В. Бартолд низ дар таҳқиқоти худ ишора намудааст. Ӯ навиштааст, ки Чағатой нисбати мусулмонон муносибати номехрубонона мекард. Ҳангоми риоя накардани баъзе талаботи Ёсои муғулӣ аз ҷониби мусулмонон, аз қабилҳои хангоми забҳи чорво манъи буридани гардани он, ё ин ки хангоми таҳорат дар оби равон шустушӯ намудан, ки шарияти исломӣ иҷрои онҳоро ҳатмӣ мешуморид, Чағатой онҳоро бераҳмона ҷазо саҳт меод. Чунин кирдори хунинӣ ӯ номашро дар байни тамоми мусулмонон нафратовар гардонда буд. Вазири мусулмони Чағатой Қутбиддин Ҳабаш Амид низ чун шахси порсо шуҳратманд набуд. Меғӯянд, ки маҳз бо иғвои ӯ Чағатой дар соли 626 ҳ.к. / 1228-29 шайхӣ маъруф Абу Яъқуб Юсуфи Саккокиро ба қатл расонда буд [1, 539- 540].

Аз маълумоти маъхазҳои ҳаттӣ бармеояд, ки баръакси амалҳои Чағатой бародари ӯ Уктой нисбати аҳли ислом хайрхоҳ буда, меғуфт, ки ҳар кас бояд дини худро пайравӣ кунад ва аҳли исломро бояд ҳурмат намуд.

Тибқи ахбори Қузҷонӣ Уктой «бағоят қарим ва хушахлоқ буд. Ва мусулмонон дӯсти азим буд ва дар таъзиму фароғати аҳли ислом ҷидди тамом намуд. Дар аҳди мусулмонон, ки дар мамлақати ӯ буданд марфаҳулҳол ва боҳурмат буданд. Дар даври подшоҳии ӯ дар ҷумлаи шаҳрҳои Танкут ва Тамғоч ва Таббат ва билоди Чин масоҷид бино шуд. Ва ҷумла қилоъ ва ҳиснҳои замини Машрикро ба ҷамоати умароӣ ислом дод. Умароеро, ки аз Эронӣ Турон бурда буданд, дар шаҳрҳои Туркистон ва... замини Тамғоч ва Танкут сокин кард ва фармон дод, то мусулмонро ба лафзи ёру бародар ёд кунанд. Муғулро фармон дод, то духтаронро ба мусулмонон диҳанд ва агар касе ба хутбати авлоди эшон рағбат намояд, манъ накунад. Ва дар ҷумла билоди Машрик намозҳои ҷумъа қоим гашт ва мусулмонон дар он биллод сокин шуданд ва қасабот ва шаҳрҳои худро сохтанд. Ҳар кас ба расмӣ шаҳри худ мавзеъе иморат кард» [4, 580].

Муаррих Шабокорай дар «Маҷмауи-л-ансоб» менависад, ки Уктой ба ислом майли зиёд дошт ва дар ҳар қазия мусулмонро мадад мекард ва онҳоро аз уматҳои дигар афзалтар мешуморид [9, 247].

Дар маъхазҳои ҳаттӣ доир ба ихтилофи назари Уктой бо Чағатой дар муносибат бо аҳли ислом мисолҳои зиёд оварда шудаанд ки дар онҳо адовати Чағатой нисбати мусулмонон бараъло равшан мегардад.

Чағатой, ки аслан ба мусулмонҳо, хусусан ба тоҷикҳо, ки бадбинии зиёд дошт, дар ин зимн золимиву беадолатии зиёд намудааст.

Қузҷонӣ менависад, ки «Сиқоб чунин ривоят кардаанд, ки Чағатой мусулмонро душман доштӣ ва пайваста дар мизочи ӯ он буд, ки хуни мусулмон бирезад ва ҳеҷ якро зинда нагузорад. Ва аҳкоми ваъз карда буд Чингизхон, ки ҷазои баъзе аз он афъол куштан будӣ. Чунончи дудӣ ва зино ва дурӯғ гуфтан ва хиёнат кардан ва ҳаркиро луқма дар гулӯ гирад, бикӯшанд. Ва ҳар ки дар об хӯрад ва ё бузург дарравад, ӯро бикӯшанд» [4, 580].

Бино ба ахбори Чувайнӣ ва Рашидуддин тибқи Ёсои муғулҳо дар фасли баҳор ва тобистон рӯзона касе бояд дар об нанишинад, даст дар об нашӯяд, бо зарфи заррин ва нуқрагин об набардорад ва либоси шустаро дар саҳро бознафканад, зеро ба

ақидаи онҳо дар ин ҳолатҳо раъду барки шадид сар мезанад ва ба нохушиву бадбахтиҳои зиёд сабаб мегардад [3, 181; 7, 685; 6, 49].

Бино ба ахбори Ҷувайнӣ ва Ҷузҷонӣ рӯзе Уктой ва Ҷағатой ҳарду бародар аз шикор бармегаштанд. Уктой пештар рафта, Ҷағатой каме аз ӯ қафотар меомад. Дар роҳ Уктой ба сари ҳавзи обе расида, мусулмонро дид, ки нишаста дар ҳавз сару андом мешуст. Чун назари Уктой ба он мусулмон афтод, хавотир шуда, гуфт, ки ин мусулмони бечора ҳамин лаҳза бар дасти бародарам Ҷағатой меафтад ва кушта хоҳад шуд. Пас ба ҳулосае омад, ки бо кадом роҳ ӯро начот диҳад. Аз атрофиёнаш пурсид, ки ҳеҷ кас бо худ болиши зар ё нукра дорад ё не. Яке аз наздиконаш До-нишманд ҳочиб гуфт, ки ӯ болиши нукра¹ дорад. Ба ӯ гуфт, ки ин болиши нукраро ба он мусулмон диҳад ва гӯяд, ки онро ба ҳавз партояд. Ҳангоме ки Ҷағатой ба ин ҷо расида, сабаби ин воқеаро аз ӯ талаб кунад, он мусулмон гӯяд, ки болиши нукраи ман дар об афтодааст, ба талаби он болиши нукра ба об даромадам ва бо ин роҳ ӯ метавонад худро аз куштан ҳалос кунад. Ҳамин тариқ, он болиши нукраро ба мусулмон доданд, то онро дар об андохт ва худ аз он берун баромад. Чун Ҷағатой он ҷо расид, мусулмонро бидид ва фармуд, ки ӯро дастгир намоянд. Аз вай мато-либ пурсиданд ва гуфтанд, ки мувофиқи Ёсои хон ҳеҷ офаридае бояд даруни об наравад. Азбаски ӯ ин фармонро риоя накардааст бояд ӯ кушта шавад. Он мусул-мон гуфт, ки болиши нукраи ман дар об афтодааст, ба талаби он болиш дар ин ҳавз даромадам. Ҷағатой ба гурӯҳе аз муғулон фармон дод, ки дохили ҳавз шуда, он бо-лишро берун оранд. Онҳо он болишро пайдо карданд. Он мусулмон ба тадбир ва лутфи Уктой қоон аз марг раҳо ёфт. Ба саъйи ӯ бисёр мусулмонон аз дасти он зо-лими малъун, ки Ҷағатой буд, ҳалос ёфтанд [3, 162-163; 4, 580-581]. Ҳамин маълу-мот дар асари «Ҷомеъу-т-тавоҳид»-и Рашудуддин низ ба таври мухтасар оварда шудааст [7, 685-686; 6, 49].

Тибқи Ёои муғулӣ забҳи гӯсфанд ё чорвои дигари дар ҳӯрок истифодамешуда манъ буд. Мувофиқи расми муғулҳо сина ё китфи чорворо мебуриданд. Аз маълу-моти Ҷувайнӣ ва Рашидуддин бармеояд, ки рӯзе мусулмоне аз бозор гӯсфанде харида, ба хона меорад. Ӯ дари хонаро қулф зада, дар даруни хона «бисмиллоҳ» гуфта, гардани гӯсфандро мебурад. Қипчиқе дар бозор гӯсфандхариӣ ӯро му-шоҳида намуда, аз қафояш меояд ва ба болои бом баромада, ҳангоми забҳи гӯсфанд поин шуда, дасту пойи он мусулмонро мебандад ва ӯро кашолақунон ба дарбори Уктой қоон меорад. Манку ноибони худро барои баррасии ин кор мефи-ристад. Вақте ки онҳо ӯро аз асли воқеа огоҳ месозанд, мегӯяд, ки ин дарвеш қону-ни моро риоя намудааст, вале ин турк аз қонуни мо даст кашида, ба болои боми ӯ баромадааст. Оқибат он мусулмонро аз марг раҳо дода, он қипчоқи бадсиратро ба дасти ҷаллодон месупоранд [3, 163; 7, 686; 6, 49-50].

Дар ин маънӣ маълумоти Сайфи Ҳиравӣ ҷолиби қайд аст, ки менависад: «Чун подшоҳӣ бар Уктой муқаррар гашт... фармон фармуд, ки дар ҳеҷ билод аз балади Туркистон ва дар ҳеҷ хитта аз хитати Хуросон мусулмононро аз иморати масочиду

¹ Болиши нукра – тангаи нукрагӣ бо арзиши 200 динар.

мадорис ва работот ва абнияти хайр манъ нақунанд ... ва ҳар кас бар дини худ равад ва аҳли исломо ҳурмат доранд...

Шаҳзода Чағатой аз ин маънӣ бағоят дар ранҷ шуд. Муқаррибони даргоҳи худро талаб дошт ва гуфт: «бидонед, ки бародарам Уктой мусулмононро дӯст медорад ва бар хилофи мазҳабу сирати падар ва ихвону ақориби худ мееравад. Агар бад-ин насақ мусулмононро неқӯ хоҳад дошт ва дар истимолати эшон иҷтиҳод хоҳад намуд, ба андак рӯзгоре мусулмонон ғолиб шаванд ва мулк аз дасти мо берун равад.

Акнун чӣ маслиҳат мебинед ва тадбири ин кор чист? Умарои лашкар... забон бикшоданд ва гуфтанд: «...маслиҳат дар он аст, ки бародарро дар хилват насиҳат кунӣ, бошад, ки сухани ту бишнавад ва тарқи муҳаббати тоҷикон гирад».

Шоҳзода Чағатой намози шоме пеши подшоҳ Уктой омад ва аз сари ҳашми тамом ва ғилзати ҳар чи азимтар рӯй ба сӯйи Уктой кард ва гуфт: «Эй бародар, ...ин чи муҳаббат аст, ки бо тоҷикон пеш гирифтаӣ ва хилофи мавоизу мазоҳиби падари бузург кардаӣ? Сухани мани банда бишнавад ва тоҷиконро сарқӯфта дор ва дар изҳору иштихори равнақи дини эшон мақуш!».

Подшоҳ Уктой дар ҷавоб ҳеҷ нагуфт ва ба тундию ҳушунати шоҳзода Чағатой мутағайир нашуд. Шоҳзода Чағатой биранҷид ва аз пеши бародар берун омад ва гуфт: «Мусулмонон бародари маро ба ҷодуӣ ва фиреб ба кулл аз мазҳаби падари бузурги мо бигардондаанд» [8, 132-134].

Тибқи ахбори Ҷузҷонӣ «яке аз руҳбонони (роҳибони) бутпараст, ки ба забони туркон ин ҷамоатро туйинон меғӯянд, бар он дошт то пеши Уктой омад ва гуфт: «Ман Чингизхонро дар ҳоб дидам, маро фармон додааст, то ба ту расонам. Ту, ки Уктой ва писари ӯ насбкардаи Чингизхонӣ, ба ҳеҷ вачҳ он фармонро муҳмал нагузорӣ ва аз он Ёсо удул ва имтиноъ нанамой! Набояд, ки ризои Чингиз дарнаёбӣ! Ва он фармон он аст, ки Чингизхон фармудааст, ки мусулмонон бисёр шудааст ва ба оқибат барафтодани мулки муғул аз мусулмонон хоҳад буд. Уктой мебояд, ки тамомати мусулмононро, ки дар кулли мамолики моанд, аз он ҷо билоди Чин ва Тамғоч ва Танқут ва Туркистон то ба замини Эрон ва аҷам тамоми мусулмононро ба қатл расонӣ ва аз эшон ному нишон нагузорӣ! Акнун ман фармони Чингизхонро ба ту расонидам ва аз гардани худ ин уҳда берун кардам. Мебояд, ки ту имтисол намой ва фармонбардорӣ кунӣ ва тавоифи мусулмононро муҳлати ҳаёт надихӣ, то мулкро завола наёбад».

Чун он фармон бирасонид, подшоҳи одил ва оқил ва доно ва ҳушёр ва мусулмондӯст ба фаросати подшоҳона дарёфт, ки ин сухан кизб ва зӯр аст ва равоиҳи дурӯғ аз адои он ба машоми фаросат мерасад ва фарокардаи бародарам Чағатойи золим аст, лаъанаҳу Оллоҳу. Ҳоли он туйини бутпарастро фармон дод, то мазили бузургона бомаротиб ва мо яхтоҷу ва он чи лозими он бошад, муҳайё гардонид ва фармуд, ки ин фармон бас бузург аст ва боҳайбат. Ва хуни бисёр халқ мебояд рехт. Ва ҳеҷ кас нест аз мулк ва нуйинон ва баҳодурон ва ҷарбиён, ки на маблағи мусулмонони асир дорад ва атрофи мамолики Чин ва Тамғоч ва Туркистон ва Эрон ва аҷам мутафарриқанд ва ҳар оинаи ин фармон ба ҳамла мебояд расонид, то ҳамагон бар ҳукми ин фармон бираванд. Акнун туро сабр бояд кард, то ба ҷумлаи ма-

молики муғул фиристода шавад ва нуйинон ва чарбиён ва баҳодурон ва дигар мулук чамъ шаванд ва ин фармони боҳайбат бад эшон расонида ояд. Ва бар ҳамагон лозим гардад, ки фармони боҳайбати туро инқиёд намоянд.

Пас фармон дод, то ин туйини бутпарастро ба манзиле, ки муайян карда буданд, фуруд оварданд. Чунончи дар эъзоз ва икромӣ ӯ ҳеҷ дақиқа аз дақиқаи неку дошт фуру нагузошт, ки он габри лаъин дар замини Туркистон ва Тамғоч ва Чин исме ва сийте дошт. Чун муддати муайян баргузашт ва акобири мамлакати муғул чамъ шуданд, Уктой фармон дод, то маҷлисе бас бо тақаллуфи подшоҳона чунончи маъхуди он ҷамоат буд ва бо расми некӯ тартиб карданд ва шароити он қору бор ба тақдим расониданд. Ва пас Уктой бар тахт нишаст ва ҷумлаи бузургони мамлаик, ки ҳозир омада буданд, пеши тахт камар бастанд ва ҷамоате, ки маҳалли нишастан доштанд, ба зонуи хидмат даромаданд.

Пас фармон дод, то он туйинро ба эъзози тамом дар боргоҳ оварданд ва чун биёмад ва пеши тахт биншаст. Уктой фармуд: «Вақти он аст, ки фармони Чингизхон таблиғ кунӣ ва он чи фармон аст бирасонӣ, то ҳама имтисол намоянд». Он туйин бархост ва фармони Чингизхон бар вачҳе, ки даъвӣ карда буд, ба таблиғ расонид ва ба адоӣ намуд. Ҳамагон рӯй ба замин ниҳоданд ва гуфтанд: «Ба иттифок, ки фармон шунидем ва гардан ниҳодем. Фармони подшоҳи вақт Уктой чист, ки ин фармонро бар чи вачҳ инқиёд бояд намуд ва чӣ гуна мебояд кард, то бар он ҷумла равем?». Уктой фармуд, ки «ҳар даъвию ҳуҷҷате ва бурҳоне бибояд, то сидқ аз кизб ва сиҳат аз суқм пайдо гардад. Ин суҳанро гувоҳе аз шавоҳиди аҳвол лозим аст. Агар даст гардад, ки фармони хон аст, лозим бошад, ки ҳамагон мунқоди фармон бошад ва агар кизб ва зӯр аст, ба илқои ин шахс ё ифтирои кардаи соҳиби ғаразе, хуни халқ ва раёйю ва бандагон ба дурӯғӣ рехта гардад».

Чун Уктой ин суҳан бигуфт, ҳозирон рӯй бар замин ниҳоданд, ки он чи бар лафзи хон меравад, ба назди ҷумлаи уқалои алом ва аҳли тамйиз ва хирад бар ин мазийде натавонад буд, ки суҳани подшоҳона ва ҳадиси бузургона аст, ки аз камолӣ ақл ва фармондеҳӣ тоқазо мекунад ва ҳеҷ офарида дасти эътироз бар ноҳияи ин фармон натавонад ниҳод. Аммо мебояд, ки Уктой фармон диҳад ва ишорат кунад, ки сидқ ва кизб ва сиҳат ва фасоди ин даъвӣ ба чи вачҳ маълум ва мубарҳан гардад. Уктой рӯй ба бад-он туйини бутпарастр кард ва гуфт, ки: «ту забони муғулӣ донӣ ва ё туркӣ, ё ҳарду забон бидонӣ?». Он туйини бутпарастр гуфт: «ман забони туркӣ донам ва забони муғулӣ надонам». Уктой рӯй ба муғулони бузург кард, ки аслу насаби эшон муғули хос буд. Гуфт: «Шуморо яқин ва равшан аст, ки Чингизхон ҷуз забони муғулӣ ҳеҷ забони дигар надонистӣ». Ҳама рӯй бар замин ниҳоданд ва ба иттифок гуфтанд, ки суҳан ҳамчунин аст, ки Чингизхон ҳеҷ забони дигар надонистӣ, магар забони муғулӣ. Уктой рӯй бад-он туйин кард, ки «Чингизхон он фармонро ба кадом забон ба ту расонида, ба муғулӣ ё ба туркӣ? Агар ба муғулӣ гуфт, чун ту муғулӣ надонӣ, ба чӣ вачҳ онро маълум шуд, ки ӯ чӣ меғӯяд? Ва агар ба туркӣ гуфт чун ӯ туркӣ намедонист, чӣ гуна фармон расонид?». Ҷавобе, ки аз ӯ роиҳаи сидқ ояд, бозғӯй, то бад-он рафта шавад».

Он туйини бадкеши бутпарасти малъун хомӯш монд ва хичил гашт, чунончи дам аз он дӯзахӣ барнаёмад ва фазийҳат шуд. Ҷумлаи туркон ва муғулон ва мулуки

Туркистон ба иттифоқ рӯй бар замин ниҳоданд, ки он фармон дурӯғ аст ва аз сидқ орий. Уктой он туйинро гуфт, ки «ба ҳурмати бародари худ туро сиёсат намекунам, ба ҷои худ бозрав ва бигӯй Чағатойро ва атбои ӯро, ки даст аз изо ва таъаддии му-сулмонон бидоранд, ки эшон бародарон ва ёрони моанд ва қуввати мамлакати мо аз эшон зоҳир шавад ва ҷаҳониён ба мадади эшон мусаххари мо куштанд» [4, 581-584]. Ҳамин қисса дар шакли хеле мухтасар дар асари Рашидуддин «Ҷомеъу-т-таворих» низ ҷой дода шудааст [7, 687; 6, 50-51].

Дар бораи Ҳимоя ва дастгирии аҳли ислом аз ҷониби Уктой дар «Таърихи ҷаҳонкушо»-и Ҷувайнӣ [3, 159-190] ва «Ҷомеъу-т-таворих»-и Рашидуддин [7, 684-704; 6, 48-64] қиссаву ривоятҳои зиёд оварда шудааст.

Бояд таъкид намуд, ки муғулҳо ба Хуросони Бузург ва Эрон асосан барои истило ва сарватҷамъкунӣ омада буданд ва ин гузаштҳое, ки Уктой қоон нисбат ва хонҳои дигари муғулӣ ба аҳли ислом мекард, на аз рӯи шафқату меҳрубонӣ ба аҳолии маҳаллӣ, балки барои бештар ғоида ба даст овардан буд. Онҳо дарк мекарданд, ки агар бо аҳолии маҳаллӣ дурушт муомила намуда, пеши роҳи худсариву бедодгариҳо гирифта нашаванд, мардум ба дод омада, ошӯб мебардоранд ва пояи давлатдорӣ муғулҳо заиф мегардад.

Ахбори ғавқузикр аз он шаҳодат медиҳад, ки Чағатой чун шахси золиму қотил нисбат ба аҳли ислом, хусусан ба тоҷикон, ҳисси бадбинӣ зиёд дошта, аз ҳар лаҳзаи муносиби зидди тоҷикӣ истифода намуда, мақсадҳои муғризонаи худро амалӣ менамудааст. Шояд яке аз сабабҳои аз Мовароуннаҳр ва худуди Чин фири-стодани Маҳмуди Ялавоч низ дар ҳамин кирдори бадбинӣ ӯ нисбати тоҷикон зоҳир шуда бошад.

АДАБИЁТ

1. Бартольд, В. В. Чағатай-хан / В. В. Бартольд // Сочинения. Т. II, ҷ. 2. – М.: Наука, 1964. – С. 538-544.
2. Ғафуров, Б. Ғ. Тоҷикон: Таърихи қадимтарин, қадим, асри миёна ва давраи нав / Б. Ғ. Ғафуров. – Душанбе: Нашриёти муосир, 2020. – 975 с.
3. Ҷувайнӣ, Атомалик Муҳаммад. Таърихи Ҷаҳонкушоӣ. Ҷ. I / Атомалик Муҳаммад Ҷувайнӣ; ба сабъӣ, эҳтимоми ва тасҳеҳи аллома Муҳаммад Абдулваҳҳоби Қазвинӣ. – Лейден, 1916; нашри ҷаҳорум. – Техрон: Дунёи китоб, 1385 ҳ. х. – 436 с.
4. Ҷузҷонӣ, Минҳочиддин ибни Сирочиддин. Табақоти Носирӣ / Минҳочиддин ибни Сирочиддин Ҷузҷонӣ. – Чопи сеюм. – Кобул: Бунёди фарҳангии ҷаҳондорони Ғурӣ, 1391 ҳ. х. – 649 с.
5. Петрушевский, И. П. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII–XIV веков / И. П. Петрушевский. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 492 с.
6. Рашидуддин. Сборник летописей. Т. II / пер. с персидского Ю. П. Верховского; примеч. Ю. П. Верховского и Б. И. Панкратова; ред. И. П. Петрушевского. – М.–Л., 1960. – 248 с.
7. Рашидуддин Фазлуллоҳи Ҳамадонӣ. Ҷомеъу-т-таворих. Ҷ. I / Рашидуддин Фазлуллоҳи Ҳамадонӣ; ба тасҳеҳ ва таҳшияи Муҳаммад Равшан Мустафо Мусавӣ. – Техрон: Албурз, 1373 ҳ. х. – 869 с.
8. Сайф ибни Муҳаммад ибни Йаъқуб ал-Ҳиравӣ. Таърихномаи Ҳирот / Сайф ибни Муҳаммад ибни Йаъқуб ал-Ҳиравӣ; мусахҳеҳ Ғуломмирзо Таботабой. – Техрон: Асотир, 1383 ҳ. х. – 800 с.
9. Шабонқорай, Муҳаммад ибни Алӣ ибни Муҳаммад. Маҷмаъу-л-ансоб / Муҳаммад ибни Алӣ ибни Муҳаммад Шабонқорай; ба тасҳеҳи Мир Ҳошими Муҳаддис. – Техрон: Амир Кабир, 1363 ҳ. х. – 376 с.

10. Якубовский, А. Ю. Феодалное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X–XV вв. / А. Ю. Якубовский // Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Ч. I. – 1932. – С. 1-60.

ИХТИЛОФИ УКТОЙ ВА ЧАҒАТОЙ ДАР МУНОСИБАТ БО МАРДУМИ ХУРОСОНИ БУЗУРГ

Дар мақола масъалаи ихтилофи хонҳои муғулӣ Уктой ва Чағатой нисбати соқинони Хуросони Бузург мавриди таҳқиқ қарор гирифтааст. Тибқи маълумоти маъхазҳои ҳаттӣ Чағатой ҳангоми ҳукмронииаш нисбат ба аҳли ислом хайрхоҳ набуд. Махсусан дар масъалаи мувофиқ наомадани иҷрои баъзе қоидаҳои таълимоти ислом бо талаботи қонунҳои муғулӣ, ӯ нисбати мусулмонҳо рафтори ниҳоят дурушт намуда, онҳоро бераҳмона ҷазо меод. Бародари ӯ Уктой баръакси амалҳои Чағатой нисбати аҳли ислом хайрхоҳ буда, қонибдори он буд, ки ҳар кас бояд дини худро пайравӣ карда, аҳли исломо хурмат намояд. Уктой дар ҳар қазия мусулмононро мадад мекард ва онҳоро аз уматҳои дигар афзалтар мешуморид.

Дар маъхазҳои ҳаттӣ доир ба ихтилофи назари Уктой бо Чағатой дар муносибат бо аҳли ислом мисолҳои зиёд оварда шудаанд ки дар онҳо адовати Чағатой нисбати мусулмонон бараъло равшан мегардад. Дар мақола тақия бар аҳбори маъхазҳои ҳаттӣ дар бораи адовати Чағатой нисбати мардуми Хуросони Бузург ва қонибдорӣ онҳо аз тарафи Уктой мисолу қиссаҳои зиёд оварда шудааст.

Аз мазмуни мақола бармеояд, ки Чағатой чун шахси золиму қотил нисбат ба аҳли ислом, хусусан ба тоҷикон, ҳисси бадбинӣ зиёд дошта, аз ҳар лаҳзаи муносиби зидди тоҷикӣ истифода намуда, мақсадҳои муғризонаи худро амалӣ менамудааст ва Уктой бошад, қўшиш ба ҳарч меодааст, ки пеши роҳи амалҳои зишти Чағатойро гирад.

Бояд таъкид намуд, ки муғулҳо ба Хуросони Бузург ва Эрон асосан барои истило ва сарватҷамъкунӣ омада буданд ва ин гузаштҳое, ки Уктой қоон ва хонҳои дигари муғулӣ нисбат ба аҳли ислом мекарданд, на аз рӯйи шафқату меҳрубонӣ ба аҳолии маҳаллӣ, балки барои бештар ба даст овардани ғайда буд. Онҳо дарк мекарданд, ки агар бо аҳолии маҳаллӣ дурушт муомила намуда, пеши роҳи худсариву бедодгарӣ гирифта нашаванд, мардум ба дод омада, ошӯб мебардоранд ва пояи давлатдорӣ муғулҳо суст мегардад.

Қалидвожаҳо: *ихтилоф, мусулмон, аҳолӣ, Чағатой, Уктой, Хуросони Бузург, талабот, шаритат, муғул, қонун, қоида, риоя, ислом.*

РАЗНОГЛАСИЯ УКТАЯ И ЧАГАТАЯ В ОТНОШЕНИЯХ С НАСЕЛЕНИЕМ ВЕЛИКОГО ХОРАСАНА

В статье рассматриваются разногласия между монгольскими ханами Угедеем (Уктаем) и Чагатаем, связанные с их отношением к населению Великого Хорасана. Согласно данным письменных источников, Чагатай в период своего правления проявлял жестокость и отсутствие милосердия по отношению к мусульманам. Особенно сурово он поступал в тех случаях, когда нормы исламского учения вступали в противоречие с положениями монгольского права (яса), карая мусульман беспощадно.

Его брат Угедей, напротив, отличался более терпимым и благожелательным отношением к последователям ислама. Он придерживался убеждения, что каждый человек имеет право следовать своей религии, и выражал уважение к мусульманам. В ряде случаев Угедей оказывал мусульманам поддержку и нередко ставил их выше представителей других общин.

Письменные источники приводят многочисленные примеры противоречий между Угедеем и Чагатаем в их политике по отношению к исламским народам. В этих свидетельствах отчетливо проявляется враждебность Чагатая к мусульманам и одновременно – стремление Угедея смягчить последствия его жестоких действий.

На основе исторических источников в статье приводятся конкретные примеры и повествования, отражающие вражду Чагатая к жителям Великого Хорасана и, напротив, покровительство Угедея по отношению к ним. Из содержания статьи следует, что Чагатай, как человек суровый и беспощадно.

щадный, питал особую ненависть к исламским народам, особенно к таджикам, и использовал любую возможность для реализации своих враждебных намерений. Угедей, напротив, всеми средствами стремился предотвратить жестокости и произвол брата.

Следует подчеркнуть, что монгольские завоевания в Иране и Великом Хорасане были направлены, прежде всего, на установление власти и обогащение завоевателей. Уступки, проявленные Угедеем и другими монгольскими ханами по отношению к мусульманскому населению, объяснялись не милосердием и не сочувствием к покорённым народам, а прагматическими соображениями. Монголы осознавали, что чрезмерная жестокость и насилие могли вызвать народные восстания и тем самым ослабить основы монгольского государства.

Ключевые слова: *разногласия, мусульмане, население, Чагатай, Уктай, Великий Хорасан, требования, шариат, монголы, закон, правила, соблюдение, ислам.*

DISAGREEMENTS BETWEEN ÖGÖDEI AND CHAGATAI REGARDING THEIR RELATIONS WITH THE POPULATION OF GREATER KHORASAN

This article examines the disagreements between the Mongol Khans Ögödei and Chagatai regarding their policies toward the population of Greater Khorasan. According to historical sources, Chagatai was notorious for his lack of compassion toward Muslims during his rule. He was particularly harsh in enforcing Mongol legal norms (Yasa) whenever they conflicted with the principles of Islamic law, punishing Muslims with relentless severity.

In contrast, Ögödei demonstrated a far more tolerant and favorable attitude toward Islam and its followers. He believed that every individual should have the freedom to practice their faith and expressed respect toward Muslim communities. Ögödei frequently supported Muslims and regarded them as more reliable and trustworthy than other groups.

Numerous historical accounts record the tensions between Ögödei and Chagatai, illustrating the latter's hostility toward Muslim populations and the former's efforts to mitigate his brother's cruelty. Drawing on written sources, this article presents multiple examples and narratives reflecting Chagatai's enmity toward the inhabitants of Greater Khorasan and Ögödei's protective actions on their behalf.

The narrative portrays Chagatai as a harsh and merciless ruler who harbored deep animosity toward Islamic peoples—particularly the Tajiks – and sought every opportunity to act upon his hostile intentions. Ögödei, by contrast, made every effort to restrain his brother's brutality and to prevent acts of excessive violence.

It should be emphasized that the Mongol incursions into Greater Khorasan and Iran were motivated primarily by conquest and the pursuit of wealth. The apparent concessions made by Ögödei and other Mongol rulers to Islamic communities were driven not by compassion or goodwill toward the local population, but by pragmatic considerations. The Mongols recognized that unrestrained cruelty toward the subjugated peoples could provoke rebellion and ultimately weaken the foundations of Mongol authority.

Key words: *disagreement, Muslims, population, Chagatai, Ögödei, Greater Khorasan, requirements, Sharia, Mongols, law, rules, compliance, Islam*

Сведения об авторе: Саидов Абдукахор - доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела древней, средневековой и новой истории Института истории, археологии и этнографии имени А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана. Адрес: 734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. ак. Раджабовых, 7. E-mail: Saidov.45@mail.ru.

Information about the author: Saidov Abdukakhor - Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher of the Department of Ancient, Medieval and Modern History of the A. Donish Institute of History, Archeology and Ethnography of the National Academy of Sciences of Tajikistan. Address: 734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. ac. Radjabovs, 7. E-mail: Saidov.45@mail.ru.

УДК 72.03(575+55)"14/15»

**АРХИТЕКТУРА, ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО И ФОРТИФИКАЦИЯ
МАВЕРАННАХРА И ХОРАСАНА В КОНЦЕ XIV - XV ВВ.¹****МУКИМОВ Р. С.,****Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ**

Конец XIV - первая половина XV века ознаменованы для Мавераннахра и Хорасана становлением политического и военного могущества Тимура (Тамерлана), происходившего из области Кеш и принадлежавшего к тюркско-монгольскому роду Барласов. В исторических хрониках он часто упоминается под именем Соҳибкирон-«рожденный под счастливой звездой». Из семидесяти лет жизни Тимур более тридцати провёл в военных кампаниях, одержав множество побед и не потерпев ни одного поражения. По данным источников, он покори́л двадцать шесть государств. Его деятельность пришлась на эпоху, когда в Европе правили Ричард II и Генрих IV в Англии, Карл V во Франции, в Османской империи - султан Баязид, а в русских землях - князья Василий I и Дмитрий Донской, а также хан Золотой Орды Тохтамыш [3, 67].

На фоне последствий монгольских нашествий Тимур сумел объединить разрозненные территории, восстановить хозяйственные связи и наладить административное управление. Особое внимание уделялось развитию столичного Самарканда. По свидетельству Руи Гонсалеса де Клавихо, Тимур системно привлекал в империю мастеров - архитекторов, художников, каллиграфов, резчиков и других специалистов, чьё творчество оказало значительное влияние на формирование художественного языка архитектуры Тимуридов [9, 80].

Архитектурная активность эпохи Тимуридов охватывала не только Самарканд, но и другие важные культурные центры-Шахрисабз, Герат, Исфахан, Туркестан и ряд городов Мавераннахра и Хорасана. В этих регионах реализовывались крупные строительные проекты, отличающиеся масштабностью и высоким уровнем художественного исполнения. Развитие градостроительства сопровождалось внедрением новых архитектурных форм и планировочных решений, не имевших аналогов в предшествующие периоды.

Традиции местной архитектурной школы, берущей начало ещё с времён Саманидов (IX - X вв.), получили мощный импульс развития

благодаря участию мастеров из Ирана, Азербайджана, Сирии, Хорезма, Индии, Грузии и Армении. О присутствии иностранных зодчих свидетельствуют как

¹ Статья написана на основе проекта «История таджикского народа (III век - начало XX века)», государственной регистрационный номер 0121 ТД 1211.

письменные источники, так и эпиграфика на архитектурных объектах. Так, на мавзолеях ансамбля Шохи Зинда в Самарканде - например, в мавзолеях Мирзаде (1386) и Туман-ака (1405) - обнаружены подписи мастеров из Тебриза, чьи художественные приёмы отразились в декоративной отделке памятников [5, 320].

Привлечение архитекторов из Азербайджана к реализации крупных строительных проектов в государстве Тимуридов подтверждается целым рядом источников. В частности, Л.С. Бретаницкий отмечает участие азербайджанских мастеров в реставрации мавзолея Абу Сайда в Мехне в первой половине XIV века [4,121].

К числу известных зодчих того времени относится Ахмад ибн Шамс ад-Дин Мухаммад Тебризи - предположительно автор мечети Масджиди Шах в Мешхеде. Хафиз Аbru сообщает о зодчем Ходже Али Хафизе из Тебриза, принимавшем участие в строительстве одного из медресе в Герате совместно с Кавам ад-Дином Шерази, архитектором знаменитой мечети Гаухар - Шад. Эти примеры отражают широкий географический охват профессионального взаимодействия и подчёркивают вклад азербайджанской архитектурной традиции в формирование художественного облика эпохи Тимуридов.

Архитектурное развитие в государствах Тимуридов стало результатом активного взаимодействия различных художественных традиций. Образовавшаяся в тот период система монументального строительства включала в себя мечети, медресе, дворцовые комплексы, жилые здания, торговые ряды и караван-сарай, которые формировали не только функциональную, но и выразительно-художественную структуру городской среды. Эти сооружения отражали не столько властный заказ, сколько стремление к художественному выражению общественных и духовных идеалов.

Сотрудничество между местными мастерами и специалистами из покорённых территорий способствовало формированию оригинального зодческого стиля, вобравшего в себя как традиционные формы, так и нововведения. Именно в этом стилистическом синтезе и заключается художественная кульминация архитектурной культуры эпохи, получившая дальнейшее развитие при Улугбеке - внуке Амира Тимура и покровителе наук и искусств. На фоне активизации внешней торговли и расширения ремесленного производства происходил интенсивный рост городских центров, при том, что провинциальные районы постепенно теряли своё значение. Тем не менее, архитектурное наследие этого периода остаётся одним из наиболее ярких примеров культурного расцвета Центральной Азии [13, 67].

Особую ценность для понимания культурной атмосферы той эпохи представляют свидетельства Захириддина Мухаммада Бабура- праправнука Амира Тимура и основателя империи Великих Моголов в Индии. В своих воспоминаниях он высоко оценивает эпоху правления Султан-Хусейна Байкары, подчеркивая: «Время Султан-Хусейна - поразительное! Хорасан, и особенно Герат, были наполнены талантливыми и выдающимися людьми. Каждый, кто занимался каким-либо делом, стремился довести его до наивысшего уровня совершенства» [13,27]. Эти слова

наглядно иллюстрируют высокий уровень интеллектуальной и художественной культуры, достигнутый в период позднего Тимуридского правления.

После смерти Амира Тимура в 1405 году его обширная держава претерпела распад и переустройство. В условиях внутренней нестабильности она разделилась на два крупных политических центра: Мавераннахр с Самаркандом и Хорасан с Гератом. Начало XV века сопровождалось частой сменой династий, междоусобными конфликтами и перераспределением власти.

Однако, несмотря на политическую турбулентность, архитектура, градостроительство и изобразительное искусство не утратили динамики развития, сохраняя преемственность культурных форм. Создание Тимуром централизованного государства дало импульс восстановлению торговых путей, росту ремесленного производства и подъёму экономики. Это, в свою очередь, стимулировало урбанизацию и превращение крупных городов в важнейшие центры культурной и хозяйственной жизни региона.

Во времена правления Тимура частично был возрождён Великий шёлковый путь, проходивший через земли Мавераннахра. Это усилило роль региона как транзитного моста между Востоком и Западом. Города того периода часто получали символические поэтические названия, подчёркивающие их статус. Самарканд, один из древнейших городов региона, стал политическим и культурным центром империи Тимуридов, а позднее-столицей Мавераннахра. Город, сформировавшийся в пределах Афрасиаба, развивался ещё с античности. В IX - X веках, при Саманидах, он имел развитую фортификацию с цитаделью и крепостными поясами. После разрушений 1220 года историческое ядро уже не восстанавливалось, и новый этап развития происходил на территории Шахри-Беруна.

Наиболее масштабное обновление город получил в конце XIV века, когда стал резиденцией Амира Тимура. С 1371 года здесь осуществлялась централизованная программа градостроительных работ, основанная на чётких указаниях правителя, зафиксированных в «Уложении Тимура». Архитектурные мероприятия велись системно, охватывая ключевые аспекты инфраструктурного и культурного формирования столицы.

Согласно сохранившимся свидетельствам, один из разделов этого свода правил касался вопросов благоустройства территорий. В нём, в частности, подчёркивалась необходимость расчистки и поддержания в рабочем состоянии ирригационных каналов, ремонта и строительства мостов, создания сети караван-сараяев на расстоянии дневного перехода друг от друга. Кроме того, Тимур предписывал возведение в каждом городе мечетей, образовательных учреждений, суфийских ханак, благотворительных приютов, больниц, а также административных зданий - для нужд городской думы и судебных органов. Эти меры свидетельствуют о системном подходе к формированию инфраструктуры и о высоком уровне государственного контроля за развитием городской среды [15, 56].

В конце XIV века Самарканд при Амире Тимуре претерпел масштабную реконструкцию. Город был заново укреплён стенами, в западной части которых находилась цитадель-ключевой административный и оборонительный центр. Пла-

нировка города строилась по радиально-лучевому принципу: основные улицы сходились к центральному куполу базара, служившему ядром общественной и торговой жизни. В этот период активно строились караван-сарай, мечети, медресе, общественные бани, а развитая система каналов обеспечивала город водой.

Значительную роль в архитектурном расцвете Самарканда сыграли мастера из покорённых Тимуром регионов - Персии, Ирана, Индии, Азербайджана. Их участие привело к синтезу разнообразных художественных традиций и формированию уникального архитектурного стиля.

В 1403 году кастильский король Энрике III направил в Самарканд посольство во главе с Руи Гонсалесом де Клавихо. Миссия, сопровождаемая священником и охраной, подчёркивала важность дипломатического контакта. Путь посольства пролегал через Константинополь, Армению, Персию и Хорасан. В Самарканде Клавихо провёл около трёх лет, подробно описывая жизнь двора, архитектуру и городскую среду. Его записи, ставшие важным историческим источником, были опубликованы лишь спустя два столетия.

Кроме Самарканда, приглашённые из других стран мастера активно участвовали в строительных и градостроительных работах в таких крупных культурных центрах, как Шахрисабз, Герат, Исфахан, Туркестан и ряде других городов региона. Именно здесь в конце XIV-начале XV века разворачивается масштабная архитектурная деятельность, не имевшая аналогов в предыдущие исторические периоды, охватывая как общественные здания, так и элементы городской инфраструктуры.

Местная архитектурная традиция Центральной Азии, сформировавшаяся ещё в IX - X веках, в XIV-XV вв. получила новое развитие благодаря вкладу приглашённых мастеров из Ирана, Азербайджана, Тебриза, Шираза и других регионов. В результате тесного взаимодействия местных зодчих и иностранных специалистов возникло самобытное архитектурное направление, которое современники воспринимали как новую стилистическую эпоху. Этот художественно-конструктивный стиль достиг пика в XV веке, особенно при Улугбеке - внуке Тимура, известном как покровитель науки и искусства.

В это время Самарканд продолжал расти как в пространственном, так и в социально-экономическом плане. Население города проживало в кварталах - гузарах, нередко объединённых по профессиональному признаку. Существовали ремесленные районы медников, гончаров, ювелиров, сапожников, оружейников и других специалистов. За пределами города развивалась пригородная зона с базарами и ремесленными улицами, обеспечивавшими экономическую активность. Важную роль играли и общественные пространства, предназначенные для праздников и народных гуляний - например, урочище Канигуль у арыка Оби-Рахмат, где проводились массовые культурные мероприятия [7,169-175].

Во второй половине XV века Герат становится важным центром культуры и политики Тимуридской державы, особенно при Шахрухе и Султানে Хусейне Байкаре. Город активно развивается - укрепляется архитектурная структура, упорядо-

чивается планировка. Герат получает прямоугольную схему укреплений (примерно 1300х1350 м), включающую мощную цитадель на севере.

Фортификационные стены с 149 круглыми башнями, построенные из саманного кирпича и облицованные жжёным, частично сохранились до наших дней. Особой прочностью отличались угловые бастионы, такие как Али - Асад и Хакистар, некоторые из них были украшены керамическими плитками. Планировка города строилась на пересечении двух главных улиц, в центре которых находился крытый рынок - Чорсу. Вдоль этих магистралей размещались торговые ряды и лавки, что делало центр Герата оживлённым экономическим ядром города [8, 79].

В XV веке Герат охватывал территорию около 2,5 км² и насчитывал более полумиллиона жителей, занимая одно из ведущих мест среди городов Среднего Востока. За пределами городских укреплений располагались булуки - пригородные районы, отличавшиеся функциональным и социальным разнообразием. Здесь формировались ремесленные и торговые кварталы, загородные резиденции знати, сады и дворцы, что отражало высокий уровень градостроительного планирования и социального расслоения.

Пик архитектурного расцвета пришёлся на вторую половину XV века. Именно тогда в Герате строились мечети, медресе, ханака и дворцовые комплексы, отличающиеся художественным богатством. По данным А. М. Беленицкого, столь высокой концентрации выдающихся построек город не знал ни до, ни после эпохи Тимуридов. Вдоль аллеи Хиябан, идущей вдоль канала Инджиль, формировалась элитная архитектурно-парковая зона - Боги Загон, Боги Сафед, Боги Джахон-Ара, Боги Нау и другие резиденции. Особое значение имел ансамбль, построенный по инициативе Гаухаршад, жены Шахруха. Он включал медресе, мавзолей, мечеть и мусалла. Алишер Навои восхищался его декоративным обликом, отмечая, что совершенство орнамента и блеск позолоты поражали даже опытных мастеров [6, 357-358].

В XIV-XV веках Шахрисябз, центр исторической области Кеш, приобрёл статус укрепленного города. В 1378 году по приказу Амира Тимура он был обнесён мощными стенами из глины, дополненными рвом и подъёмными мостами. Эти укрепления, местами достигавшие 11 метров в высоту, были усилены башнями, стоявшими через каждые 60 метров. Часть сооружений сохранилась и была частично восстановлена в 1990-х годах.

Градостроительная структура строилась по принципу двух пересекающихся улиц, ведущих к четырём городским воротам. Вдоль них располагались ключевые архитектурные объекты. На северо-востоке находился дворец Ак-Сарай, а рядом-главная площадь Регистан. Центральную часть занимал крытый рынок Чорсу, а в юго-восточном секторе был построен усыпальный ансамбль Доруссиадат, где хоронили членов династии. Жилые кварталы знати и духовенства размещались у северной окраины города. Испанский посол Руи Гонсалес де Клавихо, побывавший в Шахрисябзе в начале XV века, описывал его как хорошо обустроенный город, окружённый садами и пересечённый каналами, с земляным валом и рвом по периметру [9, 64; 10, 26].

Особенность планировки Балха заключалась в отсутствии отдельной цитадели: функции обороны выполняли городские стены, охватывавшие шахристан (внутренний город) и рабад (пригород). После разорения монголами в XIII веке восстановление Балха началось в 1360-х годах. В источниках того времени он назывался «Куббат ал-Ислам»–«Купол ислама», что подчёркивало его религиозную значимость.

Центром возрождённого города стала возвышенность Боло Хисар- укреплённая зона, где располагались административные здания и резиденции. Этот участок нередко упоминался как «царский город», отражая его особое значение.

Южнее Боло Хисара находился старый жилой массив-Шахри Дарун, охватывающий примерно 150 гектаров. В XV веке к западу от него возник новый район-Шахри Бирун («внешний город»), в котором велось активное строительство: появлялись мечети, медресе, дворцы, рынки и караван-сарай. Уже к XVI веку в этом районе насчитывалось около ста медресе, что свидетельствует о высоком уровне культурной и духовной жизни Балха [11, 12, 65].

В XV веке происходило активное формирование архитектурного и планировочного облика города Ура-Тюбе (современный Истаравшан), находившегося под управлением представителей династии Тимуридов. В это время город входил в число значимых административных и культурных центров региона.

Особый интерес представляет тот факт, что в конце XV столетия Ура-Тюбе неоднократно посещал Захириддин Мухаммад Бабур-прямой потомок Тимура, оставивший после себя выдающееся историко-литературное наследие в виде мемуаров «Бабур-наме» [1,67]. Именно в этом источнике город впервые упоминается под формой названия, близкой к современной - «Уротешпа» [1,113].

В течение XV столетия Худжанд продолжал играть важную роль среди крупных поселений Ферганской долины. Город, чья история восходит к V веку до нашей эры, сохранял устойчивое значение как экономический и культурный центр региона. В средневековых трактатах, включая классификацию городов, предложенную выдающимся философом Абу Насром аль-Фараби, Худжанду было присвоено поэтическое наименование «Тирози Джахон», что можно перевести как «Краса мира» или «Невеста Земли»-эпитет, подчёркивающий его красоту, благоустроенность и значение в исламском культурном пространстве [16,157]. За обилие садов и виноградников Худжанд восхваляли историки и географы разных времен.

По данным исследований Г. А. Пугаченковой, в XIV–XV веках на территории Среднего Востока городские мастера, занятые в сфере строительства, были объединены в профессиональные сообщества цехового типа. Эти объединения просуществовали, претерпев лишь незначительные изменения, вплоть до новейшего времени. В их структуру входили руководитель и старшина-как правило, наиболее опытные и уважаемые архитекторы, отличавшиеся высоким уровнем профессиональных знаний, продолжительной практикой и моральным авторитетом. Иерархия включала также мастеров и учеников, а сама система делилась по направлени-

ям строительного ремесла, отражая специализацию зодчих в рамках определённых архитектурных и технических задач [13,9].

В обществе Тимуридской эпохи зодчий занимал почётное и уважаемое положение. Архитекторы того времени отличались не только высоким уровнем образованности, но и глубоким пониманием теоретических аспектов архитектуры и принципов проектирования. Их деятельность выходила за рамки ремесла, представляя собой интеллектуальную и художественную практику. В 1943 году профессор А. А. Семёнов выявил собрание архитектурных чертежей и графических материалов XVI века, что послужило весомым подтверждением гипотезы А. Ю. Якубовского о развитой проектной культуры и зрелости архитектурной мысли того периода [2,16].

Анализ градостроительного и архитектурного развития Мавераннахра и Хорасана в конце XIV-XV веков показывает формирование целостной культурно-пространственной среды, в которой органично сочетаются местные строительные традиции и художественные приемы, заимствованные от мастеров из покорённых Тимуром стран. Возведение значимых общественных объектов - таких как мечети, медресе, дворцы, торговые площади и укреплённые сооружения - осуществлялось в русле централизованной государственной политики. Эти проекты не только укрепляли политическую структуру, но и формировали образ высокоразвитого общества с глубокими духовными и интеллектуальными устремлениями.

Основные градостроительные центры-Самарканд, Шахрисябз, Герат, Балх, Ура - Тюбе, Худжанд - демонстрируют поразительное единство стилевых решений при заметной вариативности локальных планировочных моделей. Это свидетельствует о том, что архитектура эпохи Тимуридов не была копированием традиционных форм, а представляла собой осмысленную художественную трансформацию, соответствующую новым социально-политическим задачам. Развитая система цеховой организации строительства, высокая статусность архитекторов, участие иностранных специалистов и наличие нормативных регламентов, подобных «Уложению Тимура», подтверждают наличие зрелой архитектурной школы с чётко выстроенными принципами.

Изучение архитектурного наследия этого периода представляет особую актуальность в свете задач современной реставрации, сохранения исторического облика городов и научного осмысления феномена архитектурной преемственности в Центральной Азии. Опыт эпохи Тимуридов демонстрирует, как архитектура способна выступать инструментом культурной консолидации, политического представительства и устойчивого территориального развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабур. Бабур-намэ. Записки Бабур / пер. М. Салье. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1958. – 534 с.
2. Бакланов, Н. Б. Архитектурные чертежи узбекского мастера XVI в. / Н. Б. Бакланов // Сообщения Института теории и истории архитектуры. – М., 1944. – Вып. 4. – 63 с., ил.
3. Березиков, Е. Великий Тимур: роман-хроника / Е. Березиков. – Ташкент: Укитувчи, 1994. – 336 с.
4. Бретаницкий, Л. С. Зодчество Азербайджана XII–XV вв. и его место в архитектуре Переднего Востока / Л. С. Бретаницкий. – М., 1966. – 556 с., ил.

5. Бретаницкий, Л. С. К проблеме взаимосвязи и стилистической общности культур народов Передней Азии (о связях архитектуры Азербайджана и Средней Азии в эпоху господства Тимуридов) / Л. С. Бретаницкий // Художественное наследие Переднего Востока эпохи феодализма: избр. труды. – М.: Советский художник, 1988. – 252 с., ил.
6. Всеобщая история архитектуры. В 12 т. Т. 8. – М.: Стройиздат, 1969. – 491 с., ил.
7. Воронина, В. Л. Ансамбли среднеазиатских городов / В. Л. Воронина // Архитектурное наследие. – М., 1978. – Вып. 24. – С. 169-175.
8. Мирбабаев, А.; Мукимова, С.; Усманов, К. Средневековая городская культура Центральной Азии / А. Мирбабаев, С. Мукимова, К. Усманов. – Душанбе: Мерос, 2001. – 108 с., ил.
9. Миронова, И. Комментарий / И. Миронова // Де Клавихо, Р. Г. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403-1406 гг.). – М.: Наука, 1990. – С. 211.
10. Мукимова, С. Р. Формирование художественного образа в архитектуре жилища Северного Таджикистана XIX – начала XX вв. / С. Р. Мукимова // Вестник Таджикского национального университета. – 2017. – № 3/7, ч. II. – С. 25-29.
11. Мукимова, С. Р. Проблемы сохранения и реконструкции культурного и природного ландшафта в Таджикистане / С. Р. Мукимова // Наследие и современность. – 2018. – № 3. – С. 27-39.
12. Мухтаров, А. Позднесредневековый Балх / А. Мухтаров. – Душанбе: Дониш, 1980. – 126 с., ил.
13. Пугаченкова, Г. А. Зодчество Центральной Азии. XV век / Г. А. Пугаченкова. – Ташкент: Изд-во литературы и искусства, 1976. – 115 с., ил.
14. Пугаченкова, Г. А. Шедевры Средней Азии / Г. А. Пугаченкова. – Ташкент: Изд-во литературы и искусства, 1986. – 220 с., ил.
15. Уложение Тимура. – Ташкент: Чулпон, 1992. – 112 с.
16. Фараби, А. Трактат о взглядах жителей добродетельного города / А. Фараби // Григорьян С. Н. Из истории философии Средней Азии и Ирана VII–XII вв. – М., 1960. – 158 с.

МЕЪМОРӢ, ШАӢРСОӢӢ ВА МУСТАӢӢКАМКУНИИ АСРӢОИ МИЁНАИ ТАРАҚӢӢ-ТИ МОВАРОУННАӢРУ ХУРОСОН (ОХИРИ АСРӢОИ XIV - XV)

Мақола рушди меъморӣ, шаҳрсозӣ ва иншооти мудофиавӣ дар қаламрави Мовароуннаҳр ва Хуросон дар охири асрҳои XIV-XV-ро ошкор мекунад. Инкишофи маданияти модӣ дар заминаи таърихи ташаққули асрҳои мутараққии миёна дар аксари қаламрави Осиёи Миёна дода мешавад.

Анъанаҳои меъморӣ ва шаҳрсозӣ дар мисоли шаҳрҳои марказии давлати Темур ва Темуриён таҳлил карда мешаванд. Таҳлили мухтасари шаҳрҳои канори Хучанд ва Уротеппа (ҳоло Истаравшан) дар Тоҷикистони таърихӣ оварда шудааст. Дар бораи аҳамияти омӯхтани шаҳрҳо ва мустаҳкам намудани онҳо дар шароити муносири азнавсозии онҳо ҳулоса бароварда мешавад.

Таҳлили шаҳрсозӣ ва рушди меъмории Мовароуннаҳру Хуросон дар охири асрҳои XIV - XV ба вучуд омадани муҳити мутафовити фарҳангӣ ва фазой маълум мегардад, ки анъанаҳои бинокории маҳаллӣ бо усулҳои ҳунарие, ки аз устодон аз сарзаминҳои забткардаи Темур гирифта шуда буданд, бефосила омехта шудаанд.

Соҳтмони иншооти муҳимми чамъиятӣ, аз қабилӣ масҷидҳо, мадрасаҳо, қасрҳо, бозорҳо ва биноҳои мустаҳкам дар доираи сиёсати мутамаркази давлатӣ сурат мегирифт. Ин лоиҳаҳо на танҳо соҳти сиёсиро мустаҳкам карданд, балки симои чамъиятӣ ба дараҷаи олӣ тараққикардаи дорон орзуҳои амиқӣ маънавӣ ва фикриро ташаққул доданд.

Калидвожаҳо: *меъморӣ, шаҳрсозӣ, қалъасозӣ, Самарқанд, анъанаҳо, сохтори шаҳр, банақшагири.*

АРХИТЕКТУРА, ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО И ФОРТИФИКАЦИЯ МАВЕРАННАХРА И ХОРАСАНА В КОНЦЕ XIV-XV ВВ.

В статье рассматриваются процессы развития архитектуры, градостроительства и оборонительных сооружений на территории Мавераннахра и Хорасана в конце XIV–XV вв. Эволюция материальной культуры анализируется в контексте становления развитого средневековья на обширных пространствах Центральной Азии.

Особое внимание уделено архитектурным и градостроительным традициям центральных городов государства Тимура и Тимуридов, а также их периферийных центров – в частности, Ходжента и Ура-Тюбе (ныне Истаравшан) на территории современного Таджикистана. Отмечается важность изучения средневековых городов и их фортификационных систем в контексте современных программ реконструкции и реставрации исторической застройки.

Анализ градостроительного и архитектурного развития Мавераннахра и Хорасана в указанный период позволяет говорить о формировании целостной культурно-пространственной среды, в которой органично сочетались местные строительные традиции и художественные приёмы, заимствованные от мастеров из покорённых Тимуром регионов.

Возведение значимых общественных сооружений – мечетей, медресе, дворцов, торговых площадей и укрепленных комплексов – осуществлялось в русле централизованной государственной политики. Эти архитектурные проекты не только способствовали укреплению политической системы, но и формировали образ высокоразвитого общества, отличавшегося глубокими духовными, интеллектуальными и эстетическими устремлениями.

Ключевые слова: *архитектура, градостроительство, фортификация, Самарканд, традиции, структура города, планировка.*

ARCHITECTURE, URBAN PLANNING, AND FORTIFICATION OF MAVERANNAHR AND KHORASAN IN THE LATE XIV TH - XV TH CENTURIES

The article explores the development of architecture, urban planning, and defensive structures in the territories of Maverannahr and Khorasan during the late 14th to 15th centuries. The evolution of material culture is examined within the broader context of the formation of the mature medieval period across much of Central Asia.

The study analyzes the architectural and urban planning traditions of the central cities of the Timurid Empire, while also providing a brief overview of the peripheral centers such as Khujand and Ura-Tyube (modern Istaravshan) in present-day Tajikistan. The author emphasizes the contemporary relevance of studying these medieval cities and their fortification systems, particularly in the context of their ongoing restoration and reconstruction.

An examination of the architectural and urban development of Maverannahr and Khorasan in the late 14th to 15th centuries reveals the emergence of a cohesive cultural and spatial environment, in which local construction traditions were harmoniously integrated with artistic techniques introduced by craftsmen from the territories conquered by Timur.

The construction of major public structures—mosques, madrasas, palaces, marketplaces, and fortified complexes—was carried out under a centralized state policy. These monumental projects not only reinforced the political authority of the state but also shaped the image of a highly developed society, distinguished by its spiritual depth, intellectual vigor, and aesthetic sophistication.

Key words: *architecture, urban planning, fortification, Samarkand, traditions, city structure, layout.*

Сведения об авторе: Мукимов Рустам Самадович - доктор архитектуры, профессор, старший научный сотрудник отдела древней, средневековой и новой истории Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ. Тел. моб.: (+992) 907 - 77 -18 - 02. E-mail: mukimovr@mail.ru

Маълумот дар бораи муаллиф: Мукимов Рустам Самадович - доктори илмҳои меъморӣ, профессор, ходими калони илмӣи шуъбаи таърихи қадим, асрҳои миёна ва навӣ Институтӣ таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносӣ ба номи Аҳмади Дониши АМИТ. Тел. моб.: (+992) 907- 77 -18 - 02. E-mail: mukimovr@mail.ru

Information about the avtor: Mukimov Rustam Samadovich - Doctor of Architecture, Professor, Senior Research Fellow at the Department of Ancient, Medieval, and Modern History, A. Donish Institute of History, Archaeology and Ethnography, National Academy of Sciences of Tajikistan. Tel.: (+992) 907 - 77 -18 - 02. E-mail: mukimovr@mail.ru

УДК 94(=512.133)(575.3+5-012)"1920/1930»

ИЗ ИСТОРИИ ТАДЖИКОВ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ТАДЖИКИСТАНА В 1920-1930-е ГОДЫ

АКРАМОВ М. И.,¹

Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ

Таджикский народ насчитывает многовековую историю. Предки таджиков расселились на огромных пространствах Евразийского континента от Западного Китая до Ирака и от Хорезма до долины Синда в северной Индии [4, 171].

Ученые определили, что предками таджиков являются древнейшие и древние коренные народы иранского континуума: согдийцы, бактрийцы, ферганцы, тахористанцы, хорезмийцы, маргианцы, парфяне, эфталиты и персоязычные горные и переселенческие племена: саки, кангюйцы, которые сформировались в первом тысячелетии новой эры. Об этом свидетельствуют тексты, написанные на иранских языках: бактрийском, согдийском и других распространенных в древний период и начале средних веков в Центральной Азии и приграничных с ней районах [4, 171].

Начиная с X-XI вв. на всем среднеазиатско-хорасанском этническом пространстве в устной и литературно - письменной традициях, как самих таджиков, так и соседних народов получает повсеместное распространение этноним «таджик», свидетельствующее о завершении формирования таджикского этноса.

В ходе исторического развития таджики входили в состав различных государств, а в период правления таджикских династий, таких как Тахиридов, Саффаридов, Саманидов, Гуридов, Гератских Куртов, Музафаридов, Картидов, в их государство входило множество других народов Центральной Азии.

В условиях повышенного интереса разделенных народов к самопознанию и самоидентификации, сближению и консолидации, становится более актуальным изучение разделённых частей таджикского народа, как неотъемлемой части всего таджикского народа и его истории, как составной части отечественной истории.

Новейшая история таджиков мира, теснейшим образом связана с периодом политических событий 20-х–30 годов XX века, в период установления Советской власти и создания новой таджикской государственности, после долгого времени господства мангитской династии.

Генетическая связь народа Советского Таджикистана, со своими соплеменниками за рубежом, обладающая, историко-культурной значимостью, приобретает

¹ Статья написана в рамках проекта «История таджикского народа» (Таджикистан в период Советского Союза), государственный регистрационный номер 0121 TJ 1200.

особую актуальность и требует более углубленного изучения исторического прошлого таджиков на обширном пространстве.

Вместе с тем для всестороннего восстановления исторической действительности необходимо изучение социально-экономического, политического и духовно-нравственного состояния таджикского общества. Такой подход сформировал особое направление исторического исследования позволяющего анализировать, исторические факты и события с позиции отечественной исторической науки.

На расселение, численность, этнический состав и структуру населения на территориях, на которых проживали таджики и их предки, огромное влияние оказывали миграционные процессы, имеющие свои закономерности и механизмы, связанные с военно-политической историей, колонизацией, расширением государственных и этнических границ, межэтническими конфликтами и войнами.

Характер расселения и динамика численности населения в значительной мере зависят от миграционных потоков, взаимоотношений автохтонного и вновь прибывшего населения, от переселенческой политики государства.

Одним из государств, за пределами Таджикистана и куда в период становления и укрепления Советской власти в 20-х годах XX века мигрировало большое количество таджикского населения, являлся Афганистан. Необходимо отметить, что на данной территории, после основания государства Дуранидов в Кандагаре (1747) вместо названия «Хорасан» начали использовать название «Афганистан». Афганистан, как политическое название региона вытеснил название «Хорасан» ближе к XIX веку. Слово «Хорасан»- обозначающее как страна, где восходит солнце, применялось ранее к обширному региону, включающую в себя территории северо – восточного, восточного Ирана, всю территорию Афганистана и Среднюю Азию.

Узбеки и туркмены поселились в северном Хорасане после вторжения Шейбанидов в XVI веке. На территории Афганистана таджики жили испокон веков и являлись автохтонным народом. Причины разделения таджикского народа заключались в геополитическом противостоянии Британской и Российской империй в регионе. В итоге между Британской империей и царской Россией были заключены соглашения в 1873 и 1895 годах о сферах влияния в Средней Азии. В результате разделения сфер влияния между колониальными державами, таджики оказались разделённым народом. Такое положение сохранилось и после установления Советской власти на всей территории бывшего Бухарского эмирата и части Туркестанского генерал-губернаторства России.

В Афганистане в 1920- 1930 годах, таджики представляли второе по численности население и обитали в местах компактного своего проживания, а также чересполосицу или совместно с другими народами. Одной из древних областей, населенной таджиками, является Кабул и прилегающие к нему районы. Территория, зависящая от столицы страны - Кабула, представляет долину больших размеров, простираясь от города на 50 курухов (1 курух =около 3 км) в направлении на север и северо-запад, вплоть до гор Гиндукуша и на юг в направлении Кандагара - почти что на 200 курухов. Это пространство целиком заселено таджиками [17, 65].

Что же касается северо-восточной части страны - горные районы Кухистана, Кухдамана, Бадахшана, - то эти районы полностью также были заселены таджиками. Только в районе Кундуза незначительную часть населения составляли каттаганские узбеки.

Кроме Кабульской области и северо-восточных районов страны, важной областью, где испокон веков таджики жили компактной массой, является Герат, а также Гур и Заминдавар [3, 89]. Таджики преимущественно жили в самом городе Герате, занимаясь торговлей и ремеслами, а также по берегам девяти каналов Гератской долины, занимаясь поливным земледелием и садоводством. Таджики также были исконными жителями горной страны Гур, расположенной в юго-восточной части Гератской области. Таджики проживали в Балхе, Тахаре, Бадахшане, Парване, Панджшере, Каписе, Баглане, Горе, Бадгисе.

Исходя из анализа различных источников, можно привести только приблизительные данные в отношении количества проживающих таджиков в Афганистане. Детальной переписи населения не проводилось вплоть до начала XX века. В основу анализа демографического состава Афганистана в первой четверти XX века легли работы Абаева Т.Г., книга Артамонова Л.К. «По Афганистану. Гератская провинция», статистические данные русских офицеров Трусова, Покотило, Поляка А. А., советского исследователя по Афганистану в 1930 годах Соколов - Страхова К.И и др.

Критический анализ и обработка всех существующих сведений о численности таджиков, с привлечением архивных, статистических материалов, многочисленных данных афганской литературы показали, что в начале XX века, исходя из минимального расчета 6 человек в среднем на двор, численность таджиков Афганистана доходила до 2,3— 2,4 млн. человек. Эти данные, хотя и приблизительны, но основаны на реальных статистических подсчетах расселения таджиков разных районов в конце XIX - начала XX веков [7].

По оценкам некоторых афганских исследователей, в это время в Афганистане также проживало 2,4 млн. пуштунов, хотя, по другим оценкам, численность пуштунских племен находившихся за «линией Дюранда», составляла немногим более 1,5 млн. человек.

Таджики Афганистана, в прошлом были более многочисленным народом, чем в 20-30-е годы XX века на юго-западе Хорасана, известной под географическим названием Сеистан. На юго-западе Сеистан окружён пустынями. Единственные плодородные земли находятся по берегам Гильменда, Фаррахруда и озера Хамун, в которое впадают эти реки. Исконные обитатели Сеистана - таджики.

Важным аспектом в истории таджиков зарубежья, помимо таджиков испокон веков населявшие территории зарубежных стран, является проблема эмиграции таджиков за пределы Таджикистана в 20-х–30-х годах XX века.

С победой Великой октябрьской социалистической революции и процессом установления Советской власти в 1920-х годах, раскулачивания и коллективизации конца 1920-1930 годов, происходил исход таджикского населения с территории Советского Таджикистана в сопредельные страны Афганистан, Иран, Пакистан,

Индию и Китай. В их числе были как сторонники эмира, бывшие чиновники, баи, духовенство, зажиточные люди так и простой народ, не принявшие новые порядки, устанавливаемые Советской властью. Часть эмигрированных, впоследствии, уехала ещё в более отдалённые страны Европы и США [2].

В конце 1920 года из частей Туркестанского фронта был создан Гиссарский экспедиционный отряд, который в феврале-марте 1921 года освободил Гиссар, Душанбе, Куляб и другие районы от банд эмира. Эмир Алимхан был вынужден со своими людьми бежать в Афганистан и укрыться там. До мая 1921 года Восточная Бухара была освобождена от войск эмира, здесь были созданы чрезвычайные органы советской власти для центральных и южных районов Таджикистана - Революционные комитеты. В этих районах, как и во всем Таджикистане, началась гражданская война. В ходе борьбы против басмачества организовывались местные органы народной власти. В названных районах, как и во всем Советском Таджикистане, были приняты меры по решению вопросов земли, воды, промышленности и т.д., что было, прежде всего, в интересах трудящихся. Одновременно эти меры были направлены против интересов другой группы людей - имущих, середняков, кулаков, мулл, от чего пострадали не только указанные слои, но и простой народ. Все это стало причиной недовольства сотен тысяч людей, в том числе таджиков, их миграции с исторической Родины. Так, например, в середине 20-х годов XX века общее количество населения покинувшего Центральный и Южный Таджикистан, и перебравшихся в соседний Афганистан, составило 200 тысяч человек, или 40 тысяч семейств. Количество вернувшихся реэмигрантов составило 7 тысяч хозяйств или 40 тысяч человек [5, 413]. В 1936 году число беженцев в Афганистан уже достигло 120 тыс. семей – 600 тыс. человек. По всей вероятности эти цифры приближительные. Статистические данные того периода нельзя назвать идеальными [9, 161].

В 1920 годах XX века, в период революционных преобразований в Средней Азии, демократические процессы затронули и народы Афганистана. Таджикское население Афганистана, длительное время, находившееся под политическим, социально-экономическим и национальным гнетом афганских правящих династий, ханов, сардаров, глав пуштунских племен, неоднократно выступали против тяжелого налогового гнета и произвола чиновников. В 20-х – 30-х годах XX века в Афганистане начался период бурных социальных потрясений, связанных, с одной стороны, с новыми реформами Амануллы - хана, противоречившими интересам феодальных и религиозных кругов, а с другой - с национальной политикой правительства, нередко проводившейся вразрез с интересами непущтунских народностей. Социальные противоречия, сложная экономическая ситуация были причиной произошедшей гражданской войны в Афганистане 1928-1929 годах. Этот период был ознаменован крупном антиправительственным выступлением таджикского крестьянства в 1928-1929 гг. в районах к северу от Кабула.

В условиях обострения социально-экономических противоречий в конце 20-х годов XX века, появившихся в результате проведения комплекса реформ эмиром Аманулла-ханом, таджики Афганистана оказались одним из главных участников

драматических событий общенационального масштаба. Возглавленное представителем социальных низов таджиком Хабибуллаханом Калакани по прозвищу Бачаи Сакао восстание таджиков Кухистана одновременно с антиправительственным выступлением ряда пуштунских племен Восточной провинции в конце 1928 - начале 1929 гг. привело к свержению реформаторского режима эмира Амануллы. К власти пришла коалиция консервативных сил во главе с Бачаи Сакао, который, став эмиром, впервые в истории страны бросил вызов политическому доминированию пуштунов в верхних эшелонах власти.

По материалам колониальных документов лондонских хранилищ, а именно архива Индийского Офиса (India Office Library), Британской библиотеки очевидным становится факт, что путь наиболее состоятельных и политически активных бухарских и туркестанских эмигрантов пролегал по нескольким маршрутам. Главным из них был афганский. Из советской Средней Азии беглецы следовали через Восточную Бухару (современный южный Таджикистан) в северный Афганистан и, далее, в Кабул. Балансировавшая между Москвой и Лондоном афганская столица не была для них надежным и привлекательным прибежищем для антисоветской эмиграции. В Афганистане их юридический статус был неопределенным. Им выдавались временные документы (справки) и лишь самым титулованным назначалась пенсия от имени афганского правительства. Для того чтобы двигаться далее в Европу, Турцию или на Ближний Восток, бухарцы и туркестанцы были вынуждены обращаться в англо-индийский Пешавар. Другой путь бегства из «русской» Средней Азии пролегал через Туркмению в контролируемый англичанами персидский Мешхед, где наряду с английским, функционировали турецкое и российское консульства. После соответствующей «фильтрации», англичане в Пешаваре и Мешхеде признавали бухарцев легальными беженцами и снабжали их паспортами и визами для дальнейшей отправки в другие страны, в первую очередь в Старый Свет и святы места Аравии. Разрешение давалось, однако, не всем. Известно, например, что сам Алим Хан в 1920-1930 годах неоднократно и безуспешно обращался к англичанам в Пешавар и Мешхед за разрешением выехать в Мекку. По достигнутой между собой договоренности английские, афганские, бухарские и советские власти оказались глухи к мольбам Алим-хана. Они отвели беглому эмиру статус домашнего арестанта при афганском дворе [1, 173].

В 20-х 30-х годах XX века, фарси-дари язычные народы Китая, именуемые в китайской официальной статистике «таджиками», представлены преимущественно памирскими таджиками - сарыкольцами (сарыкули), ваханцами. Все перечисленные по административно - территориальному проживанию таджики являются потомками древнейшего коренного населения региона современного Китая, где они ныне компактно проживают, а именно юго-запада Синьцзян - Уйгурского автономного района (СУАР) КНР, прилегающего к горам Памира и Тянь-Шаня [6, 172].

В районе Кашгара местное население именуются китайскими учёными иранскими народностями, но, по сути, являются таджиками и говорят и по-тюркски и по-таджикски. На обоих языках говорят без ошибок [6, 172]. Традиция тюрко-дари

двуязычия в Восточном Туркестане поддерживалась и до первой половины XX в. Шведский тюрколог Г. Ярринг, побывавший в Хотане в середине XX в., свидетельствовал, что в местных уйгурских школах продолжали учить читать сразу и на дари-фарси, и на чагатайском языке.

Студенты, обучающиеся в местных медресе, изучали так называемые «Семь книг», включающие в себя избранные богословские тексты на тюркском, арабском и дари - фарси языках. Таким образом, традиция тюрко-дари двуязычия, хотя бы в образованных мусульманских кругах Восточного Туркестана, отчасти поддерживалась.

Издrevле, одни представители таджиков составляли постоянный компонент населения в этом регионе северо-западного Китая, другие (большей частью купцы) проживали здесь более или менее долгое время, но фактически на протяжении XVIII–XX вв. являлись постоянной и важной прослойкой городского населения. В городах южной окраины региона давно возникли торговые колонии бадахшанских, шугнанских, таджиков, патанов (пуштунов) и других «афганцев», говорящих на дари – фарси языках. Также известно, что среди купцов - выходцев из Бухары, использовался язык дари-фарси. Известно, что российский военный разведчик и первый казахский ученый Чокан Валиханов тайно проник в Кашгар в 1858 г. под видом бухарского купца. Что касается коренных дари-фарси язычных представителей китайского Синьцзяне, сарыкольские таджики – это памирские таджики, живущие только на территории Китая. Они расселены по долинам реки Сарыкол (Ташкуртан) и его притоков, отделены от остального мира Сарыкольским, Кашгарским, Ташкуртанским хребтами.

Сарыкольские таджики являлись оседлым населением. Их основным занятием было высокогорное земледелие и разведение скота – лошадей, коров, овец, яков, верблюдов, коз. По вероисповеданию являлись мусульманами – исмаилитского течения, и не строили мечети, но почитали мазары. Предположительно их численность от 10 до 20 тысяч человек. В китайском Синьцзяне, на стыке границ Китая, Таджикистана и Афганистана, живёт от 2 до 5 тысяч ваханских таджиков [10, 27]. Они также исмаилиты, по типу хозяйства – горные скотоводы, но занимаются и земледелием. Небольшое количество таджиков в 30-х годах XX века проживали в горах юго-западного Кашгара. Они близки по укладу хозяйства сарыкольцам и ваханцам. В начале 20-х годов XX в. их было 8 тысяч.

Именно в Кашгар в 1920-х годах бежал после неудачной попытки вторгнуться в пределы советского Таджикистана лидер басмачей – этнический таджик Фузайл Махсум, родом из Дарваза. После освобождения Красной армией Бухары и падения режима эмира Алим-хана, в 1920—1921 годах Фузайл собрал в свою банду около 3000 моджахедов. После подчинения наиболее известному лидеру басмачей, Ибрагимбеку он присоединился к армии Энвера-паши с Давлатмандбеком, которые вели бои в Восточной Бухаре при поддержке эмира Алим-хана. В это же время к армии Энвер-паши присоединился другой этнический таджик из Афганистана - Хабибулла Калакани, пользовавшийся широкой поддержкой среди таджиков Афганистана. Как и Энвер - паша, Фузайл Махсум находился в противоречивых от-

ношениях с Ибрагимбеком. Фузайл Махсум также помогал Шермухаммадбеку и воевал вместе с ним. В 1921-1922 годах, Фузайл Махсум участвовал в мятеже Энвер-паши и сражался с красными в Душанбе и Гиссаре. А когда Энвер погиб, Фузайл Махсум какое-то время служил Сами-ходже (Салим-паша), но он не смог противостоять натиску большевиков и уехал в Афганистан. В конце 1923 - начале 1924 годов, Фузайл Махсум неоднократно пересекал советскую границу и входил в районы Дарваза и Каратегина. Он не оставлял попыток поднять восстание против Советской власти и в 1929 году ему удалось временно захватить Каратегин и Дарваз. Однако, впоследствии потерпев поражение от отрядов Красной армии, Фузайл Махсум бежал со своими сторонниками в Кашгар. Сколько сторонников Фузайла Махсума, и противников новой власти бежало в Кашгар неизвестно, но как было сказано выше, в состав его банды в 1920-х годах входило порядка 3000 басмачей, не считая сочувствующих ему из числа жителей Дарваза и Каратегина. В 1935 году Фузайл Махсум был найден и казнён в Кашгаре группой советских чекистов.

По официальным данным властей Китая собирательным названием фарси-дари язычных народов Памира, является этноним «таджики», хотя китайские учёные выделяют памирских таджиков в отдельную памирскую народность отличную от таджиков. Общее число памирских таджиков по переписи 1990 года в КНР насчитывает более 33 с половиной тысяч человек. По последним сведениям их число в пределах 45–50 тысяч [6, 102]. В рамках КНР им предоставлена национальная автономия уездного уровня – Ташкурганский таджикский автономный уезд [8, 34].

Таким образом, трудно переоценить значение таджикского народа в истории Китая. Страны фарси-дари язычного мира - Афганистан, Таджикистан, Иран, являются ближайшими соседями Китая, две из которых и имеют с ней общую границу, а представители фарси – дари язычных сарыкольских таджиков Памира, являются гражданами современного Китая.

Исследование этнической истории таджиков на основе письменных источников и археологических материалов свидетельствуют о том, что восточные территории Ирана являлись также исторической родиной таджиков. Ученые определили, что предками таджиков являются древнейшие и древние коренные народы иранской расы: согдийцы, бактрийцы, ферганцы, тахористанцы, хорезмийцы, маргианцы, парфяне, эфталиты и персоязычные горные и переселенческие племена: саки, кангуйцы, которые сформировались в первом тысячелетии новой эры. Об этом свидетельствуют тексты, написанные на иранских языках: бактрийском, согдийском и других, распространенных в древний период и начале средних веков в Центральной Азии и приграничных с ней районах.

Ученые определили историческую родину коренных таджиков по историческим

источникам, прежде всего, по Авесте. В первой главе книги, имеющей название Вадевдат, приведены 16 владений арийцев, созданных Ахурамаздой, среди ко-

торых Согд, Мерв, Тус, Бактрия, Герат и другие. Большинство из них находилось в Великом Хорасане и являлись исторической родиной таджиков.

Великий Хорасан, также известный как Хвар-замин- историческая область Большого Ирана, упомянутая в письменных источниках со времён империи Сасанидов. В исламский период Большой Хорасана включал в себя значительно большие территории, чем существующие в настоящее время три провинции Хорасан в Иране. Регион объединял части Афганистана, Ирана Туркменистана, Узбекистана и Таджикистана.

Приставка Великий или Большой была добавлена для обособления, в свою очередь, этого региона от провинции Хорасан в Иране, на которую приходилось лишь примерно половина западной части исторического Хорасана. Из этого следует, что четверть восточного Ирана являлась исторической родиной таджиков. Таджики Ирана трудились в сельском хозяйстве, ремесле, торговле, промышленности, финансовой сфере, а в некоторых регионах и в животноводстве. Они внесли свой достойный вклад также в развитие науки и культуры страны и вообще в мировую цивилизацию. Достаточно вспомнить имена великих деятелей науки, культуры и искусства. Одним из выдающихся ученых был астроном, математик и конструктор астрономических приборов уроженец Худжанда Абумахмуд ибн Хизр Худжанди. Он был приглашен в Рей ко двору Фахр-ад-Давла (976-997). где жил и работал до конца своей жизни (около 1000 г.). Здесь он возглавил рейскую научную школу. Под его руководством на вершине горы Табарак был установлен астрономический инструмент секстант. Велика заслуга таджикского учёного Абурайхона Бируни, ученого в развитии сферической тригонометрии. Он оставил богатое наследие в области естественных наук: "Книга об универсальном инструменте».

«Арифметический трактат», «Книга об азимуте Кыблы». «Книга о прошедших часах ночи» и т.д. Рукописи этих сочинений хранятся в библиотеках Оксфорда, Каира и Лондона. Ученые-таджики из Мавераннахра внесли свой достойный вклад и в последующие периоды развития Ирана.

Крупных достижений добились таджикские ученые и в области истории. Один из них -Абуфазл Мухаммад бинни Хусайн Байхаки (992 - 1077), уроженец Байхакского вилоята Хорасана - автор «Таърихи Масъуди» или «Таърихи Байхаки». Это произведение состоит из 30 томов, из которых последняя часть 5-го тома, 6-9-й тома и некоторая часть 10-го тома дошли до наших дней.

Одним из видных ученых и государственных деятелей XI века был Абуали Хасан ибн

Али Туси – Низамулмулк, сыгравший важную роль в экономический, политической, научной и культурной жизни страны в эпоху Сельджукидов. Великая заслуга Низамулмулка перед Ираном, в том числе перед таджиками этой страны, в развитии их науки и культуры заключается в том. что он поставил на службу обществу знаменитые личности того периода. В частности, пригласил в «Низамию» Исфагана одного из знаменитых сынов Худжанда. основателя династии оли Худжанди - Имома Абубакра Мухаммада ибн Сабита Худжанди (умер в 1090 г.). проживавшего в Мерве и отличавшегося великой мудростью, любовью к науке.

20 – 30-е годы XX века в Иране начались социально – экономические потрясения - внешние враги в лице англосаксов стремились вовлечь Иран в сферу своего влияния и захватить его природные и человеческие ресурсы. Победа Октябрьской революции и установление советской власти в России и Средней Азии оказали свое влияние и на Иран. В это внес свой вклад и великий писатель, ученый и общественный деятель Садриддин Айни. Это видно из ряда публицистических статей, воззваний, таких, как «Проблема Востока». «Победа революции на Востоке», «Положение Ирана». «Иран и революция на Востоке». "Иран вышел на площадь» и других, которые были опубликованы в журнале «Шуълаи Инкилоб» (Пламя революции). Устод разоблачает антинародную политику английского правительства и его приспешников: «Правительство Ирана... ради своего двухдневного спокойствия и отдыха продало весь Иран и иранцев англичанам...иностранные богачи, взяв в свои руки правление Ираном.... насыщают свой желудок и набивают карманы. Для них неважно, будет Иран благоустроенным или разрушенным, сытым или голодным...». С. Айни призывает население страны к чуткости, организованности, к борьбе против врага: «Братья-иранцы! Трудящиеся разоренной страны! Не зевайте, используйте удобный случай, не допускайте, чтобы шести тысячелетняя страна ваших предков оказалась под копытами английских коней! Не допускайте, чтобы сторонники англичан продали мазары и могилы ваших предков. Не допускайте, чтобы иностранные капиталисты заморили вас в вашем же жире! Не бойтесь! Не подпускайте к себе страха! Правда на вашей стороне». Таковы были реалии того времени, когда Советская власть, признанная таджикским народом, имеющим общие духовные и культурные ценности с иранскими таджиками и самими иранцами, сопереживала и всячески оказывала помощь Ирану.

Таджики являются коренным населением Ирана. Об этом свидетельствуют многочисленные источники. Например, хивинский хан пишет в своей книге, что «в кишлаке Магоз близ Исфагана все таджики и говорят на языке фарси; тюрки их не понимают; я их понимаю и могу с ними говорить на фарси». О том, что таджики являются коренным населением Ирана, свидетельствуют и другие источники. В книге кастильского дворянина Гарсию Сильва Фигероа приводится информация об иранских таджиках, о том, что они являются древним народом Ирана. Английский дипломат Эльфинстон также в начале XIX века в своей книге «Описание Кабульского королевства», касаясь населения территории Ирана, писал: «коренных жителей Ирана называют таджиками». По мнению Н.В.Ханыкова таджики в Иране «являлись предшественниками тех народов, которые сейчас управляют этими странами». Он считает, что «таджики больше других сохранили признаки древних персов...», что людей типа таджиков можно часто встретить и в стороне от широких столбовых дорог». Территория проживания таджиков в Иране простираются до Мазандерана и даже до южного побережья Каспийского моря. Общее число таджиков в Иране в 30-х годах XX века достигала 1 млн. 500 тысяч человек [4, 171].

Касательно проблемы расселения таджиков на территории Пакистана в 20-х - 30-х годах XX века, необходимо отметить, что Пакистан являлся частью британской Индии до 1947 года. Таджики в Пакистане или сватийцы (от одноимённого

округа Сват) являлись коренным иранским народом Хайбер - Пахтунхва, живущим на территории Пакистана.

Таджики в Пакистане являются одной из старейших коренных общин региона. Сватийцы, так называли таджиков Пакистана, из-за многочисленных семей таджиков, проживающих в округе Сват.

Этнические таджики называют себя сватийцами и проживали либо в крупных городах - Исламабаде и Лахоре, либо в Пенджабе и Хайбер-Пахтунхvae, провинциях, находящихся всего в нескольких сотнях километров от границы Советского Таджикистана. Две страны узкой прослойкой разделяли северные регионы Афганистана, также населенные, в основном, таджиками.

Некоторые исследователи полагали, что предки сватийцев поселились здесь ещё во времена Ахеменидской династии, образовав самый дальний рубеж огромной Персидской империи.

Уклад местных таджиков, равно как и множества других народов, населяющих регион, несильно менялся на протяжении столетий. В процессе колониальной политики Британской империи колониальная администрация Великобритании в Индии, без учёта расселения народов населявших регион провела разграничение между индийской колонией и Афганистаном, проведя «Линию Дюранда», обозначив границы Афганистана и Индии в части Пакистана, входившую в состав британской колонии Индии и разделив единую общность таджиков на два государства. Данная линия является результатом переговоров в 1893 году между афганским эмиром Абдурахманом и секретарём индийской колониальной администрации сэром Мортимером Дюрандом. Возникновение линии Дюранда было последствием двух англо-афганских войн, в которых Великобритания пыталась расширить Британскую Индию.

Они были вынуждены ассимилироваться, растворяясь как народ, среди этнического большинства пуштунов, пенджабцев и синдхов. Но при этом сватийцы, как могут, сохраняют свою идентичность. Численность сватов в 20-х-30-х годах XX столетия составляло приблизительно несколько тысяч человек - не так уж и много, учитывая, что всего в Пакистане на современном этапе, по неофициальным данным проживает порядка 1 миллиона этнических таджиков [11].

Многие таджики Пакистана ассимилировались с пуштунскими племенами и фактически сватийцев причисляют к пуштунам. Большинство коренных таджиков (сватийцев) живёт в провинции Хайбер - Пахтунхва, в первую очередь в таких округах, как: Сват, Пешавар, Читрал, Верхний Дир, Баджаур. Небольшое количество таджиков афганского происхождения компактно проживали в Белуджистане и её городах: Кветта, Калат, Хуздар и др. Таджики или же сватийцы, расселились в разных этнических зонах Пакистана. Абсолютное большинство сватийцев, не знали персидского, дари или таджикского языка.

В Свате и его окрестностях, включая Пешаварскую долину, таджики говорили на пушту, но в Хазаре, через реку Синд, около 40 % говорят на хиндко, другой вид пенджабского языка, а также пушту.

Многие таджики Белуджистана, округа Калат, Сиби и Хуздар говорят на белуджском языке. Таджики местностей Лоралай и Харнай говорили на языке пушту.

В топонимии географических местностей Пакистана полно таджикских названий, таких как Чарсада, Чар Асияб, а в 64 км от Исламабада, столицы Пакистана есть даже город под названием «Таджак». Также в долинах Гаджал, Ишкуман, Ясин в зоне Гилгит - Северный Балуджистан, живут таджики - памирцы, которых называют Вахи и разговаривают они на ваханском языке [11].

Таким образом, история таджиков, как разделённой нации в 20-х -30-х годах XX столетия, включает в себя более обширные территории, и выходит за пределы Советского Таджикистана. Таджики, проживавшие за рубежом, кто исторически находился в пределах других государств и те, кто в процессе разных причин (социальных, политических, военных) были вынуждены эмигрировать с исторической родины, неразрывно связаны своими национальными, языковыми, духовными, культурными, традиционными связями.

В этой связи, становится очевидным тот факт, что в изучение истории таджикского народа важной составляющей является исследования истории таджиков за рубежом в 20-х - 30-х годах XX века. Необходимо при интерпретации истории таджикского народа учитывать цивилизационный характер истории таджикского народа, выходящий за рамки одного государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуллоев, К. От Синьцзяна до Хорасана. Из истории среднеазиатской эмиграции XX века / К. Абдуллоев. – Душанбе: Ирфон, 2009. – 571 с.
2. Агабеков, Г. ГПУ. Записки чекиста / Г. Агабеков. – Берлин, 1930. – 216 с. Агабеков, Г. ЧК за работой / Г. Агабеков. – М.: Книга, Милосердие, Просвещение, 1992. – 320 с.
3. Асланов, М. Г. Афганистан / М. Г. Асланов, А. Д. Давыдов // Национальные процессы в странах Ближнего и Среднего Востока. – М.: Наука, 1970. – 194 с.
4. Бабаханов, М. Б. История таджиков мира / М. Б. Бабаханов. – Душанбе, 2004. – 304 с.
5. История таджикского народа. Т. V / под ред. Р. Масова. – Душанбе: Дониш, 2004. – 752 с.
6. Кадырбаев, А. Ш. «Таджики» Китая: история и современность / А. Ш. Кадырбаев. – М.: Ин-т востоковедения РАН, 2010. – 175 с.
7. Махмадшоев, Р. Процессы этнополитического и социокультурного развития таджиков Афганистана (середина XVIII – начало XX вв.): дис. ... канд. ист. наук / Р. Махмадшоев. – М., 2011. – 344 с.
8. Мункуев, Н. Ц. Китайский источник о первых монгольских ханах. Надгробная надпись на могиле Елюй Чуцай. Перевод и исследование / Н. Ц. Мункуев. – М., 1965. – 56 с.
9. Ульмасов, Р. Международная миграция населения на постсоветском пространстве: 20 лет удач, ошибок, надежд / Р. Ульмасов. – М., 2011. – 169 с.
10. Усманов, И. С. О писателях и поэтах Китая – выходцах из стран Ближнего Востока, Ирана, Средней Азии / И. С. Усманов // XX научная конференция «Общество и государство в Китае». – Ч. 2. – М., 1989. – С. 27–31.
11. Сватийцы – так называют таджиков Пакистана Электронный ресурс Электронный ресурс Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://news.tj/ru/news/life/person/2018>. (Дата обращения: 10.03.2023).
12. Холикзода, А. Политическая история таджиков: от завоевания России до сегодняшнего дня / А. Холикзода. – Душанбе: Оли Сомон, 1994. – 120 с.

13. Эркаев, М. История гражданской войны в Таджикистане / М. Эркаев. – Душанбе: Ирфон, 1971. – 695 с.
14. Эркаев, М. Барпо ва мустахкам намундани ҳокимияти Советӣ дар Тоҷикистон / М. Эркаев. – Душанбе, 1966. – 105 с.
15. Холикзода, А. Политическая история таджиков: от завоевания России до сегодняшнего дня / А. Холикзода. – Душанбе: Оли Сомон, 1994. – 120 с. (дубль записи № 12).
16. Raverty, H. I. Notes on Afghanistan and Part of Baloochistan: Geographical, Ethnographical and Historical, Extracted from the Writings of the Little Known Afghan and Tajik / H. I. Raverty. – London, 1881. – 421 p.

ИЗ ИСТОРИИ ТАДЖИКОВ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ТАДЖИКИСТАНА В 1920-1930 - е ГОДЫ

В данной статье анализируются процессы расселения таджиков мира в 1920-1930-е годы XX века. Исследуются вопросы автохтонного происхождения и коренного проживания таджиков на территориях Афганистана, Китая и Пакистана (до 1949 года входившего в состав Британской Индии). Особое внимание уделяется культурно-историческим связям таджиков с иранским народом, на протяжении веков проживающим на территории современного Ирана.

История таджиков как разделённой нации в 1920-1930-е годы охватывает более широкий географический ареал и выходит за пределы Советского Таджикистана. Таджики, проживавшие за его рубежами – как те, кто исторически находился в пределах других государств, так и те, кто по социальным, политическим или военным причинам был вынужден эмигрировать с исторической родины, – сохраняли прочные национальные, языковые, духовные и культурные связи, объединяющие их в едином цивилизационном пространстве.

В статье приводятся научно обоснованные данные о компактных местах проживания таджиков в Китае, Пакистане, Афганистане и Иране, а также анализируется их численность, социально-экономическое положение, культурная и духовная жизнь. Рассматриваются проблемы ассимиляции таджиков в странах проживания, а также вопросы сохранения традиционных национальных ценностей в условиях доминирования титульных наций.

Особое внимание уделяется событиям 1920-1930-х годов, когда в результате установления Советской власти в Таджикистане, борьбы с басмачеством и проведения коллективизации значительная часть населения эмигрировала за пределы республики – в Афганистан, Китай, Иран и другие страны. Среди мигрантов находились сторонники эмирского режима, баи, духовно-клерикальные круги, а также неграмотные дехкане, подверженные влиянию религиозной идеологии.

Автор подчёркивает актуальность изучения истории таджикского народа как неотъемлемой части исследования истории таджиков зарубежья в 1920-1930-е годы XX века. При интерпретации исторических процессов необходимо учитывать цивилизационный характер развития таджикского народа, выходящий за рамки одного государства, и рассматривать его как составную часть общей истории иранского культурного круга.

Ключевые слова: *таджики зарубежья, таджикский народ, Советская власть, Таджикистан, Афганистан, Индия, Пакистан, Иран, эмиграция, разделённый народ, социально-экономическое положение, басмаческое движение, титульная нация, коренное население, историческая родина, Хорасан, этнический состав.*

FROM THE HISTORY OF TAJIKS OUTSIDE TAJIKISTAN IN THE 1920S-1930S

This article analyzes the processes of resettlement of Tajiks across the world during the 1920s–1930s. It examines aspects of the autochthonous origin and indigenous settlement of Tajiks in Afghanistan, China, and the territory of present-day Pakistan (which was part of India until 1949). The study also explores the cultural and historical ties between the Tajiks and the Iranian people, who have lived for centuries within the borders of modern Iran.

The history of the Tajiks as a divided nation in the 1920s–1930s encompasses territories far beyond the borders of Soviet Tajikistan. Tajiks living abroad—both those who historically resided within other states and

those who, for various social, political, or military reasons, were forced to emigrate from their historical homeland—remained closely connected through enduring national, linguistic, spiritual, cultural, and traditional bonds.

The article provides scientifically grounded data on the compact settlements of Tajiks in China, Pakistan, Afghanistan, and Iran, including estimates of their demographic composition. It also analyzes the socio-economic, cultural, and spiritual dimensions of the lives of Tajiks living abroad, discussing both the challenges of assimilation and the preservation of traditional national values under conditions of dominance by the titular nations of their host countries.

During the establishment of Soviet power in Tajikistan, the struggle against the Basmachi movement, and the collectivization campaigns of the 1920s–1930s, many Tajiks emigrated abroad—to Afghanistan, China, Iran, and other countries. Among these migrants were supporters of the emir's regime, landowners (bai), members of the religious and clerical elite, as well as ordinary illiterate peasants (dehqans) influenced by religious ideology.

In this context, the author emphasizes the importance of studying the history of the Tajik people as an integral part of the broader research on the Tajik diaspora of the 1920s–1930s. Interpreting the history of the Tajik nation requires taking into account its civilizational character, which extends beyond the borders of a single state, and viewing it as part of the shared historical and cultural heritage of the Iranian world.

Key words: *Tajiks abroad, Tajik people, Soviet power, Tajikistan, Afghanistan, India, Pakistan, Iran, emigration, divided people, socio-economic situation, Basmachi movement, titular nation, indigenous population, historical homeland, Horasan, ethnic composition.*

АЗ ТАЪРИХИ ТОЧИКОНИ БУРУНМАРЗӢИ ТОЧИКИСТОН ДАР СОЛҲОИ 1920-1930

Дар ин мақола мушкилоти кўчонидани тоҷикони ҷаҳон дар солҳои 1920-1930-и асри XX мавриди таҳлил қарор гирифтааст. Ҷанбаҳои пайдоиши автохтонӣ ва истиқомати бумии тоҷикон дар Афғонистон, Чин, қаламрави Покистон (то соли 1949, ки дар ҳаёти Ҳиндустон буд) мавриди омӯзиш қарор доранд. Муносибати фарҳангӣ ва таърихӣ тоҷикон бо мардуми эронӣ, ки дар тӯли садсолаҳо мустақиман дар Эрон зиндагӣ мекунанд, мавриди таҳлил қарор гирифтааст.

Таърихи тоҷикон дар солҳои 20-30-юми қарни бистум ҳамчун як миллати ба ҳам ҷудошуда қаламравҳои густардатареро дар бар мегирад ва аз ҳудуди Тоҷикистони Шуравӣ берун меравад. Тоҷиконе, ки дар хориҷи кишвар зиндагӣ мекарданд, ки таърихан дар дохили давлатҳои дигар буданд ва онҳое, ки бо сабабҳои гуногун (иҷтимоӣ, сиёсӣ, низоми) маҷбуран аз Ватани таърихӣ худ муҳоҷират карданд, бо иқтисодӣ, забонӣ, маънавӣ, фарҳангӣ ва фарҳангии худ пайванди ногустастанӣ доранд.

Дар бораи истиқомати паймононаи тоҷикон дар мамӯлики Чин, Покистон, Афғонистон ва Эрон маълумоти илман асоснок оварда шудааст. Таркиби миқдории тоҷикони ин давлатҳо оварда шуда, ҳамзамон ҷузъҳои иҷтимоӣ-иқтисодӣ, фарҳангӣ ва маънавии зиндагии тоҷикони бурунмарзӣ ифшо шудааст. Мушкилоти ассимилятсия, ҳамчунин ҳифзи арзишҳои суннатии миллии тоҷикон дар шароити бартарияти миллати титулии як кишвари иқоматӣ.

Дар давраи барқарор намудани Ҳокимияти Шуравӣ дар қаламрави Тоҷикистон ва мубориза бо босмачиён, инчунин раванди коллективизатсия дар солҳои 20-30-юми асри XX муҳоҷират аз ҳудуди Тоҷикистон ба хориҷа, аз он ҷумла ба Афғонистон, Чин, Эрон ба амал омад. Дар байни муҳоҷирон тарафдорони тартиботи амир, бой, табақаи рӯҳонию рӯҳониён, инчунин деҳқонони одии бесавод, ки идеологияи динӣ ба онҳо таъсири манфӣ расонида буд, низ вучуд доштанд.

Муаллиф дар ин росто аҳамияти омӯзиши таърихи халқи тоҷикро ҳамчун ҷузъи муҳими омӯзиши таърихи тоҷикони бурунмарзӣ дар давраи солҳои 20-30-уми асри XX мавриди амал қарор додааст. Ҳангоми тафсири таърихи халқи тоҷик хусусияти тамаддунии таърихи халқи тоҷикро, ки аз доираи як давлат берун мебарояд, ба инобат гирифтани зарур аст.

Калидвожаҳо: *тоҷикони бурунмарзӣ, халқи тоҷик, Ҳокимияти Шуравӣ, Тоҷикистон, Афғонистон, Ҳиндустон, Покистон, Эрон, муҳоҷират, мардуми ҷудошуда, вазъи иҷтимоӣ-иқтисодӣ, ҳаракати босмачиён, миллати титулярӣ, аҳолии бумӣ, ватани таърихӣ, Хуросон, таркиби этникӣ.*

Сведения об авторе: Акрамов Муртазо Иномович - кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии имени А. Дониша НАНТ. Телефон: (+992) 907-14-43-65. E-mail: akramov.murtazo@mail.ru

Маълумот дар бораи муаллиф: Акрамов Муртазо Иномович - номзади илмҳои таърих, ҳодими илмии шӯъбаи таърихи навтарини Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониши АМИТ. Телефон: (+992) 907-14-43-65. E-mail: akramov.murtazo@mail.ru

Information about the author: Akramov Murtazo Inomovich - candidate of Historical Sciences, researcher of the Institute history, archeology and ethnography named after A. Donish of the National Academy of Sciences of Tajikistan. Phone: (+992) 907-14-43-65. E-mail: akramov.murtazo@mail.ru

УДК 355.232(575.3)"1941/1945»

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ХАРЬКОВСКОГО ВОЕННО - АВИАТЕХНИЧЕСКОГО УЧИЛИЩА В СТАЛИНАБАДЕ В ГОДЫ ВЕЛИ- КОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ¹

ГАФУРОВ А.,

Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ

Харьковское Высшее Военное Командное училище имени Маршала Советского Союза Н. И. Крылова было сформировано в самом начале 1941 года, накануне Великой Отечественной войны и именовалось как Харьковское военное авиационно-техническое училище.

Приказ о создании Харьковского военного авиационно-технического училища на базе Харьковского технического училища Гражданского Воздушного Флота был подписан Народным Комиссаром Обороны СССР, Маршалом Советского Союза С. Тимошенко. С 25 февраля 1941 года начался отсчет славного пути, пройденного Харьковским высшим военным командно-инженерным училищем ракетных войск имени Маршала Советского Союза Крылова Н. И.

После начала войны, в связи с невозможностью проводить нормальные занятия в городе, который подвергался частым бомбардировкам и усиленно готовился к обороне, училище, на основании распоряжения военного совета Харьковского военного округа от 24 сентября 1941 года, начало готовиться к эвакуации в город Фрунзе (ныне - Бишкек).

В период с 20 по 29 сентября 1941 года из Харькова был вывезен весь курсантский, а также постоянный состав и члены их семей. В дальнейшем по ходу движения эшелонов на Восток, пункт дислокации был изменен на город Сталинабад (Душанбе) Таджикской ССР.

¹ Статья написана в рамках проекта «История таджикского народа» (Таджикистан в период Советского Союза), государственный регистрационный номер 0121 TJ 1200.

В Сталинабаде регулярные учебные занятия в училище «начались с 25 октября 1941 года. В мае 1942 года состоялся первый выпуск авиатехников и авиамехаников по эксплуатации самолетов и двигателей в количестве 1100 человек» [1].

«Приказом Народного Комиссара Обороны от 22 ноября 1942 года начальником училища был назначен полковник Хадеев Степан Петрович, имеющий большой опыт руководства военными учебными заведениями ВИА им. Н. Е. Жуковского и Вольского авиатехнического училища» [2]. В этой должности Степан Петрович ярко проявил свой талант военного руководителя, организатора учебного процесса, ученого. Его деятельность положительно отразилась на всех сферах многогранной жизни коллектива училища. По итогам 1943 года училищу было присуждено первое место среди вузов Военно-Воздушных сил Среднеазиатского военного округа.

Училище, по зданию Государственного Комитета Обороны, готовило авиационных механиков для офицерской службы в технических подразделениях ВВС Красной Армии. Продолжительность обучения в данном учреждении составляла 12 месяцев. По завершении курса подготовки выпускники проходили аттестацию, проводимую специальной государственной комиссией, которая включала государственные экзамены.

Уже к маю 1942 года училищем было подготовлено и выпущено 800 авиамехаников. 25 октября 1942 года состоялся второй выпуск, в который вошли 500 человек. В течение всей войны училище подготовило тысячи авиационных специалистов, которые значительно способствовали общему делу победы над врагом.

План подготовка кадров Харьковским авиационно - техническим училищем [3]

Харьковское авиационно-техническое училище	1941 План подготовка	1942 План подготовка	1943 План подготовка	1944 План подготовка	1945 План подготовка	Всего за 1941 - 1945
Авиационные техники по эксплуатации самолетов	0 ---- 0	380 ---- 341	1000 ---- 955	435 ---- 422	0 ---- 0	1815 ---- 1718
Авиамеханики по эксплуатации самолетов	155 ---- 250	246 ---- 769				401 ---- 1019
Итого:	155 ---- 250	626 ---- 1110	1000 ---- 955	435 ---- 422	0 ---- 0	2216 ---- 2737

Таблица демонстрирует, что Харьковское авиационно-техническое училище в период с 1941 по 1945 годы подготовило 1718 авиатехников и 1019 авиамехаников, занимающихся эксплуатацией самолетов. В общей сложности было подготовлено 2737 специалистов.

Большинство курсантов в 1943 году были участниками войны с немецкими захватчиками, имели боевые ордена и медали.

Бывший офицер училища В. Т. Послушник делится воспоминаниями: «Учебный процесс был крайне напряженным. Весь состав училища трудился как днём, так и ночью. В рамках таких циклов, как эксплуатационный и технологический, обучение слушателей проводилось по сжатому графику, включая ночные занятия, с максимальным учетом фронтовых условий».

К концу 1943 года «83% преподавательского состава училища имело высшую специальную подготовку. Инструкторский состав был из числа выпускников военно-технических училищ» [4, 16 об].

Преподавательский и инженерно-технический состав прилагали огромные усилия, чтобы имеющаяся техника, вооружение, приборы, аэродромное оборудование и материальная часть всегда были в исправности. Особенно трудно было в первые месяцы войны, когда новую технику училище получало в ограниченном количестве, а обучение было интенсивное. Личный состав оказывал большую помощь колхозам в сборе сельскохозяйственной продукции, в заготовке топлива и т.д.».

В суровые годы войны крепла партийная организация училища. Так, только за 1943 год число ее членов увеличилось на 258 человек. В том же году училищу было присуждено первое место среди военно-учебных заведений ВВС Среднеазиатского военного округа. А на следующий год училище завоевало первенство среди вузов Военно-Воздушных Сил страны.

Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР 18 мая 1944 года училищу было вручено боевое Красное Знамя и Грамота «как символ воинской чести, доблести и славы, как напоминание каждому из бойцов и командиров части об их священном долге преданно служить Советской родине» [5].

Харьковское училище ежегодно обязано было подготовить 1000 офицеров [6, 16]. Личным составом училище было укомплектовано полностью. Личный состав училища по национальности выглядел так: русских - 1143 чел., украинцев - 377, белорусов - 50, грузин - 9, армян - 8, узбеков - 3, таджиков - 5, туркмен - 2, татар - 30 и др. - 119. По социальному составу: рабочих - 706 чел., крестьян-колхозников - 120, служащих - 550, учащихся - 363 чел.» [7, 16 об].

Ученики училища активно принимали участие в разгрузке санитарных поездов, несению караульной службы в связи с убытием линейных частей, участвовали на заготовке топлива, в работах в подсобных хозяйствах. Ежедневно с курсантами проводился обязательных 12 часов учебных занятий, из них 8 на лекциях классно-групповые занятия. В училище имелась учебная и клубная библиотеки, которые обслуживали 1600 читателей [8, 16].

Партийная организация училища «насчитывала в своих рядах 1605 членов и 430 кандидатов в партию, а комсомольская организация училища насчитывала в своих рядах 415 человек». Политический отдел, заместители командиров батальонов по поли-

тической части и партийно-комсомольские организации осуществляли свою деятельность, опираясь на коммунистов и комсомольцев из беспартийного актива. В этой работе они использовали различные формы, такие как партийные и комсомольские собрания, доклады, беседы, политические информации, стенды, боевые листки и наглядную агитацию, тщательно связывая свою работу с задачами, поставленными перед училищем.

Только в период с января по август 1943 года для курсантов и командиров были прочтены 39 докладов и лекций по темам: «Основные черты воинского воспитания», «Сущности цели и задачи воинского воспитания», «Военная присяга и уставы Красной Армии – основа воинского воспитания и закон жизни», «Ленин и Сталин – в суворовской системе воспитания», «Боевой устав пехоты Красной Армии – о моральном облике, волевых качествах и стиле работы командира», «Ленин и Сталин – о значении морального фактора в войне», «Ленин и Сталин – великие патриоты нашей Родины», «Коренные пороки немецкой стратегии и тактики», «учение марксизма-ленинизма о войне и армии», «приказ командира закон для подчиненных», «основные качества и моральный облик командира Красной Армии», «Бить врага не числом, а умением», «повседневное совершенствуй боевую выучку войск», «Русский солдат», «Кутузов и Бородинское сражение», «полководческое искусство Суворова и Кутузова», «Основные черты русского военного искусства», «Национальные особенности русской армии», «Дисциплина, порядок и организованность – важнейшее условие победы Красной Армии над врагом» [9, 20-21] и др.

В Харьковском авиационно-техническом училище осуществлялась активная культурно-массовая деятельность. Просмотры фильмов организовывались как в школьном клубе, так и в городе, также широко практиковалось коллективное посещение театров и концертов. В училище функционировал кружок самодеятельности. Эти мероприятия значительно способствовали улучшению политической работы и агитационно-пропагандистской деятельности.

Курсанты училища в свободное время оказывали поддержку местным советским организациям и колхозам. В частности, офицерский состав провел в городе 215 лекций, оказал помощь колхозу «Этифок-Джигон» в уборке и обмолоте зерновых культур, а также поддержал три колхоза Куйбышевского района в прополке и окучивании хлопка. Кроме того, они содействовали Наркомместпрому в сооружении систем для спуска угля с гор в Зиддах и помогли Душанбинскому району в строительстве дороги в районе возводимой электростанции, взяли шефство над одним эвакогоспиталем, где организовали доклады, помогли автотранспортом, помогли Курган-Тюбинскому совхозу «Садвинтрест» в сборе урожая и перевозке грузов, помогли переоборудовать завод Орджоникидзе и канализации города.» [10, 24].

В 1944 году училище вернулось к месту постоянной дислокации в город Харьков. В связи с полным разрушением города, курсанты некоторое время проживали в землянках, блиндажах и палатках. Позже училище было размещено в корпусах, а для курсантов были построены казармы. В течение июля 1944 года личный состав и техника в основном были перевезены в город Харьков. Училищу по улице Сумской № 77/79 была отведена территория авиагородка, на которой до июля 1941 года размещалась авиабригада Харьковского военного округа, а также угловое пятиэтажное здание, где до войны находилось общежитие Военно-хозяйственной академии.

Таким образом, Харьковское Высшее Военное Командное училище с сентября 1941 года по июль 1944 года находилось в эвакуации в городе Сталинабад, что позволило продолжить подготовку кадров – авиамехаников и авиатехников, необходимых для фронта, и, таким образом, внести свой вклад в победу над врагом.

История Харьковского Высшего Военного Командного училища, начавшаяся накануне грозных событий Великой Отечественной войны, является ярким примером стойкости, самоотверженности и бесценного вклада в общее дело Победы. Эвакуация в Сталинабад, ставшая вынужденной мерой, не сломила дух преподавателей и курсантов, а лишь закалила их, превратив в сплоченный коллектив, способный решать сложнейшие задачи в условиях военного времени.

Несмотря на трудности, училище не только продолжило подготовку квалифицированных авиационных специалистов, но и сумело добиться выдающихся успехов, заслужив признание на уровне Военно-Воздушных сил страны. Тысячи выпускников, прошедших обучение в стенах училища, внесли свой вклад в обеспечение боеспособности советской авиации, приближая долгожданный день Победы.

Возвращение в родной Харьков в 1944 году стало символом возрождения и новой жизни. Училище, несмотря на разрушения и лишения, продолжило свою важную миссию по подготовке военных кадров, внося неоценимый вклад в послевоенное восстановление страны и укрепление ее обороноспособности.

Память о героическом периоде эвакуации в Сталинабаде навсегда останется в истории училища, как свидетельство мужества, преданности и высокого профессионализма его личного состава.

ЛИТЕРАТУРА

1. ХВВКУ. <https://xvvky.narod.ru/Xvvku.html> (дата обращения: [20.06.2025]).
2. Харьковское Высшее Военное Командное училище имени Маршала Советского Союза Крылова Н.И. <https://xvvky.narod.ru/Xvvku.html> (дата обращения: [13.07.2025]).
3. Вооруженные силы: Подготовка кадров техническими военно-учебными заведениями ВВС КА. <http://ivatushnik.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=61>. (дата обращения: [20.08.2025]).
4. Государственный архив новейшей истории Таджикистана (далее ГАНИТ). Ф. 3, оп. 125, д. 131, л. 16 об.
5. <http://f912a48f850ddb5.s.siteapi.org/docs/d72d9304d0b7a04f89a518092cd70c948bb47c7c.pdf> (дата обращения: [23.08.2025]).
6. ГАНИТ. Ф. 3, оп. 125, д. 131, л. 16.
7. ГАНИТ. Ф. 3, оп. 125, д. 131, л. 16 об.
8. ГАНИТ. Ф. 3, оп. 125, д. 131, л. 16 об.
9. ГАНИТ. Ф. 3, оп. 125, д. 131, л. 20-21.
10. ГАНИТ. Ф. 3, оп. 125, д. 131, л. 24.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ХАРЬКОВСКОГО ВОЕННО-АВИАТЕХНИЧЕСКОГО УЧИЛИЩА В СТАЛИНАБАДЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Статья посвящена малоизученной теме – истории пребывания Харьковского военно-авиатехнического училища в городе Сталинабаде в годы Великой Отечественной войны (1941-1945). История эвакуации данного учебного заведения в Таджикистан, а также его деятельность в период пребывания в таджикской столице до настоящего времени не получили должного освещения в исторической науке.

В статье подробно рассматривается процесс эвакуации училища, его работа в Таджикистане, а также роль в подготовке авиационных специалистов – авиатехников и авиамехаников, занимавшихся ремонтом самолётов.

Отмечается, что в период пребывания в Сталинабаде Харьковское училище не только успешно выполняло свои образовательные и военные задачи, но и активно участвовало в общественной жизни республики, оказывая помощь эвакуогоспиталям и другим учреждениям столицы.

В результате исследования установлено, что за годы эвакуации в Сталинабад училище подготовило 2737 курсантов для Военно-воздушных сил СССР, внёсших значительный вклад в общую победу над фашизмом.

Ключевые слова: училище, эвакуация, курсанты, авиатехник, авиамеханик, война, учеба, помощь, подготовка, Сталинабад, выпуск, оборона.

ФАЪОЛИЯТИ ОМУӢЗИШГОӢИ ӢАРБИИ АВИАТЕХНИКИИ ӢАРКОВ ДАР СТАЛИНОБОД ДАР СОЛӢОИ ӢАНГИ БУЗУРГИ ВАТАНӢ

Мақола ба мавзуи таҳқиқнашуда - таърихи замони дар шаҳри Сталинобод қарор доштани ОмуӢзишгоҳи Ӣарбии авиатсионии Ӣарков дар давраи Ӣанги Бузурги Ватании солҳои 1941-1945 бахшида шудааст. Ӣолати қўчонидани ин муассисаи таълимӣ дар солҳои Ӣанги Бузурги Ватанӣ ба Тоҷикистон то имрӯз омуӢхта нашудааст.

Дар ин мақола таърихи будубоши омуӢзишгоҳ дар Тоҷикистон, фаъолияти он дар давраи эвакуатсия ва нақши он дар омода кардани мутахассисон - техникҳо ва механикҳои ҳавопаймой оид ба таъмири ҳавопаймоҳо нақл карда мешавад.

ОмуӢзишгоҳи Ӣарбии Ӣарков дар муддати дар шаҳри Сталинобод будан на танҳо ба оморасозии мутахассисон машғул буд, балки ба бемористонҳои Ӣарбӣ ва дигар муассисаҳо кӯмаки ҳешро мерасонид. Собит мешавад, ки дар замони дар Сталинобод фаъолият кардан омуӢзишгоҳ барои Қувваҳои Ӣарбии Ӣавоии ИҚШС 2737 мутахассиси сатҳи баланд омода намудааст.

Калидвожаҳо: омуӢзишгоҳ, эвакуатсия, курсант, авиатехник, авиамеханик, Ӣанг, таҳсил, ёрӣ, омодагӣ, Сталинобод, хатм, мудофия.

ACTIVITIES OF THE KHARKOV MILITARY AVIATION TECHNICAL SCHOOL IN STALINABAD DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

The article is devoted to a little-studied topic – the history of the Kharkov Military Aviation Technical School during its stay in Stalinabad (present-day Dushanbe) in the years of the Great Patriotic War (1941-1945). The evacuation of this educational institution to Tajikistan and its subsequent activities in the republic's capital have not previously been examined in detail.

The study outlines the history of the school's relocation to Tajikistan, its activities during the evacuation period, and its role in training aviation specialists – aircraft technicians and mechanics engaged in aircraft maintenance and repair.

During its stay in Stalinabad, the Kharkov School not only fulfilled its educational and military functions but also actively participated in the public life of the republic, providing assistance to evacuation hospitals and other organizations of the capital. Archival data reveal that during its evacuation period in Stalinabad, the school trained 2,737 cadets for the Air Force of the USSR, who later contributed significantly to the defense effort and victory over fascism.

Keywords: Kharkov Military Aviation Technical School, evacuation, cadets, aircraft technician, aircraft mechanic, Stalinabad, Tajikistan, Great Patriotic War, training, defense.

Маълумот дар бораи муаллиф: Ӣафуров Абдулло Мутиллоевич - номзади илмҳои таърих, дотсент, ходими пешбари илмии Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониши АМИТ. Нишонӣ: 734025, Ӣумхурии Тоҷикистон, шаҳри Душанбе, хиёбони Рӯдакӣ, 33. E-mail: falgar@mail.ru

Сведения об авторе: Гафуров Абдулло Мутиллоевич – кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии им. Ахмада Дониша Национальной академии наук Таджикистана Адрес: 734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, пр. Рудаки, 33. E-mail: falgar@mail.ru

About the author: Gafurov Abdullo Mutilloevich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher at the Institute of History, Archaeology and Ethnography named after Ahmad Donish, National Academy of Sciences of Tajikistan. Address: 33 Rudaki Avenue, Dushanbe, 734025, Republic of Tajikistan. E-mail: falgar@mail.ru

УДК 94(575.3)"1941/1945":355.40

МУХТАСАРИ ТАЪРИХ ВА ТАҶРИБАИ ФАЪОЛИЯТИ МАҚОМОТИ АМНИЯТИ ТОҶИКИСТОН ДАР СОЛҲОИ ҶАНГИ БУЗУРГИ ВАТАНӢ (1941-1945)¹

НЕЪМАТОВ И.

Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии
ба номи А. Дониши АМИТ

Ҷанги Бузурги Ватанӣ (1941-1945) аз ҷумлаи бузургтарин санҷишҳои таърихи асри XX ба шумор меравад, ки тамоми иқтидорҳои иқтисодӣ, сиёсӣ ва низомии Иттиҳоди Шуравиро мавриди озмоиши ҷиддӣ қарор дод.

Ҷумҳурии Шуравии Сотсиалистии Тоҷикистон, ҳамчун ҷузъи ҷудонашавандаи давлати ягона, дар ин набарди шадид вазифаҳои муҳимми стратегиро иҷро намуд. Ҷойгиршавии ҷумҳурӣ дар минтақаи ақибгоҳ, мавҷудияти имконот ва захираҳои кишоварзӣ, саноатӣ ва қувваи қарб зарурати таъмини субот, ҳифзи тартиботи ҷамъиятӣ ва пешгирии ҳама гуна таҳдидҳои дохилию хориҷиро пеш овард [5; 10, 436-437]. Дар мубориза ба муқобили фашизми гитлерӣ ва нобуд сохтани ин зухуроти хунхори қудратталаб ва истилогари асри XX Ҷумҳурии Тоҷикистон, аз ҷумла мақомоти амниятии ин кишвар низ саҳми арзанда доранд [11, 150].

Мақолаи мазкур ба фаъолияти чекистони тоҷик дар давраи Ҷанги Бузурги Ватанӣ бахшида шуда, бо таърихи асарҳои илмӣ таърихӣ, ёддоштҳо ва асарҳои бадеии таълифнамудаи кормандони мақомоти амниятии ҷумҳурӣ аз ҷумла, С. Азимова Розӣ ниҳон [2]; Асири ихтиёрӣ бо таҳрири академики Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон К. Олимов [3], Л.И. Блохин ва А.П. Демочкин На страже революции - таҳти таҳрири умумии академики Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон Б.И. Искандаров [4], Ш. Ядгаров Афғонистон (1960-1982) таҳти назари генерал-полковник С. Зухуров [11] таҳия гардидааст.

То оғози Ҷанги Бузурги Ватанӣ, фаъолияти мақомоти амниятии давлатии Тоҷикистон тавассути Комиссариати халқии қарбҳои дохилӣ (НКВД) ҶШС

¹ *Контрразведка* - мақомоти зиддикишоефӣ.

Тоҷикистон, ки бахши ҷудонашавандаи Комиссариати халқии корҳои дохилии ИҶШС буд, амалӣ мешуд. Пас аз моҳи июни соли 1941, дар сохтори Комиссариати халқии корҳои дохилӣ тағйирот ворид гардид: воҳидҳои махсуси мубориза бо ҳаробкорӣ (диверсия), ҷосусӣ ва таҳдидҳои дохилӣ таъсис ёфтанд. Дар вилоятҳо ва ноҳияҳо шӯъбаҳои амниятӣ бо ваколатҳои васеъ амал мекарданд [1322-25.]. Сарвари мақомоти амниятиро дар ҷумҳуриҳо дар давраи ҷанг комиссарони халқии корҳои дохилӣ ба уҳда доштанд, ки мустақиман ба марказ (Москва) итоат мекарданд.

Қобили зикр аст, ки дар давраи Ҷанги Бузурги Ватанӣ сарфи назар аз вазъияти душвори сиёсӣ ва раванди мураккаби набардҳо дар ҷабҳаҳои гуногун, фаъолияти ташаккул ва инкишофи мақомоти амниятӣ давлатӣ дар Тоҷикистон идома ёфт. Маҳз вобаста ба талаботи замони ҷанг ва зарурати таҳкими амният, моҳи апрели соли 1943 мақомоти амният аз ҳайати Комиссариати халқии корҳои дохилӣ (НКВД) ҷудо гардида, дар асоси он Комиссариати халқии амниятӣ давлатӣ (НКГБ) таъсис дода шуд [11, 150].

Вижагии муҳимми азнавташкилкунии мақомоти амнати давлатӣ дар ин давра аз он иборат буд, ки сохторҳои конрразведка¹ -и ҳарбии НКВД, ба ихтиёри Комиссариатҳои халқии мудофия ва флоти ҳарбию баҳрӣ гузаронида шуданд. Дар натиҷа, Сарраёсатҳои махсуси «Смерш»² таъсис ёфтанд, ки фаъолияти онҳо дар ҳудуди Ҷумҳурии Тоҷикистон низ самаранок ба роҳ монда шуда буд.

Ҳамзамон, дар замони ҷанг ва бо назардошти эҳтиёҷоти воқеии амниятӣ дар сохтори мақомоти амниятӣ Тоҷикистон низ тағйироти ҷиддии маъмурӣ ба амал омад. Аз ҷумла, Раёсати мақомоти амният дар вилояти Қўрғонтеппа таъсис ёфт, ки ин иқдом ба таҳкими назорат ва мубориза бо унсурҳои зиддишуравӣ дар минтақа мусоидат кард.

Бо оғози Ҷанги Бузурги Ватанӣ ҳайати шахсии мақомоти амнати Тоҷикистон ба ҳолати пурраи ҷангӣ гузаронида шуд. Аввалин тадбире, ки чекистони тоҷик пас аз оғози ҷанг амалӣ намуданд, ин мусоидат ба иҷрои қарорҳои Ҳукумат ва Ҳизби коммунисти Иттиҳоди Шуравӣ оид ба сафарбаркунии аҳоли барои мубориза бар зидди фашизми Олмон буд [4, 120; 10, 438-439].

Ин иқдом шаҳодати сарбаландӣ ва садоқати кормандони амнати тоҷик ба Ватан, ҳамчунин омодагӣ ва қобилияти онҳо барои иҷрои вазифаҳои стратегӣ дар шароити басо мураккаби ҷангӣ мебошад.

Вазифаҳои асосии мақомоти амнати Тоҷикистон дар давраи ҷанг аз инҳо иборат буданд:

- *Мубориза бо ҷосусӣ ва ҳаробкорӣ (диверсия)*. Яке аз самтҳои калидии ин фаъолият ошкор ва безарар гардонидани агентураи (агентҳои)³ душман буд. Ба са-

¹ *Смерш* – ихтисоршуда аз иборан «Смерть шпионам» - ("Марг ба ҷосусҳо").

² *Агент* - истилоҳест, ки дар фаъолияти расмӣ ҳадамоти иктишофии кишварҳои мухталиф барои таъйини категорияҳои гуногуни кормандон истифода мешавад.

³ *Разведка* – фаъолияти *разведкавӣ* (кашф - фаъолияти иктишофӣ) як фаъолияти мунтазамест, ки ба ҷамъоварӣ, таҳлил ва тафсири маълумот дар бораи душманон ё душманони эҳтимоли нигаронида шудааст. Ин фаъолият бо мақсади таъмини амнати миллӣ, инчунин ба даст овардани афзалиятҳои

баби чойгиршавии Тоҷикистон дар минтақаи наздисарҳадӣ бо Афғонистон, ки дар он кишвар шабакаҳои иктишофии хориҷӣ ғаёл буданд, хатарҳои нуфуз ва вуруди онҳо ба ҷумҳурӣ зиёд буданд. Мақомоти амниятӣ дахҳо гурӯҳҳои гумонбарро боздошт намуда, ғаёлияти онҳоро пешгирӣ карданд;

- *Таъмини ҳифзи иншооти муҳимми давлатӣ ва истеҳсолӣ.* НКВД амнияти корхонаҳои муҳимми стратегӣ - корхонаҳои пахтатозакунӣ, комбинатҳои абрешим, неругоҳҳои барқӣ ва пулҳои калидии нақлиётро назорат ва таъмин менамуд. Иншооти роҳи оҳани Термез-Душанбе тахти муҳофизати шадид қарор дошт;

- *Назорати интизоми меҳнатӣ ва тартиботи ҷамъиятӣ.* Бо дарназардошти зарурати иҷрои нақшаҳои ҳарбию иқтисодӣ, мақомоти амниятӣ ва милиса назорати ҳузури коргаронро дар корхонаҳо пурзӯр намуданд. Нисбат ба вайронкунандагони интизоми қорӣ ва истеҳсолӣ ҷазоҳои интизомӣ ва ҳатто ҷавобгарии ҷиноятӣ татбиқ мегардид;

- *Таъмини ҳифзи сирри давлатӣ ва ҳарбӣ, мубориза бо разведкаи¹ Германияи фашистӣ;*

- *Қор бо аҳоли ва баланд бардоштани ҳушёрӣ сиёсӣ.* Тавассути воситаҳои тарғибот, аз ҷумла маҳфилҳои сиёсӣ, суҳанронҳо ва нашрияҳои деворӣ, ҳушёрӣ шаҳрвандон нисбат ба таҳдидҳои душман баланд бардошта мешуд. Широкҳои «Ҳушёр бош!» ва «Ҳар қадами ту - зарбаи мо ба душман!» васеъ истифода мегардиданд;

- *Ҳамкории мақомоти амнияти давлатӣ бо дигар сохторҳо.* Ҷаёлияти НКВД бо мақомоти ҳарбӣ, милиса, сарҳадбонон ва кумитаҳои ҳизбӣ ҳамроҳанг карда мешуд. Дар амалиёти махсус, аз ҷумла ҳифзи интиқоли борҳои ҳарбӣ ба ҷабҳа, иштироки яқҷояи нерӯҳои ҳарбӣ ва амниятӣ натиҷаҳои назаррас дод [14, 19, 88-89];

Аз сафи чекистони² Тоҷикистон дар рӯзҳои аввали ҷанг 177 нафар ба майдонҳои ҷанг сафарбар гардиданд. Гурӯҳи калони афсарони мақомоти маҳаллии амнияти давлатӣ ба минтақаҳои аз тарафи душман ишғолгардидаи вилоятҳои Калинин, Брянск ва Ленинград фиристода шуда, дар таҳкими амнияти ақибоғҳо ва дастгирии ҷораҳои ҷангӣ нақши басо муассир бозиданд [4, 120-121].

Чекистони Тоҷикистон дар ҷабҳаҳои Ҷанги Бузурги Ватанӣ ҳамчун намунаи барҷастаи ҳарбиёни боистеъдод, ҷасорат ва садоқати худро ба Ватан нишон доданд. Яке аз онҳо Иван Михайлович Кошелев буд, ки пеш аз ҷанг дар мақомоти амнияти Кӯлоб ғаёлият дошт, дар шӯбаи «СМЕРШ»-и ҷабҳаи дуҷоми Беларуссия хизмат карда, дар иҷрои вазифаҳои хидматӣ натиҷаҳои назаррас ба даст овард. Дар ин қатор, Бурҳон Мансуров (1914-1944), ваколатдори фаврии Шӯбаи махсус,

стратегӣ ва тактиқӣ дар соҳаҳои гуногун, аз ҷумла амалиёти низомӣ, ғаёлияти сиёсӣ ва сиёсати иқтисодӣ амалӣ карда мешавад.

¹ *Чекист* - ходими чека, қорманди ҳадамоти амниятии собиқ Иттиҳоди Шӯравӣ.

ҶК – ВҶК. Комиссияи умумироссиягии фавқуллодаи мубориза ба муқобили зиддинкилобиён ва харобқорӣ дар назди Шӯрои комиссарони халқии ҶШФСР (ВҶК дар назди Шӯрои комиссарони халқии ҶШФСР), мақомоти махсуси бехатарии Давлати Шӯравӣ мебошад. Комиссия 7 (20) декабри соли 1917 таъсис ёфта, 6 феввали соли 1922 бо додани ваколатҳо ба ГПУ-и назди НКВД-и ҶШФСР барҳам дода шуд.

² *Резидентура* - муассисаи асосии хориҷӣ мебошад, ки тавассути он ҳадамоти иктишофии хориҷӣ берун аз ҳудуди кишвар ғаёлиятҳои худро анҷом медиҳад.

соли 1944 дар Литва ҳалок шуда, бо нишони Ситораи Сурх сарфароз гардид; Тохир Шарипов (1916-1945), муфаттиш, дар ҷабҳаҳои Калинин ва Белоруссия хидмат намуда, баъди ҳалокаташ бо нишони Ҷанги Ватании дараҷаи II қадрдонӣ шуд; Маҷид Узоқов (1913 -1982), афсари амниятии fronti Украина, барои часорат бо нишони Байрақи Сурх ва медали «Барои шӯҷоат» мукофот гирифт; Ҷаббор Боқиев (1915-1943), ходими раёсати амнияти вилояти Ленинобод, дар пушти хатти фронт ба ҳалокат расида, бо нишони Ҷанги Ватании дараҷаи I сарфароз гардид; Бобо Додомирзоев (1910-1970), афсари амнияти fronti Ленинград, бо нишони Ситораи Сурх ва медали «Барои часорат» мукофотонида шуд; Умар Зокиров (1917-1944) дар ҷабҳаи дуҷуми Белоруссия қаҳрамонона ҳалок гардида, бо нишони Ҷанги Ватании дараҷаи II сарфароз шуд.

Инчунин капитан Алексей Василевич Новиков - собиқ муовини сардори Шӯбаи амнияти Кӯлоб, ки роҳбарии бригадаи партизаниро ба уҳда дошта, то пирӯзии ниҳой мубориза бурд [4, 125-128].

Дар ҳаракати партизанӣ дар давраи Ҷанги Бузурги Ватанӣ чекистони тоҷикистонӣ нақши назаррас доштаанд. Аз ҷумла, капитан Михаил Иванович Наумов, соли 1943 ба унвони Қаҳрамони Иттиҳоди Шӯравӣ сарфароз гардида, рутбаи генерал - майорро гирифт, Прокопий Тихонович Малахов ҳам даҳҳо амалиёти муваффақ анҷом дода, баъдан дар Тоҷикистон ба хизмати давлатӣ идома дод [4, 130 - 131], аз ҷумлаи қаҳрамонони шинохта ба шумор мераванд.

Хизмат дар ҷабҳа ва фаъолияти ҷангии чунин шахсиятҳо нишон медиҳад, ки чекистони Тоҷикистон дар сафи партизанҳо на танҳо ҷузъи фаъоли ҳаракати муқовимати халқҳои Шӯравӣ бар зидди душман буданд, балки бо ташаббус ва роҳбарии худ дар ҳама ҷабҳаҳо ба дастовардҳои назаррас ноил гардидаанд.

Яке аз чехраҳои барҷастаи ҳадамоти иқтишофии тоҷик, ки то ба имрӯз ифтихори тамоми кормандони мақомоти амнияти миллии Тоҷикистон маҳсуб меёбад Раҳим Мунзимович Бурҳонов мебошад. Ӯ фарзанди шоир ва маорифпарвари маъруфи халқи тоҷик Мирзоабдулвоҳиди Мунзим буда, хизматҳои хонадони эшон аз ҷониби устод Садриддин Айни низ баланд арзёбӣ гардидааст. Нақши Бурҳонов дар таъмини пирӯзии адолат, шикасти миллатгарой ва озодии мардуми Иттиҳоди Шӯравӣ аз зулми фашистӣ, инчунин дар безарарсозии ташкилоти пантуркистии вобаста ба фашистон бисёр назаррас ба ҳисоб меравад [3, 3-4; 11, 160-170].

Соли 1922 ҳанӯз дар айёми наврасӣ Раҳим Бурҳонов ба Олмон сафар карда, дар он ҷо забони олмониро ба таври амиқ омӯхт. Соли 1925 пас аз бозгашт ба Иттиҳоди Шӯравӣ, ӯ таҳсилоти олӣ гирифта, фаъолиятро ҳамчун устоди забони олмонӣ дар Донишқадаи омӯзгории Тоҷикистон идома дод. Бо шиддат гирифтани Ҷанги Бузурги Ватанӣ ва эҳтиҷоти зиёд ба мутахассисони соҳавӣ, соли 1943 Бурҳонов ба ҳадамоти иқтишофии низомии Шӯравӣ ҷалб гардид.

Баъд аз гузаштани давраи омӯзишҳои мукаммали разведкавӣ дар Маскав ӯ бо ҳунари волои забондонӣ ва маҳорати баланди касбӣ дар либоси афсари Шӯравӣ аз хатти ҷабҳа гузашта, худро ба фашистон гӯё «таслим» намуд. Пас аз гузаштани марҳалаи тафтишоти ҷиддӣ аз ҷониби ҳадамоти амниятии Олмон ӯ ба Берлин фиристода шуд, ки ин барои дастрас намудани иттилооти муҳимми иқтишофӣ ва

густариши имкониятҳои фаъолияти ҷосусӣ шароити мусоид фароҳам овард [1; 3, 28-30].

Раҳим Бурҳонов ба таркиби ҷузъи томи низомии маъруф ба «Легиони Туркистон», ки асосан аз ҳисоби асирони ҳарбии Осиёи Миёна таъсис ёфта буд, ворид карда мешавад. Дар рафти фаъолият, ӯ то ба унвони гауптштурмфюрери СС (баробар ба рутбаи капитан дар Армияи Сурх) расида, мавқеи худро дар сохторҳои фашистӣ таҳким мебахшад. Ин мақоми нисбатан баланд барои Бурҳонов имкони васеъ фароҳам овард, то ки дар ниқоби афсари содиқи «Легиони Туркистон» фаъолияти иктишофии худро густариш диҳад.

Бо истифода аз ин мавқеъ, ӯ то поёни ҷанг ба Марказ (хадамоти махсуси иктишофии Шуравӣ) иттилооти муҳимми сиёсӣ ҳарбӣ мерасонд. Ин маълумот пеш аз ҳама, нақшаҳои роҳбарияти фашистии Олмон оид ба истифодаи асирони ҳарбии Осиёи Миёна, таркиб ва фаъолиятҳои дохилии «Легиони Туркистон», ҳамчунин иттилоъ дар бораи аъзои фаъолон ва шабакаҳои агентурии он дар ҷумҳуриҳои Осиёи Миёнаи Шуравиро дар бар мегирифтанд [11, 160-167].

Ҳисобот ва иттилооти интиқолнамудаи ӯ барои мақомоти амниятии Шуравӣ аҳамияти стратегӣ доштанд, зеро онҳо на танҳо аз нақшаҳои Олмон оид ба истифодаи унсурҳои миллӣ парда мебардоштанд, балки дар ҷиҳати таҳкими амниятӣ дохилии ҷумҳуриҳои Осиёи Миёна ва пешгирӣ аз таъсири иғвогаронаи пантуркистӣ нақши муассир бозиданд.

Ҳамин тариқ, фаъолияти Р. М. Бурҳонов на танҳо як саҳифаи дурахшон дар таърихи мақомоти иктишофии тоҷик аст, балки як намунаи олии садоқат ба Ватан ва мубориза барои тантанаи адолат, набарди густурда ба муқобили фашизм маҳсуб меёбад.

Дар давраи Ҷанги Бузурги Ватанӣ минтақаи Осиёи Миёна яке аз самтҳои асосии таҳдид ба амниятӣ Иттиҳоди Шуравӣ ба ҳисоб мерафт. Роҳбари Олмони фашистӣ Гитлер, ки ҳанӯз пеш аз оғози ҷанг нақшаи истилои ҷаҳон ва ба даст гирифтани зимомӣ саросари оламро тарҳрезӣ карда буд, дар харитаҳои стратегӣ нуқтаҳои муҳимми геополитикиро барои татбиқи ин ҳадаф таъйин менамуд. Дар ин замина, истифодаи хоки Афғонистон низ яке аз самтҳои муҳимми нақшаҳои стратегии ӯ ба ҳисоб мерафт.

Яке аз масъалаҳои ҳассосу нозук дар он давра таҳдиди эҳтимолии ҳамла аз самти шарқӣ ба қаламрави Иттиҳоди Шуравӣ буд. Ба ғайр аз фаъолияти таҳрибкоронаи агентураи Олмони фашистӣ тавассути ҳамсоякишварҳои шарқӣ, инчунин фаъолияти иктишофии хадамоти махсуси кишварҳои Афғонистон, Туркия ва Эрон низ тадриҷан вусъат меёфт. Ин кишварҳо бо истифода аз вазъияти ҳассоси минтақавӣ ва нобасомониҳои сиёсӣ кӯшиш мекарданд, ки ба амниятӣ дохилии Иттиҳоди Шуравӣ даҳолат намуда, онро ноором созанд.

Яке аз василаҳои асосии онҳо ба фаъолияти таҳрибкорона ҷалб ва истифода намудани собиқ шаҳрвандони Иттиҳоди Шуравӣ буд, ки солҳои 20-30 ба хоки Афғонистон ҳиҷрат карда буданд. Аксари ин муҳочиронро намояндагони табақаҳои сарватманд, руҳониёни муҳофизакор ва гурӯҳҳои мазҳабии мутаассиб ташкил медоданд, ки нисбат ба сиёсати Ҳокимияти Шуравӣ муносибати ҳасмона

доштанд. Аз ин рӯ, онҳо ба иҷрои ҳар гуна супоришу дастури мақомоти хориҷӣ омода ва ҳозир буданд дар амалҳои таҳрибкорона бар зидди меҳани собиқ худ ширкат варзанд.

Ҳамин омилҳо боиси афзоиши хатари идеологӣ ва сиёсӣ ба амнияти ҷумҳуриҳои Осӣёи Миёна гардида, мубориза бар зидди ҷунин ғайолиятҳо яке аз вазифаҳои муҳиммтарини ҳадамоти амнияти Иттиҳоди Шуравӣ дар давраи Ҷанги Бузурги Ватанӣ ба шумор мерафт.

Барои муқовимат ба ғайриҳои таҳрибкор ва пешгирии даҳлати беруна, мақомоти амнияти Иттиҳоди Шуравӣ вазифадор гардиданд, ки дар заминаи таъсиси резидентура¹ интиқоли кормандони иқтишофиро ба сарзамини Афғонистон фароҳам созанд. Баъди гузаштани омӯзишу санҷишҳои ҳамаҷониба ва супоридани имтиҳонҳои касбӣ дар соҳаи иқтишоф дар шаҳри Маскав, ба ҳайси резидент² дар Афғонистон шахсе бо номи мустаורי «Салават» интихоб гардид. «Салават» бо дониши амиқи забони форсӣ-дарӣ, ба урфу одат, фарҳанг ва тарзи зиндагии мардуми Афғонистон ошноии комил дошт. Ин омилҳо ба ӯ мусоидат намуданд, ки ғайолияти худро дар муҳити нав ба таври самаранок пеш барад. Дар ҷараёни ғайолияти худ дар Афғонистон, «Салават» ба дастовардҳои назаррас ноил гардида, як қатор гузоришҳо ва иттилооти муҳимми сиёсӣ - амниятиро ба Марказ ирсол намуд, ки барои сиёсати хориҷӣ ва амнияти стратегияи Иттиҳоди Шуравӣ аҳамияти ҷиддӣ доштанд [10, 3-4; 11, 171-173].

Дар дохили Ҷумҳурии Тоҷикистон низ дар солҳои Ҷанги Бузурги Ватанӣ ғайолияти унсурҳои зиддишуравӣ эҳё гардида, онҳо дар шакли гурӯҳҳои муташаққили ҷиноятӣ даст ба қор шуданд. Дар бисёр маврид гурӯҳҳои мазкур ба иқдомоти мусаллаҳона даст зада, бо умеди пирузии Олмони фашистӣ талош мекарданд, ки шикасти Иттиҳоди Шуравиро фароҳам созанд. Мақсади ниҳони онҳо таъсиси ҳукумати буржуазияи миллӣ ва ташкили сохтори сиёсӣ тахти унвони «давлати мусалмонӣ» дар қаламрави Тоҷикистон буд. Ин ҳадафҳо, ки реша дар ақидаҳои зиддишуравӣ ва ғояҳои пантуркистӣ доштанд, амнияти дохилии ҷумҳуриро ба таври ҷиддӣ таҳдид мекарданд ва мубориза бо ҷунин гурӯҳҳо ба яке аз самтҳои муҳиммтарини ғайолияти мақомоти амниятӣ табдил ёфт.

Баъзе роҳбарони гурӯҳҳои ҷиноӣ бо доираҳои муҳочирони Афғонистон робита барқарор намуда, ваъдаи ёрии ҳамаҷониба аз ҷониби онҳоро гирифта буданд. Хусусан, солҳои 1942-1943 ғайолияти гурӯҳҳои муташаққили ҷиноӣ авҷ гирифта, танҳо соли 1943 дар ҳудуди ҷумҳурӣ 82 амалиёти роҳзанӣ ва ғоратгарӣ бо иштироки 828 нафар ба қайд гирифта шуд. Гурӯҳҳои калонтари ҷиноӣ асосан дар ноҳияҳои Мастҷох (бо роҳбарии Ибодуллоев Тилло ва Азизов Хошок - 25 нафар), ноҳияи Заҳматобод (бо роҳбарии Бобоев Хошок - 28 нафар), ноҳияи Ховалинг (бо роҳбарии Алиев Музаффар - 73 нафар) ва ноҳияи Ҳоит (бо роҳбарии Алиев Ҳайдар - 68 нафар) ғайолият мекарданд.

¹ *Резидент* - наояндаи махфӣ ва қалатдори ҳадамоти иқтишофии як кишвар дар давлати дигар буда, қори шабақан агентиро дар дохили он давлат роҳбарӣ мекунад.

² Мақола дар асоси лоиҳаи «Таърихи халқи тоҷик» (Тоҷикистон дар замони Шуравӣ), рақами қайди давлатӣ 0121 тј 1200 навишта шудааст.

Ҳамаи ин гурӯҳҳо дар натиҷаи амалиёт ва чорабиниҳои фаврӣ, агентурӣ ва ҳарбӣ-чекистӣ пурра безарар гардониданд. Дар маҷмӯъ, дар давраи Ҷанги Бузурги Ватанӣ чекистони Тоҷикистон фаъолияти 140 гурӯҳи ҷиноиро ошкор ва пешгирӣ карданд [4, 123].

Таваҷҷуҳи махсуси мақомоти амният ҳамчунин ба ошкорсозии ҷосусон ва таҳрибкорони душман равона гардида буд, ки онҳо дар давраи пеш аз ҷанг ва солҳои ҷанг ба ҷумхурии ворид шуда буданд. Дар маҷмӯъ, дар солҳои Ҷанги Бузурги Ватанӣ зиёда аз 40 агенти иктишофии Германия ошкор ва боздошт гардид [4, 123].

Дар солҳои охири Ҷанги Бузурги Ватанӣ яке аз самтҳои муҳимми фаъолияти мақомоти амнияти давлатӣ (чекистӣ) ҷустуҷӯ ва ошкорсозии аъзои ташкилоти хиёнаткори «Легиони Туркистон» ба ҳисоб мерафт. Аъзои ин легион, ки аз ҷониби Олмони фашистӣ таъсис дода шуда буданд, бо мақсади заиф сохтани неруи дифоӣ ва барангехтани ихтилоф дар байни халқҳои Иттиҳоди Шуравӣ ба ҷумхуриҳои Осиёи Марказӣ, аз ҷумла ба Тоҷикистон низ фиристода мешуданд. Мақомоти амнияти Тоҷикистон, бо истифода аз шабакаҳои иктишофӣ ва агентурӣ тавонишанд, ки фаъолияти ин гурӯҳҳоро сари вақт ошкор намуда, ҳамзамон аз паёмдҳон вазнини фаъолияти таҳрибкории онҳо ҷилавгирӣ кунанд [9, 39].

Дар баробари мардон занони чекисти тоҷик низ дар мубориза бар зидди душманони Ватан саҳми арзанда гузоштаанд. Яке аз чунин занони матинирода ва ҷасур Махбуба Турсунова буд. Ӯ дар солҳои ҷанг ба фаъолияти иктишофӣ шуғл варзида, бо ҷасорат ва фидокорӣ дар амалиёт ва иқдоми зидди душман фаъолона ширкат дошт. М. Турсунова дар шароити ниҳоят хатарнок, ҷони худро ба қафи даст гирифта, барои ҳифзи истиқлол ва манфиатҳои стратегӣ, ҳамчунин барои амнияти марзу буми Тоҷикистони Шуравӣ хизматҳои назаррас анҷом дод [11, 170-171]. Нақши ӯ ҳамчун намунаи ибрати занони ватандӯсти тоҷик дар таърихи кишвар аз арзиши хоса бархӯрдор буда, баёнгари он аст, ки набард танҳо шуғли мардон набуда, балки саҳми занони ҷасур низ дар он басо муассир будааст.

Дар солҳои Ҷанги Бузурги Ватанӣ фаъолияти иктишофии Олмони фашистӣ дар ҳудуди Афғонистон ба шакли густарда ва муназзам даромад. Олмони фашистӣ бо истифода аз имкониятҳои мавҷуда ва шабакаҳои агентурии худ дар қаламрави Афғонистон ба зидди Иттиҳоди Шуравӣ амалиётҳои таҳрибкоронаро роҳандозӣ мекард. Дар чунин шароит, зарурати муқовимати муассир ба фаъолияти иктишофии Олмон ба миён омада, мақомоти амнияти Иттиҳоди Шуравӣ вазифадор гардиданд, ки барои кашф намудани нақшаҳои фашистон, ошкорсозии доираи агентураи онҳо ва пешгирии хатарҳои эҳтимолӣ, кормандони иктишофии худро ба Афғонистон сафарбар созанд.

Ба ин мақсад, интиҳоб ва сафарбарии намоёндагони халқҳои Осиёи Миёна, бахусус тоҷикон, аҳаммияти хоса дошт. Зеро онҳо бо забон, урфу одат ва фарҳанги мардуми Афғонистон наздикӣ дошта, кодир буданд, ки ба муҳити маҳаллӣ зудтар мутобиқ гарданд ва фаъолияти пинҳониро самаранок ба роҳ монанд.

Барои чунин фаъолият, шахсиятҳои арзандаи тоҷик низ ҷалб гардиданд. Аз ҷумла, М. Турсунова ба ҳайси алоқачӣ ва ҳамзамон завҷаи резидент Турсунов (Са-

лават) ба Афғонистон фиристода шуд. Ҳузури ӯ на танҳо фаъолияти амниятии ҳамсараширо таъмин мекунам, балки имконоти иловагиро барои кори бомуваффақияти резидентура фароҳам месохт [11, 170-171]. Резидент «Салават» дар солҳои фаъолияти иқтишофӣ дар қаламрави Афғонистон, борҳо ба марг рӯ ба рӯ омада бошад ҳам, сарфи назар аз ин мушкилиҳо, вазифаҳои ба ӯ воғузоршударо бо масъулият ва сарбаландӣ иҷро мекунам. Ӯ тавонист ба Марказ иттилооти дақиқ, бозғамонӣ ва дорони аҳаммияти стратегӣ ирсол намояд, ки барои таъмини амнияти Иттиҳоди Шуравӣ арзиши назаррас доштанд.

Нақши занон низ дар ин ҷода қобили зикр аст. Ба ғайр аз Маҳбуба Турсунова, ки ҳамчун ҳамсафар ва ҳамкори наздики резидент «Салават» фаъолияти пурсамар анҷом дод, дар солҳои Ҷанги Бузурги Ватанӣ як зумра тоҷикони дигар низ ба кори иқтишофӣ дар Афғонистон ҷалб гардиданд. Аз ҷумла, Пӯлод Ортиқов, Мушарраф Шарипова ва дигарон бо садоқат ба Ватан ва бо ҷасорат то нафаси охир ба давлат ва вазифаи худ содиқ монданд [11, 151].

Фаъолияти ин гурӯҳи маҳдуди кормандони иқтишофӣ аз миёни мардуми тоҷик шаҳодати равшани он аст, ки саҳми тоҷикон дар набарди умумихалқии мардуми Иттиҳоди Шуравӣ бар зидди фашизми Олмон ва таҳдидҳои хориҷӣ назаррас буда, дар таъмини амнияти минтақа ва ғолиб сохтани нақшаҳои Олмони фашистӣ нақши муҳимро иҷро кардааст.

Ҳамин тавр, чекистони Тоҷикистон дар солҳои Ҷанги Бузурги Ватанӣ саҳми назарраси худро дар муборизаи умумӣ бар зидди фашизми Олмон гузоштаанд. Онҳо на танҳо дар майдонҳои набард, балки дар ақибгоҳ, дар кишварҳои хориҷӣ ва ҳатто дар ҳуди пойтахти Олмон бо нишон додани қаҳрамонӣ ва матонат садоқату вафодорӣ худро ба Ватани азиз исбот намуданд [11, 150].

Аз миёни фиристодагони мақомоти амнияти ҷумҳурӣ 9 нафар бо унвони олии Қаҳрамони Иттиҳоди Шуравӣ сарфароз гардидаанд. Ба ин зумра Наумов М. И., Недошивин В. Г., Масленников И. И., Мирзоев Х., Протопопов И. И., Турдиев С., Шарипов Э., Челушев Ф. Ф. ва Ханжин П. С. шомиланд. Ин нукта шаҳодати он аст, ки хизматҳои чекистони тоҷик дар мубориза бар зидди душмани инсоният аз ҷониби давлат ва ҷомеа сазовор қадрдонӣ гардидааст.

Дар маҷмӯъ, аз 177 нафар фиристодагони мақомоти амнияти ҷумҳурӣ ба ҷабҳаҳои Ҷанги Бузурги Ватанӣ теъдоди бешумори онҳо ба Ватан барнагашта, ҷони худро дар роҳи дифо аз истиқлол, озодӣ ва ояндаи сулҳомези мардуми худ фидо намудаанд [6, 45-50]. Фидокорӣ онҳо саҳифаҳои дурахшони таърихи муборизаи мардуми тоҷик бар зидди фашизмро ташкил медиҳад.

Бояд таъкид намуд, ки маҳз дар давраи Истиқлоли давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистон хизматҳои шоиста ва фидокоронаи кормандони мақомоти иқтишофӣ тоҷик ба таври расмӣ қадрдонӣ гардиданд. Бо ташаббуси бевоситаи Асосгузори сулҳу ваҳдати миллӣ - Пешвои муаззами миллат, Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон, барои ҷасорату мардонагӣ ва саҳми назаррас дар иҷрои вазифаҳои муҳими давлатӣ Раҳимов Б.М. ва Турсунова М. бо нишони «Спитамен» сарфароз гардонида шуданд. Ин иқдом далели равшани арҷгузори давлат ба қаҳрамонӣ ва садоқатмандии онҳое мебошад, ки дар солҳои душвори

Чанги Бузурги Ватанӣ ва баъди он барои ҳифзи амнияти Ватан хизматҳои арзанда анҷом додаанд.

Фаъолияти мақомоти амнияти давлатии Тоҷикистон дар солҳои Чанги Бузурги Ватанӣ қисми ҷудонашавандаи низоми мудофиавӣ ва сиёсӣ амнияти Иттиҳоди Шуравӣ буд. Мақомоти мазкур тавонистанд таҳдидҳои бадхасмонаи дохилию хориҷиро пешгирӣ намоянд, суботи ҷамъиятиро ҳифз кунанд ва ба иҷрои нақшаҳои ҳарбӣ иқтисодии кишвар мусоидат намоянд. Қор ва пайқори онҳо намунаи равшан ва боризи иштироқи шахрвандони Тоҷикистон дар набарди умумихалқӣ ва умумишуравӣ алайҳи фашизми хунхор мебошад. Далелҳо ва тафсили қаҳрамони ҳар яке аз чекистони зикршуда, ки бо ҷасорат, садоқат ва ҳисси баланди ватандӯстӣ дар ҷабҳаҳои мухталифи Чанги Бузурги Ватанӣ фаъолона ширкат намудаанд, дар бойғонҳои давлатӣ ва ёддоштҳои ҳамзамонони онҳо ҳифз шудааст.

Омӯзиш ва таҳлили таҷрибаи мақомоти амнияти ҷумҳурӣ дар давраи Чанги Бузурги Ватанӣ на танҳо барои арзёбии саҳми таърихӣ, балки барои таҳияи стратегияҳои амниятии муосир низ аҳамияти хос дорад.

Президенти мамлакат, Ҷаноби Олӣ муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон дар суҳанронҳои худ борҳо таъкид намудаанд, ки таҷлили Рӯзи Ғалаба на танҳо хотиррасонӣ аз гузаштаи пурифтихор, балки мактаби ибрат ва сабақи пурарзиш барои наслҳои имрӯз ва фардо мебошад. Хусусан, дар шароити муосир, ки мардуми ҷаҳонро таҳдидҳои гуногуни геополитикӣ, хатарҳои глобалӣ ва вазъияти пурҳаводиси байналмилалӣ ба ташвиш овардаанд, пос доштани таҷрибаи таърихӣ ва арҷгузорӣ ба қорномаи гузаштагон аҳамияти хоса пайдо мекунад [7; 8].

АДАБИЁТ

1. Адабиёт ва санъат. – 2005. – 21 апрел. – № 16.
2. Азимова, С. Розӣ ниҳон / С. Азимова. – Душанбе: Матбуот, 2006. – 130 с.
3. Азимова, С. Асири ихтиёрӣ / С. Азимова. – Душанбе: Матбуот, 2006. – 144 с.
4. Блохин, Л. И. На страже революции (Из истории органов госбезопасности Таджикистана) / Л. И. Блохин, А. П. Демочкин. – Душанбе: Ирфон, 1987. – 144 с.
5. Ғалаба бар фашизм – натиҷаи ҳамбастагист [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://avkd.tj/tg/khabarho/1476-galaba-bar-fashizm-natijai-hambastagist.html> (дата обращения: 20.02.2025).
6. Мальцев, Ю. С. Герои Советского Союза из Таджикистана – воины-чекисты, участники Великой Отечественной войны / Ю. С. Мальцев // Материалы республиканской научно-теоретической конференции, посвящённой 60-летию Победы советского народа над фашистской Германией. – Душанбе, 2005. – С. 37-50.
7. Паёми шодбошии Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон ба муносибати Рӯзи Ғалаба, 08.05.2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mfa.tj/tg/main/view/5987/pajomi-shodboshiba-munosibati-ruzi-galaba> (дата обращения: 12.02.2025).
8. Паёми шодбошии Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон ба муносибати Рӯзи Ғалаба дар Чанги Бузурги Ватанӣ, шаҳри Душанбе, 9-уми майи соли 2024 // Ҷумҳурият. – 2024. – № 87-88.
9. Пулотов, С. Р. Борьба органов госбезопасности с формированиями «Туркестанского легиона» и происками фашистской разведки в южных рубежах СССР / С. Р. Пулотов // Материалы республиканской научно-теоретической конференции, посвящённой 60-летию Победы советского народа над фашистской Германией. – Душанбе, 2005. – С. 37-50.

10. Ҳотамов, Н. Таърихи халқи тоҷик / Н. Ҳотамов, Д. Довудӣ, С. Муллоҷонов, М. Исоматов. – Нашири сеюм. – Душанбе, 2019. – 640 с.
11. Ядгаров, Ш. Афғанистон (1960-1982) / Ш. Ядгаров. – Душанбе: Сахбо, 2005. – 184 с.
12. Қонун «Дар бораи разведкаи ҳарбии Қувваҳои Мусаллаҳи Ҷумҳурии Тоҷикистон» аз 2 декабри соли 2002, № 78 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://molt.tj> (дата обращения: 25.04.2025).
13. БМҚТ, Ф. 110, оп. 2, д. 78, л. 12-15.
14. История советских органов государственной безопасности. – М.: ВКШ КГБ, 1977. – 638 с.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ И ОПЫТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ БЕЗОПАСНОСТИ ТАДЖИКИСТАНА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941-1945 гг.)

В статье рассматриваются отдельные аспекты деятельности органов государственной безопасности Таджикистана в годы Великой Отечественной войны, направленные на борьбу с гитлеровским фашизмом и ликвидацию этого кровавого, властолюбивого и захватнического явления XX века.

В годы войны сотрудники органов безопасности (чекисты) Таджикистана внесли достойный вклад в общее дело разгрома немецкого фашизма. Они проявили мужество и героизм как на полях сражений, так и в тылу, включая участие в операциях за рубежом и в самой Германии, тем самым подтвердив свою верность Родине и долгу перед народом.

Из общего числа сотрудников органов безопасности – 177 человек, большинство не вернулись с фронта. Сотни преданных своему делу чекистов поставили защиту границ, Родины и мира выше всех иных ценностей, включая собственную жизнь. Многие из них пожертвовали собой ради будущего страны, ради мирной жизни народа, безопасности государства и процветания нации.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, гитлеровский фашизм, органы безопасности, чекисты Таджикистана, разведывательная и контрразведывательная деятельность, органы иностранных государств, Туркестанский легион, Афганистан.

A BRIEF HISTORY AND EXPERIENCE OF THE ACTIVITIES OF THE STATE SECURITY BODIES OF TAJIKISTAN DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941-1945)

The article discusses some aspects of the activities of the security agencies of Tajikistan during the Great Patriotic War in the fight against Hitler's fascism and the suppression of violent revolutions of the XX century.

During the Great Patriotic War, Tajikistani chekists made a worthy contribution to the common goal - the defeat of German fascism. They showed their heroism on battlefields, both in foreign countries and within Germany, and proved their loyalty to Motherland.

Of the total number of security personnel - 177 people, most did not return from the battlefields. Hundreds of employees of state security agencies devoted to their profession put the protection of national security and public order ahead of personal interests, sacrificing their lives to ensure the well-being of their country, the peaceful coexistence of its citizens, and the sustainable development of their state and nation.

Key words: the Great Patriotic War, Hitler's fascism, security agencies, chekists of Tajikistan, powerful intelligence and counter intelligence, bodies of foreign states, the Turkestan Legion, Afghanistan.

Маълумот дар бораи муаллиф: Нёматов Иқромидин – номзади илмҳои таърих, дотсент, ходими пешбари илмии шуъбаи таърихи навтарини Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносӣ ба номи Аҳмади Дониши Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон. Телефон: (+992) 907 70 58 75. E-mail: i.nemat@mail.ru

Сведения об авторе: Нёматов Иқромидин – кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела новейшей истории Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана. Адрес: 734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, пр. Рудаки, 33. Телефон: (+992) 907 – 70 – 58 - 75. E-mail: i.nemat@mail.ru.

Information about the author: Nematov Ikromidin – candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher of the Department of Contemporary History of the Institute of History, Archaeology and Ethnography named after A. Donish of the National Academy of Sciences of Tajikistan. Address: 734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Rudaki Ave., 33. Phone: (+992) 907 – 70 – 58 – 75. E-mail: i.nemat@mail.ru

УДК 314.15(575.3)

**БАЪЗЕ МАСЪАЛАҲОИ МУҲОЦИРАТИ ДОХИЛӢ ДАР НОҲИЯҲОИ
ПОМИР ВА ҶАНУБУ МАРКАЗИИ ТОҶИКИСТОН (ДАР НИМАИ ДУЮМИ
СОЛҲОИ 20 - УМИ АСРИ XX)¹**

АБУЛҲАЕВ Р. А.,

**Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии
ба номи А. Дониши АМИТ**

Дар солҳои 20-уми асри XX дар Тоҷикистон ва махсусан дар ноҳияҳои кӯҳсори он ки замини киштзор барои аҳолии он ҷо нокифоя буд, ҳалли саривақтӣ ва объективӣ он ба пеш бисёр масъалаҳои иҷтимоӣ, маҳалпарастӣ, равонӣ ва марзӣ меистоданд. Баъд аз ба ҳаёт татбиқ кардани қарорҳои таърихӣ Анҷумани муассисони Ҷумҳурии худмухтори Тоҷикистони Шуравӣ (моҳи декабри соли 1926), ки ба ҷуз ба миён гузоштани масъалаҳои дар он вақт тақдирсозӣ сиёсӣ, иқтисодӣ, ҷамъиятӣ, маорифу маданият ва ғайраҳо, инчунин масъалаи ба заминҳои бекорхобида ва навбунёди водихо кӯчонидани деҳқонони ноҳияҳои камзамину баландкӯҳ ва кӯҳсор низ баррасӣ гардид. Яке аз мавзӯҳои баландкӯҳ ва камзамину бо Ҷумҳурии Халқии Хитой ва Ҷумҳурии Ислонии Афғонистон ҳамсарҳад Вилояти Мухтори Кӯхистони Бадахшон ба ҳисоб мерафт.

Роҳбарият, Ҳизби коммунистӣ ва ташкилоти салоҳиятдори Ҷумҳурии Тоҷикистон оид ба масъалаҳои аграрӣ шароитҳои иҷтимоӣ-иқтисодӣ, психологӣ ва ҷуғрофӣ мардуми Вилояти худмухтори кӯхистони Бадахшонро ҳамаҷониба ба риштаи таҳлилу таҳқиқ гирифта, ба ҳулосае омаданд, ки маҳз дар ҳамон вақт деҳқонони кадом ноҳияҳоро зарурияти аз макони суқунаташон ба дашту водихои ҷумҳурӣ кӯчонидан бурдан ба мақсад мувофиқ аст. Бояд тазаккур дод, ки ин масъалаи муҳими иқтисодӣ- иҷтимоӣ дар машваратҳои сатҳи олӣ, яъне дар маҷлисҳои Шурои Комиссарони Халқии Тоҷикистон ва пленуми Ҳизби коммунистӣ ҳамаҷониба таҳлилу таҳқиқ карда шуда, ба ҳулосаи умумӣ омадаанд, ки шароити махсуси иҷтимоӣ - иқтисодӣ ва ҷуғрофӣ мардуми ин кишвари кӯҳсорро ҳамаҷониба санчида ҳаёти маданӣ ва маишӣ онҳоро низ ба инобат гирифта шарт

¹ * Шарл-Эжен Ужфалвӣ (1842-1904) – донишманди фаронсавӣ аз асли маҷорӣ, доктори фалсафа (аз соли 1870).

ва зарур аст. Дар охир ба хулосае омаданд, ки вазъияти иқтисодии деҳқонони ин маконро ба эътибор гирифта, қисми асосии онҳоро ба муҳочирӣ дохилӣ таъдил додан маҳз дар ҳамон замон ба воқеият дуруст намеомад. Норасоии заминҳои қорам ва боғу обҷақорӣ, ин маъноӣ онро надошт, ки мардуми ин кишварро ҳамагӣ ба водихӯи ҷумҳури муҳочир карда шавад. Зеро таҷрибаи гузашта нишон дод, ки талаботи аҳолиро ба маводи зарури бо захираҳои дохилӣ аслан таъмин кардан имконият дошт. Чунин имконият қариб, ки дар кулли волостҳо, ба ҷуз волостҳои Ваҳон ва Рӯшон мавҷуд буд [1,18-20вв].

Аз рӯйи ҳуҷҷатҳои бойгонӣ чунин хулосае бармеояд, ки ҳалли дурусти ин масъала Бадахшонро бе сокин намекард, балки қуваҳои истеҳсолиро инкишоф додан, қисме аз аҳолиро ба муҳочирати дохилӣ равон намудан ба мақсад мувофиқ буд, то ин ки онҳо ба кишвар даромади иқтисодӣ оваранд. Дар пеш боз як масъалаи ҳалталаб меистод, ин ҳам бошад ҳалли тақдирӣ мардуме, ки соли 1925 аз Шӯғнони Афғонистон ҳамчун гуреза ба Помир омада буданд. Ин хонаводаҳо аз дахҳо одамон иборат буда, хоҳиши ба кучое набошад хоҳ ба вилояти Кӯлоб ва хоҳ ба дигар ноҳия муҳочир шудан доштанд, зеро онҳо дар вазъияти бекорӣ қарор гирифта буданд.

Аммо, таҷриба нишон дод, ки ташкилоти давлатӣ ва ғизбӣ имконияти ҳалли саривақтии ин масъаларо надоштанд. Зеро ҳалли мусбии ин масъала дар шароити солҳои 20-уми асри ХХ қабл аз ҳама маблағи зиёд ва дар байни омма бурдани қорҳои самараноки тарғибию ташвиқоти ро талаб мекард. Инчунин теъдоди зиёди гурезаҳоро ба воситаи кӯҳу теппаҳои дар он вақт қасноғузар пиёда намуда, дар заминҳои навқорам ҷойгир намуда, хоҷагииашонро барқарор кардан, ба маблағи қалон ва вақти зиёд ниёз дошт. Ҳатто баъзе ашхос андеша доштанд, ки нисбат ба он ки тоҷиконро аз водии Ғунт ба водии Яхсу муҳочир кунанд, хуб мешуд, ки аз округи Полтаваи Украина деҳқонони ғаллақорро ба ин мавзёҳо ва ё аз Қазоқистон оварда шаванд.

Аз нигоҳи сиёсӣ бошад, қисми асосии аҳолиро муҳочир карда Помирро бе одам ва бе қувваи қорӣ гузоштан ҳеҷ имконият надошт. Дар қисми Шарқии он асосан қирғизҳо сукунат доштанд ва онҳоро аз он ҷо беҷо кардан лозим набуд, зеро дар сарҳади он вилояти Сарикӯли Чин (Хитой) буд, ки дар байни шуроҳо ва чиниҳо танҳо шартан сарҳад муайян карда шуда буда халос. Аз ҷониби дигар, маълум буд, ки ба воситаи сарзамини Хитой, роҳи ҳаракат ва таъсири Англия аз Ҳиндустон ба Қошғар, Ишқошим, Рӯшон, Шӯғнон кушода шуда буд.

Дар кулли ин мавзёҳо вазъият ва шароитҳои ба худ хос вучуд дошт, ки онҳоро бо тамоми масъулият ба инобат гирифтани аз манфиат ҳоли набуд [2,19].

Барои ҳамин ҳам, масъалаи муҳочир ғардонидани мардуми Помир дар он шароит масъалаи ниҳоят ҳассос ва баҳсталаб доништа мешуд. Дар ин ҷо мебоист ҳамаҷониба шароити вазъиятро ба ҳисоб гирифта, аз ҳисоби қисми муайяни сокинони ин мавзеи баландкӯҳи ҷумҳури ба даштҳои ташналабу бекорхобидаи водихӯ муҳочир кардан, барои минбаъд баланд бардоштани ҳосилнокии маҳсулоти хоҷагии кишоварзӣ аз аҳамият ҳоли набуд. Зеро дар шароити он солҳо дар ин мавзё танҳо аз ҳисоби заминҳои на он қадар зиёди кишти зироатҳои ғалладона,

боғдорӣ ва тутпарварӣ шароити иқтисодӣ ва маишӣ мардумро то андозае таъмин кардан имконият дошт. Ташкилотҳои давлатию ҳизбӣ ва салоҳиятдор чунин шароитҳоро ба эътибор гирифта, минбаъд сиёсати муҳоҷиргардонии мардуми ин мавзёро ба инобат мегирифтанд[3,20].

Дар арафаи омодагӣ ба масъалаҳои тақсими замин ва ба дашту заминҳои наворам муҳоҷир кардани аҳолии ноҳияҳои ҷанубии Тоҷикистон дар байни қисми бойҳо ва ё заминдорони калон ва мардуми аз муҳоҷират баргашта зиддияти калон сар мезанад. Маълум, ки пас аз барҳам додани аморати Бухоро бо ташвиқоти тарғиботи собиқ амири Бухоро ва думравони он дахҳо ҳазор одамонро гумроҳ карда, ба хоки мамлакати ба мо ҳамсоя Афғонистон ба гуреза шудан маҷбур карданд. Пас аз мустаҳкам шудани ҳокимияти Шуравӣ дар Тоҷикистон ва маҳви ҳаракати босмачигарӣ мардуми меҳнаткаши фиребу гумроҳгашта боз ба Ватани аслии хеш баргаштанд. Аммо дар муддати аз Ватан берун будан воситаҳои истеҳсолии онҳоро муштзӯрон, бойҳои маҳаллӣ, намоёндагони дину мазҳаб соҳиб шуда буданд. Дар чунин вазъият байни соҳибони аслии замин ва ғосибон баҳсу кашмакашҳо сар зад, ки ба ин масъала ҳуччатҳои бойгонӣ гувоҳӣ медиҳанд. Чунин баҳсу мубоҳисаҳо ҳатто ба ҳолати задухӯрди марговари соҳибони ҳақиқии замин ва ғосибон оварда расонд. Ин баҳсу хархаша соли 1927 дар туманҳои (ноҳияҳои) Ховалинг ва Кангурти вилояти Кӯлоб рух дода буд ва он дере нагузашта ба задухӯрд табдил ёфт. Ин воқеа аввал дар ноҳияи Ховалинг рух дод.

Ҳуччатҳои бозътимод шаҳодат медиҳанд, ки ҳучумро ба муқобили деҳқонони камбағал бойҳою рӯҳониёни калон оғоз карда, онҳоро бераҳмона лату кӯб мекунаанд. Дар натиҷаи чунин воқеа аз ҳарду тараф ду нафар ҷон дода, се шахс маҷруҳ ва 40 нафари дигар ҷароҳати сабук гирифтанд. Чунин рафтори ғайрибашарии дороён нисбат ба фирориён ҳашму ғазаби мардуми ноҳияро наоварда наметавонист ва дар натиҷаи даҳлати ташкилотҳои давлатию ҳизбӣ ин воқеа ором карда шуда, деҳқонони камбағал соҳиби як порча замини бобой шуданд [4,21].

Дар тумани (ноҳияи) Кангурт дар ҳамин муддат байни тоҷикон ва лақайҳои Балҷувон баҳсу мубоҳисаҳо дар атрофи масъалаи тақсими замин рух додааст. Тоҷикон дар муддати се сол заминҳои лақайҳои ба ҳаракати босмачигӣ ҳамроҳшуда ва лақайҳои ба хоки Афғонистон гурезашударо азхуд карда, зироаткорӣ кардаанд. Дар навбати худ лақайҳои ба макони қаблии хеш баргашта, даъвои заминҳои аз даст рафта мекарданд. Ба ҷуз чунин баҳсҳо, дар ҳамин муддат дар ин ҷо баҳсҳои нисбатан хурди иқтисодӣ-иҷтимоӣ ниҳоят зиёд ба ҷашм мерасиданд, ки ҳалли мусбиашон ба роҳбарони оқилу доно вобастагии зиёдро талаб мекард. Зеро таҷриба нишон дод, ки камбағалон ба лату кӯби деҳқонони доранда гирифтор буданд, ки чунин ҳолатро ба зудӣ ҳаллу фасл кардан ба манфиати сиёсати ҳокимияти коргару деҳқон буд.

Аммо, ҳуччатҳои бозътимоди бойгонӣшаҳодат медиҳанд, ки дар ҳамон вақт кормандони Шуъбаи замини вилояти Кӯлоб ба ҳалли ин масъалаи муҳими иқтисодӣ - иҷтимоӣ эътибори лозимӣ наметавонданд. Кормандони ин соҳа ба эътирозҳои деҳқонони ҷабрдида сари вақт ҷорачӯӣ намекарданд. Маълум буд, ки дар он солҳо ба созмонҳои маҳаллии ҳокимияти Шуравӣ ва ташкилоти ба замин сару кор

доштаи вилояти Кӯлоб баъзе унсурони зидди Шуроҳо ҷой гирифта буданд, ки бо мақсади сиёҳ кардани сиёсати ҳокимияти синфи коргару деҳқон дидаву доништа ба чунин рафтори зидди халқӣ роҳ меододанд.

Ҳокимони маҳаллӣ ба эътирозҳои камбағалон на танҳо аҳаммият намедоданд, балки масъалаҳои баҳсталабро ба ғоидаи ашхоси доро ҳал мекарданд. Зеро тавре ки таъкид гардид дар ҳама замон дар ҳама маҳалҳо ба Ҳокимияти Шуравӣ унсурҳои бегона ҷой гирифта буданд [4,21].

Муҳоҷирати солҳои 20-уми асри XX аз ноҳияҳои кӯҳии қисми ҷанубӣ ва марказии Ҷумҳурии худмухтори Тоҷикистон ба заминҳои бекорхобида ва навқорами водиҳо ба душвории сиёсӣ, равоӣ ва иқтисодӣ рубарӯ мегашт. Ин масъала дар ҳуҷҷатҳои пленуми вилоятӣ ва ноҳиявии кумитаи иҷроиявии Кӯлоб таҷассум ёфтааст. Аз рӯйи ин ҳуҷҷатҳо ба ҳулоса омадан мумкин аст, ки дар ҳама замон камбағалон руишро барои ҳимояи манфиатҳои хеш натарсидаю наҳарсида суханашонро дар назди сарварони ҳокимияти маҳаллии ноҳия ва вилоят изҳор мекарданд.

Аслан гирем, мардуми деҳаҳои кӯҳистон хоҳиши томи аз макони асли ба дашту биёбони ҳоло азхуд нашуда муҳоҷир шуданро надоштанд. Аз дигар ҷиҳат сиёсати иҷро намудани муҳоҷирати дохилиро амалӣ намудан шарт ва зарур буд. Аз ин хусус қисми мардуми камбағали ноҳияи Ховалинг дар ин ҷамъомадҳо ширкат варзида, норозигии ба дашту биёбон муҳоҷи шуданро изҳор мекарданд, зеро дар он вақт ҳокимони маҳаллӣ кӯшиш мекарданд, ба чунин муҳоҷират маҳз бештар деҳқонони камбағалро сафарбар намоянда, деҳқонони молу ҳолдор ва бойҳоро ба ҳалли ин масъала ҷалб намекарданд. Деҳқонони камбизоат нағз пай мебуданд, ки агар онҳо ба муҳоҷират сафарбар карда шаванд, дар он ҳолат деҳқонони миёнаҳолу бойҳо фавран соҳиби заминро оби онҳо хоҳанд шуд. Камбағалон дар баромадҳои пешниҳод намуданд, ки масъалаи заминсозиро бо роҳи ба онҳо тақсим карда додани заминҳои бойҳо ҳалу ҷалб карда шавад [5,23].

Дар рафти баҳсу мубоҳисаҳо УстоҚосим ном деҳқони камбағали Ховалинг баромад карда, изҳор намуд, ки дар гузашта порчаи замини моро бойҳо гирифта бошанд, имрӯз ҳокимияти Шуравӣ моро ба муҳоҷиршавӣ даъват менамояд, агар ин пешниҳодро иҷро намоем, бойҳо қисми боқимондаи заминро обамонро азхуд хоҳанд кард. Мо камбағалон агар ба ҷӯлу биёбон муҳоҷир шавем, дар он шароит ба азобу шиканча тоқат карда, заминҳои навро азхуд менамоем, аммо бойҳо ҳам соҳиби заминро ҷову маконамон шуда дар диёри хушбоду ҳавои кӯҳистон айшу ишрат менамоянд.

Дар пленуми Комитети ноҳияи Кангурт Миралӣ Муҳаммад Алиев дар баромади хеш изҳор кард, ки дар шахси кормандони ин ҷамъомад ашхоси манфиати меҳнаткашонро ҳимоя намекардагӣ ҳузур доранд, зеро дар роҳбарият аксарият одамони зидди ҳокимияти Шуравӣ амал мекарданд [6,23].

Ҳамин тавр, дар ҳама замон оид ба масъалаи ташкили муҳоҷирати дохилӣ чунин қарарҳои дида мешуд.

Мувофиқи нақшаи муҳоҷиркунии дохили ҷумҳуриявии моҳи октябри соли 1927, шумораи умумии деҳқонон, ки 3920 хоҷагиро ташкил мекард, аз он 950 кас аз мавзеи Ғарм ба ҷазираи Аралӣ (собик ноҳияи Куйбишев) мебоист равон карда

мешуд. Албатта чунин шумора яку якбора ба муҳочират омода карда нашуда, мувофиқи шароити онвақта то охири ҳамин сол амалӣ карда шуд [7,30].

Дар нимаи дуҷуми солҳои 20-уми асри сипаришуда, дар ноҳияҳои кӯҳии ҷанубӣ ва марказии Ҷумҳурии худмухтори Тоҷикистон, ки замини қорам мувофиқи шумораи аҳолии кифоя набуд, масъалаи таъмини замин ба онҳо ба миён омад. Дар водии Вахш, ки ҷараёни азхуд кардани заминҳои нав оғоз шуда буд, баръакс қувваи қорӣ намерасид, барои ҳамин ҳам Роҳбарияти ҷумҳурӣ ба ташкилоти салоҳиятдор дастур дод, ки аз ҳисоби деҳқонони ноҳияҳои кӯҳсор ин масъалаи муҳими иҷтимоӣ - иқтисодӣ ва ҳатто дар он вақт сиёсиро ҳал намоянд.

Захираҳои оби вилояти Қўрғонтеппа (ҳоло Хатлон) ба таври лозимӣ вучуд дошт ва шароити азхуд кардани заминҳои бекорхобида ва нав ниҳоят зарур буд. Вобаста ба чунин шароит имконияти анҷоми қорҳои ирригатсионӣ мавҷуд буда, азхуд кардани заминҳо ва обёрии 186000 десятина ба нақшаи гирифта шуда, аз он дар муддати солҳои 1924 -1925 қисме аз он, яъне 17566 десятина обёрӣ карда шуда буд.

Аммо, дар ҳамон замон миқдори ками замин, яъне ба андозаи зиёда аз 25 % ба кишти қор омода шуда буд. Ин мавзё барои кишти қор, махсусан соҳаи пахтақорӣ ба қувваи қорӣ зарурияти зиёд дошт.

Ҷойгиршавии аҳолии вилояти Қўрғонтеппа нисбат ба дигар вилоятҳо ниҳоят кам ба назар мерасид. Ба ҳар як нафар қувваи қорӣ дар ин ҷо 1,5 десятина замини қорам рост меомад. Чунин рақам тахмин ба вилоятҳои Қўлоб ва Ҳисор хос буд. Дар заминҳои қорам ва обёришавандаи вилояти Қўрғонтеппа қувваи қорӣ нисбати дигар вилоятҳои ҷанубӣ ва марказии Тоҷикистон камтар буд. Сарчашмаи бо қувваи қорӣ таъмин кардани заминҳои қораму обёришавандаи ин вилоят аз дохили ҷумҳурӣ, қабл аз ҳама аз ҳисоби ноҳияҳои кӯҳӣ ва берун аз ҷумҳурӣ ба ҳисоб ме рафт [8,32].

Тавре ки дар боло ишора рафт сарчашмаи асосии аз ҳисоби захираҳои дохилӣ бо қувваи қорӣ таъмин кардани заминҳои азхудшавандаи вилояти Қўрғонтеппа чун пештара вилояти Ғарм буд.

Чунин вазъиятро ба эътибор гирифта, аз ҷониби ташкилоти салоҳиятдор ба вилояти Қўрғонтеппа кўчонидани қисми аҳолии вилояти Ғармро дар солҳои 1926 - 1927 бо шумораи 1500 хоҷагӣ ба нақша гирифта шуд. Мардуми муҳочирро пешакӣ ба чунин ноҳияҳо ба мисли Ҷилликўл ва қисми асосиро ба ноҳияи Қўрғонтеппа, ки дар он ҷо заминҳои обёришавандаи ба кишти қор омода шуда, ки захираи чунин заминҳо зиёд ба назар мерасид ҷой карда мешуданд. Роҳбарияти ноҳияҳои номбаршуда, пешакӣ ба ташкилоти дахлдор шумораи муайяни муҳочиронро дархост дода буданд. Маводи боэътимод шаҳодат медиҳанд, ки дар натиҷаи дар байни мардум бурдани қорҳои оммавӣ - фаҳмондадихӣ қисми муайяни деҳқонони вилояти Ғарм ба водии Вахш барои муҳочир шудан майл намуданд.

Шароити иқтисодӣ - иҷтимоии мардуми камбизоати кӯҳсори вилояти Ғармро ба эътибор гирифта, ҳарчотӣ ҳар як оиларо то ҷо ба ҷо шудан ба ҳар як оила миқдори зарурии ёрдампулиро ҷудо мекард. Ба ҳар як хоҷагӣ ба миқдори 295 сўм ёрдампулӣ дода шуда бошад, ба 1500 хоҷагӣ 442500 сўм дуруст меомад. Аз ин

шумора қарзи бебозгашт 147500 сумро ташкил карда бошад, қарзи бозгардонида шуда 295000 буда, маблағи умумӣ ба миқдори 442500 сум буд [9, 33].

Тавре ки ин рақамҳо шаҳодат медиҳанд, дар шароити он солҳои вазъияти душвори иқтисодии пас аз ҷанги таҳмилии шахрвандӣ дар Ҷумҳурии худмухтори Тоҷикистон маблағи зиёд барои муҳоҷирони бебизоати кӯхистони вилояти Ғарм ба ҳисоб мерафт.

Сарчашмаи минбаъд афзудани қувваи корӣ дар ноҳияҳои ҷанубӣ ва марказии Тоҷикистон омили ба Ватан баргаштани гурезаҳои давраи ҷанги таҳмилии шахрвандӣ ба ҳисоб мерафт. Зеро дар натиҷаи задухӯрдҳои дохилӣ дар солҳои 1921-1924 танҳо ба Афғонистон аз вилоятҳои Қўрғонтеппа, Кўлоб ва Ҳисор наздики 44000 хочагӣ бо шумораи 200000 кас гуреза шуда буданд. Дар зарфи се сол, яъне солҳои 1925-1928 шумораи ба Ватан баргаштагон 78819 нафарро ташкил мекард. Аз ин шумораи қувваи корӣ қисми асосиашон ба вилоятҳои Қўрғонтеппа, Кўлоб ва Ҳисор тақсим карда шуданд, ки онҳо сафи истеҳсолкунандагони неъматҳои моддиро афзун мекарданд [10, вв33-34].

Масъалаи чараёни ба Ватан баргаштани фирориёни нимаи дуоми солҳои 20-ми асри XX ба масъалаи ба ҳаёт татбиқ кардани муҳоҷирони меҳнатӣ робитаи ҷудонашаванда дошт, зеро меҳнаткашони аз хориҷа баргаштро асосан ба заминҳои бекорхобида ва нав ҷой карда, буданд. Ин чараён ба масъалаи тезонидани ҳаҷму суръати азхудкунии заминҳо мусоидат мекард. Масалан, дар зарфи солҳои 1927-1928 бо қувваи деҳқонони маҳаллӣ, ноҳияҳои кӯҳӣ ва қисми мардуми фирории ба Ватан баргашта дар вилояти Қўрғонтеппа 16040 гектар замин, дар вилояти Кўлоб 8000 гектар ва дар вилояти Ҳисор бошад 1600 гектар замин азхуд карда шуд [11,206].

Аммо, бо баъзе сабабҳо ва омилҳои айни ва зехнӣ як қисми заминҳои азхудшаванда, аз истеҳсолот берун монда бошанд ҳам, дар солҳои минбаъда бо ибтиқори Роҳбарияти ҷумҳурӣ, ташкилоти салоҳиятдори аграрӣ ва меҳнати фидокоронаи деҳқонон ин масъала ҳаллу ҷасли хешро ёфт.

Яке аз омилҳои як давраи муайян нисбатан ба таъхир мондани чараёни азхудкунии заминҳои наву бекорхобида дар ноҳияҳои ҷануб ва марказии Тоҷикистон, қабл аз ҳама аз ҳисоби деҳқонони ноҳияҳои кӯҳиву баландкӯҳ, ки оқибатҳои вазнину сангини ҷанги таҳмилии шахрвандӣ ва мубориза алайҳи дастаҳои босмачиёни ғоратгарро аз сар мегузарониданд ба ҳисоб мерафт. Зеро дар ҳама давра системаҳои ирригатсионии ноҳияҳои ҷанубӣ ва марказии Тоҷикистон ба ҳолати вайрона табдил ёфта буд.

Аз ин рӯ, Раёсати хоҷагии оби Ҷумҳурии Худмухтори Тоҷикистон, ки солҳои 1925-1926 қору фаъолиятро оғоз намуд, вазифа гузошт, ки қабл аз ҳама низоми харбгаштаи ирригатсионӣ ва заминҳои аз истеҳсолот берун мондари барқарор намуда, сипас майдони заминҳои навро азхуд кунанд. Дар натиҷа дар зарфи се соли фаъолияти он, яъне солҳои 1927-1928 64,5% заминҳои наву кӯҳна ба кор дароварда шуд [12,256].

Дар ҳама солҳо дар натиҷаи корҳои зиёди сохтмонӣ ва меҳнати фидокоронаи муҳоҷирони кӯхистонӣ дар се вилоят, яъне Қўрғонтеппа ва собиқ вилоятҳои Кўло-

бу Ҳисор 22700 гектар заминҳо азхуд карда шуд, [13,256] ки ин муваффақият ба чуз кору бори техникаи ҳамон замона, инчунин дар натиҷаи заҳмати шабонарӯзии деҳқонон ба даст омада буд.

Ҷараёни азхудкунии заминҳои наву бекорхобида мунтазам бо идома додани муҳочирати дохилии деҳқонон пеш мерафт. Масалан, маъракаи муҳочиркунии баҳори соли 1928 ба дашту мавзеҳои номбаршуда, 4289 хоҷагӣхоро ташкил карда, аз лиҳози иҷтимоӣ мувофиқи шароити ҳамон замон таъмин мегаштанд. Муҳочирон аз лиҳози модӣ соҳиби 1.093 500 сӯм гардиданд, то ки хоҷагии худро таъмин намоянд [14, 256].

Вобаста ба ин фирориёне, ки дар охири солҳои 20-ум аз хориҷа ба Ватан бармегаштанд, аз ҷониби давлат барои эҳёи хоҷагиашон як миқдори муайян баробари муҳочирон ёрдампулӣ мегирифтанд. Масалан, танҳо дар солҳои 1926-1927 ба ҳар як хоҷагии фирориёне, ки ба вилояти Кӯлоб муҳочир шуда буд, 285 сӯм чудо карда шуд, ки ин барои 75 хоҷагӣ ҷамъулҷамъ 21375-сӯмро ташкил мекард. Ба вилояти Қўрғонтеппа бошад барои 125 хоҷагӣ 40000 сӯм чудо карда шуд, ки ба ҳар хоҷагӣ 320 сӯми рост меомад. Чунин ёрдампулиҳо барои нақлиёт, чорвои корӣ, сохтмон, масолеҳи кишоварзӣ, хӯрокворӣ, тухмӣ, чорвои муҳочирон дода шуда буданд [15, 35].

Ба чуз ин баҳри ҷо ба ҷо шудани ин хоҷагӣҳо Ҳукумати ҷумҳурий дар солҳои 1925-1927 ба ҳар як хоҷагӣ қариб 390 сӯм қарзи бебозгашт ва аз он ба миқдори зиёда аз 370 сум қарзи дарозмуддат чудо кард. Барои хоҷагӣҳое, ки дар соли 1927 ба Тоҷикистон баргашта буданд, ба миқдори 22680 сум танҳо қарзи дарозмуддат дода шуд.

Чунин сиёсати инсондӯстонаи Ҳокимияти Шуравӣ барои ҳарчи зудтар ба Ватан баргаштани фирориёни боқимондаи тоҷик роҳ кушод. Фирориёнро сари вақт ҷо ба ҷо карда, роҳу воситаи ҳаёти навро нишон додан ба худ як масъаи муҳимми иқтисодӣ, иҷтимоӣ ва сиёсии он замон маҳсуб буд.

Барои ҳамин ҳам фирориёни бозгашта мувофиқи нақшаи пешакӣ ба ноҳияҳои гуногун, ки ба қувваи корӣ эҳтиёҷ доштанд, мешуданд ва онҳо барои гирифтани имтиёзҳо ҳуқуқи комил доштанд. Барои мисол, танҳо дар муддати солҳои 1926-1927 аз 1633 хоҷагии ба ноҳияи Арал сокин гашт, ки 400-тоашонро оилаҳои фирориёни бозгашта ташкил мекарданд, аз 3120 хоҷагии ба Қўрғонтеппа муҳочиршуда 1901 хоҷагии фирориён ба шумор мерафтанд, 2030 хоҷагии ба ноҳияҳои Фархору Чубек муҳочиргардида 1000-тоаш фирориён буданд. Ҷамъулҷамъ 3301 хоҷагии деҳқонони ба Ватан баргашта ба ин ноҳияҳо сокин шуданд [16,8].

Комиссариати халқии зироат, ки ҷараёни бозгаштани фирориён ва ҷо ба ҷо кардану аз лиҳози хоҷагӣ таъмин кардани ин табақаҳои ҷамъиятиро ба уҳда гирифта буд, пайваста дар ҳаққи онҳо ғамхорӣ зоҳир мекард. Ҷараёни ба Ватан баргаштани фирориён ва ба муҳочирони дохилиҷумҳурий табдил ёфтани як қисми онҳо солҳои минбаъда низ идома меёфт. Мувофиқи ҳуҷҷатҳои бозғатимоди бойгонӣ солҳои 1928-1929-ум ба Ватан боз 2200 хонаводаҳои фирориён баргашта, ба ноҳияҳое, ки заминҳои наву бекорхобидаро азхуд карда мешуд ва эҳтиёҷ ба қувваи корӣ доштанд, сокин мешуданд.

Дар ин давра барои ташкил кардани муҳочирати дохиличумхурӣ ва ҷойгир кардани хоҷагиҳои деҳқонон дар заминҳои навқорам ва бекорхобида, ки ба онҳо қисми муайяни фирориёни бозгашта низ дохил мешуданд, давлат тақрибан 900 ҳазор сӯм ҷудо карда буд. [17,84] Ин миқдор дар он вақт барои ҷумхурӣ хеле маблағи калон ба ҳисоб мерафт, зеро ҷараёни бозгашти фирориён ва амалигардонидани сиёсати муҳочирати дохилӣ, бад - ин васила барқарор, обёриву истифодаи заминҳои навқорам барои Ҷумҳурии Тоҷикистон дар он солҳо масъалаи ниҳоят муҳимми иҷтимоӣ-иқтисодӣ маҳсуб меёфт.

Бояд чунин шароитро ба инобат гирифт, ки дар он маврид аз тарафи коркунони ҳукумати ва ҳизбӣ дар масъалаи ҷойгиркунии муҳочирон, аз ҷумла фирориёни бозгашта ва тақсимути ёрии молиявӣ ба иштибоҳи зиёд ва қачравихо роҳ дода шуда буд. Дар масъалаи ҷойгиркунии муҳочирон ва тақсимути молу мавод, ҷудо кардани заминҳои назди ҳавлигӣ ва қорам амалиётҳои субъективӣ, аз ҷумла маҳалгарой, ҳешутаборбозӣ ҷой дошт. Дар баъзе мавридҳо қисми қарзхое, ки давлат барои хоҷагиҳои ин табақаҳои деҳқонон ҷудо мекард, аз ҷониби шахсони алоҳидаи «мутасаддӣ» аз худ карда мешуданд ва ё ба қорҳои дигар саф мегардиданд. Ин гуна муносибатҳои нодуруст ва зидди давлатии як зумра одамони бевиҷдон беғуфтуғу ба ҷараёни муҳочиркунии аҳолии ноҳияҳои кӯҳӣ ва фирориёни бозгашта таъсири манфӣ мерасонд. Чунин рафтору кирдори баъзе амалдорони маҳаллӣ дар баъзе ноҳияҳо дар байни муҳочирон нобоварӣ, дилхунукӣ ва ҳатто ҳашму ғазбро ба вучуд меовард. Дар натиҷа қисме аз онҳо боз ба ҷою макони пешинаи хеш бармегаштанд. Созмонҳои давлатию ҳизбӣ сари вақт пеши роҳи ин ва дигар камбудихоро гирифтанд.

Ҳамин тавр, бо қувваи муҳочирон маҳалаҳои аҳолинишин бунёд гардида, заминҳои нав қоркард шуда, низоми обёрӣ барқарор гардид. Махсусан аҳолии вилояти Қўрғонтеппа, дар муддати нисбатан кӯтоҳ хеле афзуд ва намоёндоғони халқияту миллатҳои гуногун дар ин макон сокин шуданд. Чунин дигаргуниҳои иқтисодӣ - иҷтимоӣ ва демографӣ маҳз дар натиҷаи сурат гирифтани ҷараёни муҳочирати дохили ҷумхурӣ ба вуқӯ пайвастанд. Агар соли 1927 аҳолии вилояти Қўрғонтеппа 7, 450 хоҷагиро ташкил карда бошад, ин шумора соли 1928 ба 11.540 расид. Соли 1927 дар вилоят 38.531 кас ҳаёт ба сар бурда бошад, соли 1928 ин шумора ба 50.678 нафар расид [18,149].

Ин далелҳои бойгонӣ аз он шаҳодат медиҳанд, ки ҳалли масъалаҳои ҷо ба ҷо кардани фирориёни ба Ватан баргашта ва муҳочирони маҳаллии ноҳияҳои кӯҳӣ дар заминҳои наву бекорхобида барои минбаъд рушду нумӯи соҳаҳои муҳимми хоҷагии кишоварзӣ ва қабл аз ҳама зироати даромадноки пахтакорӣ ҳамаҷониба мусоидат намуд.

АДАБИЁТ

1. Бойгонии давлатии таърихи наварини Ҷумҳурии Тоҷикистон (БДТНҚТ). Ҷ. 1, р. 1, д. 510, вв. 18-20.
2. БДТНҚТ. Ҷ. 1, р. 1, д. 510, в. 19.
3. БДТНҚТ. Ҷ. 1, р. 1, д. 510, в. 20.
4. БДТНҚТ. Ҷ. 1, р. 1, д. 510, в. 21.
5. БДТНҚТ. Ҷ. 1, р. 1, д. 510, в. 23.

6. БДТНҚТ. Ф. 1, р. 1, д. 149, в. 41.
7. БДТНҚТ. Ф. 1, р. 1, д. 149, в. 30.
8. БДТНҚТ. Ф. 1, р. 1, д. 149, в. 32.
9. БДТНҚТ. Ф. 1, р. 1, д. 510, в. 33.
10. БДТНҚТ. Ф. 1, р. 1, д. 149, в. 34.
11. БДТНҚТ. Ф. 1, р. 1, д. 149, в. 206.
12. БДТНҚТ. Ф. 1, р. 1, д. 106, в. 256.
13. БДТНҚТ. Ф. 1, р. 1, д. 106, в. 256.
14. Дар ҳамон ҷо. В. 256.
15. Бойгонии Марказии давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистон (БМДҚТ). Ф. 168, р. 1, д. 16, в. 35.
16. БМДҚТ. Ф. 168, р. 1, д. 96, в. 8.
17. БМДҚТ. Ф. 168, р. 1, д. 27, в. 84.
18. Материалы к вопросу о земельных отношениях в Таджикистане. – Сталинабад: Таджикское гос. изд-во, 1930. – 149 с.

БАЪЗЕ МАСЪАЛАҲОИ МУҲОЧИРАТИ ДОХИЛӢ ДАР НОҲИЯҲОИ ПОМИР ВА ЧАНУБУ МАРКАЗИИ ТОҶИКИСТОН (СОЛҲОИ 20 - УМИ АСРИ XX)

Дар солҳои 20-уми асри XX Ҷумҳурии навбунёди Тоҷикистон барои рушду нумӯи ҳаёти ҷамъиятӣ ва минҷумла соҳаи аграрӣ, ки дар давраи ҷанги таҳмилии шаҳрвандӣ ниҳоят харобу абгор гашта буд, аз ҷониби созмонҳои Ҳокимияти Шуравӣ ва Ҳизби коммунистӣ чораҳои зарурӣ андешида шуд. Махсусан ба ин масъалаи иқтисодӣ - иҷтимоӣ дар қарорҳои таърихӣ Анҷумани муассисони Ҷумҳурии худмуктори Тоҷикистони Шуравӣ (моҳи декабри соли 1926) таваҷҷуҳи ҷиддӣ дода шуд. Дар ин мақола муаллиф мақсад гузоштааст, ки дар асоси маводу ҳуҷҷатҳои боэътимод чараёни азхудкунии заминҳои наву бекорхобида ва дар давраи муайян ба он ҷо аз ҳисоби ноҳияҳои кӯҳиву баландкӯҳи ҷумҳурӣ муҳочир кардани деҳқононро таҳлилу таҳқиқ намояд. Дар мақола чараёни аз баъзе ноҳияҳои Кӯҳистони Бадахшон ба водӣҳои навқорам муҳочир кардани деҳқонони безамину камзамин ва барои онҳо шароити мусоиди қору зиндагӣ муҳайё намудан ба риштаи таҳлил гирифта шудааст.

Қувваи дигари қарӣ барои рушди хоҷагии кишоварзӣ дар он замон деҳқонони аз хориҷи мамлакат ба Ватан баргашта маҳсуб буда, дар роҳи тараққиёти хоҷагии кишоварзӣ мавқеи мусбиро ташкил мекарданд.

Масъалаи чараёни ба Ватан баргаштани фирориёни нимаи дууми солҳои 20-уми асри XX оид ба ҳаёт татбиқ кардани муҳочирони меҳнатӣ робитаи ҷудонашаванда дошт. Меҳнаткашони аз хориҷа баргаштаро асосан ба заминҳои бекорхобида ва нав ҷойгир карда, аз лиҳози хоҷагӣ қавӣ гардонидан вазифаи асосӣ маҳсуб меёфт, ки роҷеъ ба ин масъала ва дигар масъалаҳои иқтисодӣ - иҷтимоӣ дар ин мақола мавриди муҳокима қарор дода шудааст.

Калидвожаҳо: *иҷтимоӣ, раванӣ, муҳочират, Бадахшон, кӯҳсор, водӣҳо, ғуре-за, Ватан, меҳнаткашон, зироат, ҳосил, заминҳои наву бекорхобида, обёрӣ, хоҷагӣ.*

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ МИГРАЦИИ В ПАМИРЕ И ЮГО - ЦЕНТРАЛЬНЫХ РАЙОНАХ ТАДЖИКИСТАНА (ВО ВТОРОЙ ДВАДЦАТЫЕ ГОДЫ XX ВЕКА)

Советская власть и Коммунистическая партия приняли необходимые меры для развития общественной жизни, в том числе сельскохозяйственного сектора, который был разрушен во время гражданской войны. Этому социально-экономическому вопросу было уделено особое внимание в исторических решениях Учредительного Собрания Таджикской АССР (декабрь 1926 г.).

Поэтому в данной статье автор ставит своей целью проанализировать и исследовать на основе достоверных материалов и документов процесс освоения новых и целинных земель и переселения туда малоземельных дехкан из горных и высокогорных районов республики в определенный период.

В статье анализируется процесс переселения безземельных и малоземельных дехкан из некоторых районов Горного Бадахшана в новоосвоенные долины и создания для них благоприятных условий труда и жизни. Другой рабочей силой для развития сельского хозяйства в те годы были вернувшиеся на родину из-за границы крестьяне, сыгравшие положительную роль в развитии сельского хозяйства.

Вопрос о процессе возвращения на родину беженцев во второй половине 20-х годов XX века был неразрывно связан с реализацией трудовых переселенцев. Задачей дня было обустройство вернувшихся из-за границы рабочих, преимущественно на заброшенных и новых землях, и укрепление экономики. Этот вопрос, а также другие социально-экономические проблемы рассматриваются в данной статье.

Ключевые слова: *социальный, психологический, миграция, Бадахшан, горы, долины, беженцы, родина, рабочие, посевы, урожаи, новые земли, неиспользуемые земли, орошение, сельское хозяйство.*

SOME ISSUES OF INTERNAL MIGRATION IN THE PAMIR AND SOUTH-CENTRAL REGIONS OF TAJIKISTAN (IN THE SECOND HALF OF THE 20TH CENTURY)

In the 20th century, the Soviet government and the Communist Party took the necessary measures to develop public life, including the agricultural sector, which was destroyed during the civil war. This socio-economic issue was given special attention in the historical decisions of the Constituent Assembly of the Tajik ASSR (December 1926).

Therefore, in this article, the author aims to analyze and study, on the basis of reliable materials and documents, the process of developing new and unused lands and resettling farmers there from mountainous and highland regions of the republic in a certain period.

The article analyzes the process of resettling landless and land-poor farmers from some areas of Gorno - Badakhshan to newly developed valleys and creating favorable working and living conditions for them.

Another labor force for the development of agriculture in those years were peasants who returned to their homeland from abroad, who played a positive role in the development of agriculture.

The issue of the process of returning fugitives to their homeland in the second half of the 20s of the 20th century was inextricably linked with the implementation of labor migrants.

The task of the day was the settlement of workers who returned from abroad, mainly on abandoned and new lands, and the strengthening of the economy. This issue, as well as other socio - economic problems, are considered in this article.

Key words: *social, psychological, migration, Badakhshan, mountains, valleys, refugees, homeland, workers, crops, harvests, new lands, idle lands, irrigation, agriculture.*

Сведения об авторе: Абулхаев Ракиб Абулхаевич - доктор исторических наук, главный научный сотрудник новейшего отдела истории Института истории, археологии и этнографии имени А. Дониша Академии наук Таджикистана. Телефон: (+992) 93-900-55-36. E - mail: rakib-38@mail.ru.

Information about the author: Abulkhaev Rakib Abulkhaevich - Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher of the newest Department of History of the Institute of History, Archaeology and Ethnography named after A. Donish of the Academy of Sciences of Tajikistan. Phone: (+992) 93-900-55-36. E-mail: rakib-38@mail.ru.

УДК 61(575.3)(091)"18/19»

СОСТОЯНИЕ МЕДИЦИНЫ И ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

НУРЗОДА А. Р.,

Таджикский национальный университет

Во второй половине XIX века большая часть территории Средней Азии была занята тремя крупными государственными образованиями – Кокандским, Хивинским ханством и Бухарским эмиратом. По состоянию на 1913 год, современный Таджикистан был распределен между несколькими административными территориями. Центральная и южная части республики, расположенные к югу от Гиссарского хребта входили в состав Бухарского эмирата. Районы Северного Таджикистана (Зерафшанская и Ферганская долины) входили в состав Туркестанского края, причём Канибадам и Исфара с примыкающими к ним сельскими местностями и Восточный Памир относились к Ферганской области, а остальная часть Северного Таджикистана – к Самаркандской области [17, 6].

До завоевания Средней Азии царской Россией, несмотря на богатую историю и знаменитые школы врачевания в прошлом, большая часть не имела представления и доступа к научной медицине.

Однако среди непрофессиональных врачевателей и табибов были и весьма грамотные медики, получившие специальное образование в медресе и которые постоянно повышали свою специализацию. К сожалению, их малое количество не могло обеспечить медицинской помощью широкие слои населения. О заболеваниях населения Средней Азии можно получить исчерпывающие сведения из свидетельств отдельных путешественников, должностных лиц, а также донесений, отчетов военных и врачей Туркестанского края. К ним относились: лихорадка (малярия), желудочно-кишечные заболевания, пендинка (лейшманиоз), холера, проказа, ришта, оспа, сифилис, глазные заболевания, туберкулёз и т.д. [15; 20; 24; 44; 50]. По этим свидетельствам, а также по другим материалам, можно получить лишь относительные представления о санитарном состоянии населения дореволюционной Средней Азии [46,69-73]. Здоровье населения интересовало властей и чиновников. В 1898 году в кишлаке Анзоб вспыхнула эпидемия чумы. Врач, присланный в Анзоб для борьбы с чумой, ограничился оцеплением его войсками. Этим было предотвращено распространение чумы, а население кишлака было брошено на произвол судьбы.

Низкий экономический и культурный уровень местного населения, отсутствие какой-либо системы профилактических и противоэпидемических мероприятий служили причиной широкого распространения различных заболеваний, особенно инфекционных и социальных. Они поражали не только коренное население, но путешественников, царских чиновников, солдат и офицеров. Поэтому в качестве одной из неотложных оздоровительных мер военная администрация считала строительство рядом со старыми «туземными», «новых» «русских» городов в Ташкенте, Самарканде, Ходженте, Джизаке, Катта-Кургане, Ура-Тюбе. В донесениях и отчетах царских чиновников и офицеров не раз говорилось о бедственном санитарном состоянии населённых местностей Туркестанского края, о том, что «туземные части городов и кишлаков, с их базарами, узкими немощёными улицами, частыми и тесными постройками представляют почти полное отсутствие сколько-нибудь порядочного благоустройства. Грязное содержание двора, улиц, базаров и площадей, накопление в них всякого рода органических веществ, которые разлагаясь, загрязняют и портят окружающий воздух, замечаются в почти каждом туземном селении или городе» [1].

Согласно «Положению об управлении Туркестанского края» от 1886года, вся медицинская служба в крае находилась в ведении окружного военно-медицинского инспектора, подчинённого генерал-губернатору. Надзор за медицинской частью в областях был возложен на областных врачей, а в уездах и в некоторых крупных городах края- на уездных врачей и повивальных бабок [31,13].

В отношении медицинского обслуживания коренного населения в 1897 году в решении Совета генерал-губернаторства было сказано, что «... местные жители городов и уездов Туркестанского края могут поступить во все лечебные заведения

гражданского и военного ведомства не иначе, как за установленную плату, причем женщины принимаются в те только из означенных заведений, которые имеют особо устроенные женские отделения» [3].

Первое в крае лечебное учреждение – Ташкентский военный лазарет – было создано в 1868 году и в 1870 году преобразовано в военный госпиталь на 415 коек. Только в исключительных случаях военная администрация допускала приём в этот госпиталь тяжелобольных из числа гражданских лиц.

Тяжёлое санитарное состояние, прогрессирующее ухудшение состояния здоровья населения, частые вспышки эпидемий особо опасных инфекций, вынуждали администрацию края предпринимать некоторые санитарно-противоэпидемические мероприятия. Хотя последние и были чрезвычайно ограниченными, но, тем не менее они давали некоторый положительный результат.

В крае сеть гражданских лечебных учреждений росла очень медленно. Первые медицинские учреждения возникли в столице Туркестанского генерал-губернаторства г. Ташкенте, где к 1913 году, т.е. за 50 лет существования, была создана всего лишь одна городская больница и 4 амбулаторных лечебницы на 163 койки, а также несколько благотворительных и частных лечебных учреждений [13,61-62]. Если так обстояло дело с медицинской помощью населению Ташкента, то можно легко себе представить, в каком положении находилось население других городов и особенно сельских местностей края.

Совет генерал-губернаторства лишь в 1905 году утвердил положение «Об устройстве сельско-врачебной части»[3], в котором предусматривалось подразделение областей края на врачебные участки. Таких участков было организовано в Сыр-Дарьинской области 18, в Самаркандской области -10 и в Ферганской -16. Кроме этих участков, в крае имелись медицинские учреждения других типов.

В лечебных учреждениях края в 1911 году работало 125 врачей, 184 фельдшера, 74 акушерки, 35 дантистов и зубных врачей и 62 фармацевта.

В районе одна больница имела в среднем 13 коек, а обслуживаемая ею территория составляла 26140 кв. вёрст (298000 кв. км) с населением 76600 человек; одна сельская участковая лечебница приходилась более чем на 100 тысяч человек, а один фельдшерский пункт -на 1100 тыс.человек. если даже исключить незначительное количество городского населения, на каждого врача в среднем приходилось 44 тыс. жителей; на одного фельдшера -более чем 27 тыс.; на одну акушерку -почти 70 тыс.; на одного зубного врача – почти 143 тыс. и на одного фармацевта -около 80 тыс. населения [30, 94-95].

На содержание всей сельско-врачебной части трех основных областей края ежегодно отпускались небольшие суммы. Например, в 1906 году на указанные нужды было отпущено 279,1 тыс.рублей, а на отпуск медикаментов -5,6 тыс. рублей (по Сыр-Дарьинской области -2,3 тыс. рублей, Самаркандской -1,5 тыс.рублей, Ферганской области-1,8 тыс. рублей) [3]. На содержание одной сельской участковой лечебницы в годы выделялось 1,6 тыс. рублей., которые распределялись следующим образом: на приобретение медикаментов и перевязочных средств – 300 рублей; на содержание одного больного в сутки -30 коп. (за счет этих же средств

производилось отопление, освещение, ремонт посуды, белья и пр.); на канцелярские расходы и библиотеку -70 рублей; на наём квартиры с помещением для фельдшера -300 рублей и на наём прислуги -240 рублей [2]. В эти годы фактические расходы по здравоохранению не превышали 6 коп. в год на душу населения.

Ввиду слабого развития в крае сети сельско-врачебных участков и разбросанности населённых пунктов на одну лечебницу приходилось огромное количество жителей (от 50 до 142 тыс. человек), и медицинские работники физически не были в состоянии охватить обслуживанием население своего участка. Как свидетельствуют источники: «Огромная площадь Ура-Тюбинского и Ходженского уездов, с густым населением предгорий, обслуживается одной Науской лечебницей и, что Ура-Тюбинская городская больница на 5 коек обслуживает почти 200 тыс. населения» [4]. «А уезды-то не маленькие: есть диаметром в 400 и более верст. И вот, несчастный уездный врач то и дело рыскает из одного конца в другой на судебно-медицинские вскрытия и исследования. Не успевает уездный врач вернуться домой с севера, как ему преподносят предписание отправиться на юг, и ничего не остаётся, как на минутку забежать в приёмный покой, чтобы справиться, всё ли благополучно... и опять на 1-3 дня проститься с городом. А за это время в приёмном покое орудует один фельдшер» [16,828].

Совет генерал-губернаторства в 1906 году принял решение «О преобразовании медицинской части в городах Сыр-Дарьинской, Ферганской и Самаркандской областей». В соответствии с этим решением в городах поименованных областей управление лечебными заведениями было возложено на заведующих указанными заведениями и комитет больницы. Далее в нем указывалось, что выполнение обязанностей по медицинской части в тех городах, которые не в состоянии выделить необходимые средства для строительства и содержания лечебного учреждения, временно возлагается на персонал ближайшей сельской участковой лечебницы [9].

На городских врачей возлагалось оказание медицинской помощи населению, проведение оспопрививания и обучение учеников из коренных жителей, производство судебно-медицинской и судебно-полицейской экспертиз. Понятно, что такая «реорганизация», не предусматривавшая ни роста числа лечебных учреждений и медицинских работников, ни выделения дополнительных ассигнований, не могла изменить в целом неудовлетворительное состояние медицинской помощи городскому населению.

В «Инструкции о порядке исполнения обязанностей участковыми врачами» от 1907 года указывалось, что каждая сельская участковая лечебница состоит из стационара (на 6 коек) и амбулаторного пункта. Штат лечебницы состоял из участковых врачей, фельдшерицы и фельдшера.

Отмечалось, что «...получаемые жителями медикаменты и перевязочные средства оплачиваются по утверждённой таксе». Стационарное лечение, по «Инструкции», допускалось за установленную плату, от которой освобождались лишь лица, «несостоятельность которых установлена надлежащим образом». В лечебницах не предусматривалось специальных коек для акушерско-гинекологического обслуживания женщин. «Роженицы и родильницы, - говорилось в «Инструкции», - также

могут быть принимаемы в лечебницы в случаях патологии, где предоставляется необходимость в стационарной или оперативной помощи» [4].

Введение платы служило большим препятствием для получения населением медицинской помощи и приобретения медикаментов. Это вызвало недовольство не только населения, но даже и некоторых представителей официальной власти. «При сравнительной бедности главной массы сельского населения, -писал в 1909 году губернатор Ферганской области, -всякая плата за лекарства, даже очень небольшая, служит побуждением к избеганию этой помощи, в особенности для женщин и детей» [2].

Окружной военно-медицинский инспектор, ознакомившись в 1910 году с состоянием работы лечебных учреждений края, сообщил генерал-губернаторству о том, что «...требование от больного удостоверения о бедности перед поступлением в лечебницу для стационарного пользования, благодаря затруднениям в получении этого удостоверения из волости, значительно сокращает стационарное лечение даже в пунктах при серьёзном и желающем работать врачах» [4].

Существующие лечебные учреждения края не имели необходимого оборудования и инвентаря, были размещены в зданиях, не отвечавших элементарным санитарно-гигиеническим требованиям. На содержание стационарных больных отпускались ничтожные средства. «В этих условиях, -писал в 1911 году Ура-Тюбинский сельский врач, -лечебница или пустует, или в ней имеется одновременно один-два больных, и врач должен ухитриться или питать, или отапливать и освещать здание, но во всяком случае ни то ни другое вместе», Что должен был делать врач? «Очевидно, одно из трёх: или, не допуская начёта на себя перерасходов сумм, принять часть расходов на свои средства, или допустить недостаточное питание больных и содержание их в холодном помещении, или, наконец, не принимать больных в лечебницу» [9]. Пенджикентский участковый врач в 1911 году писал, что ввиду большой дороговизны основных продуктов питания «30 копеечный посуточный оклад на содержание больного, обременённый к тому же побочными расходами, является весьма недостаточным»[9]. Ходжентский уездный врач сообщил, что при госпитализации «...пищу и бельё должен каждый больной иметь собственные. Конечно, подобного рода больных почти никогда не бывает и приёмный покой по большей части остаётся пустым» [8].

Приведенные данные говорят о том, что лечебные учреждения в результате введения указанных ограничений и отсутствия элементарных условий использовались далеко не в полной мере. В крае постоянно ощущался острый недостаток медицинских кадров. «О врачах нечего и говорить, их совершенно нет... В некоторых уездах (Джизакском, Катта-Курганском, Самаркандской области и многих других) врачей нет, их заменяют фельдшеры- люди в большинстве случаев невежественные, грубые, неграмотные»[39]. Так же плохо было и со средними медицинскими кадрами.«Большинство участковых фельдшеров в Туркестане - бывшие ротные фельдшеры (из солдат) не окончившие даже фельдшерские школы» [19, 100].

Для врачей оказание медицинской помощи населению не было основной обязанностью. Главными для них были административные и судебно-медицинские функции.

«Уездные же врачи, -сообщал Туркестанский генерал-губернатор военному министру в 1898 году, обременены судебно-медицинскими и медико-полицейскими делами и вследствие этого лишены возможности оказывать медицинскую помощь населению, тем более, что губернаторство разбросано на обширных пространствах уездов, которые нередко отдалены друг от друга большими, труднопроходимыми горными местностями или пустынными безводными пространствами» [3].

Сведения о состоянии медицинской помощи населению, проживавшему непосредственно на территории современного Таджикистана очень мало. Известно, что в 1913 году здесь было всего лишь 13 врачей и 38 лиц среднего медицинского персонала, в том числе 6 зубных врачей (на 10 тыс населения приходилось 0,13 врачей и 38 лиц среднего медицинского персонала). Здесь функционировали городские больницы в городах Ходженте (на 15 коек) и Ура-Тюбе (на 5 коек), сельские лечебницы в Нау (село Гулакандоз), Ура-Тюбе (село Надеждино) и Пенджикенте (каждая на 6 коек), а также несколько амбулаторных пунктов (на 10 тыс. жителей приходилось около 0,4 больничной койки) [2]. Как видно, все медицинские учреждения были сосредоточены в основном на территории нынешнего Северного Таджикистана.

Мало сведений о состоянии медицины на территории Бухарского эмирата. До конца XIX века нет сведений о лечебных учреждениях и медицинских сотрудниках. В письме политического агента царского правительства на имя генерал-губернатора говорится не только о полном отсутствии медицинской помощи населению эмирата, но и том, что «варварское лечение больных туземными способами влечёт за собой большую смертность, которая, по крайней мере, составляет 25% к числу заболевших» [6]. Между такими лекарями и их пациентами даже существовало какое-то «соглашение», и они убеждали себя в том, что «если Аллах захочет, то пошлет выздоровление, а если нет, то больной должен умереть, и всякое лечение, хотя бы у самого искусного врача, бесцельно» [26,78].

Сам бухарский эмир и его свита, которое в основном, опиралось на радикальное духовенство, были против устройства лечебных учреждений. Они считали, что «...умереть от болезней должны все те, которым предназначено умереть, и выздороветь – все те, которым по воле Аллаха суждено было поправиться. Знать об этой воле заранее, равно как и помочь этому, никаким способом невозможно» [24,152].

По настоятельным требованиям русских, проживающих в Бухарском ханстве, а также передовых русских врачей, в конце XIX века в эмирате возникли первые лечебные учреждения. Население эмирата впервые ознакомились с научной медициной в 80-х годах XIX века, в связи со строительством здесь железной дороги и созданием ряда царских гарнизонов в пограничных районах области. В открытых ведомственных амбулаториях медицинскую помощь получала и некоторая часть близлежащих селений. При санчастях были организованы амбулатории, которые

вначале содержались на средства Бухарского правительства, но потом отпуск 2-х тысяч рублей в год на приобретение медикаментов для всех амбулаторий оказался бухарскому правительству обременительным и через два года был прекращен, а амбулатории взамен бесплатного приёма и бесплатной выдачи медикаментов вынуждены взимать плату по 15 копеек за совет вместе с лекарством [27,95-96]. Однако введение платы сразу сделало амбулатории почти недоступными местному населению, которые владели нищенское существование. Отдельные врачи, которые были в состоянии бесплатно оказывать медицинскую помощь местному населению, подвергались гонениям не только со стороны бухарских чиновников и радикального духовенства, но и даже и Политического агентства царского правительства. Известно, что в 1917 году радикальное духовенство организовало при молчаливом согласии эмирских властей, зверское убийство врача Ракитской [29,65].

Всего на территории эмирата к 1913 году имелись русско-туземная больница и женская амбулатория в городе Бухаре, амбулатория при военном лазарете в Патта-Гиссаре городской приёмный покой в Чарджоу и Керкинская амбулатория. Кроме того, здесь существовало еще несколько амбулаторных пунктов. Это ничтожная сеть лечебных учреждений (с 30-35 больничными койками) была предназначена для медицинского обслуживания населения эмирата, в котором проживало более 3 млн. человек.

Первым лечебным учреждением в ханстве была русско-туземная больница. Она была открыта в 1891 году в Бухаре и состояла из стационара на 30 коек (20 - для мужчин и 10 - для женщин) и аптеки. Штат больницы состоял из 2 врачей, 2 фельдшеров, фельдшерицы и провизора. В 1910 году стационарную помощь в этой больнице получило 587 человек, ими было проведено 9133 койко-дня, из них умерло 57 (9,7%). Анализ показывает, что в 1910 году коечный фонд больницы был использован на 89, 5% [7].

Врач Заплатинский, направленный в 1913 году политическим агентом царского правительства при Бухарском правительстве для проверки Бухарской русско-туземной больницы, сообщил в Политическое агентство, что число коек в больнице за 23 года существования не изменилось, что она продолжает оставаться в ветхом здании, где нет инвентаря, белья и другого необходимого оборудования. В 1913 году в больнице лечилось всего 406 больных, в том числе 286 мужчин и 120 женщин, а летальность составляла в среднем 18%. «Соседие в палате легкие больные, - писал он о мужском отделении больницы, - ходили искать служителя, если, по их мнению, тяжелый больной, сосед по кровати, нуждается в помощи, лекарства выдавались служителем же. что больше сказать?» «В женском же отделении, - продолжал он, - я застал такие картины, что подробности об этом могли бы показаться анекдотом, ибо речь все-таки идет о больнице, а не о шкафе в какой-либо туземной харчевне, где, пожалуй, может оказаться опрятнее... Не верилось мне, скажу в заключении своего обзора, что я попал в старую больницу с 23-летним прошлым, до того (не скажу убого) нерадиво во всех отношениях обставлена была до сих пор русско-туземная лечебница» [7].

В еще более тяжелых условиях находилось население Памира. «Взгляните на эти лачуги, - писал врач пограничной воинской части С.Н.Аверкин, - скорее похожие на логовище зверя, в которых ютятся таджики, на их более чем скудную жизненную обстановку. На царящую повсюду грязь и нищету, наконец, на самих обитателей этих жилищ, на истощение вследствие хронического недоедания, едва покрытых грязными, жалкими лохмотьями таджикских мужчин, женщин и детей, и вы, пожалуй, будете неприятно озадачены возможностью существования бок о бок с культурными нациями этих по какому-то недоразумению уцелевших представителей чуть ли не каменного века» [38]. До прихода русских войск на территории Памира не было качественной медицинской помощи. В конце XIX века, при открытии пограничных зон были открыты два приёмных покоя, которыми изредка пользовалось местное население [38].

Самым тяжелым вопросом было положение женщин и детей, которое не изменилось и после завоевания Средней Азии Россией. Здесь долгое время не открывались лечебные учреждения для медицинского обслуживания местных женщин и детей. Первым таким учреждением была Ташкентская амбулаторная лечебница. В то время как генерал-губернаторство еще не успело ничего сделать для облегчения страдания местных женщин, указывает Колосов Г. А. [19,101] 3 русских женщины-врача - Н. Н. Гундиус, А.В. Пославская и Е.Н. Мандельштам - подали в октябре 1882 года генерал-губернатору докладную записку об организации женской больницы и предложили свои услуги безвозмездно. В своей докладной записке, поданной в 1882 году, они писали, что местные женщины полностью лишены получения медицинской помощи и необходимых советов. Только в исключительных случаях они обращаются за помощью к акушеркам. По той же причине и больные дети при своих матерях оставались без всякой медицинской помощи. «...Мы, находившиеся в городе Ташкенте, женщины-врачи, - писали они, осмеливаемся представить на Ваше милостивое усмотрение готовность нашу служить делу врачевания туземных женщин и детей... Мы имеем честь покорнейше просить Ваше высокопревосходительство об устройстве для больных женщин и детей туземного населения лечебницы для приходящих. Для организации такой амбулаторной лечебницы понадобится лишь: а) небольшое помещение в старом городе, по возможности на женской половине»; б) женская прислуга и переводчик-женщина; в) необходимые медикаменты, перевязочные средства, некоторые инструменты и т.д.» [5].

Только 4 декабря 1883 года была открыта первая амбулаторная лечебница для местных женщин и детей в Ташкенте, а несколько позже – 4 июня 1884 года – утверждено «Положение об амбулаторной лечебнице для туземных женщин и детей в городе Ташкенте». В нём указывалось, что амбулатория утверждается «с целью дать возможность туземным женщинам и детям пользоваться научной медициной»: при ней предусматривалось отделение на 5 коек; амбулаторная и стационарная помощь больным и роженицам оказывается бесплатно [3]. «Вам, - говорил окружной военно-медицинский инспектор И. П. Суворов, - первым выпала счастливая доля проникнуть через посредство возникающего лечебного учреждения со светом науки и для благой цели в такую среду мусульманского мира, доступ в ко-

тую, как известно, возбранен и затруднен, и этим светом науки не только осветить ее, но и главным образом согреть, успокоить, облегчить и устранить страдания и недуги наиболее слабых и беспомощных членов среды» [32,3]. Благодаря своему бескорыстию и упорному труду русские женщины-врачи завоевали большое доверие и уважение среди местных женщин и детей. За первые 13 месяцев существования в Ташкентскую лечебницу было сделано 9104 посещения: 5573 - женщин и 3531-детей. Статистические данные показывают, что наиболее распространёнными заболеваниями среди женщин были болезни органов пищеварения и расстройства питания, гинекологические заболевания, болезни кожи и органов дыхания, а среди детей-болезни кожи, расстройства питания и органов пищеварения, болезни мышц, суставов и сочленений, органов дыхания и глазные болезни [35,60-61].

Дети страдали преимущественно наследственными формами сифилиса, а взрослые - приобретёнными, притом поздними формами, такие как высыпи, язвы, периоститы и т.д. у большинства больных этой группы, даже у детей, находились дефекты полости носа, твёрдого и мягкого нёба, глотки и т.д. Число женщин, больных сифилисом (по данным обращаемости), составляло 6, 29%, а детей-6% к числу зарегистрированных больных [5].

Впоследствии такие лечебницы были открыты в Беш-Агачской части Ташкента, в городах Коканде, Самарканде, Ходженте, Андижане, Намангане и Маргелане. Таким образом, созданные в крае амбулаторные лечебницы проводили определённую работу по обеспечению местных женщин и детей медицинской помощью [37].

В крае не было специальных детских лечебных учреждений, если не считать 5 детских приютов (в Ташкенте - 4 и в Самарканде -1) на 98-155 мест, созданных для детей пришлого населения Туркестанским благотворительным обществом. Ввиду отсутствия надлежащих условий для ухода и лечения, в этих приютах была очень высокая заболеваемость и смертность детей.

На территории современного Таджикистана существовала лишь одна амбулаторная лечебница для местных женщин и детей в городе Ходженте, которая была открыта 29.09.1886 года. Здесь за 1886-1893 гг. лечилось 10926 женщин, сделавших 23394 посещения, и 7714 детей, которыми было сделано 17061 посещение. Всего в лечебнице лечилось 18640 женщин и детей, сделавших 40455 посещений, т.е. на каждого больного в год приходилось 2,16 посещения (на каждую женщину-2,14 на каждого ребенка 2,21 посещения). За 18886-18893 гг. среди зарегистрированных болезней преобладали инфекционные, паразитарные, глазные и кожные заболевания. Значительный удельный вес составляла малярия, болезни кожи, чесотка, зоб, сифилис, трахома [35, 58-60].

Родовспоможение также находилось на очень низком уровне. Первые родильные койки возникли в крае вместе с созданием лечебных учреждений. Первое родовспомогательное учреждение на 4 койки было открыто в Ташкенте в 1880 году и содержалось в основном за счёт благотворительного общества. К 1892 году в родильном покое число коек возросло до 8, а в 1885 году там же было организовано гинекологическое отделение, которое за 7 лет обслужило 24 женщины.

В городах и сельских местностях края помощь при родах в основном должны были оказывать повивальные бабки, но их деятельность, как правило, не выходила за рамки обслуживания русского населения. К тому же их было мало, например, в Самаркандской области в 1913 году имелось всего 18 (акушеров)- повивальных бабок, из которых 15 – для г. Самарканда, одна – для его уезда, и две акушерки для Ходжентского уезда. Одна акушерка приходилась в среднем на каждые 56 тыс. жителей области, в результате чего жители многих населенных пунктов не имели понятия о акушерской помощи. Поэтому не только местное население и прогрессивно настроенные медицинские работники, но даже и отдельные представители официальной военной администрации обращались в генерал-губернаторство с просьбой улучшить состояние медицинского обслуживания местных женщин и детей.

Так, Ферганский военный губернатор в своем письме генерал-губернатору от 1895 года подчёркивая «варварский способ помощи при родах, практиковавшийся туземными повитухами - знахарками», просил выделить дополнительные средства повивальным бабкам на разъезды, связанные с оказанием родильной помощи местным женщинам [9].

Сыр-Дарьинский военный губернатор в тот же адрес в том же году писал о том, что деятельность повивальных бабок в большинстве случаев ограничивается оказанием акушерской помощи только русскому населению. Он предлагал для обеспечения местных женщин помощью при родах в каждом большом кишлаке или в нескольких мелких, расположенных недалеко друг от друга, иметь одну повивальную бабку, получившую специальную подготовку.

Для этого он рекомендовал открыть при одной из женских лечебниц школу для подготовки повивальных бабок из числа коренных жителей, которые после её окончания «...могли бы приносить местному населению своими знаниями существенную пользу» [9].

Поступившие на имя генерал-губернатора материалы были переданы для заключения Окружному военно-медицинскому инспектору. Изучив их, он сообщил генерал-губернатору, что путём расширения деятельности женщин-врачей, развёртывания при лечебницах постоянных коек для больных из числа женщин и детей, а также для родильниц, и обучения при этих лечебницах практически повивальному искусству местных женщин, с целью образования из них сельских повитух, можно несколько приблизить и улучшить дело родильной помощи местным женщинам [9]. Понятно, что и эти весьма скромные пожелания оставались на бумаге.

Фактически развитие медицины в дореволюционном Туркестане изменило демографический баланс региона. К тому же на демографический прирост населения Средней Азии повлияло замирение края и прекращение междоусобных войн, уносивших тысячи жизней ежегодно [45,46].

По сведениям источников огромное количество инфекционных и других заболеваний было связано не только с жарким климатом Средней Азии, а в первую очередь с нетерпимыми санитарными условиями населения. Правительство не принимало никаких шагов для поддержания санитарного порядка даже в столице -

Бухаре. Вот её санитарно-гигиеническая характеристика: «Город Бухара по своей конструкции в гигиеническом отношении поставлен в самые неблагоприятные условия - узкие, кривые улицы, между тем, в г. Бухаре замечаются следующие печальные явления...каналы для стока нечистот либо совсем отсутствуют, либо устроены примитивным образом и неудовлетворяющие своему назначению. Город полон кладбищ, на которых трупы не зарываются в землю, а укладываются в наземные кирпичные сводчатые склепы. Склепы слагаются небрежно и неряшливо, вскорости разваливаются, отчего в воздухе носится запах гниющих трупов.... Бывает иногда также, что жители в надежде продать нечистоты держат последние у себя до тех пор, пока не появится покупатель. Вследствие этого улицы и площади загрязняются, всюду валяются мусор, старые тряпки, отбросы от пищи, внутренности животных и экскременты, а часто трупы кошек, собак и даже иногда крупного скота, ишаков, людей и верблюдов, издавая страшное зловоние и заражая местность. С улицы эти отбросы попадают в арыки и водоёмы, засоряя их, и заражают воду, которую пьют жители» [7].

Ввиду тяжёлого санитарного состояния в Бухаре ежегодно вспыхивали болезни, уносившие множество жизней. Для изучения обстановки в 1895 г. прибыла врачебная комиссия из Петербурга, в составе которой были бактериологи и известные русские учёные. Они осмотрели город и его окрестности: «зловонные бойни, гниющие болота, сточные ямы, мутные водоёмы, илистый канал, грязные ручьи... харчевни, шашлычные, лавчонки, где жарили рыбу и горох». После осмотра комиссия предложила властям меры по улучшению торговли пищевыми продуктами, чтобы сократить распространение болезней.

Однако правители Бухары, как обычно, обратились к мусульманским богословам, которые решительно выступили против предложений. Тогда врачи решили доказать необходимость реформ и устроили лабораторию: «взяли воду из каналов и водоёмов, пробу кушаний из харчевен, кровь и мясо с боен». Пригласив богословов, они показали им микробы под микроскопом, объяснив их вред. Те ответили: «Не согласны! Мы не боимся воды, нас хранит бог... Это фокусы, им нельзя верить». Так завершился «исторический спор» между наукой и местными реакционными «учёными». О них поэт Хайрат сказал: «Эти невежды и правители, грабящие народ – вот наши вредные микробы». И добавил: «Русские хотели помочь нам, да не с того конца начали... пусть сперва уберут зловредных людей, от которых народ заболевает нравственными болезнями» [10, 219–223].

Если так было в столице эмирата, то санитарное состояние восточных областей (современного Таджикистана) можно представить.

Статистики рождаемости, смертности и заболеваемости в дореволюционной Средней Азии почти не было; немногочисленные данные разрознены и неточны. По оценкам, на 20 жителей приходился один случай рождения, на 21 – один случай смерти (рождаемость ≈ 50 ‰, смертность ≈ 48 ‰, естественный прирост ≈ 2 ‰). Среди коренного населения мужчины преобладали из-за высокой смертности женщин: «Повышенная смертность женского пола у киргизов и сартов... происхо-

дит от тяжёлого и угнетённого положения женщины, обречённой на труд и оскорбления» [20, 334].

Из-за слабого развития медицины структура заболеваемости известна мало. По материалам Бухарской русско-туземной больницы (1910), Ходжента (1916) и Науского района (1909–1910), преобладали инфекционные болезни; также частыми были травмы, болезни органов пищеварения, дыхания и чувств (в основном конъюнктивиты).

Такие болезни, как новообразования и сердечно-сосудистые, почти не регистрировались – вероятно, из-за малого числа пожилых и слабой диагностики [36, 88]. Интересно, что в Бухаре различий между заболеваемостью коренных жителей и европейцев почти не было: в условиях антисанитарии обе группы страдали одинаково.

До завоевания Средней Азии Россией сведения о медицине и населении были крайне ограничены. После присоединения края поток научных и медико-географических публикаций (включая этнографию, антропологию и медицину) заметно возрос.

В обстоятельных работах Ф.С. Ефремова [18], Н.В. Ханыкова [44], Л.Ф. Костенко [20], И. Яворского [49; 50], В.В. Радлова [33], Г.А. Арандаренко [11], В.И. Липского [23], А. Шишова [47; 48], А.А. Бобринского [14] и особенно Д.Н. Логофета [24; 25; 26; 27] подробно описаны быт местного населения, их жилища, обычаи, одежда, питание; приводятся некоторые данные по антропологии и народной медицине.

Более подробно народная медицина охарактеризована в книгах и статьях И. Краузе [21; 22; 28] и Л. Симоновой [34]. В ряде статей и заметок сообщается об имеющихся на территории Восточной Бухары термальных минеральных источниках, а в Ходжентском уезде – лечебных грязях. Единичные статьи посвящались местным лекарственным растениям; одна из них принадлежала А.П. Федченко [41].

Первые сведения по паразитологии человека в Средней Азии, с обращением особого внимания на ришту, даны в работах А.П. Федченко [40; 42; 43]. В конце периода ряд ценных работ по паразитологии края опубликовал В. Л. Якимов [51].

О распространённых в крае заболеваниях в медицинских статьях чаще всего, упоминались малярия, кожный лейшманиоз, ришта, оспа, в газетных заметках упоминались также холера и чума.

Если в Ташкенте, центре Туркестанского края, ещё в 1899 году начало работать научное общество врачей, где врач-исследователь имел возможность выступить перед коллегами и выслушать их мнение о своей работе, если к этому времени там существовала уже в военном госпитале бактериологическая лаборатория, что позволило ординатору госпиталя Боровскому П.Ф. открыть в 1898 году возбудителя кожного лейшманиоза, то на территории современного Таджикистана в распоряжении врача, желающего посвятить себя науке, не было и этих скромных возможностей.

Несмотря на то, что в работах, о которых идет речь, был использован почти исключительно описательный метод, что значительная их часть не принадлежала

специалистам-медикам, они имели определённое познавательное значение. Они помогали составить впечатление о Туркестанском крае и Восточной Бухаре как о местностях, где с одной стороны, чрезвычайно широко распространены различные, в первую очередь инфекционные заболевания, а с другой стороны, борьба с этими заболеваниями очень затруднена, тем более, что приёмы борьбы с этими заболеваниями часто не были разработаны.

Особую роль в развитии медицинской науки играли исследования А. П. Федченко по риште и В. Л. Якимова по паразитологии лейшманиоза, вошедшие в золотой фонд отечественной медицинской науки.

Таким образом, подытоживая вышесказанное, следует отметить, что в XIX веке на территории Средней Азии до завоевания царской Россией, по причине упадка социально-экономической жизни населения и агрессивной политики государственных объединений и междоусобиц, не было ни лечебных учреждений, ни медицинских работников; санитарное состояние её населения характеризовалось как крайне неудовлетворительное; по причине высокой заболеваемости была высокой общая и детская смертность и, как следствие, низкая продолжительность жизни населения.

Завоевательная политика царской России по отношению к Средней Азии имела не только негативные, но также и прогрессивные значения и создало определённые условия для некоторого её культурного и экономического развития. Оно привело к прекращению разорительных для населения феодальных войн и междоусобиц, ликвидации рабства и работорговли, а также некоторому ослаблению власти феодально-родовой знати.

Население Средней Азии получило возможность приобщиться к передовой культуре русского народа; здесь появились русские учёные, учителя и врачи, деятели культуры и просвещения, которые были пионерами в изучении истории, географии, геологии, медицины, этнографии и языков народов Средней Азии. Также здесь появились лечебные учреждения и медицинские работники. Их количество и объём были очень незначительными. На территории современного Таджикистана в 1913 году имелось 5 больниц на 38 коек и 11 амбулаторий, в которых работало 13 врачей и 38 средних медицинских работников (на 10 тыс. населения приходилось 0,2 врача и 0,4 больничной койки). Некоторые из них заслужили благодарную память местного населения своей бескорыстной и самоотверженной работой по лечению больных, а также борьбой с эпидемиями.

Несмотря на то, что присоединение Средней Азии к царской России способствовало в определённой степени развитию медицинской помощи населению, но не обеспечило сколько-нибудь существенного её развития. Не было проявлено заботы и об улучшении санитарного состояния населённых мест, если не считать строительства вблизи наиболее крупных «старых» городов Туркестанского края «новых» городов для европейского населения. Ужасающая антисанитария, низкий культурный уровень населения и беспросветная нищета, остававшаяся уделом преобладающего большинства коренного населения Средней Азии, приводили к

развитию эпидемий малярии, оспы и других инфекционных заболеваний, протекавших с очень высокой летальностью.

Несмотря на положительные стороны завоевания Средней Азии царской Россией, имелись также и отрицательные стороны. Колониальное правительство более чем за 50 лет своего присутствия на данной территории не предприняло почти никаких мероприятий по обеспечению населения доступной и бесплатной медицинской помощью. Жестокий социальный и национальный гнёт, низкий материальный и культурный уровень, отсутствие медико-санитарных мероприятий подрывали здоровье населения, способствовали росту и распространению различных заболеваний. Ограниченная деятельность врачей, преимущественно военных, практиковавшаяся в рамках феодальной системы, проникнутая полным пренебрежением к нуждам и здоровью населения, не могла улучшить медико-санитарного дела в дореволюционный период. Здравоохранения, как системы мероприятий, направленных на охрану народного здоровья в Таджикистане, до Великой Октябрьской революции не существовало.

ЛИТЕРАТУРА

1. ЦГА Республики Таджикистан. – Ф.1. – Оп.1. – Ед.Хр.272. – Л.5.
2. ЦГА Республики Таджикистан. – Ф.1. – Оп.2. – Ед.Хр.208. – Л.10; Ед.Хр.278. – Л.49, 85, 114, 151, 174, 187, 189, 200;
3. ЦГА Республики Узбекистан. – Ф.1. – Оп.1. – Ед.Хр.393. – Л.6; Оп.5. – Ед.Хр.909. – Л.1; Ед.Хр.850. – Л.123; Ед.Хр.849. – Л.6-7; 116-117; Ед.Хр.672. – Л.3;
4. ЦГА Республики Узбекистан. – Ф.1. – Оп.7. – Ед.Хр.379. – Л.7-8, 53; Ед.Хр.521. – Л.15-16.
5. ЦГА Республики Узбекистан. – Ф.1. – Оп.16. – Ед.Хр.1845. – Л.1-9; Ед.Хр.2244. – Л.9.
6. ЦГА Республики Узбекистан. – Ф.1. – Оп.29. – Ед.Хр.897. – Л.4.
7. ЦГА Республики Узбекистан. – Ф.3. – Оп.1. – Ед.Хр.46. – Л.616-619; Ед.Хр.48. – Л.47-48; Ед.Хр.576. – Л.374-375.
8. ЦГА Республики Узбекистан. – Ф.17. – Оп.1. – Ед.Хр.28922. – Л.20.
9. ЦГА Республики Узбекистан. – Ф.18. – Оп.1. – Ед.Хр.11303. – Л.78, 92; Ед.Хр.7890. – Л.2-3; Ед.Хр.11245. – Л.10-11.
10. Айни, С. Бухара [Текст] / С. Айни. – Сталинобод, 1957. – Т.3. – 242 с.
11. Арандаренко, Г.А. Дарваз и Каратегин [Текст]: этнографический очерк / Г.А. Арандаренко // Военный сборник. – 1883. – Т.154. – №11. – С.151-159; №12. – С.303-319.
12. Арандаренко, Г.А. Досуги в Туркестане. 1874-1889 [Текст] / Г.А. Арандаренко. – СПб, 1889. – 478 с.
13. Атабеков, Ю.А. История, состояние и перспективы развития здравоохранения г. Ташкента [Текст] / Ю.А. Атабеков. – Ташкент, 1959. – 152 с.
14. Бобринский, А.А. Горцы верховьев Пянджа [Текст] / А.А. Бобринский. – М., 1908. – 150 с.
15. Вамбери, А. Очерки средний Азии [Текст] / А. Вамбери. – М., 1868. – 364 с.
16. Врач [Текст]: еженедельная газета. – Петербург, 1890. – №36. – С.828.
17. Гафуров, Б. История таджикского народа [Текст] / Б. Гафуров. – М., 1955. – 544 с.
18. Ефимов, Е.С. Российского унтер-офицера Ефремова, ныне коллежского асессора десятилетнее странствие (1774-1782 гг.) и приключения в Бухарии, Хиве, Персии и Индии и возвращение оттуда через Англию в Россию [Текст] / Е.С. Ефимов. – СПб., 1786. – 226 с.

19. Колосов, Г.А. О народном врачевании сартов и киргизов Туркестана и медицинская помощь инородцам Туркестана и их отношение к русским врачам [Текст] / Г.А. Колосов. – СПб., 1903. – 127 с.
20. Костенко, Л.Ф. Туркестанский край: Опыт военно-статистического обозрения Турк. воен. окр. [Текст] / Л.Ф. Костенко. – СПб., 1880. – Т.1. – 488 с.
21. Краузе, И. О косметических средствах туземцев Турккря [Текст] / И. Краузе // Туркестанские ведомости. – 1871. – №47. – С.447-449.
22. Краузе, И. О способах врачевания у туземцев Турккря [Текст] / И. Краузе // Туркестанские ведомости. – 1871. – №34.
23. Липский, В.И. Горная Бухара [Текст] / В.И. Липский. – СПб., 1902-1905. – Ч.1-3. – 740 с.
24. Логофет, Д.Н. Бухарское ханство под русским протекторатом [Текст] / Д.Н. Логофет. – СПб., 1911. – Т.1-2. – 700 с.
25. Логофет, Д.Н. В горах и на равнинах Бухары [Текст] / Д.Н. Логофет. – СПб., 1912. – 619 с.
26. Логофет, Д.Н. На границах Средней Азии [Текст] / Д.Н. Логофет. – СПб., 1909. – К.3. – 208 с.
27. Логофет, Д.Н. Страна бесправия. Бухарское ханство и его современное состояние [Текст] / Д.Н. Логофет. – СПб, 1909. – 239 с.
28. Материалы для статистики Турккря [Текст] / под ред. Н.А. Маева. – СПб, 1873. – Вып.2. – 573 с.
29. Медицинский журнал Узбекистана. – 1959. – №4. – С.65.
30. Погосянц, А.И. Военно-народная медицина Турккря в 1867-1917 гг. и организация здравоохранения в первые годы Советской власти в Туркеспублике (за 1917-1920 гг.) [Текст]. – Ташкент, 1950. – С.94-95.
31. Положение об управлении Туркестанского края [Текст]. – Ташкент, 1903. – 211 с.
32. Пославская, А. Обзор десятилетней деятельности амбулаторной лечебницы для туземных женщин и детей [Текст] / А. Пославская, Е. Манделыштам. – Ташкент, 1894. – 127 с.
33. Радлов, В.В. Средняя Зерафшанская долина [Текст] / В.В. Радлов. – СПб., 1880. – Т.6. – 92 с.
34. Симонова, Л. Чародейство, гадание и лечение сартянок в Самарканде [Текст] / Л. Симонова // Справочная книжка Самаркандской области на 1894 г. – Самарканд, 1894. – Вып.2. – С.90-92.
35. Справочная книжка Самаркандской области на 1895 г. – Самарканд, 1895. – Вып.3. – 446 с.
36. Таджикистан [Текст]: сб. статей. – Ташкент, 1925. – 290 с.
37. Туркестанские ведомости. – 1901. – №26.
38. Туркестанские ведомости. – 1905. – №178, №185.
39. Туркестанские ведомости. – 1911. – №76.
40. Федченко, А.П. Заметки о паразитах человека, водящихся в Турккрае [Текст] / А.П. Федченко // Туркестанские ведомости. – 1872. – №1-2.
41. Федченко, А.П. Заметки о сумбуле (близ Пенджикента в Магианских горах) т сведения о естественноисторических коллекциях // Изв. РГО. – СПб., 1870. – Т.VI. – №1. – С.38-40.
42. Федченко, А.П. Зоологические заметки (о риште) [Текст] / А.П. Федченко // Изв. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. – М., 1872. – Вып.1. – С.103.
43. Федченко, А.П. О струде (анатомическое описание ришты) [Текст] / А.П. Федченко // Изв. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. – М., 1890. – Т.59.
44. Ханьков, Н.В. Описание Бухарского ханства [Текст] / Н.В. Ханьков. – СПб., 1843. – 282 с.

45. Центральная Азия в составе Российской империи [Текст] / отв. ред. С.Н. Абашев, Д.Ю. Арапов, Н.Е. Бекмаханова. – М.: Новое литературное обозрение, 2008. – 452 с.
46. Цыряпкина, Ю.Н. Деятельность русских военных врачей в ходе организации медицинского дела в Ташкентском уезде Туркестана во второй половине XIX-начале XX века [Текст] / Ю.Н. Цыряпкина // *Вестник Кемеровского государственного университета*. – 2017. – №1. – С.69-73.
47. Шишов, А. Сарты. Этнографическое и антропологическое исследование [Текст] / А. Шишов // Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области / под ред. И.И. Гейера. – Ташкент, 1904. – Т.11. – С.3-496.
48. Шишов, А. Таджики. Этнографическое и антропологическое наблюдение [Текст] / А. Шишов. – Ташкент, 1910. – 325 с.
49. Яворский, И. Долина Аму-Дарьи в ее верхнем течении [Текст]: медико-географический очерк / И. Яворский. – Ташкент, 1879. – 25 с.
50. Яворский, И. Опыт медицинской географии и статистики Туркестана [Текст] / И. Яворский. – СПб., 1889. – 444 с.
51. Якимов, В.Л. Лейшманиозы [Текст] / В.Л. Якимов. – Петроград, 1915. – 368 с.

ВАЗЪИ ТИБ ВА КУМАКИ ТИББӢ ДАР ОСИЁИ МИЁНА ДАР МАРҲАЛАИ ТОИНҚИЛОБӢ

Дар мақолаи мазкур дар бораи вазъи тиб ва кумаки тиббӣ дар Осиеи Миёна дар давраи то инқилоби Октябр маълумот дода шудааст. Муаллиф дар доираи мақолаи зикршуда дар асоси маълумоти бойгонӣ, адабиёт ва маҷаллаҳои илмӣ, инчунин дигар сарчашмаҳои боарзиш, тадқиқот ва паҷуҳиши илмии худро дар мавриди ҳолату шароити пайдоиш ва инкишофи соҳаи тиб, инчунин расонидани кумаки аввалияи тиббӣ дар ҳудуди Ҷумҳурии Тоҷикистон дар давраи то инқилоби Октябр ҷамъбаст намудааст.

Дар мақолаи зикршуда қайд карда шудааст, ки новобаста аз он, ки ҳудуди мазкур дар гузашта дорои мактабҳои пешқадам ва олимони барҷастаи соҳаи тиб буд, то заботи Осиеи Миёна аз ҷониби Россияи подшоҳӣ як қисми ин минтақа ба илми тиб ва табибони касбӣ дастрасӣ надоштанд. Баъд аз забт намудани Осиеи Миёна аз ҷониби Ҳукумати подшоҳии Россия, соли 1868 Лазарети ҳарбии Тошканд таъсис дода шуда, баъдан ин муассисаи тиббӣ соли 1870 ба госпитали ҳарбӣ табдил дода шуд, ки он замон дорои 415 кат буд.

Дар ин давра аҳолии Осиеи Миёна имконият пайдо намуд, ки тамаддуни пешрафтаи русҳо, аз ҷумла олимони рус, омӯзгорон ва табибон шинос шаванд. Ҳамзамон дар ин давра муассисаҳои табобатӣ ташкил карда шуда, дар онҳо аз ҳисоби русҳо табибони касбӣ ба қор ҷалб карда шуданд. Дар ҳудуди имрӯзаи Тоҷикистон дар соли 1913 ҳамагӣ 5 беморхона бо 38 кат ва 11 бунгоҳи тиббӣ фаъолият менамуд, ки дар онҳо ҳамагӣ 13 табиб ва 38 кормандони миёнаи тиббӣ фаъолият менамуданд.

Калидвожаҳо: таърихи тиб, Осиеи Миёна, Бухоро, беморхона, табиб, ҳукумати подшоҳии Россия.

СОСТОЯНИЕ МЕДИЦИНЫ И ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД.

В данной статье представлены сведения о состоянии медицины и оказания медицинской помощи в Средней Азии в дореволюционный период. Автор в рамках указанной статьи на основе данных архивов, научных трудов и журналов, других авторитетных источников подводит итоги своих научных исследований в области возникновения и развития

медицины и оказания первичной медицинской помощи в пределах Республики Таджикистан в дореволюционный период.

В данной статье отмечается, что, несмотря на существование на указанной территории в прошлом передовых медицинских школ и выдающихся учёных-медиков, до завоевания Средней Азии царской Россией часть этой территории не имела доступа к научной медицине и профессиональным врачам.

После утверждения царского правительства России в Средней Азии в 1868 году в городе Ташкенте был создан военный лазарет, преобразованный в 1870 году в военный госпиталь на 415 коек. В этот период население Средней Азии обрело возможность ознакомиться с передовой цивилизацией России, с её учёными, врачами и учителями. В то же время создаются лечебные учреждения, куда были привлечены к работе профессиональные врачи из числа русских.

В пределах сегодняшнего Таджикистана в 1913 году действовали всего 5 больниц на 38 коек и 11 медицинских пунктов, в которых работали 13 врачей и 38 средних медработников.

Ключевые слова: *история медицины, Средней Азии, Бухара, больница, врач, царское правительство России.*

SITUATION OF MEDICINE AND MEDICAL AID IN CENTRAL ASIA DURING THE PRE – REVOLUTIONARY STAGE

This article provides information on the state of medicine and medical aid in Central Asia in the period before the October Revolution. He summarized other valuable sources, research and scientific research regarding the conditions and conditions of the emergence and development of medicine, as well as the provision of primary medical aid in the territory of the Republic of Tajikistan in the period before the October Revolution. In the mentioned article, it is noted that despite the fact that this region had advanced schools and prominent medical scientists in the past, until the conquest of Central Asia by Tsarist Russia, a part of this region did not have access to medical science and professional doctors.

After the conquest of Central Asia by the royal government of Russia, Harbin Tashkent Infirmary was established in 1868, then this medical institution was transformed into a military hospital in 1870, which at that time had 415 beds.

During this period, the population of Central Asia and the opportunity to get know the advanced Russian scientists, teachers and doctors were employed in them at the expense of the Russians.

In 1913, only 5 hospitals with 38 beds and 11 medical centers were operating in the territory of present-day Tajikistan, in which only 13 doctors and 38 medical staff were working.

Key words: *history of Medicine, Central Asia, Bukhara, hospital, doctors, Russian royal government.*

Сведения об авторе: Нурзода Амирджон Рузихон - кандидат исторических наук, - соискатель - докторант кафедры истории таджикского народа факультета истории Национального университета Таджикистана, Тел: +992918247678; E-mail: amirinur@mail.ru

Information about the author: Nurzoda Amirjon Ruzikhon - Candidate of Historical Sciences, Working for degree of doctors of the Department of History of the Tajik People, Faculty of History, National University of Tajikistan, Tel: +992918247678; E-mail: amirinur@mail.ru

УДК 39(575.3)(091)

САФАРИ ШАРЛ-ЭЖЕН УЙФАЛВЙ БА «КИШВАРИ ҒАЛЧА» – НОҲИЯҲОИ КҶҲИИ ОКРУГИ ЗАРАФШОН

ОДИНАЕВ А. Н., БОРОШКО С. Л., БОЖИНСКАЯ-АРАНДАРЕНКО Л. В.

Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии
ба номи А. Дониши АМИТ

Институти шарқшиносии Академияи илмҳои Россия,
шаҳри Москва, Федератсияи Россия

Донишгоҳи федералии ҷанубӣ, шаҳри Ростови лаби Дон

*«Ҷаноби Арандаренко, ки бо забони ин минтақа
озодона сухан мегӯяд, муддати дароз дар Кӯҳистон
(яъне болооби Зарафшон) зиндагӣ намудааст; ӯ <...>
бо дақиқтарин ва арзишмандтарин тасвирҳо дар бо-
раи ин халқ, инчунин бародарони онҳо – каротегиниҳо
ва дарвозиҳо маълумот додааст» [26, с. 123].*

Моҳи июни соли 1877 олими фаронсавӣ-мачористонӣ, профессор Шарл-Эжен Уйфалвй*, ки моҳи августи соли 1876 бо супориши Вазири маорифи Фаронса ба Россияи подшоҳӣ, Сибир ва Осиёи Миёна фиристода шуда буд ва аз манотиқи кӯҳистонии округи Зарафшон боздид намуд.

Алоқаи Уйфалвй ба омӯзиши Осиёи Миёна аз алоқааш ба пайдоиши қадимаи қабилаҳои мачорӣ (венгерӣ) иртибот дошт; ӯ кӯшиш мекард, ватани аслии ва роҳҳои муҳоҷирати онҳоро омӯзад ва муайян намояд. Дар Фаронса Уйфалвй яке аз шогирдон ва пайравони антропологи маъруф Поль Брок¹ ба ҳисоб мерафт. Бо ҳадафи исботи фарзияҳои ибтидоии худ, ки дар асоси назариёти Поль Брок ва таҳқиқоти марбут ба антропологияи ҷисмонӣ таҳия шуда буданд, Шарл-Эжен Уйфалвй ба дастовардҳои назариявӣ ва амалии мутахассисони маъруфи мактаби антропологии Аврупо таъя намуд. Ӯ, аз ҷумла аз пажӯҳишҳои Поль Топинар² – яке аз шинохтатарин коршиносон дар соҳаи краниология ва Анри Мартен³, ки дар заминаи пайдоиш ва ташаккули гурӯҳҳои этникӣ-наҷодӣ, баҳусус қавмҳои ориёӣ, назарияҳои навро таҳия менамуд, истифода кард.

¹ Поль Брока (Paul Pierre Broca; 1824-1880) – ҷаррох, мардумшинос, анатом ва антропологи фаронсавӣ.

² Поль Топинар (Paul Topinard; 1830-1911) – доктори илмҳои тиб, антрополог, котиби генералии Ҷамъияти антропологии Париж.

³ Анри Мартен (Bon Louis Henri Martin; 1810-1883) – узви Академияи Фаронса, таърихшинос ва сиёсатмадор, муаллифи китоби «Таърихи Фаронса».

Ҳангоми омӯзиши таърихи Маҷористон ва халқи маҷорӣ, Уйфалвӣ назарияи робитаи таъриху забони онҳо бо Финландияро таҳия мекард. Бо ҷалби амиқ ба мардумшиносӣ, антропология ва бостоншиносӣ, ӯ ба назарияи пайдоиши осиеӣ халқҳои ориёӣ тавачҷуҳ зоҳир намуд. Таҳқиқоти Уйфалвӣ дар бораи роҳҳои таърихии муҳочирати онҳо ӯро ба анҷоми сафари аввалини худ ба Осиеӣ Миёна дар солҳои 1876-1877 водор намуд¹.

Пас аз бозгашт ба Фаронса, Шарл-Эжен Уйфалвӣ натиҷаҳои экспедитсияи худро дар шакли мақола ба нашр расонид. Гузоришҳои ӯ дорои хусусияти илмӣ буда, натиҷаҳои омӯзиши антропологи аз сокинони маҳаллӣ, таҳқиқоти мардумшиносӣ, бостоншиносӣ забоншиносиро фаро мегирифтанд. Дар ҳамаи сафарҳои илмӣ худ Уйфалвиро ҳамсараш – Мари де Уйфалвӣ-Бурдон² ҳамроҳӣ менамуд. Ӯ худро ҳамчун нависандаи муваффақ муаррифӣ намуда, шарҳи сафарашро дар қаламрави Россия ва Осиеӣ Миёнаи зери тасарруфи он ба нашр расонид. Мари де Уйфалвӣ-Бурдон дар навиштаҳоиаш таассурот ва мушоҳидаҳои худро тасвир менамуд, ки онҳо ҳамчун замимаи муфид ба корҳои илмӣ ҳамсараш хизмат мекарданд. Дар осораи вай оид ба шахрҳо ва деҳоти Осиеӣ Миёна, муносибати табақаҳои таҳсилкардаи русзабони маҳаллӣ ба ҳузури онҳо, бозорҳои шарқӣ, тарзи зиндагии занони афсарон маълумот медиҳад.

Сафари аввалини Уйфалвӣ ба Осиеӣ Миёна нисбатан осон ва бидуни мушкилот анҷом ёфт. Дар нимаи дувуми солҳои 1870, роҳҳои муназзами иртиботӣ аз Оренбург то Тошканд мавҷуд буданд, ки шароити амн ва роҳати ҳаракатро барои сайёҳон таъмин менамуданд. Дар ҳар як нуктаи аҳолинишин, Уйфалвӣ дӯконҳо ва меҳмонхонаҳои аврупой, хиёбонҳо ва боғҳои танзимёфта, қасрҳои амалдорони воломақоми низомӣ-маъмурий ва хонаҳои сангини муҳочирони русро мушоҳида мекард.

Шарл-Эжен Уйфалвӣ ва ҳамсараш, рушди инфрасохтори муосири русиро дар қаламравҳои тозаворидшудаи империяи Россия тамҷид карданд. Дар моҳи апрели соли 1878, пас аз бозгашт аз сафари нахустин ва ворид шудан ба Париж, Уйфалвӣ ба хондани курси ҷуғрофиёи таърихиву сиёсӣ дар Мактаби миллии забонҳои зиндаи шарқӣ оғоз намуд.

Ӯ бо таъкиди мусбат аз фаъолияти маъмурияти ҳарбии рус дар Осиеӣ Миёна ихзор медошт, ки маҳз пешрафти Россия дар ин минтақа барои ӯ бартарии тамаддуни аврупоиро собит намуд. Уйфалвӣ ёдовар мешавад, ки пеш аз сафар бархе аз донишмандони фаронсавӣ нигаронӣ доштанд, ки шояд ҳукумати Россия ба ӯ иҷозаи баргузории таҳқиқоти ҳамаҷониба дар Осиеӣ Миёнаро надихад. Аммо ҷараёни сафари илмӣ нишон дод, ки чунин нигарониҳо беасос буда, навиштаи Уйфалвӣ, ба ӯ иҷозаи комил дода шуд, ки ба ҳар гӯшаи Осиеӣ Миёна сафар намуда, ҷузъиёти онро мавриди омӯзиши мустақим қарор диҳад.

¹ Шарл-Эжен Уйфалвӣ се сафари худро ба Осиеӣ Миёна анҷом додааст: дар солҳои 1876-1878, 1879-1880 ва 1881.

² Мари де Уйфалвӣ-Бурдон (номи духтарӣ: Клариса Вирчиния Мария Бурдон; 1842-1904) – сайёҳ ва этнологи фаронсавӣ, тарҷумон, адабиётшинос ва нависанда. Ӯ муаллифи китобҳои «Аз Париж ба Самарқанд, Фарғона, Қўлча ва Сибири Ғарбӣ. Таассуроти як парижанӣ» (1880) ва «Сафари як парижӣ ба Ҳимолойи Ғарбӣ» (1887) мебошад.

Ў дар ин маврид менависад: «Ман ин маъмуриятро дар наздиктарин муносибатҳо бо маҳаллиён дидам ва мушоҳида кардам – ин ҳама ба туфайли меҳрубонии генерал Кауфман имконпазир шуд» [25, IV].

Шарл-Эжен Уйфалвӣ генерал-губернатор К. П. Кауфманро ҳамчун маъмури равшанфикр ва ҳомии донишҳои мардумшиносӣ, ҷуғрофия ва фарҳангшиносии Осиёи Миёна тавсиф мекунад. Ба гуфтаи ӯ, Кауфман бо сиёсати боз ва ташвиқи пажӯҳишҳои илмӣ кӯшиш мекард тавассути ҳамкории бо сайёҳони хориҷӣ симои мусбате аз ҳокимияти рус дар Аврупо ташаккул диҳад. Ӯ бо дастгирии молиявии Кауфман тавонист аз тамоми қаламрави маъмурияти Тошканд боздид намояд. Дар сарсухани «Атласи антропологии халқҳои Фарғона» [24], Уйфалвӣ нақши мушаккими Кауфманро дар ташкили акси аҳолии Фарғона таъкид мекунад.

Яке аз ҳадафҳои аслии ва муҳими экспедитсияи Уйфалвӣ омӯзиши аҳолии Кӯҳистон – тоҷикони кӯҳистонӣ ё «ғалчаҳо» – буд, ки дар болооби Зарафшон сукунат доранд. Муҳаққиқон вожаи «ғалча»-ро дар маънои тоҷикони кӯҳистонии баландкӯҳҳои Зарафшон, Дарвозу Бадахшон шарҳ медиҳанд. Ба гуфтаи В. В. Бартолд, ғалчаҳо «яке аз қадимтарин намояндагони фарҳанги Эрони шарқӣ» ҳастанд, ки тарзи зиндагӣ ва анъанаҳои онҳо нишона аз пайвастагии таърихӣ онҳо бо муҳити ориёӣ қадим дорад [10, 18].

Назарияи этимологии маъмулро аввал А. Д. Гребенкин матраҳ кард, ки «ғалча»-ро ба «ғаллақаш» (оварандаи ғалла) марбут донист [10, 19]; ривояти монанде дар «Рӯзномаи сафари Искандаркӯл»-и Абдурраҳмони Мустачир низ дида мешавад [11, 69-70]. Аммо чунин шарҳҳо асоси муътамади забоншиносӣ надоранд ва бештар таҳмини фолклорӣ мебошанд.

Тибқи таҳлили антропологҳои фаронсавӣ, омӯзиши гурӯҳҳои «ғалча» барои шинохти пайдоиши ориёӣён аҳамияти хос дорад. Дар луғатҳои форсӣ вожаи «ғалча» бо маъноҳои «кӯҳнишин», «деҳотӣ» ва ҳатто «бефарҳанг» низ зикр шудааст [19].

Тибқи маълумоти фарҳангномаҳо, вожаи «ғалча» аз «ғалч» ва пасванди «-а» сохта шуда, эҳтимолан шакли кӯҳнаи як калимаи мураккаб ва устувор дар форсии тоҷикӣ мебошад. «-Ча» одатан маънои хурдӣ ва навозишӣ дорад. Дар фарҳангҳои маъруфи форсӣ – «Бурҳони қотеъ», «Фарҳанги Ҷаҳонگیرӣ», «Онандроҷ» – «ғалча» ба маънои «деҳотӣ» ва «рустонишин» шарҳ ёфта, баъзан маъноҳои таҳқиромез, чун «одами бефарҳанг» ва ҳатто «аҳмак» ва «номард»-ро низ гирифтааст [19].

Ин вожа ҳамчунин чун номи қавмӣ кӯҳистониёни Помир ва Бадахшон истифода шудааст. Деҳхудо менависад, ки «ғалча» номи як қавми эронитабор аст, ки дар Вахон ва Бадахшон ба забонҳои эронии шарқӣ сухан мегӯянд [19]. Дар адабиёти форсӣ «ғалча» маъмулан шакли манфӣ дошта, шакли ҷамъӣ он – «ғалчагон» – низ дар ҳамин замина омадааст. Дар асрҳои XVII-XVIII ин истилоҳ гоҳе ба қабिलाҳои афғон, бахусус Ғалҷӣ (Ғалзойӣ), низ нисбат дода мешуд [19].

Дар заминаи таърихиву истилоҳшиносӣ, «ғалча» бештар ба маънои «кӯҳистонӣ» бо шеваи таҳқиромез монанди «деҳотӣ» истифода мешуд. Имрӯз ка-

лима бештар хусусияти таърихӣ касб карда, бо вожаҳои дақиқтар, монанди «помирӣ» ё «бадахшонӣ» иваз шудааст.

Соли 1876 дар рӯзномаи «Туркестанские ведомости» мақолае бо унвони «Ғалча, ё тоҷикони кӯҳӣ» ба таъб расид, ки онро метавон яке аз аввалин очеркҳои мардумшиносии илмӣ дар бораи болооби Зарафшон донист. Дар ин мақола зикр мешавад: «Онҳо [ғалчаҳо] на танҳо бо лаҳча, балки бо либос ва тарзи зиндагии худ аз тоҷикони ҳамворӣ фарқ мекунанд... Онҳо дар дараҳои баста, дур аз роҳҳо ва маҳаллаҳои дигар зиндагӣ доранд» [3]. Дар бораи мазҳаб низ мегӯяд: «Ғалчаҳо мусулмонанд, вале дур аз маркази дониши исломӣ; иҷрои амалҳои динӣ бештар ба рои намоишист, на бар пояи эътиқод» [3].

Таҳлили ин мақола аз ҷониби С. Д. Масловский низ тасдиқ шудааст. Ӯ таъкид мекунад: «Ғалчаҳо на танҳо як гурӯҳи кӯҳнишин, балки намоёнгари намуди ибтидоии тоҷикони эронитабор мебошанд» [10, 17].

Дар таҳқиқоти худ С. Д. Масловский тоҷиконро ба ду гурӯҳи асосӣ ҷудо менамояд: а) тоҷикони ҳамворӣ, ки асосан сокинони шаҳрҳо ва водии ҳосилхези Осиёи Миёна мебошанд; б) тоҷикони кӯҳнишин, ки бо номи умумии «Ғалча» маъруфанд. Ба гурӯҳи дувум, ба гуфтаи М. С. Масловский, аҳолии минтақаҳои ҳамворӣ ва баландкӯҳ, аз қабилҳои Ғарм, Дарвоз, Вахӣ, Язғулум, Шугнон ва манотиқи дигари ба онҳо монанд шомил мегарданд [10, с. 25].

Ӯ ишора мекунад, ки гурӯҳи дувум аз нигоҳи антропологӣ, забонӣ ва фарҳангӣ фарқ мекунад ва намоёнгари пояҳои бунёдии типҳои эронитабор мебошанд [10, 25].

Муаллиф ғалчаҳоро на танҳо аз рӯи намуди зоҳирӣ, балки ҳамчун намунаи «пок» ё «таза»-и тоҷикони кӯҳӣ эронинаҷод арзёбӣ мекунад, ки аз омезиш бо қавмҳои арабӣ ва туркиву муғулӣ камтар таъсир пазируфтаанд.

Инчунин ӯ дар идома қайд менамояд, ки ғалчаҳо дар кӯҳдоманҳои дур аз шаҳрҳо зиндагӣ мекунанд ва аксаран таҳти таъсири мустақими давлатҳои марказӣ қарор надоштаанд. Ин боис шудааст, ки сохторҳои анъанавии иҷтимоии онҳо устувор боқӣ монанд ва фарҳангашон тағйир наёбад.

А. Мустаҷир низ ба шарҳи ин калима пардохта, ки ғӯё калимаи «ғалча» ба маънои «кабк (?)» аст ва мардумро ба далели шабоҳат ба ин парранда чунин лақаб додаанд, аз назари илмӣ беасос мебошад. Дар ҳақ яке аз фарҳангҳои муътабари форсӣ-тоҷикӣ, ки қаблан ишра ба онҳо шуд, калимаи «ғалча» ба маънои «кабк» шарҳ дода нашудааст [11, 70].

Бо вучуди он ки дар таълифи китоби худ «Ориёиҳо дар шимол ва ҷануби Ҳиндукуш» Уйфалвӣ бахши зиёди иттилоӣро дар бораи «ғалчаҳо» аз асари сайёҳ Пьер Бонвало¹ «Аз Кӯҳистон то баҳри Хазар: дар Осиёи Миёна» иқтибос карда буд [20], вай чунин қайд мекунад: «Мо боз ҳам бартарии назари капитан Арандаренкоро ба ақидаи ҷаноби Бонвало медиҳем. Зеро ҷаноби Арандаренко ҳамчун раиси округ, бо

¹ Пьер Габриэл Эдуард Бонвалот (1853-1933) яке аз муҳаққиқони маъруфи фаронсавӣ, ки ба омӯзиши Осиёи Миёна ва Тибет машғул буд.

забони маҳаллӣ озодона сухан мегуфт ва муддати тӯлонӣ дар Кӯҳистон зиндагӣ намудааст» [26].

Мари де Уйфалвӣ-Бурдон сафари худро аз Самарқанд ба Панҷакент чунин тасвир мекунад: «Ҳамин тавр, рӯзи панҷшанбе 26 апрели соли <1877>, соати се баъд аз зухр, мо бо ҷаноби М. бо араба ба сӯи Панҷакент равона шудем» [25, 219]. Ба гуфтаи ӯ, манзараи роҳ бо заминҳои хуби киштшуда ва тақсими муназзами оби Зарафшон ба ҳазорон ҷӯй ёдоварии Аврупоро мекард. Вай менависад: «Роҳҳо хуб буданд, ҳатто дар муқоиса бо роҳҳои, ки қаблан тай кардем, ҳеле тоза менамуданд» [25, 220]. Аммо эҳсоси хавф аз жарфкандаҳои зери роҳ ӯро ором намегузошт: «...мо маҷбур мешудем, ки аз паҳлӯи онҳо аз роҳчае бигзарем, ки бараш ҳамагӣ ду фут аст» [25, 220]. Бо вучуди ин, ӯ зикр мекунад, ки танҳо манзараҳои зебои табиат тавонистанд тарсаширо каме сабук кунанд: «... зери пойи мо деҳае бо алафзорҳо, дарахтон ва чорво ҷой дошт... уқобҳо парвоз мекарданд, ки дар тӯли сафар ҳамсафари мо буданд» [25, 220]. Ба шомгоҳ, пас аз убури роҳҳои душвор, аробаи онҳо ба Панҷакент мерасад.

Ш.-Э. Уҷфалвӣ таассуроти нахустини худро аз «пойтахти русӣ»-и болооби Зарафшон чунин тасвир мекунад: «Панҷакент – пойтахти Кӯҳистон ва қароргоҳи намояндаи рус [навъи фармондеҳи низомӣ] [капитан Г. А. Арандаренко] мебошад. Шаҳри хурдест, вале дар мавқеи мувофиқ ҷойгир шуда, ба ҳуди [дарё]-и Зарафшон ҳеле наздик аст. Он ба ҳамаи шаҳрҳои Туркистон шабоҳат дорад. [Қароргоҳи намояндаи рус] дар қасри қадимаи яке аз бекони собиқи Бухоро, дар миёни боғи зебо ва наздикии рӯд ҷой гирифтааст. Ҳуди шаҳр чизе хос ва ҷашмрас надорад, бозори он нисбатан пурҳаракат аст. Бори аввал буд, ки аз замони воридшавӣ ба Туркистон ман одамонро бо мӯи комилан зарду ҷашмони қабуд дидам. Маҳз дар Панҷакент ман таҳқиқи Кӯҳистонро оғоз намудам» [25, 5].

Дар бораи нахустин мулоқот бо капитан Г. А. Арандаренко Уҷфалвӣ менависад: «Дар он ҷо [яъне дар Панҷакент] ман бо капитан Арандаренко, сардори округ, шахсе бо хислатҳои олии инсонӣ ва таҳсилоти аъло вохӯрдам. Вай бо камоли меҳрубонӣ худро ба ихтиёри ман гузошт ва ман қариб тамоми иттилооте, ки дар бораи Кӯҳистон ҷамъ овардаам, маҳз ба туфайли ӯ ба даст овардаам» [25, 5].

Мари де Уҷфалвӣ-Бурдон суханони шавҳарашро тасдиқ мекунад: «Ҷаноби Г. А. Арандаренко, райси маҳаллӣ аз омадани мо қаблан хабардор буд. Шои ҳубе моро интизор буд. Мо аз он ки дар чунин минтақаи дурдаст хонаи зебое бо тамоми шароити аврупоӣ пайдо кардем, саҳт дар ҳайрат мондем. Мизбони мо аз мо даъват кард, ки рӯзи ҷумъа меҳмони ӯ бошем ва то рӯзи шанбе Панҷакентро тарк накунем» [25, 220].

Уҷфалвӣ хабар медиҳад, ки дар ихтиёраш дастнависи Арандаренко бо маълумот оид ба қавми «ғалча» боқӣ мондааст, ки бо дасти ҳуди ӯ навишта шудааст. Дар ин дастхат Арандаренко изҳор мекунад, ки дар миёни аҳолии маҳаллии водии За-

рафшон бо калимаи «ғалча» сокинони кӯҳистонро меноманд, ки дар кӯҳҳо зиндагӣ мекунанд [25, 139].

Уйфалвӣ, ба он нигоҳ накарда, ки номгузори «ғалча» дар сарчашмаҳои қадимӣ зикр нашудааст, дар нашрияҳои ӯ, ба пайравии муҳаққиқони рус, ин номро барои таърифи «тоҷикони кӯҳистонӣ» ҳифз кардааст. Вай махсус таъкид менамояд, ки ҳуди сокинони Кӯҳистон ҳудро тоҷик меноманд ё бештар аз ҳама ба номҳои қабилавии худ, мисли Мачо, Фон, Яғноб ва ғ. афзалият медиҳанд.

Г. А. Арандаренко ба Уйфалвӣ иттилои муфассали таърихӣ ва мардумшиносии дар бораи ноҳияҳои кӯҳистонӣ додааст. Ба гуфтаи ӯ, ғалчаҳо тибқи қонунҳои исломӣ зиндагӣ мекунанд: мерос миёни писарон (2/3), духтарон (1/3) ва бевазан (1/8) тақсим мешавад; савганд дар ҳузури қозӣ бо Қуръон сураат мегирад. Ғуломдорӣ миёни онҳо вучуд надоштааст. Онҳо зироатҳое чун шолӣ, гандум, чав, лӯбиё, нахӯд, зағир ва заҳирот кишт намуда, чорвои гуногун парвариш мекунанд. Аз асбобҳои оддии кишоварзӣ ва осебҳои обӣ истифода мебаранд. Бо вучуди зиёд будани пулҳо, онҳо ба сабаби ҷараёни саҳти об қайқ надоранд [25, 220].

Г. А. Арандаренко инчунин маълумот дар бораи тичорат, шикор, роҳҳои кӯҳӣ, табодули мол ва урфу одат пешниҳод мекунад. Либосашон содда аст ва аксаран худбофӣ, мардон тоқӣ ва шахсони боилм амома мепӯшанд. Сарватмандон каманд ва асосан қозию муллоҳоянд.

Рақс миёни ғалчаҳо роҷ нест, вале мардон бо дутор ва занон бо ҷанги дастӣ суруд меҳонанд. Арандаренко таъкид мекунад, ки ин мардум ба ростқавлӣ, меҳрубонӣ, эҳтироми калонсолон ва меҳмондӯстӣ шинохтаанд. Ба гуфтаи ӯ, «фатҳи саҳо» дар қалби онҳо ҳукмфармоӣ – дуздӣ қариб вучуд надорад, ятимон аз ғамхорӣ ҷомеа бархурдоранд, муноқиша кам аст, ваъда содиқона иҷро мешавад, ва онҳо «омодаанд пораи охири нонро бо меҳмон тақсим кунанд» [25, 225].

Ӯ хотираи қавии ғалчаҳоро дар ривоятҳои ва омӯзиши илмҳои динӣ таъриф мекунад. Шогирдони мадрасаҳо аз миёни кӯҳистониён бо таҳаммул ва шавқ фарқ мекунанд. Ба назари ӯ, инзивоӣ онҳо ҳаёлот ва диди шеърӣ ба зиндагиро тақвият медиҳад, ки дар шеър масалу қиссаҳо таҷассум меёбад. Тасвирҳои ӯ дар таҳқиқоти Уйфалвӣ «Ориёҳо дар шимол ва ҷануби Ҳиндукуш» низ инъикос ёфтаанд [26].

Тобистон ғалчаҳо ба қорҳои саҳро машғуланд, тирамоҳ ҳезум ва кизяк ҷамъ мекунанд, ки занон онро аз пору тайёр намуда, хушк месозанд. Зимистон рӯзҳо бо намоз, шунидани қиссаҳо ва гуфтугӯ дар гирди мулло мегузаранд; занон қорҳои рӯзмарра ва нигоҳубини ҳайвонотро ба ӯҳда доранд.

Аз ҷиҳати саломатӣ, ба гуфтаи Арандаренко, миёни онҳо офталмия, бемориҳои санги гурда ва ревматизм роҷанд [23, 149].

Илова ба тасвири қавми ғалча, Г. А. Арандаренко ба Уйфалвӣ як «гузориши ҷолиб» дар бораи бозиди кӯли Искандар низ додааст, ки мутаассифона, Уйфалвӣ онро ҳеҷ гоҳ ба таъбарасонадаст [25, 22].

Рӯзи 27 апрели соли 1877 Уйфалвӣ ба андозагириҳои антропологӣ машғул буд. Мари де Уйфалвӣ-Бурдон менависад: «Ҷамоати субҳи он рӯз барои андоза кардани

сари ғалчаҳо сарф шуд. Ман ба шавҳарам кӯмак мекардам: зери навиштаҳои ӯ менавиштам...» [27, 220] ва бо лаҳна таҳқиромез ду нафар ниёзмандро чун «нимбараҳна» ва «ғайриқобили дарк» тасвир мекунад. Яке бо дидани пул табассум мекунад: «... мисли ҳайвоне, ки бо дидани ғизо ҳисси шинохташ бедор мешавад» [27, 221], аммо дигаре рад мекунад.

Ин гуна муносибати бартарбинии Мари дар нигоштаҳои маъмул буд. Ҳатто муосиронаш менависанд, ки ӯ «шахси кунҷков, вале бе ҳисси латифии муошират» аст [23, 301]. Ӯ худро чун «тамаддунсоз» дар миёни халқҳои «ибтидоӣ» тасвир мекунад.

Ба гуфтаи ҳудаш, ӯ натавонист дар сафари кӯҳистонӣ ширкат кунад: «Пас аз санҷиши маҳорати ман дар аспасаворӣ, маро расман аз ҳайати экспедитсия хориҷ карданд... Ман итоат кардам, вале бо нохушнудӣ» [24, 221]. Баъдан, барои оромии хотирааш ба зиёфате даъват шуд: «...ман тасмим гирифтам, ки бо ҳамроҳии баронесса А.¹ ба он ҷо равам» [27, 222].

Ҳамон рӯзи 28 апрел, Шарл-Эжен Уйфалвӣ сафарашро аз Панҷакент ба Сучина оғоз кард. Ӯ менависад: «Сокинони Сучина, ҳамоно мисли Панҷакент, ғалча мебошанд... Онҳо матоъи мустаҳкам истеҳсол мекунанд... ки бо номи «матоъ» маъруф аст» [25, 6-7].

Уйфалвиро дар ин сафар ҷаноби М. ҳамроҳӣ мекард² – як афсари рус аз оилаи шоҳзодаҳо, ки ба забони фаронсавӣ ба хубӣ ва ба забони туркии шарқӣ то андозае суҳан мегуфт. Ӯ ҳамроҳ бо Уйфалвӣ аз Самарқанд ба Панҷакент омада буд. Дар ҳайати гурӯҳ шаш казак, роҳбалади тотор, ду бумӣ аз миёни қозиёни маҳаллӣ ва ду хизматгор, ки аспҳои боркашро мебурданд, шомил буданд [25, 6].

Уйфалвӣ ба ёд меорад, ки пас аз чанд километр аз Сучина, гурӯҳ ба як саҳрои алафзор ворид шуда, то соҳили Зарафшон расид. Баъди гузаштан аз пули сангини болои дарё, онҳо ба соҳили ростӣ дарё гузашта, то деҳаи Миндона ҳаракат карданд. Аз он ҷо роҳ ба як пайроҳа табдил ёфт, ки ҳамроҳ бо ҷараёни дарё кашида шуда, гоҳе дар кӯҳ канда шуда буд. Пас аз шабгузаронӣ дар деҳаи Иштиа [Вешист], гурӯҳ тавассути ҷароғоҳҳои сарсабз ба тарафи Урметан равона шуд.

Пайроҳа аз як гардана мегузашт, ки дар бораи он Уйфалвӣ менависад: «Мусалмонон мегӯянд, ҳар касе, ки хоҳад ин кӯҳро убур кунад, бояд вичдони пок дошта бошад, вагарна ҳатман ба жарфо андохта мешавад» [25, 11].

Манзараҳое, ки ба ҷашми сайёҳон мекушода шуданд, ҳайратовар ва бошукӯҳ буданд: «Зери пойи мо Зарафшон бо ғуришу шӯриш ҷорист; дар соҳили муқобил кӯҳҳои барфпӯши абадӣ қомат афрохтаанд ва дар дуртар қуллаи яхбастаи чандора намоён мешавад. Ин манзараи ваҳшатангезу зебо ва поки табиат, арзишаш аз та-

¹ Баронесса А. – ҳамсари барон Иоганн-Фридрих-Густав Александрович Аминов (1844-1899), генерал-лейтенант, иштирокчи ҷангҳои Туркистон ва ҷанги русу турк дар солҳои 1877-1878 буд.

² Шаҳзодани бузург Николай Константинович (1850-1918) – фарзанди калонии шаҳзодани бузург Константин Николаевич ва набераи император Николай I буда, аз соли 1874 дар қаламрави Осӣи Миёнаи тахти султан Россия зиндагӣ мекард ва ба қорҳои илмӣ, ҷамъиятӣ ва хайриявӣ машғул буд.

моми тасвирҳои табиати Швейтсария бо саҳнаҳои сунъии он бештар аст. Ғалчаҳо худро дар ин ҷо мисли хонаи худ мебинанд – ба Худо қасам, онҳо метавонанд бо кишвари саҳтгирӣ зебои худ ифтихор кунанд!» [25, 11].

Дар 6 километрии Урметан, Уйфалвӣ аввалин хаймаҳои кӯҳнишинонро дид. Сокиноне, ки ба ӯ рӯбарӯ шуданд, тарсончак ва шубҳабарангез буданд. Вақте ӯ ба як зан, ки дар саҳро кор мекард ва фарзандонаш чанд танга дод, чунин ҳолат ба амал омад: «Модар бо фарёд ва ҳаяҷон фирор кард ва ҳамаи мардуми деҳа, ки ба остонаи хонашон омада буданд, ба ӯ пайравӣ карданд» [25, 12].

Шомгоҳи 29 апрели соли 1877 ҳайати Уйфалвӣ ба Урметан расид – деҳаи кӯҳистонии танг, ки бо кӯҳҳои баланд ихота шудааст. Онҳо қалъаи кӯҳнаи Бухороиро диданд, ки қозӣ дар он иқомат дошт. Уйфалвӣ аз кӯзаҳои қадимаи он ҷо, ки меросӣ буданд, ба ҳайрат афтода, бо вучуди пешниҳоди маблағи зиёд, натавонист онҳоро ба даст орад.

Ӯ ғизои Кӯҳистонро чандон писанд намедошт: «Биринче, ки дар рағғани сабзгуна пӯхта мешуд, таъми номатлуб дошт... Танҳо шир тару тоза ва серғизо буд» [25, 13].

30 апрел Уйфалвӣ резаҳои тиллоро дар наздикии Зарафшон дид. Баъдан, дар Урметан ӯ тахминан 30 нафар ғалчаро вохӯрд, ки аз деҳаҳои болооби Зарафшон бо даъвати Арандаренко омада буданд. Ӯ аз зебоии чехра ва ростгӯии онҳо шигифтзада шуда, менависад: «[Ғалчаҳо] ба лаҳчаҳои форсӣ суҳан мегӯянд... ба истиснои яғнобиҳо, ки забонашон ба дигарон номаълум аст» [25, 14].

Дар миёни кӯҳнишиноне, ки бо даъвати Г. А. Арандаренко ба Урметан барои андозагириҳои антропологӣ ва суратгирӣ ба ихтиёри Уйфалвӣ оварда шуда буданд, як сокини водии Яғноб низ хузур дошт – минтақае, ки дар болооби яке аз шохобҳои дарёи Зарафшон воқеъ аст. Ин яғнобӣ бо забоне ҳарф мезад, ки аз забони тоҷикони сокини водӣ ва болооби Зарафшон фарқ мекард. Уйфалвӣ намунаҳои забони яғнобиро сабт кард: ададшуморӣ аз 1 то 10, тақрибан 30 калима ва ҷумлаҳои кӯтоҳ, ки онҳоро дар гузориши худ ҷой дод [25, 26].

Ба Уйфалвӣ муяссар нашуд, ки аз ин яғнобӣ маълумоти таърихӣ, мардумшиносӣ ва ҷуғрофӣ ба даст оварад – пурсишҳо бенатиҷа монданд. Ӯ менависад: «Яғнобӣ фақат фурсат ёфт муддати кӯтоҳе бо ман монад, аз ин рӯ ман натавонистам луғати васеътаре ҷамъ оварам. Ӯ шахси он қадар гапгӯ набуд, тарҷумонҳо бо заҳмати зиёд чанд калима аз ӯ мегирифтанд. Ба бисёр саволҳо ӯ тамоман ҷавоб дода натавонист, ки сабабаш камбуди захираи луғавии ӯ буд» [25, 27].

Намунаҳои калимаҳои забони яғнобӣ, ки аз ҷониби сайёҳхон ва шарқшиносон дар болооби Зарафшон солҳои 1870-1880 сабт шуда буданд, аз ҷумла сабтҳои Уйфалвӣ, Ш. Акимбетев, Г. А. Арандаренко ва Н. И. Веселовский, ба боби сеюми асари профессор К. Г. Залеман¹ бо номи «Яғнобские этюды» дохил карда шудаанд [2, 160].

¹ Карл Германович Салеман (Karl Gustav Hermann Salemann; 1849-1916) – филологӣ рус ва эроншиноси маъруф, мутахассиси таърих ва филологияи забонҳои форсии миёна ва сӯғдӣ буд. Ӯ соли 1895

Профессор К. Г. Залеман бо адолат қайд мекунад: «Танҳо бо иштироки зиндаи олимону донишмандони маҳаллии мо – онҳое, ки дар маркази илмӣ аз Шарқи дурӣ Россия зиндагӣ дорем – метавонем ба иҷрои вазифаҳои олии шарқшиносии рус умед бандем» [53, 128-129].

Ба Уйфалвӣ лозим омад, ки нақши табибро бозӣ кунад, то ҳадафи андозагириҳои антропологии худро фаҳмонда тавонад. Дар тӯли рӯз вай ба анҷом додани андозагириҳои антропологи машғул буд ва аз гуфтаҳои қозӣ маълумот дар бораи сокинони болооби Зарафшонро сабт мекард. Ёро як расми ғайриодӣ ба ҳайрат овард: «Ғалча ҳеч гоҳ шамъро бо дам хомӯш намекунад, зеро нафаси инсон нопок шумурда мешавад ва набояд бо оташе, ки ба таври фитрӣ пок аст, тамос дошта бошад» [25, 14].

Ба Уйфалвӣ милтиқ, шамшер ва ду дутор – яке одӣ ва дигаре бо нақшунигори устухонӣ – ҳамчун тухфа пешниҳод шуд. Субҳи 1 майи соли 1877, ҳайати ӯ ба деҳаи Вашан равона шуд. Роҳ аз соҳили муқобили Зарафшон то қулла ва сипас ба доманаҳои кӯҳӣ, пулҳои баланд ва роҳҳои дар кӯҳ кандашуда мегузашт.

Вашан бо заминҳои сабз, гулпӯшӣ ва обҳои равон пеши назари меҳмонон пайдо гашт. Роҳбалад қайд кард, ки ғалчаҳо ба ҳар баландие мерасанд, агар он ҷо замини қорам пайдо шавад. Каналҳои обии ҷӯбинро дар он баландӣ месозанд, ки яке бар болои дигаре мегузарад.

Уйфалвӣ бо ифтихор менависад, ки онҳо аввалин аврупоиён дар Вашан буданд – рустое бо 40-50 хона, боғҳо ва мардони бо мӯйи зарду чашмони сабз. Ӯ боз таъкидан менависад: «Ин кӯҳнишинони ростқавл то ҷӣ андоза аз тоҷикони Самарқанд фарқ доранд... зиндагӣ дар кӯҳҳо онҳоро аз сукути ҷисмонӣ ва маънавӣ наҷот додааст» [25, 21].

Уйфалвӣ дар Вашан кори қозиро мушоҳида карда, бо сокинони маҳаллӣ тавасути тарҷумон суҳбат мекард. Ӯ менависад: «Ман ба як зани ҷавон наздик шудам ва аз зери рӯйбанде, ки нафаси бенизоми ӯ андаке онро боло мебурд, дидам, ки ӯ зебост. Ӯ чашмҳое чун ангиштҳои тафсон, бинии зебо, лабони борик ва дандонҳои аҷиб хуб дошт» [25, 22].

Уйфалвӣ аз сокинон намунаҳои матоъ ва ҷомаи зимистонаи маҳаллӣ харид. Ба бегоҳ наздик, ҳайати ӯ бо ҳамроҳии як оқсақол ва сокини мусаллаҳ бо милтиқу қорд, ба Урметан баргашт.

Рӯзи дигар, 2 майи соли 1877, Уйфалвӣ дар Урметан аз субҳ то шом ба андозагириҳои антропологи машғул буд. 3 май сайёҳон ба Панҷакент баргаштанд [25, 22]. Ҳамаи иттилооти мардумшиносие, ки қозӣ ба Уйфалвӣ хангоми сафар ба Урметан ва Вашан дода буд, дар Панҷакент аз ҷониби Г. А. Арандаренко тафтиш ва тасдиқ гардид.

Уйфалвӣ ҳадаф надошт, ки тамоми ноҳияҳои кӯҳиро боздид намояд. Ӯ ба Масчо нарафт, то пириҳои Зарафшон ва сарчашмаи дарё, ки дар болооби он Масчо

ба ҳайси академик ба Академияи илмҳои Санкт-Петербург пазируфта шуд. Аз соли 1890 то охири умр директори Осорхонаи Осийи Академияи илмҳо (ҳоло Институти шарқшиносии Санкт-Петербург) буд. Соли 1908 унвони мушовири хусусиро дарёфт намуд.

ном дорад, нарасид, инчунин ба аксари деҳаҳое, ки ғалчаҳо дар он зиндагӣ мекарданд, сафар накард. Ӯ худро бо сафари аз Панҷакент то Урметан маҳдуд кард, ба ченкунию суратгирии ғалчаҳое, ки бо меҳрубонӣ аз ҷониби Г. А. Арандаренко ба ихтиёри ӯ дода шуда буданд, пардохт ва сипас ба Панҷакент баргашта, сафари худро ба тарафи Фарғона ва Кӯлча идома дод.

Дар маҷмуаи шахсии Г. А. Арандаренко чанд сарпӯсти устухонии ғалчаҳо нигоҳ дошта мешуданд, ки аз оромгоҳи кухна дар бекигарии Фалғар ёфта буд. Яке аз ин устухонҳои косахонаро ӯ дар аввали моҳи майи соли 1877 ба Уйфалвӣ тухфа кард ва сетои дигарро дар ҳамон моҳ ба Осорхонаи Тошканд супурд [14, 72].

Пас аз ду рӯзи иқомат дар қароргоҳи Г. А. Арандаренко, субҳи рӯзи сеюм, 6 майи соли 1877 ҳайати Уйфалвӣ ба Самарқанд баргашт. Мари де Уйфалвӣ-Бурдон чунин ба ёд меорад: «Соати сеи баъд аз зухр, шавҳари ман пас аз даҳ рӯзи будубош дар кӯҳҳо ба хона баргашт, шод аз манзараҳое, ки пеши назараш кушода шуда буданд» [25, 227].

Дар Панҷакент ва Урметан, Уйфалвӣ расмгирӣ ва андозагириҳои антропологиро аз болои панҷоҳу ҳашт нафар тоҷикони Қўҳистон анҷом дода, хулоса кард, ки онҳо ба гурӯҳи зерин шомил мешаванд:

«Ғалчаҳо – қавмияте мебошанд бо қоматҳои баланд ва бадани миёнаҳаҷм. Пӯсти онҳо сафед аст, вале аксаран аз таъсири офтоб каме сиёҳтоб шудааст; чойҳои пӯшонидашудаи бадан сафед мемонанд. Пӯст хеле мӯйдор аст, каме пашмақдор. Мӯйҳо – сиёҳтоб-қаҳваранг, махсусан дар миёни сокинони Фон; баъзан зардчатоб ва зуд-зуд равшанранг. Мӯйҳо ҳамвор, мавҷнок ва чингила мебошанд. Риш, одатан, зич буда, ранги қаҳваранг, зардтоб ё равшан дорад.

Чашмҳо - гӯшаҳояшон боло нарафта, қаҳваранг ва на кам – кабудтоб; фосилаи байни мардумакҳо хеле кам аст. Биниҳо шакли зебо доранд: дароз, каме қач ва ба сӯйи нӯг борик мешаванд. Лабҳо қариб ҳамеша борик ва рост, дандонҳо майда, вале бисёр вақт бар асари истифодаи зиёд аз меваҳои хушк фарсуда шудаанд. Пешонӣ баланд, каме нишеб; абрӯҳо равшан ва намоёнанд, чуқурии паҳнии байни бинӣ ва қавсақҳои абрӯӣ амиқ аст; абрӯҳо камоншакл ва зич мебошанд. Даҳон – хурд, симои умумии онҳо байзашакл, гӯшҳо – хурд ё миёнаҳаҷм, андаке пахшшуда, хеле кам-каме барҷаста.

Бадан – пурқувват, асабӣ ва мустаҳкам. Дасту поҳо калонтар аз тоҷикони водӣ ва махсусан нисбат ба қирғизу тоторҳо. Шинҳо – мушакдор, поҳо рост ва зебо таппакулёфта; миён хуб таърифшуда, умуман борик, бадани боло зич, гардан мустаҳкам. Онҳо бисёр устувор, қадамзанони беҳтарин, савораҳои хуб ва қобили тоб овардан ба саҳттарин хастагӣ мебошанд» [25, 37].

Пас аз бозгашт ба Париж соли 1878, Уйфалвӣ харитаи мардумшиносии болооби Зарафшонро таҳия намуд [25, 37]. Дар таҳияи он, илова бар мушоҳидаҳои шахсӣ, ӯ аз таҳқиқоти шарқшиносони рус – Я. В. Хаников, А. П. Федченко, В. В. Радлов, А. Н. Куропаткин, Г. А. Арандаренко ва В. Ф. Ошанин – истифода бурд. Бо ишора ба он, ки маълумот дар бораи ғалчаҳо аз капитан Г. А. Арандаренко ба даст

омадаанд, Уйфалвӣ менависад, ки ғалчаҳои ноҳияҳои кӯҳистонӣ ба шаш қабила тақсим мешаванд:

1. Моғӣ – аз Панчакент то деҳаи Моғиён маскунанд;
2. Киштутиҳо – дар водии Киштут зиндагӣ доранд;
3. Фалғариҳо – байни Урумито [Урметан] ва Варзيمانор сукунат доранд;
4. Масчо – аз шарқи Варзيمانор то сарчашмаи дарёи Зарафшон зиндагӣ меку-

нанд;

5. Фонӣ – ҷануби Варзيمانор, дар водии Фон ва Искандардарё то кӯли Искандаркӯл сукунат доранд;

6. Яғнобиҳо – дар водии Яғноб иқомат доранд [25, 26; 15, 116-118].

Ба гуфтаи Уйфалвӣ, ҳамаи ин гурӯҳҳо бо лаҳчаҳои гуногуни форсии маҳаллӣ гуфтугӯ мекунанд, ҳарчанд забони яғнобиҳо аз дигарон фарқ мекунад.

Дар асоси параметрҳои антропологӣ, аз ҷумла ранги мӯй (аз сиёҳ то булурун), ранги чашм (аз қаҳваранг то кабуд), шакли бинӣ (дароз, нозук ва каме барҷаста), хусусиятҳои чеҳра, бинои ҷисмонӣ ва ҳолати умумии сихат (офтальмия, бемориҳои устухон) муҳаққиқ ба хулосае мерасад, ки намояндагони гурӯҳҳои ғалча дар муқоиса бо тоҷикони водӣ нишонаҳои «типи қадимаи эронӣ»-ро ба таври нисбатан комилтар ҳифз кардаанд. Ба гуфтаи Уйфалвӣ, омезиши этникӣ миёни ғалчаҳо хеле маҳдуд буда, низомии издивоҷ бештар дохилиявлодӣ мебошад. Баръакс, тоҷикони ҳамворӣ бештар бо узбекону қирғизон омехта шудаанд [15, 116-117].

Натиҷаҳои андозагирии краниологӣ низ далели муҳими хусусиятҳои типологии ин гурӯҳ ба шумор мераванд. Барои 57 нафар ғалча индекси миёнаи краниологӣ 86.21 (гипербрахикефалия), барои 28 нафар тоҷик 85.09 ва барои 9 нафар ўзбек 84.21 нишон дода шудааст [15, 116-117].

Метавон гуфт, ки Уйфалвӣ яке аз аввалин сайёҳони аврупоӣ буд, ки ба омӯзиши тоҷикони кӯҳистонӣ пардохт. Ё таърихи бекигариҳои нисбатан мустақили Кӯҳистонро, ки ба давраи пеш аз шомилшудани ин сарзаминҳо ба ҳайати Империяи Россия рост меояд, бозгӯ мекунад [25, 28-32]. Илова бар маълумоте, ки аз Г. А. Арандаренко ба даст оварда буд, Уйфалвӣ дар асари худ ҳамчунин ба таҳқиқоти полковник А. Д. Гребенкин¹ истинод мекунад, ки таҳти фармондеҳии ӯ Г. А. Арандаренко соли 1866 дар Ўротеппа (Истаравшан) хизматашро дар сохтори идораи ҳарбию маъмурии Россия оғоз намуда буд.

Яке аз ҳадафҳои асосии сафари Уйфалвӣ ба Осиёи Миёна анҷоми андозагирии антропологӣ ва омӯзиши навъҳои наҷодии эронии қадим ва туркӣ буд. Ё бар ин буд, ки наҷоди сафедро дар минтақа бештар тоҷикони кӯҳӣ (ғалча) ва халқҳои Помир (шуғнонӣ, рушонӣ, язғуломӣ, вахонӣ, ишкошимӣ) намояндагӣ мекунанд, ки намунаҳои поки типи сафед ба шумор мераванд.

¹ Гребенкин Афанасий Давыдович (1840-1888) – полковник, кавалери ордени Святой Георгий (дарачаи 4) ва иштирокчи экспедицсияи ҳарбию илмӣ Искандаркӯл таҳти роҳбарии генерал А. К. Абрамов буд. Барои саҳми арзандаш дар омӯзиши халқҳои Осиёи Миёна соли 1872 бо Медали хурди нукрагини Ҷамъияти географии Россия сарфароз гардонид шудааст.

Дар сафараш ба Фарғона, Ҳафтрӯд, Кӯлча, Семипалатинск, Омск ва Урал, ӯ харитаи мардумшиносии Осиёи Миёнаро тартиб дод. Дар он тоҷикони ғалча ҳамчун мардуми кӯхистонии шимол ва ҷануби Фарғона ва болооби Зарафшон зикр шудаанд.

Пас аз бозгашт ба Санкт-Петербург, дар гузориш ба Ҷамъияти дӯстдорони илмҳои табиӣ, Уйфалвӣ чунин гуфт: «Яке аз хотирмонтарин лаҳзаҳои ин сафар шиносӣ бо ҷануби Г. А. Арандаренко буд...» [7, 357].

Дар ин баромад Уйфалвӣ хусусиятҳои умумии антропологии се гурӯҳи мардумшиносии Осиёи Миёна – ўзбекҳо, тоҷикон ва ғалчаҳоро тавсиф кард ва ғалчаҳоро аз ҷиҳати антропологи «тозатарин» гурӯҳ хонд. Ба гуфтаи ӯ, халқҳои туркии муҳочир (ўзбекҳо, қирғизҳо, қарақирғизҳо ва дигарон) тадриҷан бо тоҷикони ҳамворӣ омехта шудаанд ва дар таркиби онҳо омехтагии хуни эронӣ эҳсос мешавад. Ба андешаи Уйфалвӣ, ҳангоми тарки тарзи ҳаёти кӯчӣ ва сукунат дар шаҳрҳо, фарзандони туркию муғулӣ дар натиҷаи омехтагӣ бо аҳолии тоҷики шаҳрӣ табдил ба сартҳо мешуданд. Танҳо қалмиқҳо дар шимол ва ҷануби Тиён-Шон, ба гуфтаи ӯ, ҳамчун намунаҳои «тоза»-и наҷоди муғулӣ боқӣ мондаанд.

21 март соли 1878, дар ҷаласаи Ҷамъияти антропологии Фаронса Уйфалвӣ бар пояи 58 ҷенкунии антропологи изҳор дошт, ки ғалчаҳо баландтарин нишондиҳандаи миёнаи косахонадоранд. Ӯ, дар муқоисаи косахонаи ёфташуда дар Фалғар бо намунаи савояр, хулоса баровард: «Ин косахонаи ғалча нусхаи дақиқи косахонаи савояр аст. <...> эронии кӯхистонии Туркони Шарқ ва кӯхистонии Аврупо як навъи воҳидро ташкил медиҳанд» [7, 357].

Уйфалвӣ дар асарҳои баъдӣ мусоидати ҳалқунандаи Г. А. Арандаренко дар ҷенкуниҳо ва ҷамъовариҳои маълумотро таъкид мекунад. Ба гуфтаи ӯ: «Ҳамаи иттилоот <...> бо шарофати меҳрубонии капитан Арандаренко ба даст омадааст. <...> Ман ҳақ дорам, ки ба маълумоти ӯ комилан эътимод намоям» [26, 123-124].

Аз соли 1874 то 1889, Г. А. Арандаренко дар вазифаи раиси ноҳияҳои кӯҳӣ, баъдан уезди Самарқанд ифои вазифа мекард. Аксари сайёҳҳои рус ва аврупоӣ, ки дар ин давра ба Осиёи Миёна меомаданд, бо ӯ мулоқот мекарданд, аз дониш ва таҷрибаи ӯ барои тарҳрезии сафарҳо, ташкили роҳнамоӣ ба кӯҳҳои Тиён-Шон ва Помир истифода бурда, кӯмаки ҳамаҷониба мегирифтанд. Ғайр аз Уйфалвӣ, якчанд экспедитсияҳои дигар низ шукргузори ва ёдоварии ӯро дар китобҳои худ қайд кардаанд.

Соли 1886, Г. А. Арандаренко ба экспедитсияи сайёҳҳои фаронсавӣ Бонвало кӯмак кард: «ӯ маслиҳат дар интиҳоби масир, таъмини ду роҳбалади чигит, хариди аспҳои маҳаллӣ ва мушовара дар масъалаҳои убури қуллаҳои барфпӯши кӯҳиро таъмин намуд, ки ин ба иштирокчиён имкони убур аз қаторкӯҳҳои душвори Помирро дод» [21, 289].

Сайёҳи англис Г. Ланселл¹ низ кӯмаку маслиҳат аз Г. А. Арандаренко дарёфт: «... ду чигитро ба ихтиёри мо гузошт... маслиҳатҳои муфид дод, ҳам дар кори мо ва ҳам оид ба баъзе ҷузъиёти одоби шарқӣ» [22, 246].

Инзивои ҷуғрофии рустоҳои кӯҳӣ сабаб шуд, ки тарзи зиндагӣ ва забони сокинони болооби Зарафшон то имрӯз бе дигаргунӣ боқӣ монад. Ба ғайр аз Арандаренко, муҳаққиқони дигар – Ф. В. Коротков [8] ва муаллифон дар «Туркестанские ведомости» – низ ноҳияҳои кӯҳистониро омӯхтаанд.

Сафари Уйфалвӣ танҳо як марҳилаи омӯзиши минтақаи душворрас ва номаълуме буд, ки аз замони экспедитсияи соли 1870-и А. К. Абрамов тадричан ба мавзуи пажӯҳиши географон, мардумшиносон ва шарқшиносон табдил ёфт. Дар таҳқиқи ноҳия саҳми муҳаққиқоне чун П. А. Аминов [1], А. П. Федченко [16], Л. Н. Соболев [13], А. Д. Гребенкин [4] ва дигарон басо муҳим аст.

Дар маҷмӯъ, бо сафараш Уйфалвӣ ба ноҳияҳои кӯҳии Зарафшон (1877) саҳми назаррас дар таҳқиқоти таърихию мардумшиносӣ дорад. Мақола, дар асоси ёддоштҳои Уйфалвӣ ва ҳамсараш Мари, на танҳо ба омӯзиши мардумшиносии Кӯҳистон кумак мекунад, балки адолати илмӣ нисбат ба нақши капитан Арандаренко дар ин экспедитсияро низ барқарор месозад.

АДАБИЁТ

1. Аминов П.А. Топографический очерк горной страны верховьев р. Зарафшана // МСТК. СПб.: Туркестанский стат. ком., 1874. С. 1-105.
2. Архив АН. Ф. 87. Оп. 1, № 208, корректурные листы, 160 с.
3. Гальча или горные таджики (этнографический очерк) // Туркестанские ведомости. – Ташкент, 1876. – № 41 (19 октября). – С. 161-164.
4. Гребенкин А.Д. Заметки о Когистане // Туркестанские ведомости, 1872. №№ 21, 22, 23, 24, 25, 27, 30, 31, 32.; Гребенкин А.Д. Этнографический очерк Зеравшанского округа // Туркестанские ведомости, 1872. № 45.; Гребенкин А.Д. Краткие исторические заметки о бывших бекствах: Ургутском, Магианском, Фарабском и Кштутском // МСТК. Вып. 2. М., 1873.
5. Дынин В.В. Очерк быта горцев верховьев Зеравшана // Известия Туркестанского отдела РГО. Ташкент, 1914. Т.Х. Вып. 1. С. 37-124.
6. Залеман, К. Новые материалы по ягнобскому языку // Записки Восточного Отделения Императорского Русского археологического общества. – Т. III. – 1888. – СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1889. – С. 128-129.
7. Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии (Москва). Антропологическая выставка. Т. 1: Заседания Комитета по устройству выставки в 1877 г. / изд. Комитет выставки. – Москва: тип. М. Н. Лаврова и К°, 1878. – 428 с.
8. Коротков Ф. Поездка в горы Фальгара, Ягноба и на Искандеркуль; Базары в Нагорных тюменях Зеравшанского округа // Туркестанские ведомости. 1877. № 30-32; № 40-41.
9. Мачидӣ, А. Қавми тоҷик / Абдуллатиф Мачидӣ. – [Махзани Электронӣ] // 18.03.2022 Маҷаллаи ҳомак. – Низоми дастрасӣ: <http://khamakshop.com/قوم-تاجيك/> – Загл. с экрана. – Санаи муҷриат: 18.07.2025.

¹ Генри Ланселл (Henry Lansdell; 1841-1919) – сайёҳи англис, узви Ҷамъияти шоҳигарии Осиё, аз соли 1876 узви Ҷамъияти географии шоҳигарии Бритониё ва аз соли 1880 узви Ассоциатсияи Бритониё оид ба пешбурди илм. Соли 1882 ба Осиёи Миёна ва Сибири Россия сафар кард.

10. Мстиславский, С. Д. Гальча (первобытное население Туркестана) / С. Д. Мстиславский (он же Мстиславский) // Русский антропологический журнал. – Москва: типо-литография А. В. Васильева и К°, Петровка, дом Обидиной, 1901. – № 2. – С. 17-32.
11. Мустачир, А. Рӯзномаи сафари Искандарқул / Абдурахмон Мустачир. – Душанбе: Ирфон, 1989. – 176 с.
12. Баттис, М. Арийский миф и Таджикистан: от мифа об империи к единой национальной идентичности / Маттиас Баттис // *Ab Imperio*. – 2016. – № 4. – С. 155-183. – DOI: 10.1353/imp.2016.0089.
13. Соболев, Л. Н. Географические и статистические сведения о Зеравшанском округе с приложением списка населённых мест округа / соч. Л. Н. Соболева. – Санкт-Петербург: тип. Императорской Академии наук, 1874. – 561, [7] с.: 23 см. – Из т. 4 «Записок Отделения статистики Императорского Русского географического общества»
14. Туркестанские ведомости, 1877. № 18. С. 72.
15. Уйфальви де Мезо-Ковесид, К. Путешествие члена-корреспондента проф. Уйфальви де Мезо-Ковесид / К. Уйфальви де Мезо-Ковесид // Известия Императорского Русского географического общества. – С.-Петербург: тип. Б. Безобразова и К°, 1878. – Т. XIII (за 1877). – С. 116-118.
16. Федченко А.П. Заметки о Магианском бекстве // МСТК. Вып. 2. СПб., 1873. С. 53-67.; Федченко А.П. Магианские, Фарабские и Кштутские владения // МСТК. Вып. 2. СПб., 1873.
17. Шишов, А. П. Таджики. Этнографическое исследование / подготовка текста и комментариев Кадира Рустама; ред. Саломуддин Мирзорахматов. – Алматы: [б. и.], 2006. – 392 с. – (первое издание текста А. П. Шишова 1910 г., г. Ташкент).
18. Энциклопедический словарь: [в 86 т.] / изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – Т. 8 (15): Гальберг – Германей. – СПб.: Типо-литография И. А. Ефрона (Семеновская), 1892. – 504 с.
19. «غلچه» // Abadis.ir – فرهنگ‌نامهٔ آنلاین فارسی. – Речаи дастрасй: <https://abadis.ir/fatofa/غلچه/> – Загл. с экрана. – санаи мурочиат: 18.07.2025.
20. Bonvalot, G. En Asie centrale. Du Kohistan à la Caspienne / G. Bonvalot. – Paris: E. Plon, Nourrit et cie, 1885. – [3] с., 300 с. : ил., складная карта ; 18 см.
21. Capus, Guillaume. Le Toit du Monde (Pamir) / par Guillaume Capus. – Paris : Librairie Hachette et Cie, 1890. – XV, 289 p.
22. Lansdell, Henry. Through Central Asia: with a map and appendix on the diplomacy and delimitation of the Russo-Afghan frontier: with 74 illustrations / by Henry Lansdell. – London: Sampson Low, Marston, Searle, and Rivington, 1887. – xix, 668 p.
23. Le Calloc'h, Bernard. Charles de Ujfalvy (1842-1904), pionnier des études finno-ougriennes en France // Études finno-ougriennes. 1986-1987. – № 20. С. 5-37.
24. Ujfalvy de Mezö-Kövesd, Ch.-E. de. Atlas anthropologique des peuples du Ferghanah / Ch.-E. de Ujfalvy de Mezö-Kövesd. – Paris: Ernest Leroux, 1879. – 16 с., 70 л. фот. вклеек, [1] складной картографический лист; 28 см. – (Expédition scientifique française en Russie, en Sibérie et dans le Turkestan, т. 4).
25. Ujfalvy de Mezö-Kövesd, Ch.-E. de. Expédition scientifique française en Russie, en Sibérie et dans le Turkestan. Vol. 1: Le Kohistan, le Ferghanah & Kouldja avec un appendice sur la Kachgharie / Ch.-E. de Ujfalvy de Mezö-Kövesd. – Paris: Ernest Leroux, 1878. – IV, 186 с.
26. Ujfalvy de Mezö-Kövesd, Ch.-E. de. Les Aryens au nord et au sud de l'Hindou-Kouch / Ch.-E. de Ujfalvy de Mezö-Kövesd. – Paris: G. Masson, 1896. – XV, 488 с.: складная карта; 25 см.
27. Ujfalvy-Bourdon, M. de. De Paris à Samarkand : le Ferghanah, le Kouldja et la Sibérie occidentale : impressions de voyage d'une Parisienne / Mme de Ujfalvy-Bourdon. – Paris : Librairie Hachette, 1880. – 487 с.

САФАРИ ШАРЛ-ЭЖЕН УЙФАЛВЙ БА «КИШВАРИ ҒАЛЧА» – НОҲИЯҲОИ КҶҲИИ ОКРУГИ ЗАРАФШОН

Мақола ба сафари олими фаронсавӣ-мачористонӣ Шарл-Эжен Уйфалвӣ (1877) ба ноҳияҳои кӯҳии Зарафшон баҳшида шудааст. Ҳадафи ӯ омӯзиши тоҷикони кӯхистонӣ («ғалчаҳо») дар доираи таҳқиқоти антропологӣ ва мардумшиносӣ буд. Уйфалвӣ таҳти таъсири назарияҳои аврупоии асри XIX ба пайдоиши қавмҳои ориёӣ таваҷҷуҳ дошт ва ҷамъовариҳои маълумоти этнографӣ ва забоншиносиро ва-зифаи асосӣ мешуморид.

Дар ҷараёни сафар, вай бо капитан Г. А. Арандаренко вохӯрд, ки ба ӯ иттилои муфасссал оид ба ҳаёти иҷтимоӣ, иқтисодӣ ва фарҳангии аҳолии маҳаллӣ дод. Мари де Уйфалвӣ-Бурдон, ҳамсари муҳаққик, низ дар ёддоштҳои худ таассуроти зиёде аз манзараҳо, зиндагии занон ва муҳити иҷтимоии замони Русия дар Осиёи Миёна ба ҷой гузошт. Сафар бо андозагириҳои антропологӣ, ҷамъовариҳои намунаҳои забони ягнобӣ ва мушоҳидаҳои васеъ анҷом ёфт.

Натиҷаҳо дар нашрияҳои илмӣ аврупоӣ, аз ҷумла «Атласи антропологии халқҳои Фарғона», ҷой гирифтанд. Мақола саҳми Уйфалвиро дар омӯзиши тоҷикони кӯхистонӣ ва нақши Арандаренкоро ҳамчун миёнҷӣ ва сарчашмаи асосӣ таъкид менамояд.

Калидвожаҳо: *Уйфалвӣ, Г. А. Арандаренко, Зарафшон, ғалча, тоҷикони кӯҳӣ, антропология, мардумшиносӣ, забони ягнобӣ, Осиёи Миёна, асри XIX.*

ПУТЕШЕСТВИЕ ШАРЛЯ-ЭЖЕНА УЖФАЛЬВИ В «СТРАНУ ГАЛЬ- ЧА» - НАГОРНЫЕ ТЮМЕНИ ЗЕРАВШАНСКОГО ОКРУГА

Статья посвящена путешествию французско-венгерского исследователя Шарля-Эжена Уйфальви (1877) в горные районы Зеравшана. Цель экспедиции заключалась в изучении горных таджиков («галча») в рамках антропологических и этнографических исследований. Уйфальви, находившийся под влиянием европейских антропологических теорий XIX века о происхождении арийских народов, рассматривал сбор этнографических и лингвистических данных как ключевую задачу.

Во время поездки он встретился с капитаном Г. А. Арандаренко, который предоставил ему богатый материал о социально-экономической и культурной жизни местного населения. Жена исследователя, Мари де Уйфальви-Бурдон, оставила ценные наблюдения о быте женщин, городах и сельской среде Туркестана. Экспедиция сопровождалась антропологическими измерениями, фиксацией языкового материала ягнобцев и широким спектром наблюдений.

Результаты были опубликованы в научных изданиях Европы, в том числе в «Атласе антропологических народов Ферганы». Статья подчеркивает вклад Уйфальви в изучение горных таджиков и роль Арандаренко как посредника и источника достоверной информации.

Ключевые слова: Уйфальви, Г. А. Арандаренко, Зарафшан, галча, горные таджики, антропология, этнография, ягнобский язык, Средняя Азия, XIX век.

JOURNEY OF CHARLES-EUGENE UJFALVI TO THE «COUNTRY OF GALCH» - THE TYUMEN MOUNTAINS OF THE ZARAFSHAN DISTRICT

The article examines the journey of the French-Hungarian scholar Charles-Eugène Ujfalvy to the mountainous districts of Zarafshan in 1877. The expedition's main objective was the study of the mountain Tajiks («Galcha») within the framework of anthropology and ethnography. Influenced by nineteenth-century European theories on the origins of Aryan peoples, Ujfalvy prioritized the collection of ethnographic and linguistic materials.

During his travels he met Captain G. A. Arandarenko, who provided detailed information on the social, economic, and cultural life of the local communities. Ujfalvy's wife, Marie de Ujfalvy-Bourdon, also recorded vivid impressions of landscapes, women's daily life, and the social environment in Russian Turkestan. The expedition included anthropometric measurements, documentation of the Yagnobi language, and extensive field observations.

The findings were later published in European scholarly works, notably the «*Anthropological Atlas of the Peoples of Ferghana*». The article highlights Ujfalvy's contribution to the study of mountain Tajiks and emphasizes G. A. Arandarenko's essential role as mediator and primary source of knowledge.

Keywords: Ujfalvy, G. A. Arandarenko, Zarafshan, Galcha, mountain Tajiks, anthropology, ethnography, Yagnobi language, Central Asia, nineteenth century.

Маълумот дар бораи муаллиф: Одинаев Абдумавлон Назирович – хоними хурди илмӣи шӯбаи таърихи қадим, асрҳои миёна ва нави Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносӣ ба номи. А. Дониши Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон, E-mail: abdumavlon1987@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9730-8735>

Борошко Сергей Леонидович – номзади илмҳои химия, Донишгоҳи федералии чанубӣ (Ростови лаби Дон, Русия) Институти шарқшиносӣ Академияи илмҳои Россия, (Москва, Федератсияи Россия).

Божинская (Арандаренко) Людмила Васильевна – Донишгоҳи федералии чанубӣ (Ростови лаби Дон, Русия).

Сведения об авторах: Одинаев Абдумавлон Назирович – младший научный сотрудник отдела древней, средневековой и новой истории Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша при Национальной академии наук Таджикистана. E-mail: abdumavlon1987@gmail.com. ORCID идентификатор: <https://orcid.org/0000-0002-9730-8735>

Борошко Сергей Леонидович – кандидат химических наук, Институт востоковедения Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация; Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия.

Божинская (Арандаренко) Людмила Васильевна – Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Россия).

About the authors: Odinaev Abdumavlon Nazirovich is a Junior Researcher at the Department of Ancient, Medieval, and Modern History of the Institute of History, Archaeology, and Ethnology, A. Donish National Academy of Sciences of Tajikistan. E-mail: abdumavlon1987@gmail.com. ORCID Identifier: <https://orcid.org/0000-0002-9730-8735>

Boroshko Sergey Leonidovich – Candidate of Chemical Sciences, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation; Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.

Bozhinskaya (Arandarenko) Lyudmila Vasilievna – Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia).

УДК 75.052(575.3)(092)

ИСКУССТВО МОЗАИКИ В ТВОРЧЕСТВЕ ХУДОЖНИКА АСРОРА АМИНДЖАНОВА

ДОВУТОВА М. З.,
Национальной Академии наук Таджикистана

Мозаика (фр. mosaïque, итал. mosaico от лат. (opus) musivum произведение, посвящённое музам) - это довольно редкий и особый вид монументальной живописи, основанный на использовании в качестве основного художественного материала разноцветных материалов, смальты, натуральных цветных камней, цветной эмали поверх обожженной глины и пр. Изображение в целом составляется из кусочков выше сказанных материалов, хорошо прикрепленных друг к другу, укрепленных цементом или специальной мастикой, а затем отшлифованных. В широком значении данный термин охватывает как монументальную живопись, так и область прикладного искусства [6, 95].

За свою тысячелетнюю историю мозаика прошла несколько этапов развития технологии производства и школ прежде чем она приобрела современный и привычный для нас вид. История формирования и развития мозаики, является одним из древнейших видов изобразительного искусства насчитывает десятки тысяч лет.

Как известно, еще в 4 веке до н.э. древние шумеры украшали фасады своих домов глиняными палочками с разноцветными шляпками, а также вбивали клинья в стены, создавая рисунок из шляпок [3, 8]. Таким образом, поначалу треугольники, зигзаги и ромбы были основными узорами, при формировании искусства мозаики (рис. № 1).

Со временем подобные орнаменты стали появляться и на напольных покрытиях. Но для их создания использовали не глиняные клинья, а необработанную гальку. Интересно, что этот вариант мозаичного искусства сохранился и по сей день. Его часто используют дизайнеры при оформлении ландшафтов, особенно он популярен в Англии (рис. № 2).

К III веку до нашей эры (в эпоху эллинизма) античные мастера разработали новую технологию. Впоследствии они начали применять расколотый камень и разноцветное стекло при использовании которых выполненные работы получались более реалистичными и выразительными. Это были пол и стены, покрытые разноцветной мозаикой из мелкой гальки и обломков мрамора [4, 6].

Однако настоящий прорыв в развитии мозаичного искусства случился в период Византийской империи, ибо с развитием производства и появлении смальты (непрозрачное цветное стекло), мозаика приобрела новое значение. Мастера стали использовать более мелкие фрагменты смальты для создания своих картин. Посредством добавления металлической примеси в стеклянный элемент, им удавалось получать разнообразные цветовые гаммы [8, 106].

Впоследствии мозаичное искусство древних византийцев распространилось на многие государства а к началу 20 в. мозаичное искусство распространилась в странах Центральной Азии, включая позже и Таджикистан.

В нашей стране именно шестидесятые и семидесятые годы XX в. считаются временем интенсивного развития различных новых направлений и жанров изобразительного искусства. Среди множества причин, способствовавших этому процветанию, важно выделить приход молодых живописцев в отряд художников, выпускников республиканского художественного училища, а также художественных ВУЗов в Москве, Ленинграде, Таллине, Риге, Ташкенте и других городах страны [7, 4].

В составе этой группы молодых талантов было много одарённых художников с ярко выраженными творческими способностями: живописцы Х. Хушвахтов, Б. Боборыкин, З. Довутов, А. Умаров, скульптор А. Ганиев, а также графики Х. Расулов и С. Вишнепольский. В сфере мозаичного искусства активно стали работать А. Аминджанов, И. Сангов, Б. Бойназаров, А. Сайфудинов и другие. Таким образом, молодое поколение художников значительно оживило художественную жизнь республики [5, 5].

В ту эпоху советским мастерам в основном было поручено украсить внешний фасад зданий, тематика которых прославляла современную жизнь, особенности эпохи. Мозаичные панно создавались не только в жилых домах, но и во дворцах спорта и культуры, а также в крупных торговых центрах, медицинских учреждениях.

Одним из известных художников в области мозаичного искусства в Таджикистане считается Асрор Аминджанов - выпускник Ленинградского высшего художественно - промышленного училища им. В. Мухомовой [9, 172]. Талантливый художник начинает свое творчество со станковой живописи [10,5], но вскоре полностью посвящает свою деятельность работе над монументальными произведениями. Первой его работой было небольшое панно из камней декоративного характера (мозаика) на проспекте Чеслава Путовского (ныне проспект Исмаила Сомони) и на фасаде здания бывшего летного кинотеатра «8 Марта».¹

Позже он создал еще одно уникальное панно на фасаде здания «Таджикфильм» [5,10], при этом каждый раз для достижения своих творческих планов Аминджанов старается выработать новые средства изобразительного языка, использует новую технику исполнения и материалы, в основном местные камни различных расцветок, которыми так богат Таджикистан. Ряд его работ, выполненных в технике каменной мозаики, украшают многие здания Таджикистана. В настоящее время самым популярным и признанным его мозаичных работ является крупномасштабное панно «Мелодии Шашмакома», выполненное им в 1973 году на фасаде здания Таджикгосфилармонии на пр. Рудаки г. Душанбе. Данная работа А. Аминджанова в мозаике считается очень редкой и уникальной по технике исполнения и сюжету. Крупная по масштабу (632 X 3700) [1, 147-161], она стала украшением для центральной части нашей столицы и привлекала пристальное внимание туристов и гостей г. Душанбе. Каждый прохожий непременно останавливался

¹ Данный кинотеатр был расположен на пр. Рудаки, напротив Таджикского государственного педагогического университета, функционировал вплоть до 2014 г., ныне на этом месте построены новые сооружения.

и подолгу наблюдал эту удивительно красивую работу мастера, которая всегда вызывала восхищение и эмоциональную радость.

Аминджанов А. Панно «Мелодии шашмакома. 1971 - 1973.

Внешняя сторона этого здания была в длину украшена этой мозаикой, на котором запечатлены юноши и девушки в традиционных праздничных нарядах. Персонажи изображены в особом, праздничном состоянии.

В репертуаре коллектива много хореографических композиций, которые выражают не только эмоции, а показывают особую связь с природой и единение с культурой Родины. Мужчины, сидящие на коленях, играют на национальных музыкальных инструментах (*дойра*, *рубоб*, *дугор*, *таблак*, *най*), а красивые с длинными волосами девушки грациозно и энергично танцуют. Девушки одеты в национальные платья «атлас» с короткими и очень широкими рукавами, сверх цветных платьев на них узкие жилетки, которые хорошо подчеркивают их тонкую фигуру. Традиционная прическа девушек представляет собой рассыпанные и длинные мелко плетеные косы «*майдабофӣ*» [2,116]. Танцы девушек очень убедительны, выражают определенный характер, раскрывают образы, настроения и взаимоотношения.

В данной композиции мужчины запечатлены в национальных таджикских одеждах - в накидках, (ткань из которой шили мужские накидки назывались «*бекасаб*»), опоясанные в специальные мужские платки, которые имели названия «*локи*». Мужские локи в основном изготавливались из шелковой ткани «*шохи*» (букв.: королевский) или из хлопковых тканей с скромной вышивкой по краям. На голове у мужчин тюбетейки, вокруг которых повязана белая чалма, у мужчины, играющего на музыкальном инструменте «*най*», конец белой чалмы небрежно брошен на левое плечо. В данной работе все персонажи словно находятся на большой сцене, создавая своеобразный ансамбль в динамичном состоянии.

Пластика и ритмические движение персонажей в национальных таджикских одеждах, хорошо подобранный художником цветовой ритм из местных камней различных расцветок гармонируют с содержанием композиции и создают настроение мелодичности и музыкальности.

Мастерство и богатый опыт позволили художнику создавать подлинные образцы мозаичного искусства. Хорошо продуманное композиционное решение объясняется тем, что А. Аминджанов смог точно почувствовать художественные потребности, умело подобрать нужные камни, учитывая сочетания цвета. Бесспорно, эта мозаика – одна из лучших работ мастера. Подобные произведения являются музыкой для глаз, которые ласкают душу, по крайней мере, душу того, кто способен почувствовать эту красоту. В таких композициях важен каждый камень, ведь эти исторические произведения искусства – работа великих художников.

В данной работе мастер проявляет высокий профессионализм и индивидуальную манеру исполнения. А. Аминджанов, обращаясь к традициям национальной настенной росписи, создает великолепный шедевр своей эпохи, который много лет украшал улицу города и радовал жителей. Надеемся, что эта исторически удивительная работа будет сохранена и будет доставлять эстетическое наслаждение нашему современному зрителю и для будущего поколения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айни, Л. Очерки о художниках Таджикистана / Л. Айни. – Душанбе: Дониш, 1975. – 263 с.
2. Рахимов, Д. Мероси фарханги ғайримодӣ дар Тоҷикистон / Д. Рахимов. – Душанбе: ЭР-граф, 2017. – 280 с.
3. Литвяк, Е. В. Шумеры / Е. В. Литвяк. – Россия, 2022. – 24 с.
4. Ларионов, А. И. Искусство античной напольной мозаики / А. И. Ларионов. – Издательство им. Н. И. Новикова, 2014. – 350 с.
5. Мурадов, Р. Пейзаж горного края / Р. Мурадов. – Душанбе: Ирфон, 1986. – 200 с.
6. Обухова, Г. Г. Краткий словарь терминов изобразительного искусства / Г. Г. Обухова. – М.: Советский художник, 1961. – 193 с.
7. Румянцева, О. Р. Молодые художники Таджикистана / О. Р. Румянцева. – М.: Советский художник, 1987. – 143 с.
8. Селезнев, В. Изразцы и мозаика. Монументальная эмалевая живопись / В. Селезнев. – М.: Изд. К. Л. Риккера, 1896. – 1106 с.
9. Додхудоева, Л. Н. Искусство живописи. Художники Турции и Таджикистана / Л. Н. Додхудоева, С. Лутфия, Л. Айни. – Душанбе, 2009. – 310 с.
10. Чудович, Е. Изобразительное искусство таджикской ССР / Е. Чудович. – М.: Советский художник, 1990. – 86 с.

ИСКУССТВО МОЗАИКИ В ТВОРЧЕСТВЕ ХУДОЖНИКА АСРОРА АМИНДЖАНОВА

В данной статье рассматриваются особенности уникального произведения известного таджикского художника в области мозаичного искусства в Таджикистане Асрора Аминджанова. В особенности тщательно автор анализирует композиционный стиль и технику исполнения, выполненное в форме цветной каменной мозаики панно «Мелодии Шашмакома», который считается одной из лучших и значительно крупномасштабных работ мастера.

Мастерство и богатый опыт позволили художнику создавать подлинные образцы мозаичного искусства. Хорошо продуманное композиционное решение объясняется тем, что А. Аминджанов смог точно почувствовать художественные потребности, умело подобрать нужные камни, учитывая сочетания цвета. Бесспорно, эта мозаика – одна из лучших работ мастера. Подобные произведения являются музыкой для глаз, которые ласкают душу, по крайней мере, душу того, кто способен почувствовать эту красоту. В таких композициях важен каждый камень, ведь эти исторические произведения искусства – работа великих художников.

Автор статьи отмечает блестящее умение художника работать с местными камнями различных расцветок, которыми так богат Таджикистан и особенностях сюжета, и мотивах, используемые в произведениях мастера, которые содержат особо высокое художественное значение.

Ключевые слова: *Таджикистан, изобразительное искусство, художник, мозаика, камень, шашмаком, творчество, оформление, экстерьер, культурные сооружения, живопись, композиция, цвет, стиль, дизайн.*

САНЪАТИ МОЗАИКА ДАР ЭҶОДИЁТИ РАССОМ АСРОР АМИНҶОНОВ

Дар ин мақола дар бораи эҷодиёти яке аз ходимони намоёни санъати монументалии Тоҷикистон - Асрор Аминҷонов ибрози назар шудааст. Дар бораи хунари ҷолиби рассом ва қобилияти ӯ дар ҷодаи санъати мозаика, аз ҷумла асари ҷолибу рангини ӯ бо номи «Оҳангҳои Шашмаком», ки дорои аҳамияти баланди бадеӣ мебошад, ҳамзамон яке аз беҳтарин ва инчунин назарраси асарҳои калонҳаҷми устод мебошад, суҳан меравад. Маҳорат ва таҷрибаи бой ба рассом имкон дод, ки намунаҳои ҳақиқии санъати мозаикаро эҷод намояд.

Ҳалли мукаммали композитсиявӣ бо он шарҳ дода мешавад, ки А. Аминҷонов тавонистааст таълаботи бадеиро дуруст дарк намуда, сангҳои заруриро бо ба назар гирифтани комбинатсияҳои ранг моҳирона интихоб кунад. Бешубҳа, ин мозаика яке аз беҳтарин асарҳои устод мебошад. Чунин асарҳо барои чашмҳо мусиқие ҳастанд, ки руҳро навозиш мекунад, ҳадди ақал руҳи касе, ки ин зебоиро эҳсос карда метавонад. Дар ин гуна композитсияҳо ҳар як санг ҷойгоҳи худро дорад, зеро ин асарҳои таърихӣ санъат асари рассомони бузург мебошанд.

Дар мақола инчунин услуби иҷро, хусусиятҳои техникаи ва муҳтавои сюжетҳо дар асар зикр шудаанд.

Калидвожаҳо: *Тоҷикистон, санъати тасвирӣ, рассом, мозаика, санг, эҷодкор, ороиш, дизайн, шашмаком, соҳҳои мусиқӣ, тарроҳӣ, наққошӣ, экстерьер, иншооти фарҳангӣ, композитсия, ранг, услуб, шакл.*

THE ART OF MOSAIC IN THE WORK OF THE ARTIST ASROR AMINJONOV

In this article, attention is paid to a prominent representative of monumental painting in Tajikistan - A. Aminjonov. Special attention is given to the artist's bright and fascinating work created using the technique of stone mosaic – the panel «Melodies of Shashmaqom».

Mastery and rich experience allowed the artist to create genuine examples of mosaic art. A well-thought-out compositional solution is explained by the fact that A. Aminjanov was able to accurately feel the artistic needs, skillfully select the necessary stones, taking into account the color combinations. Undoubtedly, this mosaic is one of the best works of the master. Such works are music for the eyes, which caress the soul, at least the soul of someone who is able to feel this beauty. In such compositions, every stone is important, because these historical works of art are the work of great artists.

In addition the author of the article highlights the artist's brilliant skill in working with local stones of various hues, with which Tajikistan is rich, as well as the unique quality of all plots and motifs employed in the master's works, which carry an exceptionally high artistic significance.

Key words: *Tajikistan, fine arts, artist, mosaic, glass, stone, creativity, decoration, shashmakom, exterior, cultural building, painting, composition, color, style, design.*

Сведения об авторе: **Довутова Мехрангез Зиёратшоевна** - научный сотрудник отдела искусствознания Национальной академии наук Таджикистана. Адрес: 734025, г. Душанбе, пр. Рудаки, 33. Телефон: (+992) 918-77-66-47. E-mail: mehr0910@mail.ru

Маълумот дар бораи муаллиф: **Довутова Мехрангез Зиёратшоевна** - мутахассиси шуъбаи санъатшиносии Академияи миллии илмҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон. **Суроға:** ш. Душанбе, хиёбони Рӯдакӣ, 33. Телефон: (992)918-77-66-47. E-mail: mehr0910@mail.ru

About the author: **Dovutova Mehrangeez Ziyoratshoevna** - research assistant. Address: Department of Art Studies of the National Academy of Tajikistan. Address: 734025, Dushanbe city, ave. Rudaki, 33. Tel: (+992) 918-77-66-47. E-mail: mehr0910@mail.ru

УДК 902.2(575.3-25)"04/14»

**ЁДГОРИИ АСРИМИЁНАГИИ САРИ КӢПРУК ВА АҲАММИЯТИ ОН ДАР
ТАҲҚИҚИ ТАЪРИХИ НОҲИЯИ ДАНҒАРА¹**

АСОМИДДИНЗОДА С. С.

**Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии
ба номи А. Дониши АМИТ**

Ёдгориҳои бостоншиносӣ ва меъморӣи ноҳияи Данғара дорои аҳаммияти бузурги илмӣ ва ҳунараӣ мебошанд, ки аз қадимтарин давраи ташаккулёбии инсон, пайдоиши ҷамъиятҳо ва давлатҳои мухталиф дар ин қаламрав шаҳодат медиҳанд [7,160]. Дар миёни онҳо ёдгориҳои бостонии Сари Кӯпрӯк, воқеъ дар деҳаи Сангтӯдаи ноҳияи Данғара [10, 123] аҳаммияти хоса дорад. Бо ҷойгиршавӣ дар мавқеи баландии табиӣ ва дороии сохтори мураккаби меъморӣ, ин ёдгори намонаи равшани фарҳанги модии сокинони водии Вахш дар асрҳои VII - VIII таърихӣ мебошад, ки дар мақолаи мазкур мавриди баррасӣ қарор дода мешавад. Ёдгори дар нақша шакли наздик ба росткунҷа мебошад, ки аз самти шимол ба ғарб бо дарозии 230 метр тӯл кашидааст. Пахноии он дар қисмати шимолӣ 20 метр ва дар ҷанубӣ 90 метрро ташкил медиҳад.

Мавқеи ҷуғрофии ёдгориҳои Сари Кӯпрӯк дорои аҳаммияти стратегӣ буда, баландии табиӣ, ки ёдгори дар он ҷойгир аст, имкони назорат кардани роҳҳои муҳими тиҷоратӣ ва низомиро фароҳам меовардааст. Маҳз ҳамин хусусиятҳо сабаб шудаанд, то дар ҳамин макон қалъаву қаср сохта шавад ва он ҳамчун як маркази маъмурӣ ё низоми истифода гардад. Дар баррасии масъалаи мазкур мо асосан ба натиҷаҳои таҳқиқоти бостоншиносӣ, ки дар солҳои 1991 ва 2006 анҷом шудаанд, таъҷиб накунем. Махсусан таҳқиқоти олимони, чун И. Маслов, Т. Г. Филимонова, М. Р. Аҳмедзянов [12], Д. Довудӣ [2] барои баррасии масъалаи мазкур кумак хоҳанд расонид.

Ёдгориҳои Сари Кӯпрӯк бори аввал аз ҷониби бостоншиносии варзида И. Маслов қисман таҳқиқ шудааст [14, 150]. Бостоншиносони Т. Г. Филимонова, М. Р. Аҳмедзянов дар мақолаи худ қайд мекунанд, ки И. Маслов дар натиҷаи таҳқиқот муайян кардааст, ки ёдгориҳои мазкур аз ду қисм: қаср ва қалъа иборат аст [12, 81].

Бо роҳнамоии академик Юсуфшоҳ Якубов ва дастрасӣ ба маводи бойгонии шӯбаи бостоншиносии Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониши АМИТ натиҷаи таҳқиқоти И. Масловро, ки маҳз ба ҳафриёти соли 1991 дар ёдгориҳои Сари Кӯпрӯки Ҷамоати деҳоти Сангтӯдаи ноҳияи Данғара бахшида шудааст, мавриди омӯзиш қарор дода шуданд [12, 81].

¹ Мақола дар асоси лоиҳаи “Таърихи халқи тоҷик” бахши “Бостоншиносии Тоҷикистон (аз асри санг то охири асрҳои миёна)” (РҚД 0121 ТҶ 1212) навишта шудааст.

Тибқи маълумоти дастнависи нашрнашудаи ҳафрии бостоншиносӣ дар ёдгории Сари Кӯпрук ҳамагӣ 10 ҳучра ва як бурҷи мудофиявӣ омӯхта шудааст. Дар асоси натиҷаҳои таҳқиқоти бостоншиносӣ дар ёдгории таърихии «Сари Кӯпрук», аз ҷониби И. А. Маслов ҳучраҳои ҳафторишудаи ёдгорӣ ба ҳаҷор маҷмуаи сохторӣ муайян карда шудаанд, ки ҳар кадоми онҳо вазифа ва хусусиятҳои меъмории ҳоси ҳудро дошта, сохтори умумии ёдгорию ташкил медиҳанд. [5, 7 - 8]. Аввалин маҷмуа қаср мебошад, ки аз ҳаҷор ҳучра иборат аст ва дар маркази он оташдон ҷойгир буда, эҳтимолан ҳамчун маркази маишӣ ва ҷараёни рӯзмарраи истиқомат хизмат мекардааст. Дуюм, маҷмуаи ҳоҷагӣ, ки аз се ҳучра ҳучраҳои 3, 4 ва 5 иборат буда, вазифаи ҳоҷагидорӣ ва ташкили корҳои рӯзмарраи аҳолиро ба зимма доштааст. Дар ин маҷмуа унсурҳои нигоҳдории мавод, оташдонҳо ва дигар ҳамбаҳои нигоҳдории маводи ҳӯроқа ошкор гардидаанд, ки ба фаъолияти ҳоҷагӣ алоқаманд мебошанд. Сеюм, маҷмуаи истиқоматӣ, ки эҳтимолан ҳамчун ҳобгоҳ ва манзили хизматчиён истифода мешуд, аз чор ҳучра ҳучраҳои 7, 8, 9 ва 10 иборат аст. Чорум, маҷмуа, аз ду ҳучра ҳучраҳои 1 ва 2 ва як манораи мудофия иборат мебошад. Манораи мудофия бо мақсади ҳифзи ёдгорӣ ва назорати ҳаракат дар дохили он сохта шуда, бо ҳучраҳои ҳамсоияи ҳуд пайваст карда шудааст [5, 8].

Бори дуюм ёдгорӣ соли 2006 дар натиҷаи оғоз шудани корҳои сохтмони НБО «Сангтӯда-1» дар минтақаҳои зеробшаваанда аз ҷониби бостоншиносон Т. Г. Филимонова ва М. Р. Аҳметзиев мавриди таҳқиқ қор гирифтааст. Дар натиҷаи корҳои ҷустуҷӯӣ як қатор ёдгориҳоро ошкор гардид, ки дар миёни онҳо ёдгории Сари Кӯпрук муҳим ба назар мерасад [12, 77]. Тавре, ки бостоншинос Т. Г. Филимонова иб-роз медорад, ки ёдгорӣ дар болои теплаи сангини табиӣ ва дар лаби ҷарӣ бунёд карда шудааст, ки онро як шохоби дарё аз соҳил ҳудо мекард. Бояд ёдовар шавем, ки дарёи Вахш дар ин мавзеъ то 10 метр ба мисли маҳаллаи Пули Сангин танг мешавад. Аз ҷиҳати стратегӣ ёдгорӣ дар ҷойи ҳеле ҳуб сохта шудааст. Аз як тараф, минтақаи коми-лан ҳудошуда, аз тарафи дигар, имкони сохтани гузаргоҳи осон аз болои дарёи Вахш буд. Бояд тазаққур дод, ки баъдан дар он ҷо пуле бунёд гардид. Инчунин номи ёдгорӣ низ аз он гирифта шуда, ҳуди пул то ибтидои асри XX истифода шудааст [12, 78].

Доир ба истифодаи пули мазқур гуфта мешавад, ки «Маҳз дар ҳамин ҷо охири-амири Бухоро ҳангоми ақибнишинӣ аз Душанбе тавассути Ёвон аз дарёи Вахш гузаштааст. Тибқи нақли шохидони ҳодиса, эскадрони 8-уми бригадаи савора, ки амиро таъқиб мекард, тавонист ба Саид Олимҳон дар гузаргоҳи Сангтӯда наздик шавад, аммо вақте ки таъқибгарон наздик шуданд, Олимҳон бо ҳамоҳонаш дарҳол аз болои пул (кӯпрук) гузашта, онро (кӯпрукро – А.С.) оташ заданд. Дар ибтидо ӯ дар деҳаи Оксу паҳо бурд, сипас ба Кӯлоб ақибнишинӣ кард ва 5 марти соли 1921 ниҳоятан ба Афғо-нистон фирор намуд» [13, 94].

Дар соли 2006 дар мавзеи Сарри Кӯпрук корҳои таҳқиқотию оғоз намуданд, аллакай корҳои сохтмони сарбанди НБО-и «Сангтӯда-1» давом дошт, зеро маҳз дар ин ҷо ҷойи сарбанди обанбор воқеъ гардидааст.

Ёдгорию як дараи ҳурд ба қисмҳои шимолӣ ва ҷанубӣ ҳудо мекунад, ки тибқи гуфтаи И. Маслов дар ҷануб қаср ва дар шимол қалъа воқеъ буд. Биноҳои қаср, ки дар қисми ҷанубии ёдгорӣ ҷойгир буданд, аз ҷониби бинокорон ҳароб шуда буданд ва бостоншиносон барои омӯхтани он маводи зарурию пайдо накарданд, ва таҳқиқотро дар биноҳои боқимонда дар қисми шимолии ёдгорӣ оғоз намуданд.

Ҳамчуни дар натиҷаи таҳқиқот маълум шуд, ки биноҳои асосии қаср дар қисми ҷанубии ёдгории ҷойгир буданд [12, 81].

Қисмати шимолии ёдгории Сари Кӯпрук 80 м дарозӣ ва 50 м паҳно дорад. Дар миёни майдон ҷӯйборе воқеъ аст, ки дарозии он 50 м ва паҳноияш 10,5 метр мебошад ва он рафта ба дарёи Вахш мерезад.

Дар гирду атрофи ҷӯйбори болозикр майдонҳои ҳамворе буданд, ки қаблан дар он ҷо биноҳо қомат афрохта, бо мурури замон, то оғози қорҳои таҳқиқоти бостоншиносӣ биноҳо вайрону валангор шуда буданд. Бостоншиносон дар самти шимолӣ, ки якбора ҷӯйбор 5 м чуқур мешавад қорро сар карданд. Дар натиҷа ҷоҳе пайдо гардид, ки ба эҳтимоли зиёд дар аввал ҳамчун партовгоҳ хидмат мекард ва пас аз нисф пур шудани он ҳамчун маҳаллаи истиқоматӣ ва баъдан боз ҳамчун партовгоҳ истифода мешуд.

Дар ҷараёни таҳқиқоти бостоншиносӣ дар дохили ҷоҳ қабатҳои гуногуни уфуқӣ (горизонтӣ) ошкор гардиданд, ки аз ҷониби муаллифон ба ҷаҳор қабат ҷудо карда шудаанд:

Қабати аввал – қабати нарм бо таркиби хокистар ва пору, ки умқи он то 1,5 м мерасад.

Қабати дуюм – қабати гилҳои тира бо фаровонии сафолпораҳо ва устухонҳо, ки аз чуқурии 1,6 м оғоз шуда, то 2,6 м идома меёбад.

Қабати сеюм – қабати гилҳои саҳти равшан, ки дар он сафолпораҳо ба таври пароканда ва кам ба назар мерасанд; он аз чуқурии 2,6 м оғоз гардида, то 3,2 м мерасад.

Қабати чорум – дар самти шарқӣ ҷоҳ ҷойгир буда, аз хокистари сиёҳ ва қаҳваранг иборат аст; умқи он аз 3,2 м то 4 м мебошад. Дар поёни ин қабат, баъд аз анҷоми хокистар, пораҳои поҳса мушоҳида шудаанд [11, 82].

Дар раванди таҳқиқот муайян гардид, ки қабати дуюм ба давраи зисти инсонҳо мансуб аст. Дар ин қабат боқимондаҳои деворҳо мушоҳида шуданд, ки асосан аз санг ва қисман аз поҳса сохта шудаанд. Дар як самт порчаи девори сангӣ бо андозаи 1×1 м боқӣ мондааст, ки сатҳи ноҳамвори он бо гил ҳамвор карда шудааст. Бар асоси натиҷаҳои таҳқиқот, қисми зиёди деворҳои ин бино валангор шудаанд.

Бо вучуди ин, таҳлилҳои минбаъда нишон доданд, ки танҳо як унсури меъморӣ – қурбонгоҳ – дар ҳолати хуб нигоҳ дошта шудааст. Қурбонгоҳ аз тахтасанг бо андозаи $60 \times 30 \times 20$ см сохта шуда, дар маркази он сӯроҳии мудаввар бо қутри 7 см ҷойгир мебошад [12, 82].

Ҳангоми таҳқиқоти бостоншиносӣ аз ёдгории ашёҳои гуногун, аз қабилӣ сафолпораҳо, сиккаҳо ва дигар лавозимоти рӯзгор пайдо шуданд, ки барои муайян намудани санаи ёдгории кумаки муҳим расониданд.

Фарҳанги моддии ёдгории бостонии Сари Кӯпрук нишонаи возеҳи сатҳи баланди рушди ҳунармандӣ ва тарзи зиндагии сокинони маҳаллӣ дар ибтидои асрҳои миёна мебошад. Бозёфтҳои зиёди сафолии ин ёдгории – ки бо нақшу ниғори мураккаб, услуби зебои наққошӣ ва рангорангии ҳоси худ оро ёфтаанд – шаҳодати малакаи баланди қуллгарӣ ва завқи эстетикӣ волеи ҳунармандони он давра мебошанд.

Зарфҳои сафолӣ, ки асосан барои нигоҳдории об, равшан, ғизо ва ашёи дигар истифода мешуданд, аз рӯйи ғуруҳбандии В. С. Соловёв онҳоро ба се ғуруҳ ҷудо кардаанд:

рӯйимизӣ, пухтупаз ва анборӣ [9, 49-48]. Мо дар мачмуаи сафолҳои Сари Кӯпрук зиёдашар шабоҳати наздикро бо дигар ёдгориҳои асримиёнагии Тахористон дида метавонем. Зеро сафолҳо ва зарфҳои сафолӣ Тахористони асримиёнагӣ аз ҷониби В. С. Соловёв хуб гурӯҳбандӣ шудааст [10, 57].

Ҳам аз ҳафриёти соли 1991 ва ҳам аз ҳафриёти соли 2006 беш аз 1000 намунаи чунин зарфҳо ба даст омадааст, ки 80%-и онҳо дар ҷархи қулолӣ сохта шуда, бо техникаи классикии истеҳсоли сафол мутобикат мекунад [5, 9; 12, 49 -59].

Зарфҳои рӯйимизӣ асосан аз кӯзаҳои ҷомшакл иборат буда, дорои пояи кӯтоҳ ё баланд ва буни барҷаста мебошанд [12, 49]. Намунаҳои қолибтаре ин гурӯҳ инчунин шаклҳои дастисозро дарбар мегиранд, ки бо пояи ҳамвор ё гирдашакл сохта шудаанд. Зарфҳои пухтупаз ба деғҳо, кӯзаҷаҳо ва сарпӯшҳо, ҳамчунин кӯзаҳои якдастаи обкашӣ ва зарфҳои қулолӣ даҳонболоӣ дохил мешаванд [12, 57]. Гурӯҳи зарфҳои анборӣ [12,59] ва шустушӯ низ хумҳо ва хумҷаҳои гуногуншаклро дар бар мегирад, ки бо истифодаи ҷархи қулолӣ ва баъзан бо даст истеҳсол шудаанд.

Танаву шакл, усули сохтор ва коркарди ин зарфҳо, инчунин зебоии ороишии онҳо, шаҳодати равшани рушди баланди ҳунари қулолгарӣ, иқтисоди ватанӣ ва тафаккури эстетикӣ ҷомеаи он давра мебошад.

Маводи нумизмати аз ҳудуди ёдгории Сари Кӯпрук дарёфтшуда аксарият сиккаҳои нуқрагин, мисин ва биринҷиро ташкил дода, ба давраи ибтидои асри миёна мансуб мебошанд. Сиккаҳои маҳаллӣ аз биринҷ, ки дар асрҳои V - VIII милодӣ ба муомилот ворид шуда буданд, шаҳодати мавҷудияти бозори ягонаи пулӣ ва фазои ягонаи иқтисодӣ дар ҳудуди вилояти Хатлон маҳсуб мешаванд [1,250]. Дар баробари сиккаҳои маҳаллӣ, бозёфти сиккаи подшоҳи суғдӣ Тукаспадак низ аз ҳамин минтақа нишонгари робитаҳои тичоратӣ миёни Суғд ва Тахористон дар ибтидои асрҳои миёна мебошад [4, 314].

Сиккаи нуқрагии уммавӣ, ки соли 741-742 милодӣ дар шаҳри Васити Ироқ зарб шудааст ва соли 2006 дар Сари Кӯпрук ёфт гардид. Дар рӯи он навиштаҷоти тавҳид ва оятҳои Қуръон ҷой гирифтаанд, ки авлавияти арзишҳои мазҳабиро дар сиёсати пулӣ ҳилофати ибтидоӣ нишон медиҳанд [4,319]. Бозёфтҳои мазкур аҳаммияти ёдгории Сари Кӯпрукро ҳамчун маркази муҳими иқтисодӣ ва маъмурӣ дар давраҳои таърихӣ таъкид мекунад [2, 29].

Бояд қайд кард, ки ҳамчунин навъҳои мухталифи ороишот, асбобҳои марбут ба бофандагӣ, масолеҳи сохтмонӣ, ашёҳои сангин, бутакҳои терракота ва дигар бозёфтҳо низ пайдо шудаанд.

Бо дарназардошти мачмуи бозёфтҳо, ду фарзия дар бораи санагузории ёдгорӣ мавҷуд аст: бар асоси бозёфтҳои сафолӣ ва дигар ашёи рӯзгор ёдгорӣ ба асрҳои VII–X мансуб дониста мешавад, аммо бар асоси сиккаҳои ба даст омада санаи ёдгорӣ ба асрҳои V–X дахл дорад.

Аз рӯи маълумоти муқоисавӣ бостоншиносӣ ва услуби сохтмонӣ, дар асрҳои VII - X дар ёдгории Сари Кӯпрук тағйироти назаррас дида мешавад, ки марҳалаи ниҳии он ба давраи давлатдорӣ Сомониён рост меояд. Дар ин давра шаҳрсозӣ, рушди ҳунароҳои мардумӣ ва ташаккули марказҳои маъмуриву низомӣ ба авҷи худ расида буд. Ба эҳтимоли зиёд, Сари Кӯпрук ҳамчун як нуқтаи муҳими муҳофизатӣ ва иқтисодӣ дар ҷануби водии Вахш фаъолият мекардааст.

Бо дарназардошти мавқеи чуғрофӣ, сохтори меъморӣ ва ашёҳои ёфтшуда, муҳаққиқон бар он ақидаанд, ки ёдгории Сари Кӯпрук ба давраҳои қадимаи таърихи тоҷикон мансуб мебошад. Хусусан тангаҳои ба даст омада, ки унсурҳои хоси тангаҳои давлати Сомониён дар онҳо дида мешаванд, далели муҳимми тасдиқи ин назар мебошанд [2, 28].

Шакли мураттаби қасру қалъа, системаи обрасонӣ ва роҳҳои дохилии ҳудуди ёдгорӣ нишон медиҳанд, ки идоракунии шахрак дар доираи низому қоидаҳои муайян амалӣ мешуд. Ин аломатҳо бо меъёрҳои маъмурии давлати Сомониён мутобиқат дошта, нишондиҳандаи сатҳи баланди ташаққули иҷтимоӣ ва сиёсӣ мебошанд.

Дар муқоиса бо ёдгориҳои ҳамзамони минтақа, ба мисли қалъаи Ҳулбук, Қубодиён ва Ҳисор, ёдгории Сари Кӯпрук дорои сохтори нисбатан содатар буда, аз лиҳози ҷойгиршавӣ низ аҳамияти махсус дорад.

Агар Ҳулбук ва Қубодиён ҳамчун марказҳои муҳимми маъмурӣ ва фарҳангӣ фаъолият мекарданд, пас Сари Кӯпрук бештар хусусияти мудофиавӣ ва назоратӣ дошт. Бо вучуди ин, тарзи сохтмон ва истифодаи элементҳои маъмулӣ, мисли деворҳои мустаҳкам ва системаи обрасонӣ, шабоҳатҳои умумии меъмории минтақаҳои ибтидоӣ асрҳои миёнаро инъикос менамоянд.

Ёдгории Сари Кӯпрук на танҳо мероси таърихӣ маҳаллӣ, балки як намунаи нодирӣ тамаддуни бостонии тоҷикон ба ҳисоб меравад.

Ҳифзу омӯзиши минбаъдаи қисмати боқимондаи ёдгории Сари Кӯпрук барои таърихи халқи тоҷик аҳамияти бузург дорад. Пешниҳод мешавад, ки дар оянда таҳқиқоти бештари бостоншиносӣ ва таърихшиносӣ дар ин мавзӯ бо истифода аз технологияҳои муосир ба роҳ монда шавад, то парда аз рӯйи бисёре аз асрорҳои ношинохтаи гузашта бардошта шавад.

Ёдгории таърихӣ Сари Кӯпрук яке аз намунаҳои барҷастаи меъморӣ мудофиавӣ ва маъмурии давраи ибтидоӣ асрҳои миёна дар ҷануби Тоҷикистон ба шумор меравад. Чунонки мушоҳида мешавад, сохтор, мавқеи чуғрофӣ ва аҳамияти стратегӣ ин ёдгорию ба маркази муҳимми таърихӣ табдил додааст. Таҳқиқоти солҳои 1991 ва 2006 равшан нишон медиҳанд, ки маводи бадастомада аз ёдгорӣ метавонанд ҳамчун манбаи муҳим барои омӯзиши таърихи сиёсӣ иҷтимоӣ ва фарҳангии водии Вахш хизмат кунанд.

Бо вучуди нобудшавии қисми ёдгорӣ дар пайи сохтмонҳои муосир, зарурати ҳифз ва бозрасии ҳамаҷонибаи боқимондаҳои он ниҳоят муҳим арзёбӣ мегардад. Ғайр аз ин, ворид намудани ин ёдгорӣ ба доираи мероси фарҳангии миллии метавонад дар рушди худшиносии таърихӣ ҷомеа ва пешбурди таҳқиқоти минбаъдаи бостоншиносӣ саҳми арзанда гузорад [6, 111].

Ҳамин тариқ, омӯзиш ва таҳқиқи ёдгориҳои бостонии ноҳияи Данғара ба мо имконият медиҳад, ки як порай фаромӯшшудаи таърихи ватани азизамонро эҳё намоем [3,160].

Таҳқиқи ёдгориҳои бостоншиносии ноҳияи Данғара барои шинохти таърихи қадимтарини на танҳо ҳамин ноҳия, балки кулли ҷануби Тоҷикистон аҳамияти бузург доранд. Бозёфтҳои бостоншиносӣ, ки дар натиҷаи ҳафриёт дар ёдгориҳои таърихӣ ин минтақа, аз ҷумла ёдгории Сари Кӯпрук ва дигар ёдгориҳо ба даст омадаанд, бо таҷлили дигар маводи бостоншиносӣ имкон медиҳанд, ки ра-

вандҳои муҳимми таърихӣ, фарҳангӣ, тарзи зиндагӣ, урфу одат ва муносибатҳои иҷтимоии сокинони ноҳияи Данғара бозсозӣ карда шаванд.

Аз нуқтаи назарии ҷуғрофӣ, сохтор ва хусусиятҳои меъморӣ ёдгории Сари Кӯпрук бо ёдгории Пули Сангин шабоҳати возеҳ дошта, ҳарду ба давраи ибтидои асрҳои миёна рост меоянд ва дар соҳили дарёи Вахш ҷойгиранд. Ин ҳамбастагӣ на танҳо аз рӯйи мавқеи стратегӣ ва манзараи табиӣ, балки аз ҷиҳати функционалӣ низ ба таҷрибаи меъмории мудофиавӣ ва маъмурии он давра ишора мекунад. Бозёфтҳои археологӣ ва таҳлилҳои муқоисавии меъморӣ нишон медиҳанд, ки ҳарду ёдгори дар сохтори худ унсурҳои умумии мудофиавӣ, аз ҷумла деворҳои муштаҳкам, системаи обрасонӣ ва ҷойгиршавии мантиқӣ дар соҳили дарёро доро мебошанд, ки тасдиқи нақши муҳимми онҳо дар системаи ҳифозатӣ ва идоракунии маҳаллӣ мебошад.

Аз ин рӯ, ёдгории Сари Кӯпрук, ба мисли Пули Сангин, ҳамчун як ниҳоди муҳимми низомии ва маъмурӣ дар таърихи ҷануби Тоҷикистон шинохта мешавад ва таҳқиқи ҳамзамонии онҳо барои дарки пурраи сохторҳои мураккаби давлатдорӣ ибтидои асрҳои миёна аҳамияти вижа дорад. Давраи ибтидои асрҳои миёна дар таърихи фарҳанги моддии Осиёи Марказӣ ва сарнавишти ниёгони халқи тоҷик нақши муҳим ва хотирмон гузоштааст. Ин давра, ки асосан дар ёдгориҳои бостоншиносӣ таҷассум ёфтааст, махсусан барои таҳқиқи масоили марбут ба шиносоии фарҳангӣ, забонӣ ва генетикии халқҳо аҳамияти хос дорад. Дар шароити муосир рушди илми таърих ва бархӯрди баҳсбарангези геополитикӣ, ки нодида гирифтани нақши аҳолии муқимӣ ва таҳриф кардани ҳақиқати таърихи дар бар мегирад, омӯзиши амиқи ёдгориҳои ин давра беш аз ҳарвақта зарур аст.

Зеро маҳз ҳамин марҳалаи гузариш метавонад ба саволҳои муҳимми илмӣ дар бораи пайвастагии тамаддунҳо ва ташаккули шахсияти таърихӣ халқҳо ҷавоб диҳад. Дар ин замина ёдгории таърихӣ Сари Кӯпрук намунаи равшани мероси моддии асрҳои миёнаи аввал буда, таҳқиқи минбаъдаи он имкони фароҳам месозад, ки на танҳо бозёфтҳои нодири археологӣ ба даст оянд, балки аҳамияти таърихиву тамаддунии ниёгони тоҷиконро ҳамчун халқи бумии муқими ин сарзамин таъкид намоем ва бори дидагилман собит созем, ки гузаштагони мо ба таърихи умумибашарӣ на танҳо шахсиятҳои бузург, балки намунаҳои нодири меъморӣ, шахрсозӣ ва фарҳангро эҳдо кардаанд.

АДАБИЁТ

1. Асомиддинзода, С. С. Муомилоти пулии ноҳияи Данғара аз асри V то нимаи аввали асри XIX дар таҳқиқоти Давлатхоча Довудӣ / С. С. Асомиддинзода // Паёми Донишгоҳи омӯзгорӣ. – Душанбе, 2025. – № 2 (115). – С. 248-258.
2. Довуди, Д. Древние и средневековые монеты Дангары / Д. Довуди. – Душанбе: Ирфон, 2014. – 120 с.
3. Довуди, Д. Монетные находки в Таджикистане в 1987 г. / Д. Довуди // Археологические раскопки в Таджикистане. – Вып. 34. – Душанбе, 2010. – С. 332-345.
4. Довуди, Д. Находки монет в Дангаринском районе в 2009 г. / Д. Довуди // Археологические раскопки в Таджикистане. – Вып. 35. – Душанбе, 2012. – С. 304-322.

5. Маслов, И. А. Отчёт о работе Сангтудинского археологического отряда в 1991 г. / И. А. Маслов. – Ҳисоботи ҷопнашуда. – Бойғонии Шӯъбаи бостоншиносӣ, ИТБМ АМИТ, Душанбе, 1991. – С. 1-9.
6. Пулотов, А. Г. Памятники археологии как стимул формирования национального и культурного самосознания / А. Г. Пулотов // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – № 28. – Барнаул, 2022. – С. 111-116. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pamyatniki-arheologii-kak-stimul-formirovaniya-natsionalnogo-i-kulturnogo-samosoznaniya> (дата обращения: 19.07.2025).
7. Саидшои, С. Ёдгориҳои асримиёнагии ноҳияи Данғара / С. Саидшои // Муаррих. – Душанбе, 2024. – № 1 (37). – С. 160-166. – 172 с.
8. Сангалӣ, С. Ҳафрийети бостоншиносӣ дар ноҳияи Данғара / С. Сангалӣ // Дастовардҳои бостоншиносӣ, маданияти моддӣ ва фарҳангии водии Зарафшон ва ҳудудҳои ҳаммарз: маводҳои конфронси байналмилалии илмӣ (Панҷакент, июл 2024). – Душанбе: Ганҷи хирад, 2024. – С. 114-116. – 140 с.
9. Соловьёв, В. С. Раннесредневековая керамика Северного Тохаристана / В. С. Соловьёв. – Елец, 1996. – 81 с.
10. Соловьёв, В. С. Керамика конца VIII–IX вв. из Северного Тохаристана / В. С. Соловьёв // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2014. – № 4 (46). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/keramika-kontsa-viii-ix-vv-iz-severnogo-toharistana> (дата обращения: 19.07.2025).
11. Филимонова, Т. Г. Дангаринскому району 90 лет / Т. Г. Филимонова // Муаррих. – Душанбе, 2022. – № 3 (31). – С. 117-132. – 176 с.
12. Филимонова, Т. Г.; Ахметзянов, М. Р. Отчет Сангтудинского археологического отряда / Т. Г. Филимонова, М. Р. Ахметзянов // Археологические раскопки в Таджикистане. – Вып. 32. – Душанбе, 2008. – С. 77-107. – 252 с.
13. Юсупов, Ш. Т. Об одном источнике по истории Бальджуана / Ш. Т. Юсупов // Памяти А. А. Семенова. – Душанбе, 1980. – С. 130-136.
14. Яъқубов, Ю.; Сангалӣ, С. Давраҳои омӯзиши ёдгориҳои археологии ноҳияи Данғара / Ю. Яъқубов, С. Сангалӣ // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. – Душанбе, 2024. – № 11, қисми 1. – С. 147-154. – 392 с.

ЁДГОРИИ БОСТОНШИНОСИИ САРИ КЎПРУК ВА АҲАММИЯТИ ОН ДАР ТАҲҚИҚИ ТАЪРИХИ НОҲИЯИ ДАНҒАРА

Мақола ба таҳқиқи ҳамаҷонибаи ёдгории бостоншиносии Сари Кӯпруки ноҳияи Данғара бахшида шудааст. Муаллиф дар асоси натиҷаҳои таҳқиқоти бостоншиносон И. Маслов, Т. Г. Филимонова ва М. Р. Ахметзянов, сохтор ва тарҳи ёдгорию муфассал шарҳ додааст. Дар мақолаи мазкур қайд карда мешавад, ки ёдгории Сари Кӯпрук аз ду қисм иборат буда, дар пайи сохтмони НБО «Сангтӯда-1» қисми ҷанубии он пурра хароб шудааст.

Мақола бо таҳлили стратиграфии ҳафрийет ва гурӯҳбандии муфассали зарфҳо, симои таърихии ёдгорию равшан месозад. Дар маҷмӯъ нишон дода мешавад, ки ёдгории Сари Кӯпруки ноҳияи Данғара аз муҳимтарин ёдгориҳои таърихӣ фарҳангии кишвар ба ҳисоб рафта, дар таҳлил ва баррасии муҳимтарин масоили фарҳанги моддӣ ва ҳаёти маҳсули илмӣ дорад.

Калидвожаҳо: *Данғара, Сангтӯда, Сари Кӯпрук, ёдгории таърихӣ, бостоншиносӣ, қаср, қалъа, сиккашиносӣ, сафолпораҳо, асрҳои миёна, сарбанд, тамаддуни бостонӣ, муомилоти пулӣ.*

ПАМЯТНИК СРЕДНЕВЕКОВОГО ПЕРИОДА САРИ КУПРУК И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ДАНГАРИНСКОГО РАЙОНА

Статья посвящена комплексному исследованию археологического памятника Сари Купрука Дангаринского района. Автор на основе результатов исследований археологов И. Маслова, Т.Г. Филимонова и М. Р. Ахметзянов подробно рассказали о конструкции и дизайне памятника. В статье отмечается, что памятник Сари Купрук состоит из двух частей, а его южная часть была полностью разрушена после строительства Сангтудинской ГЭС-1.

Статья проливает свет на исторический облик памятника посредством стратиграфического анализа раскопок и подробной классификации сосудов. В заключение показано, что памятник Сари Купрук в Дангаринском районе считается одним из важнейших историко-культурных памятников страны и занимает особое научное место в анализе и обсуждении важнейших вопросов материальной культуры района.

Ключевые слова: *Дангара, Сангтуда, Сари Купрук, исторический памятник, археология, дворец, крепость, нумизматика, керамические фрагменты, средневековье, плотина, древняя цивилизация, денежное обращение.*

THE MEDIEVAL MONUMENT OF SAR-I KUPRUK AND ITS SIGNIFICANCE FOR THE STUDY OF THE HISTORY OF DANGHARA DISTRICT

The article is dedicated to the complex study of the archeological monument of Sar-i Kupruk of Danghara district. The author is not osnove results of studies of archeologists I. Maslova, T.G. Filimonova and M.R. Akhmetzyanov explained in detail the construction and design of the monument. In the article it is noted that the Sar-i Kupruk monument consists of two parts, and its southern part was completely destroyed after the construction of the Sangtudinskaya HPP-1.

The article sheds light on the historical appearance of monuments by means of stratigraphic analysis of excavations and detailed classification of vessels. In conclusion, it is shown that the Sar-i Kupruk monument in the Danghara district is considered one of the most important historical and cultural monuments of the country and occupies a special scientific place in the analysis and discussion of the most important issues of the material culture of the region.

Key words: *Danghara, Sangtuda, Sar-i Kupruk, historical monument, archeology, palace, fortress, numismatics, ceramic fragments, Middle Ages, dam, ancient civilization, monetary circulation.*

Маълумот дар бораи муаллиф: Асомиддинзода Саидшо Сангалӣ – лаборанти калони шуъбаи бостоншиносии Институти таърих, бостоншиносий ва мардумшиносии ба номи А. Дониши Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон. **Суроға:** 734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, ш. Душанбе, хиёбони Рудаки 33. **Тел.:** (+992) 918666467; E-mail: kangurtis@gmail.com

Сведения об автора: Асомиддинзода Саидшо Сангали – старший лаборант отдела археологии Института истории, археологии и этнографии имени А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана. **Адрес:** 734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, проспект Рудаки, 33. **Тел.:** (+992) 918666467; E-mail: kangurtis@gmail.com

Information about the author: Asomiddinzoda Saidsho Sangali – Senior Laboratory Assistant of the Department of Archaeology at the A. Donish Institute of History, Archaeology and Ethnography of the National Academy of Sciences of Tajikistan. **Address:** 734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Rudaki Avenue, 33. **Tel.:** (+992) 918666467; E-mail: kangurtis@gmail.com

УДК 391(575.3):316.722

ЭВОЛЮЦИЯ ЭСТЕТИКИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ОДЕЖДЫ ТАДЖИКСКОГО НАРОДА: ЭКОСИСТЕМНЫЙ ПОДХОД¹

ДОДХУДОЕВА Лариса,

Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ

Известно, что зависимость человека от природы тем меньше, чем выше его культурный уровень и техническая вооруженность. До начала XX века воздействие природы на культуру человека было локальным и не сопровождалось крупными и необратимыми изменениями природы. С конца XIX в. начала происходить десакрализация экологической этики.

«Экологическую культуру» утверждает С. Н. Глазачев, «нельзя привнести извне, она рождается как результат взаимодействия этноса и вмещающего этнос ландшафта» [6,28].

Традиционное экологическое мировоззрение (к примеру, в зороастризме и начальном исламе) было экофильным, т.е. отражало рациональное природопользование, поскольку коррелировалась с религией. Известный философ С. Х. Наср верно отметил, что, «путем отказа разделить человека и природу ислам сохранил целостное воззрение на мир.... Благодаря тесной связи между человеком и природой внутреннее состояние человека отражается во внешнем порядке»[21,24].

В настоящее время проблему адаптивности мусульман к условиям конкретной географической среды, сохранение ее витальных ресурсов отражает сложившаяся экологическая система *экоджихад*.

Неким щитом между человеком и природной средой, является пища, жилище, одежда [10,14].

Все эти объекты наделены экологичностью и соответственно составляют витальные ресурсы для человека. Степень их целесообразности в условиях той или иной среды решали для человечества проблему приспособления - адаптивности к условиям конкретной географической среды [1,98].

¹ Статья написана в рамках проекта «История таджикского народа. Этнография таджиков и других народов Таджикистана», государственный регистрационный номер 0121 TJ 1199.

Чакан. Деха Нушор, Таджикабадский р., 1957г. Фото З.А. Широковой.

Этнографический архив Национальной академии наук Таджикистана № 38-73.

Вестиментарная (*vestimentum* - лат., одежда) культура, зародилась примерно 80 тыс. лет назад. Ее первоначальными функциями стали сакральная, коммуникативная, информационная, а также защитная и эстетическая функции. Образно говоря, «каждая культура выступает в одежде своего народа, которая является неким паспортом для человека, указывающим на его классовую, половую принадлежность, социальный статус и общественную значимость» [5,20:9,14].

Возник некий «вещеряд» (термин Г.Г. Громова), «семантический статус которого, обладал сакральной значимостью и был неотделим от мира и представлял не его отображение, а сам этот мир» [2,30]. Происходило это потому, что бытовое использование вещей имело магический, ритуальный характер, основанный на древних верованиях и культах, воспринималось как талисман, оберег.

Одежда, эта «первая материальная оболочка человека» из всего вещевого ряда наиболее сильно связана с экологией, ритуалами природного жизненного цикла, которые составляли такие понятия, как «рождение - жизнь - смерть» или «детство - зрелость - старость». Идеальной космической моделью стало природное человеческое тело, которое одежда способна значительно преобразовать его, скрыть внутреннюю, природную сущность, истинные параметры фигуры. В результате миру являлось не реальное физическое тело, а сокрытый в одежде рукотворный, воссозданный образ телесности, сконструированный в соответствии с культурными традициями этноса в новых формах и знаковом силуэте.

На знаковый силуэт в значительной степени повлияли фундаментальные понятия арабо-мусульманской философии, согласно которым скрытая сторона (араб. ботин -скрытое) может рассматриваться как более ценная в сравнении с явным

(араб. *зохир* - явное). В культуре ислама эта система нашла отражение в значимости покрывала, завесы *парда*. Она была приравнена к сокрытой тайне (*ботин*), поскольку ее образ был не тождественен видимому (*захир*), невыразим, потаен и укрыт, а изоляция посредством завесы считалась своего рода накоплением магических сил, духовных ценностей [18,120;20;22]. Это наблюдается и в традициях сокрытия культовых объектов, в первую очередь главной святыни ислама Каабы.

Традиционном женском костюмном комплексе, включавшим в себя *фаранджи* (паранджи) и сетку (тадж. - *чашимбанд*, или *чаимбанд*, тюрк. - *чачван*) из черного конского волоса. Изоляция посредством завесы считалась своего рода накоплением магических сил, духовных ценностей, что наблюдается и в традиции сокрытия культовых объектов, в первую очередь главной святыни ислама Каабы. Отдельные ученые склонны видеть в фаранджи отражение древних представлений о защите женщины, которая должна быть непорочной, а потому обязана быть закутана в глухие одежды.

Пригодная для поселения местность в древности и средневековье обязательно атрибутировалась вертикалью – архитектурным символом Центра с трехуровневой структурой вселенной по вертикали. Соответственно фигура человека согласно космологической системе макро и микрокосмоса сопоставлялась с мировым деревом и рассматривалась как аналог мировой оси. В противовес верхней сакральной части костюма, наделенной положительными значениями, нижние элементы хтонического низа костюма, *олицетворяющие собой природную мощь земли*, наделялись отрицательными [14,109]. При их создании использовались соответствующие символические коды (цветовой, материала, зооморфный, геометрический). *Верхний мир* (головной убор, украшения, вышивка), семантически связанный с верхним небесным миром, имел глубокое символическое значение. *Средний мир* составляли платья, рубахи, кафтаны, шубы,

Костюм невесты. Куляб, 1960г. Фото З.А. Широковой. Этнографический архив Национальной академии наук Таджикистана № 57-11.

Повязка платка молодой женщины «мушки бегиджон». Каратегин, 1960г. Фото З.А. Широковой. Этнографический архив Национальной академии наук Таджикистана

№ 50-7/34.

безрукавки. *Нижний мир* (подол платья, обувь) можно сопоставить с корнями мирового дерева или основанием мирового столпа [10,12].

Вспомним, что в зороастризме особо подчеркивалось значение здорового тела, крепость ног. Одежда и имела символический бинарный принцип горизонтального членения - на переднюю, положительную, украшенную орнаментом, пуговицами, ювелирными изделиями, и заднюю отрицательную части.

Согласно представлениям традиционного общества «Испортить человека» можно было, используя часть его одежды для наговоров или же ее закопать, сжечь и т.п.). [11,20].

К таким примерам можно отнести использование в одежде таджиков рисунка змеи, которая являлась носительницей двух противоположных начал – добра и зла, но одновременно представлялась покровительницей, символом плодovitости, плодородия, бессмертия, лечебной магии, земли, женской производящей силой, воды, дождя, домашнего очага, огня особенно небесным, мужского производящего начала [13,679;15,224].

Девушки носили амулеты из кожи змеи под тубетейкой *тупи* или под подвесками кос *пунак*. До настоящего времени таджики считают, что рисунок змеи, также как черные точки на ее теле *мухраи чаими*, встретив взгляд смотрящего на ребенка человека, может нейтрализовать возникшую у него зависть, отвести плохой взгляд.

Так, детские передники *ошхурак* часто снабжали талисманами, различными амулетами или же украшали лоскутным шитьем *гулбури*, *курок* от сглаза, болезней и порчи. На изделии из деха Палдорак, описанном З.А. Широковой, имеется восемь предметов-оберегов: раковина каури *гушаки мохи*, веточка с мазара *чуби мазор*, когти волка и барса, монета, указывающая, что ребенок нищий, а также традиционные бусины с белыми точками *мухраи чаими*, металлические бусы *кубба* и самоцветы произвольной формы, обладающие охранительными свойствами. [17,255,256]

Передник ошхурак с талисманами на спинке. Дехаи Палдорак, Мастчох - долина Зарафшан. 1958г. Описан З. А. Широковой. Этнографический музей им. М. С. Андреева Национальной академии наук Таджикистана.

Среди оберегов *оихурака* можно найти фрагменты современных ювелирных изделий и белые перламутровые пуговицы из «матери жемчуга» *садафа*, которые обладают положительным воздействием на здоровье и продлевает жизнь человека. Таким образом, магико-обрядовая практика защиты психологически придавала людям уверенность и спокойствие.

По мысли О.А. Сухаревой, среди идей, порожденных культурой примитивного земледелия, важное место занимала мысль о возможности и необходимости помогать природе в плодоношении магическими средствами [12,40]. В системе строгой патриархальности плодovitость женщины считалась особым благом семьи, в чем отражалась идея природы-производительницы, носительницы животворящих сил природы (плодородия и изобилия).

Так называемая «текстильная ментальность» (термин Л. Голомбек) [19], присутствующая эстетике ислама, нашла отражение в свадебной ритуалистике с большим количеством одежды и тканей. Свадебный костюм на уровне его конструирования и декорирования достигает своего максимума. В то время, как в конечном (похороны) моментах жизненного цикла количество компонентов оставалось минимальным [7,82;8,60]. По мысли В. Крюковой, в свадебном обряде идея воспроизводства мира и совершения ради этого жертвы сочетается с ожиданием райского блаженства. В качестве такой жертвы, являющейся основой воспроизводства, выступает сама невеста. Об этом свидетельствует, помимо самого интимного брачного акта, ее обыкновенный плач, а также красное - по цвету крови, или белое, подобное траурному, одеяние. В индийской ритуалистике обряд бракосочетания рассматривается также, как жертвоприношение *яджня*, в котором жертвующим является отец невесты, она сама - жертвой *паши*, а ее будущий муж играет роль божества» [10,79].

Таким образом, в одежде невесты отражена определенная концептуализация цвета, которая была основана на заимствовании человеком у природы ее форм, красоты, ритма, цвета, гармонии.

Сам по себе цвет выступает только как означающее, а означаемым, знаком становится некое переживание, ментальное или эмоциональное состояние, мысль. В основном разные народы воспринимали красный цвет как цвет витальности.

Вынесенный на поверхность тела символ крови усиливает ее значение, и она действует уже в двух планах – внутреннем и внешнем, готовая в последнем случае соединиться с источниками витальности внешнего мира, [4,3] и стать частью плодovitости природы и человека.

При оформлении одежды преследовалась определенная цель, которая заключалась в том, чтобы не только украсить свое тело, но прежде всего кодировать свою судьбу. Примером может служить декор таджикского чакана, на котором особо выделено та часть платья, которая соответствует местоположению женского ложа в теле. Согласно традиции, эта интимная часть, буквально означающая «место, где лежит плод», соотносится с материнским лоном земли, воды, моря и непосредственно связано с плодovitостью, помощью при рождении ребенка. Так, в орнаментальный декор таджикского чакана нередко вводили фигуру в виде изобра-

жения священной раковины каури, поскольку считалось, что ее образ символизирует священный сосуд, где живет Богиня, которая делает плодородной и женщину, и землю, оберегает ее от сглаза.

Сохранился ряд преданий, связанных с отдельными частями костюма. Существует, например, предположение, что ворот мужской и женской туникообразной рубахи *кифтаки* (плечевой) был связан с легендой о дочери пророка Мухаммада Фатимой. После смерти своих сыновей Хасана и Хусейна она оторвала от их рубах полоски ткани и сделала из них завязки к своему платью [3,137].

Тем самым природное явление смерть в данном случае вынудило святую в знак траура закрыть доступ к собственному телу.

Материал, служивший защитной функцией для человека от различных атмосферных явлений, был им найден в природной среде, в которой он жил. Первые элементы одежды создавались из пеньки, крупных листьев и травы, шкуры, шерсти и кожи животных, чья сила, витальные качества и возможности, согласно традиционным представлениям, переходили человеку.

При этом люди хорошо знали особенности каждого органического, экологического материала: хлопка, войлока, льна, шелка и других. Войлок рассматривался как амулет, вещь, стимулирующая плодovitость, благополучие и счастье. Самой дорогой ткани - шелку помимо красоты, комфортности, приписывали охранительные функции, т.к. он был способен защищать тело человека от клопов, не способных удержаться на его гладкой, скользкой поверхности.

Женщина всегда представлялась символом луны, месяца, а мужчина - солнца. Вера в оплодотворяющую силу светил Луны и Солнца выражена в форме и материале многих украшений. В частности, северотаджикское налобное украшение *мохи тилло* (золотая луна) и южнотаджикское *мохи нав* (молодая луна) могли носить замужние женщины фертильного возраста [16,68].

Таким образом, изучение законов и закономерностей взаимодействия человека со средой обитания в традиционных культурах на примере вестиментарной культуры - важный и значимый аспект науки, который может пролить свет на многие аспекты экологической культуры и этнодизайна таджикского традиционного костюма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев, В. П. Очерки экологии человека / В. П. Алексеев. – М., 1993. – 191 с.
2. Антонова, Е. В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии: опыт реконструкции мировосприятия / Е. В. Антонова. – М., 1984. – 266 с.
3. Бикжанова, М. А. Одежда узбеков Ташкента XIX–XX вв. / М. А. Бикжанова // Костюм народов Средней Азии. – М.: Наука, 1979. – С. 133-151.
4. Бочарова, И. А. Экология костюма: витальное и символическое значение / И. А. Бочарова // Юг России: экология, развитие. – 2008. – № 2. – С. 1-5.
5. Гаген-Торн, Н. И. К методике изучения одежды в этнографии СССР / Н. И. Гаген-Торн // Советская этнография. – 1933. – № 3-4. – С. 119-135.
6. Глазачев, С. Н. Исследования и разработки экодизайна парадигмы / С. Н. Глазачев. – М.: Современный писатель, 1998. – 432 с.

7. Крюкова, В. Ю. Реминисценции древней храмовой архитектуры в традиционной культуре таджиков / В. Ю. Крюкова // Культурные ценности. Международный ежегодник (2004-2006). – СПб., 2008. – С. 78-83.
8. Крюкова, В. Ю. Тело и телесное в «Авесте» / В. Ю. Крюкова // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2016 г. – СПб.: МАЭ РАН, 2017. – С. 58-64.
9. Курманбаева, Л. Т. Этнознаковые функции одежды казахского народа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://rusnauka.com/16_NTP_2008/Philosophia/33835.doc.htm (дата обращения: [05.06.2025]).
10. Павлова, А. Н. Семантика костюма волжских финнов середины I – начала II тыс. н. э.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук / А. Н. Павлова. – М., 2008. – 48 с.
11. Сурво, В. Образы вышивки и обрядовая семантика текстиля в традициях Карелии / В. Сурво. – Хельсинки, 2014. – 248 с.
12. Сухарева, О. А. Празднества цветов у равнинных таджиков (конец XIX – начало XX в.) / О. А. Сухарева // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии: историко-этнографические очерки / отв. ред. В. Н. Басилов. – М.: Наука, 1986. – С. 31-47.
13. Топоров, В. Н. Мусульманская мифология / В. Н. Топоров // Мифы народов мира. – Т. 2. – 1992. – С. 679.
14. Уварова, Т. Б. Пространство в традиционной культуре монгольских народов / Т. Б. Уварова, Б. З. Нанзатов, Д. А. Николаева, М. М. Содномпилова, О. А. Шагланова; РАН, Сиб. отд-ние, Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии. – М.: Вост. лит., 2008. – 341 с.
15. Хамиджанова, М. А. Некоторые представления таджиков, связанные со змеёй / М. А. Хамиджанова // Труды Академии наук Таджикской ССР. – Т. СХХ. – 1960. – С. 212-221.
16. Чвырь, Л. А. Таджикские ювелирные украшения / Л. А. Чвырь. – М.: Наука, 1977. – 144 с.
17. Широкова, З. А. Одежда / З. А. Широкова // Материальная культура таджиков верховьев Зеравшана / ред. А. К. Писарчик, Н. Н. Ершов; текст: А. С. Давыдов, М. А. Хамиджанова, З. А. Широкова. – Душанбе: Дониш, 1973. – С. 182-274.
18. Шукуров, Ш. М. Искусство средневекового Ирана (формирование принципов изобразительности) / Ш. М. Шукуров. – М.: Наука, 1989. – 246 с.
19. Golombek, L. The Draped Universe of Islam / L. Golombek // Content and Context of Visual Art in the Islamic Lands / Ed. by P. P. Soucek. – London, 1988. – P. 25-38.
20. Mahmoud, M. E.-T. Comparative Research on the Zahir and Batin Thought / M. E.-T. Mahmoud // European Scientific Journal (ESJ). – 2016. – Vol. 12, No. 17. – P. 62. – DOI: <https://doi.org/10.19044/esj.2016.v12n17p62>.
21. Nasr, S. H. Man and Nature: The Spiritual Crisis of Modern Man / S. H. Nasr. – London, 2007. – 268 p.
22. Radtke, B. Bāten / B. Radtke // Encyclopaedia Iranica. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iranicaonline.org/articles/baten> (дата обращения: 09.07.2014).

ЭВОЛЮЦИЯ ЭСТЕТИКИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ОДЕЖДЫ ТАДЖИКСКОГО НАРОДА: ЭКОСИСТЕМНЫЙ ПОДХОД

Культура отделяет человека от природной среды рядом защитных мер, которыми являются пища, жилище и одежда. Национальная одежда наиболее сильно связана с экологией, религией и ритуалами природного жизненного цикла.

Коллективные верования общества выражались во многих элементах одежды. Нередко, оформление платья имело целью не только его украшение, но прежде всего кодирование судьбы его владельца.

Так, в орнаментальный декор таджикского *чакана* нередко вводили фигуру в виде священной раковины каури, поскольку считалось, что ее образ символизирует

сосуд, где живет Богиня, которая делает плодородной и женщину, и землю, оберегает ее от сглаза.

Ключевые слова: *экология, этнос, эволюция, таджики, природная среда, одежда, религия, символика, код.*

ЭВОЛЮТСИЯ И ЭСТЕТИКА И ЛИБОСИ МИЛЛИИ ТОЧИКОН: НАЗАРИЯ И НИЗОМИ ЭКОСИСТЕМ

Фарҳанг инсонро аз муҳити табиӣ бо тадбирҳои ҳифзӣ, ки ғизо, манзил ва либос мебошанд, ҷудо мекунад. Сипаре, ки байни инсон ва муҳити табиӣ мегузарад, ғизо, манзил ва либос мебошад. Либоси миллии бештар бо экология, дин ва маросимҳои давраи табиӣ зиндагӣ алоқаманд аст.

Ақидаҳои ҷамъиятӣ дар бисёр унсурҳои либос ифода меёфтанд. Бисёр вақт, ороиши либос на танҳо барои зебоии он, балки пеш аз ҳама барои рамзгузори сарнавишти соҳибаш истифода мешуд.

Масалан, дар нақшу нигори либоси миллии тоҷикӣ - чакан, аксар вақт тасвири садафи муқаддаси каурӯ ҷой дода мешуд, зеро бовар доштанд, ки он рамзи зарфест, ки дар он Олиҳа зиндагӣ мекунад ва ӯ он зану заминро ҳосилхез мегардонад.

Калидвожаҳо: *экология, этнос, эволюция, тоҷикон, муҳити табиӣ, либос, дин, рамзиносии, рамз.*

EVOLUTION OF THE TAJIK NATIONAL CLOTHING AESTHETICS: AN ECOSYSTEM APPROACH

Culture separates humans from the natural environment through protective measures such as food, shelter, and clothing.

National clothing is most strongly connected with ecology, religion, rituals of the natural life cycle and its geographical and cultural frontiers, which there is still little information.

Collective beliefs of society were expressed in many elements of clothing. Often, the design of garments was intended not only to decoration, but, above all, for encoding the fate of the wearer. For instance, ornamental decorations on the Tajik *chakan* often included the figure of a sacred cowrie shell, as it was believed that this image symbolized a vessel inhabited by the Goddess, who grants fertility to both women and the land and protects them from the evil eye.

Key words: *ecology, ethnos, evolution, Tajiks, natural environment, clothing, religion, symbolism, code.*

Сведения об авторе: Лариса Додхудоева, док. ист.н., зав. отделом этнологии и исторической антропологии Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана. E-mail lorasdodo@rambler.ru

Information about author: Larisa Dodkhudoeva - Dr. of Art, Dr. of History, Head of ethnology & historical anthropology, A.Donish Institute of history, archaeology, ethnography, Tajikistan national academy of sciences. E-mail: lorasdodo@rambler.ru

УДК 39(575.3-25)"2024":902/904

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В БАЛЬДЖУАНСКИЙ РАЙОН**ЮСУФБЕКОВА З., ШОВАЛИЕВА М.,****Институт истории, археологии и этнографии имени А. Дониша НАНТ**

С 26 августа по 2 сентября 2024 года этнографическая экспедиция в составе ведущих научных сотрудников отдела этнологии и исторической антропологии, кандидатов исторических наук Юсуфбековой Зинатмо и Шовалиевой Мумины Садыковны находилась в Бальджуанском районе Хатлонской области с целью сбора этнографических материалов по истории селений, семейным обычаям и обрядам, материальной культуре (жилище, пища, одежда, бытовая культура, верования, святыне места – мазары, ремесленное производство и т.п.).

Сбор материала проводился в самом районе Бальджуан, в джамоатах Бальджуан, Турко, Сари Мазор, Тупхона, Хироб, Мулкон, джамоате Тоҷикистон - село Файзобод, Кухна Балчувон, Сари Хосор (по сообщениям информаторов), джамоат Саталмыш_с/с Саталмыш (по сообщениям информаторов), Кучабулок и др. В результате в перечисленных селениях было собрано большое количество ценных этнографических материалов по всем вышеперечисленным отраслям.

Данная экспедиция, главным образом, была запланирована в связи с Постановлением Правительства Республики Таджикистан от 3.07.2002 № 276 «О комплексной программе развития Бальджуанского района как зоны международного туризма на 2002-2012 гг.» и Постановлением Правительства от 3 марта 2011г. №132 о продлении этого срока до 2016г. и восстановлением исторической «Крепости «Бальджуан», открытие которой планируется предварительно на 2025 год.

В прошлом Бальджуан являлся одним из древнейших и самых крупных исторических регионов Бухарского эмирата. Этот регион, согласно историческим источникам, когда-то был частью Бактрии, греко-бактрийского государства, а затем древнего Тохаристана и Хутталона. Находки из археологических раскопок доказывают, что Бальджуан имеет очень древнюю историю. Сегодня сохранилось множество исторических документов, собранных усилиями специалистов [8,19;6,54].

В изучении истории Бальджуана научная литература дореволюционной России, особенно последней четверти XIX и начала XX вв., занимает особое место и содержит интересные сведения[1;7;9;10,480-502;13 Вып.79,102].

Однако следует отметить, что эти сведения, в основном, носят описательно-географический характер и лишь в единичных случаях касаются общественной и экономической жизни Бальджуана. Поэтому эти труды, которые еще не были должным образом обобщены и всесторонне проанализированы, являются непол-

ными для всестороннего и полного понимания истории Бальджуана [1;449-450;9,Ч.1,302;306;10,480-502,13 Вып.79,102].

В то же время стоит отметить, что в их работах Бальджуан описывается как «город» [1;9;10,480-502], что представляется весьма интересным во всех отношениях. Однако, в соответствующих случаях, то есть когда речь идет об исследованиях российских ученых, для того, чтобы точнее выразить свои исторические мысли и видение, мы также посчитали целесообразным в некоторой степени условно использовать термин «город» по отношению к Бальджуану.

Средневековая история Бальджуана была ярко и научно отражена известным востоковедом, академиком В. В. Бартольдом [1,555;2,119;3,37]. Изучение последующей истории Бальджуана обогатилось новыми сведениями благодаря исследованиям таджикских ученых, среди которых можно отметить Б. И. Искандарова [6], Х. Пирумшоева [11,32-36], Ш. Т. Юсупова [18;82-92,19,130-136]. Исследования известных таджикских археологов, в том числе А. М. Беленицкого [5,129-139], В. А. Ранова [12, 121-131], Т. Г. Филимоновой [14;15-16;15,13-34;16,301-318;17, 252-271], также дали ценный материал для комплексного изучения древней истории Бальджуана.

По сведениям дореволюционных русских авторов [1;7;9;10,480-502;13], город Бальджуан, как административный центр отдельного бекства, располагался в 46 км к северо-западу от города Куляба, на правом берегу реки Кызылсу, в месте впадения Бальджуан, как отдельная самостоятельная область, во время правления бека Сарахона (1856 -1870) была присоединена к Бухарскому эмирату. В то время в состав Бальджуанского бекства входила современная территория Дангаринского, Темурмаликского, часть Восейского, Ховалингского, Кангуртского, Сари Хосорского, Джорубулокского и Туткавульского районов. Согласно сведениям русского путешественника Покотило, в 1886 году в 15 амлаках Бальджуана существовало 20 тысяч хозяйств с населением около 60 тысяч человек [10,483]. Тогда Бальджуан граничил по реке Вахш с Гиссаром. С беками Гиссара, Дарваза и Каратегина поддерживал торговые отношения. На базары Бальджуана поступали товары из Туркестана, Индии, Афганистана и России. Большой базар Бальджуана действовал 2 раза в неделю: по средам и субботам.

В конце XIX - начале XX веков Бальджуан, как административный центр Бальджуанского бекства, играл значительную роль в общественной, политической и экономической жизни всего Кулябского региона.

После завоевания Восточной Бухары царским правительством России, сюда стали организовываться экспедиции по обследованию территории и определению залежей золота. С 1870 по 1901 годы в этот регион было организовано более 15 исследовательских экспедиций для определения полезных ископаемых и драгоценных металлов. В результате было выяснено, что территория Бальджуана, кроме серебра, золота и бронзы, богата каменным углём, солью, нефтью, газом и свинцом.

20 марта 1921 года в Бальджуане установилась Советская власть. Среди всех районов Хатлонской области Бальджуан являлся одним из первых. Он образовался

23 ноября 1930 года и в его состав входили такие сельсоветы как Бальджуан, Саталмуш, Садайбарда, Дарай Калот, Хам, Дашти Гулхо, Дектур, Афарди, Дошмандии Хазлаат, и 260 других небольших селений.

Ремесленное производство в Бальджуанском районе. Одна из главных задач этнографической экспедиции было фиксирование состояния ремесленного производства в Бальджуане как в прошлом, так и в настоящее время. Жители региона Бальджуана издревле занимались кузнечным, медным, деревообрабатывающим, ювелирным, гончарным, вышивальным, каллиграфическим ремеслами. В частности, кузнецы этого региона издревле занимались обработкой железа, изготовлением бытовых орудий. Горное географическое положение и сравнительно легкий доступ к природным полезным ископаемым, особенно железу и углю, способствовали развитию этого искусства с древних времен.

Следует отметить, что кузнечное дело является одним из ярчайших образцов таджикского народного искусства в целом, воплощая в себе эстетическое мышление, многовековой опыт и уважительное отношение к труду. Его возрождение - это не только возвращение к истокам, но и инвестиция в светлое экономическое, социальное и культурное будущее региона и страны. Ещё недавно Нуралиев Абдукарим из селения Турко являлся известным мастером, ремесленником-кузнецом. Он изготавливал топоры, серпы, подковы и другие принадлежности хозяйственной жизни. Основным его занятием было подковать лошадей своими подковами. Как известно, Бальджуан находится в горной местности, и без лошадей раньше не обходилось ни одно хозяйство. Лошади являлись как гужевыми, так и исполняли роль транспортного средства в горных условиях. Поэтому заказов у него было бесчисленное количество и они являлись источником дохода в семье.

Искусство медеплавления также считается одним из древнейших народных промыслов в Бальджуанском районе, сыгравшим важную роль в истории культурного развития не только таджиков этого региона, но и таджикского народа в целом.

В этой отрасли Бальджуанский район отличается своими древними традициями. Именно в этом регионе профессия медника развилась не только как средство к существованию, но и как столп национальной культуры. В результате уникального географического положения и близости торговых путей, особенно с Бохтаром и Гиссаром, искусство медника развивалось в этом регионе со времен средневековья. Местные мастера передавали свой опыт в этой области из поколения в поколение, сохраняя уникальные стили. Искусство медного дела в Бальджуане имеет большое значение не только как культурный элемент, но и как источник дохода для населения.

Местные рынки и ярмарки ремесел дают возможность увидеть изделия бальджуанских мастеров, такие как горшки, тарелки, чайники, тазики и покупателям будут предложены медные украшения и предметы декора, такие как женские украшения. Это будет способствовать развитию культурного туризма. Искусство бальджуанского медного производства является не только ремеслом, но и олицетворением истории, культуры и эстетического вкуса таджикского народа. Сохранение

этого искусства считается важной задачей для сегодняшнего и будущего поколений.

Экспедицией зафиксированы ныне действующие мастера-кузнецы и жестянщики центра Бальджуанского района. Жестянщик Рахимов Шерали, 1964 года рождения, из бывшего селения Хлесони, которое в 1969 году после недельного дождя в результате оползня было заживо погребено, мастерству научился сам. Отец его являлся плотником. Рахимов Ш. изготавливает железные ворота, чайники-*чойджуш*, печки – *печка* 2-х и 3-х этажные для обогрева жилища, духовки, баки для муки, 4-х тонные бочки для питьевой воды и т.д.

Следует отметить, что согласно его сведений, он в каждом селении готовит себе учеников методом «усто-шогирд» – «мастер-ученик» и на данный момент у него по всей республике 160 учеников. Работает по заказу на продажу. Активно участвует на всех выставках, как районных, так и республиканских. У него очень много заказов по изготовлению корыт для корма крупного рогатого скота и больших самоваров для «маърака» – для свадеб или поминок.

Искусство обработки дерева в районе Бальджуан имеет долгую историю и передается из поколения в поколение. В прошлые века мастера по дереву в Бальджуане славились высоким мастерством в изготовлении предметов домашнего обихода, декоративных изделий и деревянных построек. В частности, резьба по дереву играла особую роль в строительстве мечетей, ворот и традиционных домов.

Местные мастера использовали древесину местных деревьев, таких как хвойные, шелковица и грецкий орех, вырезали и вырезают узоры вручную. Деревообработка в этом регионе была и остается не только средством к существованию, но и формой эстетического искусства и выражением вкуса людей. И сегодня мастера-деревообделочники изготавливают колыбели-*сахвора*, большие деревянные блюда-*табак*, деревянные ложки- *кошуки чубин*, скалки для теста- *галтак*, приспособления для накалывания рисунка на тесто-*мухпар* и т.п.

Выяснилось, что важное место в ремесленном производстве Бальджуана с древнейших времен занимало также и ювелирное дело. Это искусство характеризуется богатыми национальными традициями, высоким мастерством и уникальными особенностями и сохранилось до наших дней среди населения, особенно в горных регионах. По мнению историков и археологов, этот регион был широко известен своими ювелирными ремеслами в X-XI веках. В этом отношении Шелковый путь, который проходил через регион, имел положительное влияние. Торговля с регионами Хорезма, Бухары, Афганистана и Индии познакомила местных мастеров с новым сырьем и технологиями, заложив основу для формирования школы ювелирного искусства. В прошлом, на Бальджуанском базаре мастера занимались серебрением железа, преимущественно бляжек, стремян, уздечек и других частей сбруи, причем это выполнялось с высоким искусством, своеобразием, изяществом.

В настоящее время ювелирные изделия Бальджуана славятся разнообразием своих изделий и дизайнов, каждый вид орнамента имел символическое и социальное значение. Они символ красоты, чистоты и уважения к традициям предков. Эти украшения используются как ценные подарки на свадьбах, рождениях и праздни-

ках. Согласно поверьям, их иногда делают с защитными символами, чтобы защитить от «дурного глаза» и «невезения». Некоторые украшения передаются по наследству женскому поколению с целью связать будущее поколение с прошлым.

Искусство гончарного дела также является одним из древних ремесел населения Бальджуана, и оно отличается от других регионов своими местными особенностями и уникальным стилем. В этом регионе и его окрестностях найдено много археологических находок, таких как керамические сосуды для хранения воды, масла, зерна, продуктов питания, а также для повседневного использования, еды и питья.

Исследователи также пришли к выводу, что в определенные периоды керамические изделия также имели обрядовую роль, например, глиняные кувшины использовались на свадьбах, во время праздника Навруз (хафт син, хафт шин), а также в ритуалах, связанных с сельскохозяйственными работами и обычаями и обрядами, связанными с водой. Эти сосуды изготавливались в основном из местной глины, которую мастера находили в регионе и готовили традиционными методами.

Эту глину сначала очищали от грязи и гальки, затем смешивали с водой, оставляли нетронутой на определенное время, а затем использовали. Следует отметить, что керамические сосуды использовались как символ чистоты и благословения.

Искусство вышивки также имеет древнюю историю в районе Бальджуан, и с древних времен оно служило женщинам этого региона средством украшения одежды, предметов домашнего обихода и духовных элементов свадьбы. Как в прошлом, так и сейчас каждая молодая девушка перед свадьбой должна была вышить свое свадебное платье и предметы интерьера своими руками. Этот поступок считался не только признаком мастерства, но и символом чистоты, трудолюбия и готовности к новой жизни. Бальджуанские вышивки с уникальными узорами передавались из поколения в поколение.

Вышивка «чакан» делается на всех предметах домашнего обихода, в том числе на платьях. Вышивка делается больше на ткани красного цвета. Перед этим мастерицы-художницы, называемые здесь *каламкаи*, ручкой наносят орнамент на ткань и обозначают, какими цветами следует вышивать тот или иной рисунок. Рисунок в основном «ислими», то есть носит растительный характер. Однако наблюдаются и геометрические рисунки, типа «туморчиков»-треугольники.

С 26 ноября по 1 декабря 2018 года в г. Порт-Луис Республики Маврикий прошла 13 сессия межгосударственного комитета по нематериальному культурному наследию ЮНЕСКО с участием представителей стран-членов ЮНЕСКО. В ходе данной Сессии обсуждались предложенные номинации нематериального культурного наследия стран-членов, из которых были официально провозглашены те номинации, которые соответствовали всем требованиям Конвенции о защите культурного наследия. Отрадно, что на данной Сессии было принято решение об официальном внесении «Чакан – искусство вышивания в Республике Таджикистан» во всемирный список культурного наследия человечества, которое было провозгла-

шено Председателем Комитета всемирного наследия господином Рупуном Приви-
раджсингом. Важно отметить, что данная инициатива является одним из важных
достижений для защиты и популяризации наследия предков и представления
народного творчества и богатой и старинной культуры таджикского народа на
международной арене.

Членами экспедиции также был собран богатый материал по семье и семейно-
му быту, традиционнo-бытовой культуре, мазарам, Бальджуанской крепости, её
истории и т.п.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арандаренко, Г. А. Досуги в Туркестане. 1874-1889 гг. / Г. А. Арандаренко. – СПб., 1889. – 665 с.
2. Бартольд, В. В. Хутталь. Статьи из «Энциклопедии ислама» / В. В. Бартольд // Сочинения. – Т. 3. – М., 1965. – 707 с.
3. Бартольд, В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия / В. В. Бартольд // Сочинения. – Т. 1. – М., 1963. – 759 с.
4. Бартольд, В. В. Улугбек и его время / В. В. Бартольд // Сочинения. – Т. 2, ч. 2. – М.: Наука, 1964. – 657 с.
5. Беленицкий, А. М. Отчет о работе Вахшского отряда в 1947 г. / А. М. Беленицкий // Материалы исследования по археологии СССР. – № 5. – М.; Л., 1950. – С. 128-139.
6. Искандаров, Б. И. Восточная Бухара и Памир в период присоединения Средней Азии к России / Б. И. Искандаров. – Сталинабад: Таджикгиз, 1960. – 213 с.
7. Костенко, Л. Ф. Туркестанский край (Опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа). Материалы для географии и статистики края. – Т. 3. – СПб., 1880. – 302 с.
8. Курбонова, Ш.; Абдуллох, М. Бальджувон. Краткая научно-публичная история / Ш. Курбонова, М. Абдуллох. – Душанбе, 2021. – 118 с.
9. Липский, В. И. Горная Бухара / В. И. Липский. – Ч. 1. – СПб., 1902; Ч. 3. – СПб., 1905. – 735 с.
10. Покотило, Н. Н. Путешествие в Центральную и Восточную Бухару в 1886 г. / Н. Н. Покотило // Известия Императорского Русского географического общества. – Т. XXV, вып. VI. – СПб., 1889. – С. 480-502.
11. Пирумшоев, Х. Русские дореволюционные исследователи о городах Восточной Бухары конца XIX – начала XX вв. / Х. Пирумшоев. – Душанбе: Дониш, 1992. – 129 с.
12. Ранов, В. А. Исследование памятников каменного века в среднем течении р. Кызылсу (Сурхоб) в 1988 году / В. А. Ранов // Археологические исследования в Таджикистане. – Душанбе, 2003. – Вып. XXVIII. – С. 121-131.
13. Снесарев, А. Е. Восточная Бухара (Военно-географический очерк) / А. Е. Снесарев // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – Вып. 79. – СПб., 1906. – 148 с.
14. Филимонова, Т. Г. Археологическая карта Таджикистана. Бальджувонский район / Т. Г. Филимонова. – Душанбе, 2021. – 183 с.
15. Филимонова, Т. Г.; Ахметзянов, М. Р. Археологические исследования в Бальджувонском районе в 2007 году / Т. Г. Филимонова, М. Р. Ахметзянов // Археологические исследования в Таджикистане. – Душанбе, 2009. – Вып. XXXIII. – С. 13-34.
16. Филимонова, Т. Г.; Ахметзянов, М. Р. Отчет об археологических работах в Бальджувонском районе (2012) / Т. Г. Филимонова, М. Р. Ахметзянов // Археологические исследования в Таджикистане. – Душанбе, 2016. – Вып. XXXVIII. – С. 301-318.
17. Филимонова, Т. Г. Бальджувонская археологическая экспедиция: раскопки и разведки 2013-2014 гг. / Т. Г. Филимонова // Археологические исследования в Таджикистане. – Душанбе, 2019. – Вып. XL. – С. 252-271.

18. Юсупов, Ш. Т. Очерки Кулябского бекства в конце XIX и начале XX веков / Ш. Т. Юсупов. – Душанбе, 1964. – 128 с.
19. Юсупов, Ш. Т. Об одном источнике по истории Бальджуана / Ш. Т. Юсупов // Памяти А. А. Семенова. – Душанбе, 1980. – С. 130-136.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В БАЛЬДЖУАНСКИЙ РАЙОН

С 26 августа по 2 сентября 2024 года этнографическая экспедиция в составе ведущих научных сотрудников отдела этнологии и исторической антропологии, кандидатов исторических наук Юсуфбековой Зинатмо и Шовалиевой Мумины Садыковны находилась в Бальджуванском районе Хатлонской области с целью сбора этнографических материалов по истории селений, семейным обычаям и обрядам, материальной культуре (жилище, пища, одежда, бытовая культура, верования, святыне места – мазары, ремесленное производство и т.п.) Сбор материала проводился в самом районе Бальджуан, в джамоатах Бальджуан, Турко, Сари Мазор, Тупхона, Хироб, Мулкон, джамоате Тоҷикистон - село Файзобод, Кухна Балчувон, Сари Хосор (по сообщениям информаторов), джамоат Саталмыш с/с Саталмыш (по сообщениям информаторов), Кучабулук и др. В результате в перечисленных селениях было собрано большое количество ценных этнографических материалов по всем вышеназванным отраслям. Данная экспедиция, главным образом, была запланирована в связи с Постановлением Правительства Республики Таджикистан от 3.07.2002 № 276 «О комплексной программе развития Бальджуанского района как зоны международного туризма на 2002-2012гг.» и Постановлением Правительства от 3 марта 2011г. №132 о продлении этого срока до 2016г. и восстановлением исторической «Крепости «Бальджуан», открытие которой планируется предварительно на 2025 год.

В прошлом Бальджуан являлся одним из древнейших и самых крупных исторических регионов Бухарского эмирата. Этот регион, согласно историческим источникам, когда-то был частью Бактрии, греко-бактрийского государства, а затем древнего Тохаристана и Хутталона. Находки из археологических раскопок доказывают, что Бальджуан имеет очень древнюю историю.

Ключевые слова: этнографическая экспедиция, экспонаты, селения, зона туризма, крепость, возрождение, древний, археологические раскопки.

НАТИҶАҶОИ ҚАБЛИИ ЭКСПЕДИТСИЯИ ЭТНОГРАФИ БА НОҶИЯИ БАЛЧУВОН

Аз 26 август то 2 сентябри соли 2024 экспедитсияи мардумшиносӣ дар ҳайати кормандони илмӣи шуъбаи этнология ва антропологияи таърихӣ, номзадҳои илмҳои таърих Юсуфбекова Зинатмо ва Шовалиева Мумина дар ноҳияи Балчувони вилояти Хатлон бо мақсади ҷамъоварӣ намудани маводи таърихӣ ва этнографӣ оид ба расму русум, анъанаҳои оилавӣ, фарҳанги модӣ - манзил, ғизо, либос, рӯзгордорӣ, эътиқод, маконҳои муқаддас - мазорҳо, хунаҳои мардумӣ ва ғайраҳо дар ҷамоатҳои Балчувон, Турко, Сари Мазор, Тӯпхона, Ҳироб, Мулкон, Ҷамоати

деҳоти Тоҷикистон - деҳаи Файзобод, Кухна Балчувон, Сари Хосор (аз рӯи маълумот), Чамоати деҳоти Саталмуш (тибқи маълумот), Кӯчабулоқ ва ғайраҳо фаъолият карда буд. Дар натиҷа, дар деҳаҳои номбаршуда оид ба ҳамаи шохаҳои дар боло зикршуда миқдори зиёди маводи арзишманди мардумшиносӣ ҷамъоварӣ карда шуда буд. Ин экспедитсия асосан дар пайвастагӣ бо қарори Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 3.07.2002 № 276 «Дар бораи Барномаи комплекси рушди минтақаи Балчувон ҳамчун минтақаи сайёҳии байналмилалӣ барои солҳои 2002-2012» ва тағйирот ба қарори Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 3 март соли 2011 тахти рақами 132 ва инчунин кушодашавии Қалъаи Балчувон дар соли 2025 ба нақша гирифта шуда буд.

Дар гузашта Балчувон яке аз калонтарин минтақаҳои таърихӣ аморати Бухоро буд. Ин минтақа бино ба маъхазҳои таърихӣ, як вақтҳо дар ҳайати Бохтар, давлати Юнону Бохтар ва баъдан Тахористону Хуталони қадим шомил шуда буд. Бозёфтҳои ҳафрийети бостоншиносӣ собит мекунанд, ки Балчувон таърихи хеле қадима дорад.

Калидвожаҳо: *экспедитсияи этнографӣ, масолах, деҳаҳо, минтақаи туризм, қалъа, барқароркунӣ, қадима, ҳафрийтҳои бостоншиносӣ.*

THE MAIN RESULTS OF THE ETHNOGRAPHIC EXPEDITION IN THE BALJUVON REGION

From August 26 to September 2, 2024, an ethnographic expedition consisting of leading researchers from the Department of Ethnology and Historical Anthropology, candidates of historical sciences Zinatmo Yusubekova and Mumina Sadykova Shovalieva, was in the Baljuvan district of the Khatlon region for the purpose of collecting ethnographic materials on the history of villages, family customs and rituals, material culture - housing, food, clothing, everyday culture, beliefs, holy places - mazars, handicraft production, etc. From August 26 to September 2, 2024, an ethnographic expedition consisting of leading researchers from the Department of Ethnology and Historical Anthropology, candidates of historical sciences Zinatmo Yusubekova and Mumina Sadykova Shovalieva, was in the Baljuvan district of the Khatlon region for the purpose of collecting ethnographic materials on the history of villages, family customs and rituals, material culture - housing, food, clothing, everyday culture, beliefs, holy places - mazars, handicraft production, etc.

In the past, Baldzhuvan was one of the oldest and largest historical regions of the Bukhara Emirate. This region, according to historical sources, was once part of Bactria, the Greco-Bactrian state, and then of ancient Tokharistan and Khuttalon. Finds from archaeological excavations prove that Baldzhuvan has a very ancient history.

Key words: *ethnographic expeditions, mosques, history, tourism regions, fortresses, preservation, ancient, archaeological discoveries.*

Сведения об авторах: **Юсуфбекова Зинатмо** - к.и.н., ведущий научный сотрудник отдела этнологии и исторической антропологии Института истории, археологии и этнографии Национальной академии наук Таджикистана.

Шовалиева Мумина Садыковна - к.и.н., ведущий научный сотрудник отдела этнологии и исторической антропологии Института истории, археологии и этнографии Национальной академии наук Таджикистана.

Yusufbekova Zinatmo - candidate of historical science, leading scientific researcher of the department of ethnology and historical anthropology A. Donish Institute of history, archeology and ethnography National academy of sciences of Tajikistan/ Tajikistan. c.Dushanbe. Rudaki av., 33; E-mail: Yusufbekova.50@mail.ru Phone: (+992) 919- 03-77- 91; 231- 54 -46;

Shovalieva Mumina Sadykovna - candidate of historical science, leading scientific researcher of the department of ethnology and historical anthropology A. Donish Institute of history, archeology and ethnography National academy of sciences of Tajikistan/ Tajikistan. c.Dushanbe. Rudaki av., 33; E-mail: mumina 1957@mail.ru Phone: (+992) 908 - 99- 19- 89.

УДК 316.334.55(575.2+575.3)

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ПОСТСОВЕТСКИХ ОБЩЕСТВ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ СРЕДНЕАЗИАТСКОЙ ГОРОДСКОЙ ОБЩИНЫ (МАХАЛЛЯ)

ОЛИМОВ М. А.,

Таджикский национальный университет

ОЛИМОВА С. К.,

Исследовательский Центр «ШАРК»

За три десятилетия независимого развития народы Центральной Азии (ЦА) прошли большой и трудный путь. Распад СССР и формирование независимых государств кардинально изменили жизнь миллионов людей. Предполагалось, что бывшие социалистические общества будут быстро развиваться в направлении форм неоллиберального капитализма с его индивидуализмом и конкуренцией [29]. Однако многочисленные исследования, осуществленные в рамках транзитологии и постсоциалистических исследований, показали, что быстрого перехода этих обществ к неоллиберальным формам правления и экономики не произошло [32].

Для изучения постсоциалистических стран была сформирована специальная наука «транзитология» [29]. В ее рамках изучались политические и экономические трансформации в странах, переживших резкие политические изменения. В конце 90-х годов XX века - начале 2000-х годов в странах Центральной Азии были акту-

альными социологические и экономические исследования политических и экономических преобразований, воздействия рыночных реформ на население, социально - экономического положения и систем соцзащиты. Особенно пристально изучалась демографическая и социальная структура обществ ЦА, формирование разрывов в доходах, бедность. Однако эти исследования не принимали во внимание социальную организацию среднеазиатских обществ, рассматривая население стран ЦА как совокупность отдельных индивидуумов. В то же время стали появляться публикации западных, российских и местных антропологов, посвященные традиционным социальным институтам в Центральной Азии, включая общинные структуры, такие как *махалля* – квартальная соседская община, традиционно распространенная в Узбекистане, Северном Таджикистане и Южном Кыргызстане. Хотя все большее число исследователей изучают общину в разных временных и географических контекстах, пытаясь определить ее основополагающие черты и направления развития, все же экономические социологи и антропологи почти не пересекаются в исследовании центральноазиатских обществ, существуя в автономных режимах. Соответственно, при значительном количестве исследований, община в современных странах Центральной Азии представляется либо загадочным, либо потерявшим значение феноменом. Противоречивость оценок и подходов к изучению общины и в целом к обществам Центральной Азии послужили побудительным мотивом для обзора исследований этого традиционного социального института - среднеазиатской городской общины (*махалля*). Это не первое обращение авторов к среднеазиатской общине. Несколько статей об этом интереснейшем социальном институте было написано много лет назад в период всплеска исследовательского интереса к общине, который произошел в 80-х годах прошлого века. Тогда в среднеазиатских республиках, в том числе в Таджикистане, активизировались сложные и противоречивые общественные процессы. С одной стороны быстрыми темпами продвигалась индустриализация, формировался рабочий класс, все учились, целые поколения молодых специалистов вливались в народное хозяйство Таджикистана. В Академии наук вырастали молодые исследовательские коллективы. Сколько было идей, надежд и планов!

Но одновременно, рядом шли экономические, социальные, политические, культурные процессы, которые нельзя было объяснить с точки зрения социалистического строительства. Одним из них было существование так называемого традиционного общества, интегрированного в социалистическую действительность. Его видимые проявления тогда было принято называть «феодално-байскими пережитками». Тем не менее, традиционное общество не всегда вступало в конфликт с руководящей идеологией и практикой социализма. Часто оно было как бы невидимой частью социалистического строительства в Таджикистане, его социальным фундаментом и инфраструктурой. Так, колхозы и местные предприятия (Местпром) представляли собой группы иногда связанных, иногда разрозненных общин, объединенных родством, землячеством или соседством, имевших общую ответственность и коллективную ответственность, так что общинное управление стало низовой основой советской власти в Таджикистане. В городах, особенно «истори-

ческих»¹, общины сохранялись в виде *махаллей*. Они мирно соседствовали с типовыми микрорайонами и были базовым элементом социальной организации таджиков и узбеков в социалистическом Таджикистане. В «новых» городах, таких как Душанбе, жители жили в обычных городских кварталах и микрорайонах, типичных для советских городов. Но и они были членами общин-*авлодов*, которые имели кровнородственный характер. Так советский эгалитаризм прочно объединился с общинным сознанием, обеспечив устойчивость и общины, и Советской власти в Таджикистане. Различные вариации общины один из авторов видел в Афганистане, когда после аспирантуры в Москве работал некоторое время переводчиком в Демократической Республике Афганистан (ДРА)(1984-86 гг.), где в то время афганские модернисты с кровью и колоссальным напряжением сил пытались сделать рывок из феодализма в социализм. Им противостояли не только *муджахеды*, но и аграрные общины, которые не нашли общего языка с модернистами. После возвращения в СССР мы увидели, что в процессе «перестройки» возникли сильные напряжения между властью и общинами, глубоко вовлеченными в разросшуюся теневую экономику Таджикистана. Тогда Леонид Борисович Алаев, специалист мирового уровня по индийской общине, будучи главным редактором журнала «Восток» (Москва), подтолкнул нас так же, как и других исследователей, к тому, чтобы попытаться описать и проанализировать происходившие события с точки зрения их очевидцев и участников. Так появилось несколько статей о традиционном обществе и общине в Таджикистане [9;10]. В дальнейшем, изучая социальные процессы в Таджикистане, мы периодически возвращались к теме общины [11]. Это неудивительно, так как община, меняясь и трансформируясь, оставалась и до сих пор остается ключевым социальным институтом в суверенных государствах Республике Таджикистан (РТ) и Республике Узбекистан (РУз).

И в настоящее время трудно переоценить значение традиционных социальных общинных институтов, таких как *махалля*, в нашей жизни, так как независимо от структур государственной власти люди признают разные авторитеты и источники власти в различных сферах своей жизни. Например, они полагаются на государство в обеспечении правопорядка и безопасности, но предпочитают обращаться в *махаллинские* структуры для проведения ритуалов, благоустройства и разрешения мелких споров с соседями. Таким образом, именно в общинах происходит непрерывный и неуклонный процесс адаптации общества Таджикистана к современности, определяются актуальные ценностные системы и способы социального действия.

Обширность и разнообразие литературы о социальных структурах в ЦА заставило авторов ограничиться обзором исследований, посвященных одной теме - *махалле* в старых исторических городах ЦА. Актуальность этой темы определяется значительной ролью, которую *махалли* сыграли и продолжают играть в развитии

¹ В Таджикистане существуют исторические города, непрерывно функционирующие в течение тысячелетий. Таковы Худжанд, Исфара, Канибадам, Истаравшан, Куляб, Гиссар и др. Значительное число городов и городских поселений возникло в советское время на основе сел или заброшенных средневековых городов. К новым городам относятся Душанбе, Сарбанд, Рогун, Нурек и др.

Таджикистана и Узбекистана, в их государственном строительстве. Микросоциумы общинного типа до сих пор остаются базовым слоем городского социума в исторических городах Таджикистана и Узбекистана. В них сосредоточены реальные механизмы регулирования и организации жизни населения. Важную роль традиционные общинные институты сыграли в рыночных реформах, в трансформации обществ, социальной стратификации населения с формированием глубоких неравенств, образованием постсоциалистического рынка труда с антагонистическими отношениями между трудом и капиталом. Сейчас трансформация городов ЦА резко меняет условия городской жизни. Соответственно все более актуальными становятся исследования локальных форм социальной организации в городах, так как без их изучения трудно или невозможно прогнозировать дальнейшее развитие стран ЦА.

Предваряя обзор литературы об общине в Центральной Азии, следует остановиться на терминах и определениях. Существует множество определений общины. Так, длительное время исследователи пользовались определением Р. Парка (Park, R.) которое он дал в работе 1936 года. Р.Парк выделил следующие основные характеристики общины - это: а) территориально организованное население; б) более или менее прочно укоренённое в своем месте; 3) члены общины живут в отношениях взаимозависимости [34,12-15]. Значительно позднее Г. Хиллери (Hillery, G.) насчитал девяносто четыре различных определения общины, шестьдесят девять из них содержали три важнейших признака: общую территорию, общие связи и социальное взаимодействие [30].

В 2003 году С. Келлер (Keller, S.) отметил десять основных физических, социальных и культурных характеристик, обычно используемых для обозначения общины или сообщества [31, 266]. При этом исследователи сходятся во мнении, что общины или сообщества (communities) – это вполне современное явление. Они благополучно существуют в городах США и Канады, в урбанистической среде многих стран Запада и Востока. Однако, говоря об общине в Центральной Азии, нельзя не отметить ее самобытность и глубоко традиционный характер. Это дало основание причислять махаллю к «традиционному обществу». Как правило, термином «традиционное общество» называют сообщество, глубоко укорененное в прошлом и поддерживающее традиционные ритуалы и обычаи. Думается, что *махалля* имеет все признаки общины, являясь традиционным и одновременно современным институтом.

Ниже мы приводим несколько определений *махалли*, которые были извлечены из работ различных антропологов и актуальных для современных антропологических штудий:

Первое определение принадлежит Е.Сиверсу (Sievers E.), который в 2002 г. в статье «Махалля Узбекистана: от советских к абсолютистским жилищным ассоциациям» («Uzbekistan's Mahalla: From Soviet to Absolutist Residential Community Associations») отметил, что термин «*махалля*» обычно используется в Узбекистане и Таджикистане для описания района или местной общины, которая в основном характеризуется общими традициями, языком, религией и этнической принадлеж-

ностью [35]. К.Бектемиров и Е.Рахимов в 2001 г. подчеркивали, что *махалля* как в исторической, так и в современной перспективе представляет собой «чётко определённую социально-демографическую, культурную и духовную целостность, а также административно-территориальную единицу, в которой люди объединены традициями, обычаями и человеческими, деловыми и правовыми отношениями» [23, 477]. Р.Уринбоев считает, что *махалля* объединяет людей по принципу совместного проживания в определенном микрорайоне с установленной границей [36,17]. Как отметил Е. Сиверс, наиболее универсальным и замечательным аспектом *махалли* является то, что ни один член *махалли* по классовым, профессиональным или религиозным причинам не исключен из общественных мероприятий и взаимодействий [35, 129].

Махалли, которые продолжают существовать в Бухаре, Самарканде, Ходженте, Исфаре, Канибадаме, Истаравшане и других исторических городах Средней Азии являются классическим типом соседской квартальной общины. Уровень социальных связей и социального контроля внутри *махалли* очень высок. В период независимости и реформ государственной власти в «новых» городах также были организованы махалли, но они так и не стали институтом, организующим социальную жизнь. В большей степени они являются органом местной власти, в том числе выполняющим функции посредничества между властями и обществом. Интересную точку зрения на эти процессы изложил Х.Бобоёров в известной работе «Коллективные идентичности и патронажные сети в Южном Таджикистане» («Collective Identities and Patronage Networks in Southern Tajikistan»), опубликованной в Берлине в 2013 г. [24].

Правовое положение *махалли* различается по странам ЦА. Институт *махалли* был признан еще в Узбекской ССР. *Махаллинские* комитеты и комиссии рассматривались в качестве самого нижнего слоя местного управления, однако они не были включены в систему государственной власти. Положение изменилось после обретения независимости, когда в 1994 году ранее финансово независимые *махаллинские* комитеты стали финансироваться государством, а председатели комитетов стали получать зарплату, что приравнивало их к государственным чиновникам. Одновременно был создан неправительственный фонд «*Махалля*», председателем которого стал президент И. Каримов [1]. В Таджикистане *махалли* полуформализованы, их статус недостаточно определен и во многом зависит от локальных систем управления.

Существует значительный корпус литературы, посвященной среднеазиатской общине. Во время завоевания Средней Азии Российской империей в XIX веке российские авторы опубликовали множество текстов, содержащих интересные наблюдения за жизнью среднеазиатских городов, включая обряды и ритуалы. Это работы Н. А. Маева «Азиатский Ташкент // Материалы для статистики Туркестанского края» [6, 260-313], Н.В.Ханыкова («Городское управление в Средней Азии» и «Описание Бухарского ханства») [20, 346-348; 21,71], В. П. и М. В. Наливкиных («Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы») [8,244] и других.

В советское время среднеазиатскую общину плодотворно изучали советские этнографы, историки, экономисты Р.Я. Рассудова, О.А. Сухарева, Л.И. Ремпель, М. Абрамов и др. Наибольшее внимание уделялось изучению аграрной общины, особенно общинному земле и водопользованию. Большой вклад в изучение сельской общины в Таджикистане сделал Н.А. Кисляков в своих работах «Патриархально-феодальные отношения среди оседлого сельского населения Бухарского ханства в конце XIX - начале XX в.» [4, 58,156], и «Аловхона-«Дом огня» у таджиков (К вопросу о сельской общине» [5, 88-94]. Одновременно появлялись очень интересные этнографические работы по городской общине- махалле. Как правило, исследователи изучали общину конца XIX - начала XX века (до конца 20-х гг. XX века), основываясь на статистических материалах, архивных документах, воспоминаниях, материалах этнографических обследований. (Н. А. Кисляков, О. А. Сухарева, Л. И. Ремпель). Все эти работы были сосредоточены на эпохе вторжения Российской империи и молодого российского капитализма в глубоко традиционную жизнь среднеазиатских городов. Они показывали процесс модернизации и разложения среднеазиатской общины в конце XIX - начале XX веков, изменения имущественных отношений и социальных иерархий в общине, ее расслоение на богатых и бедных. Н. А. Кисляков, Р.Я. Рассудова оставили нам прекрасные работы, в которых описаны различные стратегии адаптации общин к происходившим изменениям. Важным направлением исследований было изучение общинной обрядности и ритуалов. Исследователи отмечали, что *махалли* населяли люди различных вероисповеданий и этнического происхождения. О. А. Сухарева в работе «Квартальная община позднефеодального города Бухары (в связи с историей кварталов)» отмечает, что в бухарских *махаллях* попеременно жили сунниты и шииты, хотя евреи жили в отдельных кварталах [17, 18].

Особенно неоднородным было население квартала в социальном отношении. В одном квартале жили и богачи, и бедняки, знать, и простой народ. [17,18] Однако, несмотря на пестрый профессиональный и имущественный состав жителей, городские кварталы представляли собой тесно спаянные общины – *махалли* и *гузары*. О. А. Сухарева объясняет это качество общин тем, что *махаллю* объединяли узы солидарности, за которыми стояло соседство, коллективное владение, самоуправление, ответственность. Эту точку зрения О.А. Сухаревой поддерживают более поздние этнографы и антропологи. Вслед за О.А. Сухаревой С. П. Поляков, С. Абашин, А. Цеслевская (A. Cieřlewska), П. Гейс (Geiss P.), Т. Дадабаев, Р. Уринбоев утверждают, что тесная связь, солидарность *махалли* закреплялась и воспроизводилась в коллективных ритуалах, направленных на создание и поддержание общих целей и ценностей, правил, законов и норм, коллективных идентичностей, которые базировались на локальной версии ислама, общей истории, реальных или легендарных предках, поклонении локальным святым и местам поклонения. [17;12;28;1;2;36; 25; 26;27]. Помолвки, свадьбы, поминки не были личным делом отдельных семей, а становились общественными ритуальными пиршествами или тризнами. Участие в них было обязанностью и привилегией каждой семьи в *махалле*. Угощаясь у соседей и приглашая их к себе, жители *махалли* оказывались

связанными взаимной моральной задолженностью. [17,30] Обязательность участия всех членов *махалли* в пиршествах объясняла их масштаб и, соответственно, необходимость коллективной помощи в их организации. По мнению О. А. Сухаревой, это и было одной из основных причин живучести общинного уклада жизни среднеазиатского городского квартала [17,27].

Исследователи также изучали, как в ритуальной деятельности проявлялись социальные роли, статусы и иерархии. Притом такие исследователи как В.П. и М.В. Наливкины, Н.А. Кисляков показали, как вторгавшиеся элементы капитализма, имущественное расслоение воздействовало на ритуальное поведение членов общин. Например, Р.Я. Рассудова в статье 1973 г. «Сельская община в бассейне Нижнего Даргома Зеравшанской долины (конец XIX - начало XX)» на примере свадебного ритуала таджиков Зеравшанской долины показывает, как принадлежность к определенному половозрастному классу, личные качества, имущественное положение, социальный статус определяют роли, которые играют те или иные члены общины в процессе проведения свадебных ритуалов [14, 243-244]. Аналогичные сведения можно найти у Н.А. Кислякова [4].

Изучая литературу о среднеазиатской общине в ретроспективе можно увидеть не только трансформацию общины в перипетиях бурных XIX-XXI веков, но и смену взглядов и интересов ее исследователей. В.П и М.В. Наливкины, Н.В. Ханьков, Н.П. Остроумов оставили нам подробные этнографические описания быта, обычаев, обрядов, религии населения, административной системы, экономики на завоеванных территориях в Средней Азии. Позже советские исследователи сосредоточили внимание на процессе модернизации и разложения среднеазиатской общины в конце XIX - начале XX веков. (Н. А. Кисляков, Х. Г. Ишанкулов и др.). Они критиковали классовое неравенство, которое тогда воспринималось как отсталость, архаика, наследие прошлого. Н.А. Кисляков, Х. Г. Ишанкулов, О.А. Сухарева показали, как элементы капитализма, растущее имущественное расслоение формировали отдельные паттерны ритуального поведения, характерные для тех или иных членов *махалли* с различным имущественным статусом. Так, О.А. Сухарева отмечала, что различия в уровне благосостояния проявлялось в богатстве угощения, в продолжительности пиршества, увеселениях. Классовое неравенство выражалось и в том, что знать и богачи лично не участвовали в пирах своих соседей, а посылали слуг с богатыми подарками [17,30]. Тем не менее, она отмечала, что, несмотря на различия, община сохраняла дух коллективизма и кооперирования [17,338], обеспечивавший эффективное управление и поддержание социального мира.

В целом изучение *махалли* и ее ритуально-обрядовой жизни в советской Средней Азии имело этнографический характер либо осуществлялось с точки зрения построения социалистической национальной культуры. Реальная жизнь общин в городах среднеазиатских социалистических республик осталась в тени социалистической модернизации, хотя *махалля* продолжала существовать как низовой институт самоуправления с разнообразными функциями. Правовое положение *махаллей* было закреплено в законах, которые, прежде всего, конституировали их от-

ношения с властью. Это можно видеть в Положении «О махаллинских (квартальных) комитетах в городах, поселках, селах и аулах Узбекской ССР» (1961): «[Это] организации общественной самодеятельности трудящихся, цель которых [заключается в] оказании широкой помощи местным Советам и их исполкомам в успешном проведении мероприятий по хозяйственному и культурному строительству, всемерном развитии инициативы и самодеятельности населения» [1, 52-57].

Сведения о жизни *махалли* в период СССР можно найти в исследованиях советских историков и этнографов, посвященных средневековым среднеазиатским городам. Это замечательные работы Р.Я. Рассудовой, О.А. Сухаревой, Л. И. Ремпель, М. Абрамова, Н.О. Турсунова. Эти публикации содержат многочисленные отсылки к современным исследователям реалиям общинной жизни среднеазиатских городов 2-й половины XX века. [14;15;17;18;3]. По ним можно судить об изменениях *махалли* и ее обрядовой жизни, которые произошли в советский период. Прежде всего, видно, что из поля зрения исследователей практически исчезла тема имущественного неравенства в современных им махаллях. Взамен появилась тематика социальных иерархий. В этом плане следует особо отметить публикации М.Ф.Файзуллаева о *махаллях* Ленинабада (Худжанда). Это, прежде всего, его диссертация «Таджики предгорий Северного Таджикистана. Хозяйство и социальная организация (конец XIX - первая треть XX в.)». Автор показывает, что основой, определявшей паттерн ритуального поведения, указывавшего на социальные роли, статусы и иерархии, стали возраст, влияние и доступ к власти, а также имущественное положение [19]. В эпоху позднего СССР власти стремились ограничить традиционные ритуалы наряду с попыткой заменить их новыми «красными» свадьбами [2; 33,66], действуя, в том числе, и через *махалли*. Этот сюжет можно найти в статье Л.Моногаровой и И. Мухиддинова «Современная сельская семья таджиков», которая посвящена трансформации свадебной обрядности в период с 1950 г. до 1980 г. Авторы описывают, как представители советской общественности и местные власти ограничивали свадебные расходы, используя механизмы управления в *махаллях* [7].

Подъем исследовательского интереса к общине произошел в 80-х годах прошлого века, в последнее десятилетие существования СССР, когда среднеазиатская община стала мощным экономическим актором с собственными политическими интересами и взглядами [15,115-121; 3; 9; 10; 11]. При этом устройство традиционных институтов, законы и нормы, которые управляли таджикским и узбекским обществом, были общеизвестны на уровне массового сознания, учитывались и использовались советскими властями, но только работы С.П. Полякова («Традиционализм в современном среднеазиатском обществе», «Бытовой ислам и консервативность сельской локальной общности в Средней Азии» и др.) показали, насколько власть и управление в Таджикистане и Узбекистане были пронизаны общинными отношениями, нормами и правилами [12;13].

После распада СССР и образования новых государств Центральной Азии появились исследования западных, российских и местных антропологов, посвященные традиционным социальным институтам в Центральной Азии, включая город-

скую *махаллю*. Таковы работы Д. М. Абрамсона, Э. Сиверса, Т. Атобаки, Е. Масикард, Т. Тревизани и многих других. Среди российских исследователей, изучавших среднеазиатскую общину наиболее заметны работы С. Абашина. Пристальное внимание к изучению традиционных социальных институтов проявили узбекские исследователи Р. Уринбоев, Т. Дадабаев и др., таджикские исследователи Н. Нурулла - Ходжаева и Х. Бобоёров.

В своих публикациях исследователи пытались выявить особенности современной среднеазиатской общины. Так, в статье «Жизнь в *махалле*: значения городских узбекских кварталов в Оше» (1997 г.) Морган Лью и Эртабылды Сулайманов доказывали, что ключевым свойством среднеазиатской общины является ее территориальность. Эти авторы дали следующее определение *махалли*: «плотно и компактно организованная группа, состоящая из единиц жителей, как правило, из одноэтажных наземных домов» [16,103].

Каждый дом (или двор) – это семейная, экономическая и социальная ячейка *махалли*. Авторы сделали вывод, что главным свойством *махалли*-общины является циркуляция людей, информации, ресурсов и денег в рамках определенного физического пространства относительно замкнутой квартальной общины [16].

Антропологи не могли не обратить внимания на изменения *махалли* в советский период. Некоторые авторы (А. Цеслевская, С. Абашин) считают, что в период СССР под влиянием упразднения частной собственности и предпринимательства, а также в результате модернизации советского типа произошло разложение среднеазиатской общины и *махалля* превратилась в различные редуцированные формы низовой организации общества, выполняющей преимущественно ритуальные и культурные функции. Интересное исследование трансформации *махалли* на примере Таджикистана принадлежит Анне Цеслевской (Ягеллонский университет, Польша).

В своей работе «Сообщество, государство и помощь развитию: трансформация *махалли* в Таджикистане» («Community, the State and Development Assistance: Transforming the Mahalla in Tajikistan», 2015) она дает ретроспективный обзор жизни *махалли* за полтора века. Ее определение общины, существовавшей до советского времени на территории современного Таджикистана, таково - это небольшая община людей, живущих в одной местности и связанных территориальными, профессиональными, семейными и/или этническими узами [25].

А. Цеслевская отмечает, что совместное участие в ритуалах и праздниках формировало особые узы солидарности, за которыми стояли не только совместное проживание в одном месте, но и общая история, а также верования. Что касается существования общинных институтов в советский период, то автор считает, что советская власть системно трансформировала среднеазиатскую общину, практически лишив ее экономических функций. Коллективизация и колхозное строительство, запреты на мелкотоварное производство, ремесленничество коренным образом изменили систему экономических отношений внутри общины, оставив функции сохранения традиционных практик мусульманских традиций [25]. Таким образом, по мнению А. Цеслевской, современную *махаллю* в Таджикистане трудно

квалифицировать как общину. Скорее *махалля* является низовой территориальной формой общественного самоуправления и организации религиозных и семейных ритуалов.

Среди российских исследователей, изучавших среднеазиатскую общину, заметный вклад в изучение институтов организации среднеазиатских обществ, таких как *махалля*, внес С.Абашин [1;2]. В его работах, рассматривающих различные аспекты функционирования *махалли* в Узбекистане и Таджикистане, обосновывается положение о текучести и исключительной изменчивости традиционных среднеазиатских социальных институтов.

С точки зрения российского антрополога эта изменчивость объясняет адаптивность махалли, а с другой стороны, снимает вопрос о ее структуре, формах, функциях, закономерностях развития, так как *махалля* имеет настолько широкий диапазон форм, что по сути представляет собой обобщенное название для различных форм самоорганизации [1].

Интересное направление изучения общины представляют собой исследования в рамках постсоветского транзита. Несмотря на культурную близость и недавнее общее прошлое, новые суверенные страны ЦА в процессе государственного строительства стали все сильнее различаться. Государственная политика по отношению к *махалле* в разных странах ЦА также была различной.

Это вызвало интерес исследователей к трансформации *махалли*, обусловленной сломом советского строя и последующим нациестроительством. Как правило, в этих исследованиях внимание сфокусировано на взаимоотношениях традиционных социальных институтов с властью, их роли в поддержании социального мира, безопасности, социального обеспечения в период формирования новой государственности. Наибольший интерес вызывает опыт Узбекистана, где *махалля* стала важным элементом государственного управления.

Обычно выделяют три подхода к изучению узбекской *махалли*. Первая группа ученых утверждает, что в постсоветский период *махалля* стала эффективным инструментом государства по контролю и управлению обществом [27].

Вторая группа исследователей концентрирует свое внимание на изучении взаимоотношений *махалли* с государством и ее роли в системе социальной защиты населения Узбекистана. Они утверждают, что *махалля* обеспечивает обратную связь народа и государства, донося мнение населения до государственных органов и лиц, принимающих решения.

В то же время именно *махалля* является ключевым институтом, ответственным за предоставление государственной помощи уязвимым группам населения. По меньшей мере, *махалля* помогает государственным органам определять потребности населения. Так, узбекский исследователь Р.Уринбоев отмечает важную роль, которую *махалли* играют в системе занятости населения РУз. Он считает, что *махалли* служат неформальными рынками труда, продуктов и капитала и таким образом расширяют возможности для трудоустройства и получения доходов для своих жителей. Махалли не только повышают благосостояние жителей через семьи, социальные сети, мечеть и общественные работы, такие как *хашары*, но и обеспечи-

вают сравнительно справедливое распределение государственных социальных пособий [36]. Другие авторы К.Бектемиров и Е. Рахимов указывают на роль *махалли* в поддержании социального мира, так как *махалли* оказывают давление на более состоятельных жителей, чтобы они поделились некоторой частью своего богатства с менее обеспеченными соседями [23].

В то же время Р. Уринбоев признает, что реформы государственного управления в Узбекистане превратили *махалли* в «гибридные» институты, так как, оставаясь социальными институтами, поддерживающими моральные нормы, регулируемыми правилами общежития, формирующими и выражающими общественное мнение, *махалли* теперь должны обеспечивать соблюдение законов. Р. Уринбоев указывает, что *махалли* перестали быть местными неформальными общинными институтами и стали главным органом правительства, ответственным за реализацию программ социального обеспечения и поддержание социального порядка и стабильности [36]. Соответственно Р. Уринбоев признает, что государство использует *махалли* в качестве механизма социального контроля путем их интеграции в систему государственного управления. Этот тезис поддерживает и Т. Дадабаев. В своей статье «Между государством и обществом: позиция махалли в Узбекистане» («Between State and Society: The Position of the Mahalla in Uzbekistan»), он отмечает, что «с течением времени, идеологическими изменениями и ростом уровня жизни респонденты постепенно изменили свое понимание *махалли*, перейдя от структуры, предполагающей «семейные связи», к «просто еще одному институту государственного управления» [27].

Третья и самая многочисленная группа исследователей утверждает, что *махалля* играет положительную роль в развитии центральноазиатских обществ, взяв на себя функции гражданского общества. Причем исследователи доказывают это на примерах и Узбекистана, и Таджикистана. Хотя они утверждают, что *махалля* может служить основой для развития демократии, но в то же время отмечают, что это не мешает правительству использовать *махаллю* в своих интересах. Эту точку зрения разделяют такие исследователи, как Сабине Фрезер, Н. Нурулла - Ходжаева и многие другие

Обзор литературы показал, что за 30 лет постсоветского развития среднеазиатская община заметно изменилась. Ее трансформация различается по странам и по локациям. В Узбекистане наибольшие изменения связаны с тем, что локальная община (квартальная *махалля*) приобрела функции государственного управления, стала нижним уровнем государственной власти и при этом сохранила функции самоуправления. В Таджикистане общины (*махалли*, *гузары*, *авлоды*) развивались другим путем. Они столкнулись с разрушением государственной власти в ходе межтаджикского конфликта, сопровождавшего обретение независимости. Все системы общественного управления сосредоточились именно в общинах – *махаллях* и *авлодах*. Они послужили механизмом выживания людей в очень тяжелые времена. С установлением мира и укреплением государственной власти влияние *махаллей* снизилось.

В целом наш обзор показал, что изучение развития центральноазиатских общин в диахроническом измерении дает возможность выявить наиболее общие моменты социальных трансформаций в ЦА, а с другой стороны – увидеть множество локальных вариантов приспособления к конкретным условиям переходной эпохи. К сожалению, исследований, которые изучали бы эволюцию социальных институтов в ЦА, очень мало. Это происходит из-за преобладания синхронического подхода в антропологических исследованиях. Как правило, антропологи нацелены на фиксацию изучаемых феноменов полевыми методами. Доминирование этнографических методов в изучении постсоциалистических обществ, при которых доказательством считается только то, что получено в результате полевых исследований, привело к падению интереса к диахронии [29, 1-28].

Исследователи получают как бы единовременный слепок, моментальную фотографию тех или иных явлений социальной жизни, контекст исследуемого объекта описывается как фон, а диахрония представляется ненужной. Такой подход противоречит задаче транзитологических исследований – изучить переход обществ от одного состояния в другое, включая проблему трансформации традиционных социальных институтов в период формирования новой государственности. Сложно решить эту задачу без исторической ретроспективы.

Тем более, что многие формальные и неформальные социальные институты, нормы и представления эпохи СССР, также как и досоветских времен продолжают жить и действовать в центральноазиатских обществах и поныне, меняясь и адаптируясь к новым условиям.

Живые социальные организмы находятся в непрерывном изменении, взаимодействии с другими структурами в потоке истории. Они меняются сами и изменяют другие элементы социальной жизни. Поэтому представляется необходимым осуществлять эмпирические исследования в широком контексте, включающем историческую ретроспективу.

Обзор также показал, что остаются лакуны в изучении неформальной стороны жизни современной *махалли* и, что очень важно, отсутствуют теоретические концепты, объясняющие трансформацию *махалли* из позднефеодальной городской общины в советский институт организации местной власти и затем - в орган государственного управления в национальном государстве, отвечающий за социальное обеспечение, городское благоустройство и занятость. Как бы то ни было, *махалля* продолжает жить и развиваться, ставя перед исследователями все новые научные проблемы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абашин, С. Советская власть и узбекская махалля / С. Абашин // Неприкосновенный запас. – 2011. – № 4 (78). – С. 95-110.
2. Абашин, С. Советский кишлак: Между колониализмом и модернизацией / С. Абашин. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – 848 с. – ISBN 978-5-4448-0219-9.
3. Абрамов, М. Гузары Самарканда / М. Абрамов. – Ташкент: Узбекистан, 1989. – 56 с. – URL: https://www.ziyouz.com/books/uzbeklib_ru/literatury_po_istorii_tjurkskih_narodov/Abramov%20M.%20Guzari%20Samarkanda.pdf.

4. Кисляков, Н. А. Патриархально-феодальные отношения среди оседлого сельского населения Бухарского ханства в конце XIX – начале XX в. / Н. А. Кисляков // Труды Ин-та этнографии АН СССР. – Т. 74. – М.; Л., 1962. – 170 с.
5. Кисляков, Н. А. Аловхона – «дом огня» у таджиков (К вопросу о сельской общине) / Н. А. Кисляков // Основные проблемы африканистики. – М., 1973. – С. 88-94.
6. Маев, Н. Азиатский Ташкент / Н. Маев // Материалы для статистики Туркестанского края. – Вып. IV. – СПб.: Туркестанский стат. ком., 1872-1879. – 204 с. – URL: <https://www.academia.edu/35098483/>.
7. Моногарова, Л. Ф.; Мухиддинов, И. М. Современная сельская семья таджиков / Л. Ф. Моногарова, И. М. Мухиддинов // Материалы к серии «Народы Содружества Независимых Государств». – Вып. VII. Таджики. Ч. 1. – М., 1992. – 128 с.
8. Наливкин, В. П.; Наливкина, М. В. Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы / В. П. Наливкин, М. В. Наливкина. – Казань: Типо-лит. Имп. Казан. ун-та, 1886. – 245 с.
9. Олимов, М. А. Эталон некаталистического развития? / М. А. Олимов // Народы Азии и Африки. – 1989. – № 4. – С. 18-26.
10. Олимова, С. К.; Олимов, М. А. Независимый Таджикистан: трудный путь перемен / С. К. Олимова, М. А. Олимов // Восток (ORIENS). – 1995. – № 1. – С. 20-38.
11. Олимова, С. К.; Олимов, М. А. Межтаджикский конфликт: путь к миру / С. К. Олимова, М. А. Олимов. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1998. – 144 с.
12. Поляков, С. П. Современная среднеазиатская деревня: традиционные формы собственности в квазииндустриальной системе / С. П. Поляков. – М.: Наука; Восточная литература, 1993. – С. 174-201.
13. Поляков, С. П. Традиционализм в современном среднеазиатском обществе / С. П. Поляков // Мусульманская Средняя Азия. – М.: Знание, 1989. – 112 с.
14. Рассудова, Р. Я. Сельская община в бассейне Нижнего Даргома Зеравшанской долины (конец XIX – начало XX вв.) / Р. Я. Рассудова // Страны и народы Востока. – Вып. XV. Африка и Азия. – М.: Наука, ГРВЛ, 1973. – С. 234-247.
15. Ремпель, Л. И. Далёкое и близкое: страницы жизни, быта, строительного дела, ремесла и искусства Старой Бухары. Бухарские записи / Л. И. Ремпель. – Ташкент, 1982. – 302 с. – URL: <https://www.academia.edu/>.
16. Сулайманов, Э.; Морган, Л. Жизнь в махалле: значение узбекских городских кварталов в Оше / Э. Сулайманов, Л. Морган // Все про Ош. – Вып. 1. – Ош, 1998. – С. 101-105.
17. Сухарева, О. А. Квартальная община позднефеодального города Бухары (в связи с историей кварталов) / О. А. Сухарева. – М.: Наука, 1976. – 365 с.
18. Сухарева, О. А. Очерки по истории среднеазиатских городов / О. А. Сухарева // История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). – М., 1976. – С. 132-207.
19. Файзуллаев, М. Ф. Таджики предгорий Северного Таджикистана. Хозяйство и социальная организация (конец XIX – первая треть XX в.) / М. Ф. Файзуллаев. – Дис. ... канд. ист. наук. – М., 1987. – 150 с.
20. Ханыков, Н. В. Городское управление в Средней Азии / Н. В. Ханыков // Журнал Министерства внутренних дел. – Ч. 6. – СПб., 1844. – 14 с.
21. Ханыков, Н. В. Описание Бухарского ханства / Н. В. Ханыков. – СПб., 1843. – 279 с. – URL: <https://www.academia.edu/35255803/>.
22. Abramson, D. From Soviet to Mahalla: Community and Transition in Post-Soviet Uzbekistan. Ph.D. Dissertation. – Bloomington: Indiana University, 1998. – 252 p.
23. Bektemirov, K.; Rahimov, E. Local Government in Uzbekistan / K. Bektemirov, E. Rahimov // Popa, V. M. (ed.) Developing New Rules in the Old Environment. – Budapest: LGI/OSI Europe, 2001. – P. 469-520.
24. Boboyorov, H. Collective Identities and Patronage Networks in Southern Tajikistan / H. Boboyorov. – Berlin: Lit Verlag, 2013. – 304 p.

25. Cieřlewska, A. Community, the State and Development Assistance: Transforming the Mahalla in Tajikistan / A. Cieřlewska. – Kraków: Księgarnia Akademicka, 2015. – 264 p. – DOI: <https://doi.org/10.12797/9788376385587>.
26. Dadabaev, T. Community Life, Memory and a Changing Nature of Mahalla Identity in Uzbekistan / T. Dadabaev // Journal of Eurasian Studies. – 2013. – Vol. 4, Iss. 2. – P. 181-196.
27. Dadabaev, T.; Ismailov, M.; Tsujinaka, Y. Between State and Society: The Position of the Mahalla in Uzbekistan / T. Dadabaev, M. Ismailov, Y. Tsujinaka // Social Capital Construction and Governance in Central Asia. – London: Palgrave, 2017. – P. 77-95.
28. Geiss, P. G. Mahalla and Kinship Relations: A Study on Residential Communal Commitment Structures in Central Asia of the 19th Century / P. G. Geiss // Central Asian Survey. – 2001. – Vol. 20 (1). – P. 97-106. – DOI: <https://doi.org/10.1080/02634930120055488>.
29. Hann, C. M. (ed.) Postsocialism: Ideals, Ideologies and Practices in Eurasia. – London: Routledge, 2002. – 360 p. – DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203428115>.
30. Hillery, G. A., Jr. Definitions of Community: Areas of Agreement / G. A. Hillery // Rural Sociology. – 1955. – Vol. 20 (2). – P. 111-123.
31. Keller, S. Community: Pursuing the Dream, Living the Reality / S. Keller. – Princeton: Princeton University Press, 2003. – 334 p.
32. Luong, P. J. Institutional Change and Political Continuity in Post-Soviet Central Asia: Power, Perceptions, and Pacts / P. J. Luong. – Cambridge: Cambridge University Press, 2002. – 320 p. – DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511510199>.
33. Massicard, E.; Trevisani, T. The Uzbek Mahalla: Between State and Society / E. Massicard, T. Trevisani // Everett-Heath, T. (ed.) Central Asia: Aspects of Transition. – London; New York: Routledge & Curzon, 2003. – P. 205-218.
34. Park, R. E. Human Ecology / R. E. Park // American Journal of Sociology. – 1936. – Vol. 17 (1). – P. 1-15.
35. Sievers, E. Uzbekistan's Mahalla: From Soviet to Absolutist Residential Community Associations / E. Sievers // The Journal of International and Comparative Law. – 2002. – Vol. 2. – P. 91-158.
36. Urinboev, R. Law, Social Norms and Welfare as Means of Public Administration: Case Study of Mahalla Institutions in Uzbekistan / R. Urinboev // NISPAcee Journal of Public Administration and Policy. – 2011. – Vol. 4 (1). – P. 33-57. – DOI: 10.2478/v10110-011-0002-8.

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ПОСТСОВЕТСКИХ ОБЩЕСТВ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ СРЕДНЕАЗИАТСКОЙ ГО- РОДСКОЙ ОБЩИНЫ (МАХАЛЛЯ)

Статья посвящена обзору основных направлений изучения среднеазиатской городской общины- *махалли*. Наряду с проблемой терминов и определений рассматриваются изменения подходов, взглядов и интересов исследователей махалли с конца XIX в. по XXI в.

В статье показано, как этнографические описания быта и обычаев среднеазиатской *махалли* в эпоху вторжения Российской империи сменились работами советских этнографов, показывающими процесс модернизации и разложения традиционной общины, а также различные стратегии ее адаптации к изменениям.

В постсоветский период антропологи и социологи стали изучать трансформацию махалли в рамках постсоветского транзита. Особо отмечены дискуссии о взаимоотношениях махалли с властью в период формирования новой государственности в Таджикистане и Узбекистане.

Ключевые слова: *традиционные социальные институты, махалля, Таджикистан, Узбекистан, антропология, транзит.*

ДАР МАВРИДИ МАСОИЛИ ТАҲҚИҚИ ҶАВОМЕИ ПАСОШУРАВӢ ДАР КИШВАРҶОИ ОСИӢИ МАРКАЗӢ: БАРРАСИИ ТАҲҚИҚОТ ОИД БА ҶОМЕАИ ШАҲРИИ ОСИӢИ МИӢНА (МАҲАЛЛА)

Мақола ба баррасии самтҳои асосии омӯзиши ҷамоати осӣи миёнагии шаҳрии маҳалла бахшида шудааст. Дар баробари мушкилоти истилоҳот ва мафҳумҳо тағйироти самтҳо, назарҳо ва ақидаҳои муҳаққиқони маҳалла аз охири асри XIX то ба ибтидои асри XXI мавриди баррасӣ қарор гирифтаанд.

Дар мақола таъкид шудааст, ки чӣ гуна тавсифи этнографии рӯзгор ва урфу одатҳои маҳаллаи осӣи миёнагӣ дар давраи забткориҳои империяи Русия бо фаъолияти мардумшиносони (этнографҳои) Шуравӣ иваз гардида, раванди бозсозӣ ва инқирози ҷамоати анъанавӣ, ҳамчунин стратегияҳои гуногуни мутобиксозии онҳо ба таҳаввулот мувоҷеҳ гардиданд.

Дар замони пасошуравӣ антропологҳо ва сотсиологҳо ба омӯзиши тағйирёбии маҳалла дар доираи гузариши (транзит)-и пасошуравӣ шуруъ намуданд. Таваҷҷуҳи хос ба бахси муносибати маҳалла ба ҳокимият дар давраи ташаккули давлатдории навин дар Тоҷикистон ва Ёзбекистон бахшида шудааст.

Калидвожаҳо: *руқнҳои анъанавии иҷтимоӣ, маҳалла, Тоҷикистон, Ёзбекистон, антропология, транзит.*

ON THE PROBLEM OF STUDING POST-SOVIET SOCIETIES IN CENTRAL ASIAN COUNTRIES: AN OVERVIEW OF RESEARCH ON CENTRAL ASIAN URBAN COMMUNITIES (MAHALLAS)

This article provides an overview of the main areas of research on the Central Asian urban community, the mahalla. Along with the issue of terminology and definitions, it examines changes in the approaches, views and interests of researchers studying the mahalla from the late 19th century to the 21st century.

The article shows how ethnographic descriptions of the life and customs of Central Asian mahallas during the era of the Russian Empire's invasion were replaced by the works of Soviet ethnographers, which showed the process of modernisation and decay of the traditional community, as well as various strategies for its adaptation to change.

In the post-Soviet period, anthropologists and sociologists began to study the transformation of the mahalla in the context of post-Soviet transition. Particular attention is paid to discussions about the relationship between the mahalla and the authorities during the period of the formation of new statehood in Tajikistan and Uzbekistan.

Key words: *traditional social institutions, mahalla, Tajikistan, Uzbekistan, anthropology, transition.*

Сведения об авторах: **Олимов Музаффар Абдуваккосович** – доктор исторических наук, руководитель Центра региональных и сравнительных исследований, профессор кафедры регионоведения зарубежных стран факультета Международных отношений ТНУ. E-mail: muzaffarolimov@mail.ru Моб.тел.: (+992) -907-72-82-25; (+992) 93-472-72-47; **Олимова Саодат Кузиевна** – кандидат философских наук, директор Исследовательского Центра «ШАРК» (ORIENS), s_olimova@mail.ru

Information about the authors: **prof. Muzaffar A.Olimov** – Dr. in History, Head of Center for Regional and Comparative Studies, professor of Department International Relations of Tajik National University. E-mail: muzaffarolimov@mail.ru Mob. phone: (+992) 907-72-82-25; (+992) 93-472-72-47. **Dr. Olimova Saodat Kuzievna** – Candidate of Philosophy Sciences (Dr.PhD), director of Research Center SHARQ (ORIENS), s_olimova@mail.ru

**ТАЪРИХНИГОРӢ ВА МАЪХАЗШИНОСӢ - ИСТОРИОГРАФИЯ И
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ - HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDY**

УДК 930.253(575.3)"1941/1991»

**АҲАММИЯТИ МАВОДИ БОЙГОНИҲОИ МИНТАҚАВӢ ДАР
ОМУӢЗИШИ ТАЪРИХИ НАВТАРИНИ ТОҶИКИСТОН¹**

ҒАФУРОВ А.,

Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониш

ҒИЁСОВ Д.,

Донишгоҳи давлатии Бохтар ба номи Носири Хусрав

Бойгониҳо сарчашмаи муҳимми дониш буда, хотираи таърихӣ ва фарҳангиро ҳифз менамоянд. Маводи бойгониҳо имкон медиҳанд, ки воқеаву рӯйдодҳои гузашта барқарор шаванд ва намегузоранд, ки таърихи гузашта таҳриф гардад. Нақши бойгониҳо ҳамчун сарчашмаи ҳуҷҷатӣ анъанавӣ буда, аҳаммияти онҳо ҳамчун ёдгории муътамади таърихӣ ва фарҳангӣ аз ҷониби муҳаққиқон ба таври кофӣ баррасӣ нашудааст. Ҳол он, ки ҳуҷҷатҳои бойгонӣ ёдгории таърихиву фарҳангӣ буда, арзиши баланди илмӣ, маърифатӣ ва фарҳангӣ доранд.

Дар Ҷумҳурии Тоҷикистон ба ғайр аз Бойгонии Марказии Давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистон (БМДҚТ) ва се бойгониҳои вилоятӣ, ҳамзамон бойгониҳои минтақавӣ низ амал мекунанд, ки дар ҳазинаи онҳо ҳуҷҷатҳои муҳимми давлатӣ, ки давраҳои наву навтарини кишварро дар бар мегиранд, нигохдорӣ мешаванд.

Таърихи бойгониҳои ҷумҳурии мо аз ибтидои мавҷудияти Ҳокимияти Шуравӣ оғоз гашта, сохтори ягонаи он то имрӯз ҳифз гардидааст. Бойгониҳои ҷумҳурӣ зертобеи Саридораи бойгониҳои назди Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон мебошанд.

Дар ҷумҳурии мо ба Саридораи бойгониҳои назди Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон Бойгонии марказии давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистон, Бойгонии таърихи навтарини Тоҷикистон (собиқ Бойгонии Ҳизби коммунистии Тоҷикистон), Бойгонии Марказии давлатии ҳуҷҷат, акс, садо ва симои Ҷумҳурии Тоҷикистон (БМД ҲАССҚТ) ва ба Бойгонии Марказии давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистон - бойгониҳои минтақавии Ҳисор (Ҳисор, Шаҳринав, Турсунзода, Варзоб, Рӯдакӣ), Ваҳдат (навоҳии Ваҳдат, Файзобод ва Ёвон), Рашт (навоҳии минтақа ва Дарвозу Ванҷ) зертобеъ мебошанд.

¹ Мақола дар асоси лоиҳаи «Таърихи халқи тоҷик: Тоҷикистон дар давраи Шуравӣ», рақами қайди давлатӣ 0121 ТҶ 1200 навишта шудааст.

Ба Бойгонии давлатии вилояти Суғд филиалҳои шаҳрҳои Конибодом (таъсисаш соли 1966, навоҳии Ашт, Конибодом, Исфара), Истаравшан (таъсисаш 1970, Истаравшан, Шаҳристон, Деваштич) ва Панҷакент (таъсисаш 1982, Панҷакент, Айний, Кӯхистони Масҷох) итоати сохторӣ мекунад.

Инчунин дар кишвар Бойгонии давлатии вилояти Хатлон дар шаҳри Бохтар, Бойгонии давлатии вилояти Хатлон дар шаҳри Кӯлоб ва Бойгонии давлатии ВМКБ дар шаҳри Хоруғ амал менамоянд.

Мутаассифона, дар замони Шуравӣ ва имрӯз низ маводи нодири бойгонии минтақавӣ ба қадри зарурӣ аз ҷониби муҳаққиқон истифода намешаванд.

Вақте ки мо ба адабиёти таърихи замони Шуравӣ ва замони Истиқлол назар мекунем, мебинем, ки дар онҳо маводи бойгонии минтақавӣ (ба истиснои якчанд асару рисола) дида намешаванд. Дар сурате ки дар ин бойгонӣ ҳуҷҷатҳои муҳимми ҳаёти сиёсӣ, иҷтимоӣ - иқтисодӣ ва фарҳангии Тоҷикистон ҳифз мешаванд, дар асарҳои бунёдӣ, ки ба таърихи давраи Шуравӣ марбутанд, маводи бойгонии минтақавӣ истифода нашудаанд.

Аз ҷумла, Бойгонии минтақавии шаҳри Кӯлоб аз 26 бахш ва бахши иловагии ҳазинаҳои ба соҳаҳо ҷудонашуда иборат аст. Дар Бойгонии минтақаи Кӯлоб 564 ҳазина (фонд) ҳифз мешавад, ки ҳаёти сиёсӣ, иҷтимоӣ – иқтисодӣ ва фарҳангии навоҳии минтақаро дар бар гирифтааст. То ба имрӯз парвандаҳои (дело), ки ба ғаёлияти Кумитаи иҷроияи Шурои вакилони меҳнаткашони вилояти Кӯлоб тааллуқ доранд (парвандаҳои 1-5) ва замони солҳои Ҷанги Бузурги ватанӣ дар бар мегиранд, омӯхта нашудаанд. Аз ҷумла қарорҳои Кумитаи иҷроияи Шурои вакилони меҳнаткашони вилояти Кӯлоб дар бораи қабул ва ҷобачонамоии аҳолии ба ҷумҳурӣ кӯчонидашуда қобили таваҷҷуҳи муҳаққиқон мебошад [1].

Бойгонии минтақавии Ҳисор, ки тобеи Бойгонии марказии давлатии ҷумҳурӣ мебошад, маводи вобаста ба ҳаёти навоҳии водии Ҳисорро дар бар мегирад. Маводи ба Ҷанги Бузурги ватанӣ солҳои 1941-1945 тааллуқдоштаи ин бойгонӣ қисман дар диссертатсия ва интишороти Р. Обидов ба доираи илмӣ ворид шудааст [5, 92-97, 113, 123]. Дар диссертатсия ва мақолаҳои Р. Обидов бори нахуст ҳуҷҷатҳои ҳазинаҳои филиали дар шаҳри Ҳисор будаи БМД ҚТ ба доираи таҳқиқоти илмӣ ворид гардидаанд. Бахусус, ҳуҷҷатҳои нодири бойгонии зикршуда роҷеъ ба сохтмони канали калони Ҳисор, таърихи ноҳияҳои Ҳисор, Турсунзода ва Шаҳринав дар солҳои Ҷанги Бузурги Ватанӣ (1941-1945), зилзилаи Ҳисор маълумоти муфид медиҳанд.

Бо вучуди ин, қисмати асосии маводе, ки ба давраи Ҷанги Бузурги Ватанӣ тааллуқ доранд [2], омӯхта нашудаанд. Маводи ҷолиб доир ба шароити зист ва бо қор таъмин намудани аҳолии ба Тоҷикистон кӯчонидашуда (парвандаи 85), ки пайваста дар ҷаласаҳои кумиҷроияи ноҳияҳо мавриди баррасӣ қарор дошт, то ҳол ба доираи илмӣ кашида нашудааст. Бахусус ширкати аҳолии аз қисмати ғарбии Иттиҳоди Шуравӣ ба Тоҷикистон кӯчонидашуда дар сохтмони канали калони Ҳисор мавриди зикр мебошад.

Яке аз бойгонии нодири ҷумҳурӣ Филиали бойгонии давлатии вилояти Суғд дар шаҳри Истаравшан мебошад. Дар ин бойгонӣ маводи таърихӣ давраи аз ни-

маи дуҷуми асри XIX то замони мо ҳифз мешавад. Ҳарчанд маводи ин бойгонӣ аз ҷониби муаррихон [7, 224] ва бо кӯшишҳои собиқ директори он Сайфулло Маҳкамов то андозае бо риштаи таҳқиқ кашида шудааст, маводи нодири он муҳаққиқонро интизор аст. Дар ин бойгонӣ маводе, ки мавзӯҳои «Мубориза бо гуруснагии соли 1919» [3]. (ҳуҷҷатҳои ҷаласаҳои Комиссияи мубориза бо гуруснагии ноҳияи Уротеппа ва ғ.), «Кумитаҳои ҳарбии инқилобӣ» (X. 1, н.1, п.12), «Шурои вакилони аскарон ва коргарон» (X. 1, н.1, п. 6, 11), «Сотсиал-револютсионерҳои чап» (X. 1, н.1, п.126)-ро дар бар мегиранд, ҳанӯз баррасӣ нашудаанд ва ё пурра таҳқиқ нагарадидаанд. Қисми ҳуҷҷатҳои марбут ба солҳои 1917-1924 ба хатти форсӣ, вале ба забони ўзбекӣ буда, то ҳол мавриди омӯзиш қарор нагирифтаанд.

Ҳуҷҷатҳои ба давраи Ҷанги Бузурги ватанӣ марбути ин бойгонӣ, ба истиснои чанд мақола [8, 130-144], то ҳол ба қадри кофӣ омӯхта нашудаанд. Дар яке аз парвандаҳои бойгонӣ [4], ки дар он суратҷаласаҳои Кумитаи иҷроияи Шурои вакилони шаҳри Истаравшан маҳфузанд, рӯйхати 1000 нафар шаҳрвандони Белорусия, Украина, Федератсияи Россия ва Полша, ки дар ибтидои Ҷанги Бузурги Ватанӣ ба Тоҷикистон муҳоҷир шуда буданд, ҳифз мешавад. Дар байни онҳо намоёндагони миллатҳои гуногун: русҳо, украинҳо, белорусҳо ва ҳатто олмониҳо буданд, вале қисми асосии муҳоҷиронро намоёндагони миллати яҳудӣ ташкил медоданд. Дар байни ин муҳоҷирони иҷборӣ хонашинҳо, муҳошибон, коргарон, адвокатҳо, барқчиён, кормандони соҳаи санъат, хонандагони мактаб ва ғайраҳо низ буданд. Ҳатто профессори соҳаи химия аз шаҳри Харьков - Борис Амيتين низ дар байни муҳоҷирон буд, ки дар омӯзишгоҳи шаҳр дарс мегуфт.

Умуман маводи Филиали бойгонии давлатии вилояти Суғд дар шаҳри Истаравшан, ки ба навоҳии Истаравшану Деваштич ва Шахристон тааллуқ дорад, метавонад саҳифаҳои нопурраи таърихи муосири Тоҷикистонро комил ва ғанӣ гардонад.

Яке аз бойгонӣҳои минтақавӣ, ки ҳазинаҳои пур аз маводи он то ба ҳол мавриди баррасии илмӣ қарор нагирифтааст, Филиали бойгонии давлатии вилояти Суғд дар шаҳри Конибодом мебошад. Ин бойгонӣ соли 1938 бо қарори Раёсати КИМ ҶШС Тоҷикистон ба шӯъбаи байниноҳиявии конибодомии Идораи марказии бойгонӣҳои ҶШС Тоҷикистон, соли 1941 ба Бойгонии шаҳри Конибодом табдил дода шудааст.

Соли 1977 бо қарори Идораи марказии бойгонӣҳои ҶШС Тоҷикистон ба Филиали Бойгонии давлатии вилояти Ленинобод (Суғд) дар шаҳри Конибодом табдил дода мешавад. Дар ин бойгонӣ асосан маводи солҳои 1917-1991, ки ба ҳаёти сиёсӣ, иқтисодиву иҷтимоӣ ва фарҳангии се ноҳия – Ашт, Конибодом ва Исфара мутааллиқанд, ҳифз ва нигоҳдорӣ мешаванд.

Дар бойгонии мазкур ҳазинаҳои Мақомоти иҷроияи маҳаллии ҳокимияти давлатии вилояти Суғд ва инчунин се ноҳияи минтақа - Ашт, Конибодом ва Исфара (31 ҳазина, 11597 парванда), ҳазинаҳои идораву корхонаҳо (56 ҳазина, 274920 парванда), ҳазинаи муассисаҳои фарҳанг ва маориф (11 ҳазина, 21132 парванда), тандурустӣ (5 ҳазина, 5678 парванда), иттифокҳои касаба (3 ҳазина, 431 парванда),

омор (3 хазина, 1538 парванда), хазинаҳои инфиродӣ (8 хазина, 79 парванда) ва ғайраҳо мавҷуданд.

Бояд қайд намуд, ки ба истисноӣ як-ду диссертатсия ва нигоштаҳои собиқ директори ин бойгонӣ - Шамсиддин Зоҳидов [9], маводи он то имрӯз ба дасти муҳаққиқон нарасидааст. Ҳол он, ки маводи нодири ба давраи мубориза бо босмачигарӣ ва сохтмони ҷомеаи нав дар солҳои 1920-1930-ум, ба замонҳои сохтмони канали калони Фарғона ва Ҷанги Бузурги Ватанӣ ва дигар масъалаҳо дахлдошта, то имрӯз мавриди баррасии илмӣ қарор нагирифтааст. Дар бойгонӣ имрӯз зиёда аз 50 000 парванда маҳфуз аст.

Маводе, ки то имрӯз мавриди истифода қарор нагирифтааст, асноди марбут ба муҳочирати аҳолии қисмати ғарбии Иттиҳоди Шуравӣ ба шаҳрҳои Конибодом ва Исфара мебошад. Тибқи ҳуҷҷатҳои расмӣ ин бойгонӣ танҳо ба шаҳри Конибодом зиёда аз 1400 нафар аҳолии кӯчонида шуда, бо манзилу хӯрока ва ҷойи кор таъмин гардида буданд (Ҳазинаи Мақомоти иҷроияи маҳаллии ҳақимияти давлатии навоҳӣ).

Маводи ҷолиби дигар, ҳуҷҷатҳо вобаста ба фаъолияти бемористонҳои ҳарбии (эвакогоспиталҳо) шаҳрҳои Конибодом ва Исфара мебошад. Дар солҳои Ҷанги Бузурги Ватанӣ дар шаҳри Конибодом 3 бемористони ҳарбӣ (ЭГ №№ 1075, 1767, 4455), дар шаҳри Исфара як бемористони ҳарбӣ (ЭГ № 4456) ва дар шаҳраки Нефтобод як бемористони ҳарбӣ (ЭГ № 4029) амал мекарданд [10].

Ҳуҷҷатҳои бойгонӣ дар бораи фаъолияти корхонаи консерваи шаҳри Конибодом, корхонаҳои дар солҳои Ҷанги Бузурги Ватанӣ ба ин ҷо ва шаҳри Исфара кӯчонидашуда, дар бораи фаъолияти Донишқадаи технологияи саноати консерви шаҳри Одесса, ки як муддат дар шаҳри Конибодом амал мекард, маълумоти дақиқ медиҳанд. Умуман гирем, дар бойгонии шаҳри Конибодом маводи пурқиммати таърихӣ ҳифз мешавад ва муҳаққиқи ҳешро интизор аст.

Бойгонии дигаре, ки аз мадди назари муҳаққиқон дур мондааст, Филиали Бойгонии марказии давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистон дар ноҳияи Рашт (маводи расмӣ навоҳии минтақаи Рашт ва Дарвозу Ванҷ) мебошад, ки дар ин бойгонӣ 1560 номгӯй ҳуҷҷатҳо нигоҳдорӣ мешаванд. Ин мавод аз ҳуҷҷатҳои расмӣ мақомоти давлатии ҳақимияти маҳалҳо иборат буда, дар онҳо қарорҳо, дастурҳо, фармонҳо, суратчаласаҳо, нишондодҳои КИМ, Шурои Комиссарони Халқии ҶШС Тоҷикистон, вилояти Ғарм, кумиҷроияи ноҳияҳо доир ба иҷрои нақшаҳо, рушди саноат, кишоварзӣ, энергетика, алоқа, сохтмони роҳҳо, маориф ва фарҳанг, тандурустӣ нигоҳдорӣ мешаванд.

Ҳамин тариқ, аҳаммияти бойгонӣҳо ҳамчун объекти мероси таърихӣ фарҳангӣ бебаҳс аст, зеро ҳуҷҷатҳои, ки онҳо маҳфуз нигоҳ медоранд, имкон медиҳанд, ки на танҳо маълумоти хушк дақиқи расмиро дубора эҳё кунем, балки симои даврони ба он тааллуқдоштаро ҳамчун шохиди беғараз ва ҷамъкунандаи маълумоти арзишманд дубора барқарор намоем.

Аз ин сабаб, ҳар чӣ бештар ба доираи илм ворид намудани ин ҳуҷҷатҳои муҳими таърихӣ имкон медиҳад, ки таърихи наву навтарини Тоҷикистон муфассалтару воқеитар дар асарҳои таърихӣ инъикос гардад.с сс

АДАБИЁТ

1. Бойгонии давлатии вилояти Хатлон дар шаҳри Кӯлоб. Х.7, н. 1, п. 34, в. 81.
2. Филиали Бойгонии марказии давлатии Тоҷикистон дар шаҳри Ҳисор. Х. 1.н. 1, п. 16, 20, 64, 76, 85.
3. Филиали Бойгонии давлатии вилояти Суғд дар шаҳри Уротеппа. Х. 1, н.1, п.14.
4. Филиали Бойгонии давлатии вилояти Суғд дар шаҳри Уротеппа. Х. 1, н. 1, п. 376, 379.
5. Обидов, Р. Ташкилѳбии бойғониҳои байниидоравѳ дар ноҳияҳои Ҳисор, Шаҳринав ва Тур-сунзода / Р. Обидов // Паѳми Донишгоҳи миллиѳ. – 2020. – № 7. – С. 92-97.
6. Обидов, Р. Ҳ. Таъмини хифз, ниғаҳдорѳ ва истифодаи ҳуҷҷатҳо дар Филиали бойгонии марказии давлатѳ дар шаҳри Ҳисор / Р. Ҳ. Обидов //Паѳми Донишгоҳи миллиѳ. – 2020. – № 9. – С. 113-123.
7. Очерки по истории Истаравшана (Уратюбе): XX век. – Душанбе: Ому, 2002. – 224 с.
8. Гафуров, А. М. Ура-түбе в годы Великой Отечественной войны 1941-1945гг. /А. М. Гафуров //Очерки по истории Истаравшана (Уратюбе): XX век. – Душанбе: Ому, 2002. – С. 130-144.
9. Солномаи Конибодом. 1918-1993 /мураттиб Ш. Зоҳидов. – Конибодом, 1994. – [58с.].
10. V-IPC: поиск по больницам [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://v-ipc.ru/search/hospital> (дата обращения: [23.08.2025]).

АҲАММИЯТИ МАВОДИ БОЙҒОНИҲОИ МИНТАҚАВѳ ДАР ОМУЪЗИШИ ТАЪРИХИ НАВТАРИНИ ТОҶИКИСТОН

Дар мақола зарурати омуѳзиши маводи бойғониҳои минтақавии ҷумҳуриѳ, ки то ба имрӯз аксаран мавриди таҳқиқоти илмѳ қарор нагирифтаанд, ба миѳн гузошта шудааст. Муаллифон қайд менамояд, ки мутаассифона, олимони соҳаи таърихи ватанѳ ба ин масъала аҳаммийат наодоанд. Ҳол он ки маводи нодире, ки дар бойғониҳои минтақавии шаҳрҳои Конибодом, Истаравшан, Панҷакент, Кӯлоб, Ҳисор ва ноҳияи Рашт мавҷуданд ба таври бояду шояд то имрӯз мавриди омуѳзиши муаррихон қарор нагирифтааст.

Муаллифон қайд менамояд, ки бахусус маводи ба фаъолияи кумитаҳои иҷроияи ноҳияҳо тааллуқдошта хеле арзиши баланд доранд. Қайд мешавад, ки маводи марбут ба замони Ҷанги Бузурги Ватанѳ қариб тамоман омухта нашудааст. Ба риштаи таҳқиқ қашидани ин маводи нодир барои пурра намудани таърихи Тоҷикистон дар замони Шуравѳ ҳамаҷониба мусоидат хоҳад намуд. Далелҳои пешовардаи муаллиф зарурати омуѳзиши маводи бойғониҳои мазкурро собит месозанд.

Қалидвожаҳо: *бойғониҳои минтақавѳ, мавод, ҳуҷҷат, минтақа, хазина, парванда, таҳқиқ, сарҷаишма, ѳдгорѳ, илм, мақомоти иҷроия.*

ЗНАЧЕНИЕ МАТЕРИАЛОВ РЕГИОНАЛЬНЫХ АРХИВОВ ДЛѳ ИССЛЕДОВАНИЯ НОВЕѳШЕЙ ИСТОРИИ ТАДЖИКИСТАНА

В статье подчеркивается необходимость изучения материалов региональных архивов республики, которые до настоящего времени не были предметом научного исследования. Авторы отмечают, что, к сожалению, отечественные историки не придавали этому вопросу должного значения. Однако редкие материалы региональных архивов городов Канибадама, Истаравшана, Пенджикента, Куляба, Гисара и Рахтского района до сих пор не получили должного изучения историков.

Авторы отмечают, что особую ценность представляют материалы, связанные с деятельностью райисполкомов. Отмечается также, что материалы, связанные с Великой Отечественной войной, практически не изучены. Изучение этого редкого материала будет способствовать более глубокому изучению истории Таджикистана в советское время. Приведенные автором аргументы подтверждают необходимость изучения материалов этих архивов для более широкого освещения новейшей истории Таджикистана советского периода.

Ключевые слова: *региональные архивы, материалы, документы, регион, казна, дело, исследование, источник, памятник, наука, органы исполнительной власти.*

THE IMPORTANCE OF REGIONAL ARCHIVES FOR THE STUDY OF THE CONTEMPORARY HISTORY OF TAJIKISTAN

The article emphasizes the need to study the materials of the regional archives of the republic, which have not been the subject of scientific research until now. The author notes that, unfortunately, Russian historians did not attach due importance to this issue. However, the rare materials of the regional archives of the cities of Konibodom, Istaravshan, Penjikent, Kulob, Gisar and the Rasht region have not yet been properly studied by historians.

The authors notes that materials related to the activities of district executive committees are of particular value. It is also noted that materials related to the Great Patriotic War have not been studied in practice. The study of this rare material will contribute to a deeper study of the history of Tajikistan in Soviet times. The arguments given by the authors confirm the need to study the materials of these archives for a broader coverage of the modern history of Tajikistan.

Key words: *regional archives, materials, documents, region, treasury, case, research, source, monument, science, executive authorities.*

Сведения об авторах: **Гафуров Абдулло Мутиллоевич** - кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнологии им. А. Дониша НАНТ. Адрес: 734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, проспект Рудаки, 33, E-mail: falgar@mail.ru;

Гиёсов Далер Сафарович – преподаватель кафедры истории таджикского народа Бохтарского государственного университета имени Носири Хусрава. Тел.: (+992) 988-20-09-39; E-mail: daler.safarovich@mail.ru

About the authors: **Gafurov Abdullo Mutiloevich** - candidate of historical sciences, associate professor, leading researcher at the Institute of History, Archaeology and Ethnology named after A. Donish of the National Academy of Sciences of Tajikistan. Address: 734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Rudaki Avenue, 33, E-mail: falgar@mail.ru;

Giyosov Daler Safarovich - lecturer at the Department of History of the Tajik People, Bokhtar State University named after Nosiri Khusrav. Tel.: (+992) 988-20-09-39; E-mail: daler.safarovich@mail.ru

УДК 94(575.3):737.1

САҲМИ ЕВГЕНИЙ ЗЕЙМАЛ ДАР ТАҲҚИҚИ СИККАҲОИ КУШОНӢ

САЙДАЛИЗОДА Ф. С.,

**Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии
ба номи А. Дониши АМИТ**

Евгений Владиславович Зеймал (1932 - 1998) соли 1955 бо хатм намудани До-нишгоҳи давлатии Ленинград (ҳозира Санкт - Петербург) ҳамчун муаррих - бо-стоншинос бо рохат ба Тоҷикистон, ба ҳайси корманди илмӣ дар Осорхонаи ки-шваршиносии ба номи К. Беҳзод, фиристода мешавад. Зеймал яке аз пешқадамони илмии нумизматика дар Тоҷикистон буд, ки саҳми арзандаи илмиро дар таҳқиқи таърихи Кушониён гузоштааст.

Ӯ ҳанӯз аз соли 1956 дар самти омӯзиш ва таҳқиқи сиккаҳои замони кушонӣ бо таваҷҷуҳи хоса таҳқиқот бурда, соли 1960 дар яке аз аввалин мақолаҳои оид ба маҷмӯи сиккаҳои кушонии фонди нумизматики Институти таърихи Академияи

фанҳои Тоҷикистон, ки то он замон ҳамагӣ аз ду сиккаи тиллоӣ ва бисту панҷ сиккаи мисин иборат буд, маълумот додааст [3, 71; 4, 176; 9, 115-128].

Осори фаровони нумизматики замони кушониён дар Тоҷикистон шавқи ӯро ба ин мавзӯи дар он замон нав ва баҳсбарангез бедор менамояд. Соли 1965 рисолаи номзодии худро дар мавзӯи «Шоҳигарии Кушон аз рӯи маълумоти нумизматӣ» («Кушанское царство по нумизматическим данным») ҳимоя кардааст.

Рисолаи номзодии ӯ ҳамчун як таҳқиқоти муҳимми илмию нумизматикӣ пазируфта шуда, мактаби нумизматикии тоҷикро таҳрик дод.

Дар асари мондагораи «Древние монеты Таджикистана» (1983) таҳқиқот ва тафсилоти фарогири илмиро доир ба таърихи Тоҷикистон аз а. V то м. то а. VII милодӣ, дар ҳамбастагӣ бо сарчашмаҳои нумизматӣ, ки бо таҳқиқи 1770 сиккаҳо ба даст овардааст, маълумот медиҳад [5, 43; 8].

Танҳо барои омӯзиши таърихи замони кушониён 645 нусха сиккаҳои кушониёро, ки аз ин шумора 515-тояш аз вилояти Хатлон кашф гардидааст, таҳқиқ мекунад [8, 145-228]. Ӯ ҳангоми таҳқиқот 14 адад ганчинаҳои замони Кушониёнро тафсир карда, маълумоти фаровони илмиро дар осораш пешкаш кардааст.

Дар таҳқиқ ва муайян кардани қаламрави давлати кушониён бошад, муаллиф сарҳади давлати Кушониёнро дар шимол - аз қаторкӯҳи Ҳисор ба самти Тирмиз, ҳудуди имрӯзаи Афғонистон, Покистон ва шимоли Ҳиндустон муайян кардааст [10, 145]. Ин муайянкунии сарҳадҳо ба бознигарии таърихи сиёсӣ ва иқтисодии давлати Кушониён дар Осиёи Марказӣ таъсири калон гузоштааст. Бо таваҷҷуҳи хоса зикр мекунад, ки ин давлат дорои рушди баланди иқтисодиёт, бо муносибатҳои мукаммалӣ ҷамъияти ғуломдорӣ, фарогири шумораи зиёди шахру деҳот, дорои иншооти бузург барои обёрии заминҳо, тичорати рушдкарда ва низоми махсуси муомилоти пулӣ будааст.

Е. В. Зеймал менависад, ки хати иншоотҳои обтаъминкунии замони Кушониён дар водии Вахш, ки бо заҳмати ғуломон бунёд гардида буд, аз шаҳри Леваконт оғоз шуда, то резишгоҳи дарёи Вахш ба дарёи Ому, дар масофаи зиёда аз 100 км саросар ин водиро обёрӣ мекард. Чунин иншооти бузург баъд аз барҳам хӯрдани давлати Кушониён танҳо дар замони Иттиҳоди Шуравӣ имкон шуд, ки аз нав бунёд карда шаванд. Бешубҳа, барои бунёди чунин иншооти обтаъминкунӣ маблағи калони пулӣ истифода шудааст [8, 143-144].

Роҷеъ ба таъсисёбии давлати Кушониён дар сарчашмаҳои таърихӣ маълумотҳо кам оварда шудааст. Маълумоти охирин роҷеъ ба ин қabila менависанд, ки Кютс-зю-кио (чинӣ-Кучула Кадфиз) қаламрави панҷ давлати ин сарзаминро муттаҳид намуда, давлати бузургро аз Бохтар то шимоли Ҳинд ва шарқи Эрон таъсис медиҳад [8, 164; 14, 275-276]. Дастовардҳои бостоншиносӣ шаҳодат медиҳанд, ки ин давлат дар як муддати муайян рушду нумӯ карда, дар минтақаи Осиёи Марказӣ ва Шарқӣ мақоми абаркудратро соҳиб мешавад. Омӯзишҳо дар рушди сиёсати ҳориҷӣ гувоҳанд, ки муносибати сиёсӣ тичоратии давлати Кушониён аз атрофи хавзаи укёнуси Ҳинд то Аврупову Африка рафта мерасидааст [15, 17-190].

Дар мавзӯҳои таърихӣ маданияти Кушониён қовишҳои бостоншиносӣ аз соли 1947 оғоз гардида буданд [6, 147-186]. Таҳқиқоти тӯлонии бостоншиносӣ

маълумот медихад, ки дар Тоҷикистон осори бештари кушонӣ дар поёноби дарёҳои Сурхоб, Вахш, Кофарниҳон ва умуман соҳили рости Ому, ки мансуб ба вилояти Хатлон мебошад, маҳфуз мебошад [8, 143-144, 185; 11].

Ҳангоми ковишҳои бостоншиносӣ пайдо гардидани сиккаҳои зиёди кушонӣ маҳсули хоси шаҳракҳои кушонӣ мебошад. Устод Б. Ғафуров пайдо гардидани шумораи зиёд ва гуногуни сиккаҳоро дар осори шаҳракҳои кушонӣ «нишони дар ҳаёти рӯзмарра чараён доштани муомилоти пулӣ» номидааст [1, 192].

Сиккаҳое, ки аз ҷониби олимони ба замони аввали пайдоиш ва рушди давлати Кушонӣ мансуб доништа мешавад, ин сиккаҳои нуқрагии «Ҳерай» мебошанд. Алҳол ду намуди сиккаҳои «Ҳерай» – тетрадрахма бо вазни миёнаи 14-16 г. ва обол бо вазни миёнаи 0,4-0,5 г. кашф шудааст. Осори Зеймал бо истифода аз сарчашмаҳои мухталиф оид ба зиёда аз 30 тетрадрахма ва бештар аз 50 оболҳои «Ҳерай» маълумоти илмӣ додааст. Дар робита бо сиккаҳои танҳо аз Хатлон кашфшудаи «Ҳерай» роҷеъ ба 9 тетрадрахма ва 17 обол, ки аз шаҳракҳои бостоншиносии Кайкубодшоҳ, Тахти Сангин, Теппаи Шоҳ, шаҳраки Вахш, Тулҳар, Бешкент (Гӯристони Бешкент IV), Иттифок (Фарҳор) ва Гузари Тор (Ховалинг) кашф гардидаанд, маълумоти пурра додааст.

Ҳудуди шарқии водии Вахш, ки сиккаҳои бештари «Ҳерай» аз он кашф гардидаанд, нуқтаи назари олимони оид ба зарб шудани чунин сиккаҳо дар ин мавзӯ ба миён овардааст. То пешниҳоди Е. В. Зеймал муҳаққиқ Е. А. Давидович аввалин шуда оид ба ин нуқтаи назар ақидаашро ибраз намуда буд. Ганҷинаи сиккаҳои аз ноҳияи Вахш кашфшудаи «Ҳерай», ки аз ҳашт адад тетрадрахмаи нуқрагӣ иборат мебошад, то имрӯз дар ҷаҳон аввалин ва аз ҳама калонтарин ба ҳисоб меравад. Ин ганҷина соли 1968, ҳангоми сохтмони манзили истиқоматӣ аз маркази ноҳия кашф гардидааст [2, 17].

Дар тарафи рӯи сиккаҳои тетрадрахмаи «Ҳерай» тасвири нимпайкараи ҳокими мӯйлабдор бо риши кӯтоҳ акс ёфта, ба тарафи рост нигаронида шудааст. Мӯйи сараш ба қафо ҳамвор шуда, дар сар диадема (дайҳими борик) дорад. Ӯ дар тан курта ва аз болои он камзӯли гиребондор ба бар дошта, дар канори тасвири тарафи рӯи сикка ҳошияи даврашакли иборат аз нуқтаҳои дарозрӯя дар гирдогирди канори сикка тасвир шудааст. Шакли тарафи пушти чунин сиккаи «Ҳерай» бошад, тасвири шоҳи дар асп савор ба тарафи рост равон буда, дар дасти росташ муҳри салтанат бардошта шуда, дасти чап аз қафо намоён ва аз қафои сари ӯ Худои Ника дар ҳолати парвоз қардан тасвир шудааст. Аз болои сари савора дар шакли нимдоира, дар миёни пойҳои асп ва қисмати поёни тасвири асп, дар се сатр навиштаҷотҳо оварда шудааст. Сиккаҳои калони «Ҳерай» тавре зарб шудаанд, ки ҳарду тарафи онҳо ҳамвор набуда, тарафи рӯй каме варамида ва қисми миёнаи тарафи пушти сиккаҳо бошад ба дарун фишор оварда шудааст.

Е. В. Зеймал баъд аз таҳқиқоти зиёд бори дигар навиштаҷоти тарафи пушти сиккаҳои «Ҳерай»-ро омӯхта [8, 154-155], қайд мекунад, ки калимаҳои ҷойдошта «кушан», «ҳоким» (властвующего), «герай» ва «санаб» бояд мантиқан баҳо дода шаванд. Маълум, ки бо калимаи «кушан» – номи сулолаи Кушонӣ дар назар аст.

Калимаи ҳоким дар ин маврид ба маънои аслии худ омада, ҳочат ба шарҳу тавзеҳ надорад.

Дар мавриди калимаҳои «Ҳерай» ва «санаб» бошад, муаллиф фарзияи нави илмиро пешниҳод мекунад. Ё менависад, ки, мафҳуми форсии қадими «Ҳерай», ба андешаи ӯ ба маънои мансабу мақоми ҳоким ё шояд ба маънои часуру тавоно фаҳмида мешавад. Дар ин мавриди калимаи охиринаи рӯйи сиккаҳо «санаб» бошад, қайд мекунад, ки ин номи худӣ ҳоким аст. Яъне, зарб шудани сиккаҳо мансуб ба ҳоким «Ҳерай» набуда, балки ба ҳоким «Санаб» мебошанд. Дар давоми таҳқиқоти зиёда аз 150 сол чунин сиккаҳо номи «Ҳерай»-ро доштанд ва муаллиф дар осори худ кашфиёти нави илмиро пешниҳод намуда, мавриди муҳокима қарор додааст, ки ин сиккаҳо минбаъд сиккаҳои «санаб» ном бурда шаванд [8, 149].

Е. В. Зеймал дар навиштаҷоти сиккаҳои «Ҳерай» хатогихҳои имлоии зиёдеро ба қайд гирифтааст [2, 19-29]. Мисол, дар ҳамон ҳашт сиккаи аз ганчинаи шаҳраки Вахш кашфгардида калимаи «Ҳерай» бо ҳарфҳои юнонӣ дар панҷ маврид бо панҷ ҳарф, дар як маврид бошад, бо шаш ҳарф ва дар ду маврид бо ҳафт ҳарф навишта шудааст. Дар ҳамин ҳашт сикка, танҳо дар калимаи «Ҳерай», дар 12 маврид ҷойи ҳарфҳои иваз шудааст. Дар миёни ҳашт сиккаи аз як ганчина кашфшуда ду сиккаи ба ҳам айнан монанд вучуд надорад.

Албатта дар навиштаҷоти «кушан», «ҳоким» ва «санаб» низ фарқияти имлоии зиёд дида мешавад. Муаллиф ин нуқсонҳои кори заробонро пайгирӣ намуда, бо таассуф қайд мекунад, ки нусхаҳои аввалини зарбшудаи сиккаҳои «Санаб» ё «Ҳерай» то имрӯз кашф нагардидаанд, вагарна барои ҳалли бисёр паҳлӯҳои баҳсталаби ин масъала нуқта мегузоштанд.

Е. В. Зеймал нуқтаи назари Э. В. Ртвеладзеро роҷеъ ба он, ки ин сиккаҳо дар замони худ дар атрофи Тирмиз ва водии Сурхондарё дар муомилот қарор доштаанд, рад карда, далелҳои овардаи ӯро нокифоя меҳисобад. Таъкид мекунад, ҳангоми муайян намудани сарҳади муомилоти сиккаҳо, бо аҳён-аҳён пайдо гардидани онҳо дар ин қаламрав, эҳтиёткор будан лозим аст. Сиккаҳои тилло ва нукрагӣ ҳамчун ҷавохирот метавонанд аз қаламрави муомилот берун бароянд. Яъне, бо кашф гардидани як ё ду сиккаи алоҳида оид ба сарҳади муомилоти чунин сиккаҳо ҳулосаи илмӣ пешниҳод намудан ҳочат надорад. Зеро аз рӯйи ақидаи ӯ Ҳерай (ё худ Санаб) ҳамчун шахсият танҳо ҳокими мулк ба буда, аз зумраи шоҳони сулолаи Кушонӣён набудааст ва қаламрави муомилоти сиккаҳои ӯ низ маҳдуд аст [2, 29; 5, 150].

Евгений Зеймал ақидаи дигари Э. В. Ртвеладзеро дар масъалаи он, ки сиккаҳои «Ҳерай» ва сиккаҳои тақлидии Гелиокл дар як замон зарб шуда, ба муомилот бароварда шудаанд, нодуруст меҳисобад. Ё менависад, ки Э. Ртвеладзе барои тасдиқи ин назарияи худ далели кофӣ наовардааст. Танҳо омилҳои ба ҳам аз рӯйи вазн ва тасвири рӯйи сиккаҳо шабоҳат доштан ва наздик будани сиккаҳои юнону бохтарӣ ва кушонӣ далели дар як замон зарб шудани онҳо шуда наметавонад, менависад мавсуф [15, 78].

Замони дар муомилот қарор доштани сиккаҳои «Ҳерай»-ро Евгений Зеймал аз нимаи дууми а. II то милод то солҳои 100 милодӣ муайян кардааст [8,150], ки ин

нуқтаи назар ба фарзияҳои А. Н. Зограф ва Е. А. Давидович мувофиқат мекунад [2, 30; 8, 150].

Евгений Зеймал қайд мекунад, ки номи асосгузори давлати Кушон Кучула Кадфиз дар ду сарчашмаи хаттии чинӣ навишта шудааст, ки мувофиқи ин сарчашма ӯ зиёда аз 80 сол умр дида, бо унвони «ҳокими бузург, ҳокими ҳокимон, фарзанди осмонҳо Кушон» ёд шудааст.

Сиккаҳои Кучула Кадфиз дар Тоҷикистон ҳанӯз кашф нагардидаанд. Дар Осиёи Марказӣ танҳо панҷ сиккаи Кучула Кадфиз дар Осорхонаи Тошканд маҳфуз аст, ки аз Тирмиз бурда шуда, ҷойи кашф шуданашон маълум нест. Тахмин карда мешавад, ки Кучула Кадфиз дар поягузории давлати Кушониён муборизаро аз қаламрави шимолӣ Афғонистон оғоз карда бошад, чунки то инҷониб ин ҳудуд қаламрави ёфтшавии сиккаҳои ӯ ба ҳисоб меравад [8, 145].

Аз вориси тахт ва писари Кучула Кадфиз, ки дар таърих ўро бо номҳои рамзии «шоҳи беном» («царь безымянный») ё «сотер мегас» ном мебаранд, дар Хатлон сиккаҳои зиёди мисӣ кашф гардидаанд. Е. В. Зеймал доир ба «сотер мегас», ки ин номи рамзӣ аз навиштаҷоти рӯйи сиккаҳо «ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΒΑΣΙΛΕΩΝ ΣΩΤΗΡ ΜΕΓΑΣ» (юн.- «шоҳи шоҳон, наҷотбахши бузург») гирифта шудааст, маълумоти басо васеъ ва таҳқиқоти ҷолиберо пешкаш мекунад [8, 161-169; 9, 116].

Сиккаҳои «сотер мегас» аз лиҳози ороиш дар тарафи рӯяшон расми савораи ба тарафи рост истода, дар даст табари чангири ба пеш бардошта ва дар тарафи пушти сикка бошад, расми марди ҷавоне аз камар боло тасвир ёфта, дар сар дайҳим ва хатҳои нур болои сараш зарб шудааст. Дар сиккаҳои алоҳида аз 5 то 14 –тои ин хатҳои нури болои сари шоҳ ҳисоб карда шудааст. Динорҳои мисии «сотер мегас» аз 7,9 то 8,1 г. вазн дошта, чорякдинорҳоиаш бошад ба 1,9 то 2,3 г. баробар мебошанд.

Е. В. Зеймал оид ба панҷ гурӯҳи сиккаҳои «шоҳи беном» маълумот дода, дар ин маврид назарияи М. Е. Массонро оид ба вучуд доштани гурӯҳи 6-уми чунин сиккаҳо рад мекунад [13,7]. Ё менависад, ки дар Хатлон асосан сиккаҳои гурӯҳи якум кашф шудаанд. Сиккаҳои гурӯҳи 2 ва 5 дар Каписо ва Бохтар (Афғонистони шимолӣ дар назар аст), гурӯҳи 3 дар Гандҳара, гурӯҳи 4 ва 5 дар Мадхури ва Панҷоб аз ҷониби ҳокимони маҳаллӣ, аз номи «шоҳи шоҳон, наҷотбахши бузург» зарб шудаанд. Дар ҷудо намудани ин гурӯҳи сиккаҳо муаллиф ба таҳқиқоти Д. Мак Доуэлл баҳои баланд дода, фарзияи ўро дуруст баҳо медиҳад [8, 164].

«Солҳои охир дар ганчинаҳо бо ҳам якҷоя кашф гардидани сиккаҳои юнону бохтарӣ ва сиккаҳои кушонӣ маълумоти дигарро барои таҳқиқ ба мо баррасӣ кардаанд», менависад муаллиф. Яъне, ин якҷоягӣ исботи он аст, ки сиккаҳои юнону бохтарӣ дар замони кушониён низ муддате дар муомилот қарор доштаанд [8, 165-170].

Е. В. Зеймал назарияи Массонро оид ба он, ки «сотер мегас» ин ҳуди Кучула Кадфиз мебошад, рад мекунад. Бо вучуди он, ки дар доираи илм аз солҳои 50-уми асри XX ин фарзияи М. Е. Массон дар доираи илмӣ қабул карда буд, Евгений Зеймал бо назарсанҷии мӯшикофона онро рад мекунад. Ҳанӯз дар аввалин мақолаҳоиаш Е. В. Зеймал назарияи М. Е. Массонро доир ба он, ки «сотер мегас» ин таҳаллу-

си Кучула Кадфиз аст ва ҳамзамон пешниҳоди А. Каннингэбро доир ба Вима Кадфиз будани шахсияти «шоҳи беном» қабул надоштааст. Баъди дастрас намудан ва таҳқиқи маълумоти Маршалл дар бораи ганчинаҳои Сиркон ва Таксил, Евгений Зеймал бо боварӣ қайд мекунад, ки давраи ҳукмронии «шоҳи беном» ё «сотер ме-гас» баъди асосгузори давлати кушонӣ - Кучула Кадфиз ва пеш аз шоҳи дигари кушонӣ Вима Кадфиз бояд гузашта бошад [9,118].

Е. В. Зеймал аз ворид гардидани воҳидҳои нави сиккаҳо ба муомилот хулоса бароварда, маълумот медиҳад, ки шоҳи сеюми кушонӣ Вима Кадфиз солҳои ҳукмронии худ ислоҳоти пулӣ гузаронида, бори аввал дар таърихи «давлатҳои пасоэл-линӣ» сиккаҳои тиллоӣ; дудинорӣ, динор, нимдинорӣ ва чорякдинориро ба муомилот мебарорад. Сиккаи аз ҳашт грамм тилло таркибёфта он замон танҳо ҳоси империяи римиҳо буд, ки онро «ауриус dinarius» ном мебурданд. Аммо сиккаҳои то он замон маъмули аз нукра таркибёфта дар аҳди Вима Кадфиз тамоман ба қайд гирифта нашудааст. Оид ба сабаби якбора аз зарби сиккаҳои тиллоӣ даст кашидани Вима Кадфизро муаллиф фарзияи Е. А. Давидовичро пеш меорад, ки ӯ сабабашро аз байн рафтани захираҳои кони нукра ё ин, ки ҷалб нашудани эҳтимолии захираҳои нукра ба зарробхонаҳо мепиндошт [8,178-179].

Сиккаҳои Вима Кадфиз аз лиҳози нақши тарафҳои рӯй ва пушташон, сифати навиштаҷоти болои он бо санъати баланд оро дода шудаанд. Маълум мешавад, ки кори зарбони аҳди Вима Кадфиз дар сатҳи хуби техникӣ ва ороишӣ ба роҳ монда шудааст. Е. В. Зеймал ин сиккаҳоро аввал ба 13 навъ ва дар навбати худ боз ба зергурӯҳҳои алоҳида ҷудо кард. Муҳаққиқон дар ҷаҳон то инҷониб 60 нусха сиккаҳои тиллоӣ ин шоҳи кушониро таҳқиқ намудаанд, вале мутаассифона ҳеҷ яке аз онҳо аз ҳудуди Тоҷикистон кашф нагардидаанд.

Сиккаҳои мисии Вима Кадфиз, ки дар Хатлон кашф шудаанд, бештар бо типҳои дар тарафи рӯяшон расми шоҳи ростистода дар назди қурбонгоҳ, дасти ростӣ ӯ сӯйи қурбонгоҳ, дасти чапаш дар камар, пеши пойҳояш каме кушода, бо камзӯли дароз ва қулоҳи баланд тасвир шудааст. Дар тарафи пушти сиккаҳои гуногуни Вима Кадфиз танҳо се тасвир: аввал, ҳудои Шива (Виша)-и ростистода, дуҷум - Шива бо букқа Нанду ва дар тасвири сеюм сешоҳа ва дастак, ки ба равияи шивапарастии дини буддой эътиқодманд будани шоҳро ифода мекунад, зарб ёфтааст. Дар навиштаҷоти баъзе сиккаҳо «шоҳи шоҳон, наҷотбахши бузург Вима Кадфиз, парастандаи Шива» навишта шудааст, ки ин матлаб дар як вақт гувоҳи дини дарбор будани шивапарастӣ ва дар мавриди дигар озодии дин ва ниёиши ҷамъияти замони кушонӣро таҷассум менамояд [8, 180-183].

Таҳқиқот нишон медиҳад, ки замони ҳокимияти Вима Кадфиз се намуди сиккаҳои мисии шаклан калон, миёна ва хурд (тетрадрахма, дидрахма ва драхма) зарб шуда, муомилоти бозориро таъмин мекардаанд. Чунин сиккаҳо ба ғайр аз нусхаҳои алоҳида, ҳамчунин дар панҷ ганчинаи сиккаҳои Хатлон кашф гардидаанд. Сиккаҳои калони мисии Вима Кадфиз бо навиштаҷоти юнонии «шоҳи шоҳон, наҷотбахши бузург Вима Кадфиз» аз дигар сиккаҳо фарқ мекунад. Дар ҷадвали сиккаҳо муаллиф 104 адад сиккаҳои Вима Кадфизро, ки аз 5,24 гр. то 16,87 грамм вазн до-ранд, муаррифӣ кардааст [8, 187-189].

Сиккаҳои тиллоии шоҳи кушонӣ Канишкаи I то имрӯз дар олам зиёда аз 200 нусхааш таҳқиқ шудааст ва онҳо аз ду намуд: динор ва чорякдинор иборатанд. Е. В. Зеймал дар осораи оид ба ду сиккаи тиллоии аз сохтмони роҳи Кулоб (ОМТ №3156) ва ноҳияи Ҷ. Балхӣ (коллексияи шахсӣ) кашфшуда, ҳамзамон оид ба 69 сиккаи мисии Канишкаи I маълумоти илмӣ додааст [8, 199-203]. Аз рӯйи гурӯҳбандии Е. В. Зеймал тарафи рӯйи сиккаҳои Канишкаи I 10 тип ва тарафи пушташон бошад 36 типро дарбар гирифтааст. Аз 112 сиккаи таҳқиқшуда, танҳо 5-тоаш қиссаҳои ҷунонӣ дорад. Боқӣ дар 107-тои он қиссаҳои форсии бо хати паҳлавӣ навишташуда омӯхта шудааст, ки дар таърихи салтанати кушонӣ ин падидаи нав буд. Дар ороиши пушти сиккаҳои типҳои аввал Худоҳои асотири ҷунонӣ Гелиос, Геракл, Селена, Гефест ва дар типҳои баъдина бошад, Худоҳои кушонӣён Маҳа (худои моҳ), Аташ (худои оташ), Друваспа, Ардохш (худои фаровонӣ), Бада (худои бод), Меҳр (худои офтоб), Маздована ва дигар эзадҳо, ки ба динҳои равияи зардуштиву буддӣ мансубанд, дида мешаванд [8, 193-194].

Таҳқиқот нишон медиҳад, ки дар замони ҳукмронии Канишкаи I мавқеи дини буддӣ низ дар ҳоли рушд буда, давраҳои буддӣ бунёд гардидааст [12, 117-137].

Мувофиқи маълумоти Е. В. Зеймал дар давлати Кушонӣён баъд аз ҳокимияти Канишкаи I вориси ҳамноми ӯ Канишкаи II ҳукмронӣ кардааст. Ба муҳаққиқон ду номгӯйи сиккаҳои ин шоҳ, сиккаҳои калон ва хурди мисаш маълум мебошад. Дар тарафи рӯйи ҷунин сиккаҳо тасвири шоҳи дар назди қурбонгоҳ ростистода, ки дасти росташ болои қурбонгоҳ ва дасти чап дар камар аст зарб шудааст. Дар тарафи пушти сиккаҳо бошад, бештар тасвири Худоҳои Маҳа ва Нана ба назар мерасад. Ягона сиккаи мисии Канишкаи II дар Тоҷикистон дар Осорхонаи миллий (таҳти № 1606) маҳфуз мебошад [8, 203].

Е. В. Зеймал ҳангоми таҳқиқоташ 12 марҳалаи давраҳои мухталифи зарб шудани ин сиккаҳои Ҳувишқаро гурӯҳбандӣ кардааст, ки онҳо дар ду давра зарб шудаанд. Ба давраи якуми ҳокимияти ӯ панҷ гурӯҳ ва ба давраи дуюмаш ҳафт гурӯҳ сиккаҳо рост омадааст. Кашфиёти имрӯзаи бостоншиносӣ нумизмати далолат аз он мекунад, ки ҳангоми зарб шудани сиккаҳои марҳалаи дуюми Ҳувишқа эҳтимол ҳудуди Тоҷикистон дар ҳаёти давлати ӯ қарор надошта бошад. Чунки, то ҳанӯз аз сарзамини мо сиккаҳои дар марҳалаи дуюми ҳукмронии ӯ зарбшуда, кашф нагардидаанд. Муаллиф иброз мекунад, ки дар ин самт муҳаққиқон нуқтаи назари илмиашонро ҳанӯз ҷамъбаст накардаанд ва таҳқиқотро идома бояд дод.

Ба қавли Евгений Зеймал тақдири 37 нусха динори ин шоҳи кушонӣ, ки аз рӯйи маълумоти М. Е. Массон аз бошишгоҳи Тирмизи қуҳан кашф шуда бошад, номаълум боқӣ мемонад. Дар бораи 29 сиккаи мисии шоҳи кушонӣ Ҳувишқа, ки дар тарафи рӯйи ҳамаи онҳо шоҳ савори фил ва дар тарафи пушти сикка худоёни Михр, Фарра, Ардохш, Вада, Оташ, Вадо ва дигарҳо тасвир шудаанд, дар монографияи Е. В. Зеймал маълумоти пурра оварда шудааст [8, 211-214; 13, 83].

Шоҳи навбатии кушонӣ бо номи Васудева шинохта шуда, солҳои 64 то 98 тақвими Канишка ҳукмронӣ кардааст. Ба муҳаққиқони соҳаи нумизматика динор ва чорякдинорҳои тиллоии Васудева ошно мебошад. Дар тарафи рӯйи аксари сиккаҳои мисии Васудева риояи анъанаҳои шакли нахустин сиккаҳои кушонӣ бо

тасвири шоҳи ростистода назди курбонгоҳ, дасти росташ ба тарафи курбонгоҳ, дасти чап ба камараш, аз рост сешоха ва дар тарафи пушти сикка бошад, тасвири Худои Шиваи ростистода дар паҳлӯи буқкаи Нанду, идома ёфтааст.

Ду сиккаи тиллоии шоҳи кушонӣ Васудева, ки аз шаҳраки Кайкубодшоҳ ва ноҳияи Ҷ. Балхӣ ёфт шудаанд. Ҳамчунин 20 сиккаи мисии ӯ дар Осорхонаи миллии бостонии Тоҷикистон маҳфуз мебошад, ки онҳоро Е. В. Зеймал дар осори худ таҳқиқ кардааст [8, 219-221].

Муаллиф қайд мекунад, ки дар нусхаҳои ҳам тиллоӣ ва ҳам мисии шоҳи кушонӣ Васудева дар раванди кори заробхонаҳо давра ба давра пастшавии сифати тасвирҳои тарафҳои рӯй ва пушти сиккаҳо мушоҳида мешавад. Рафта-рафта ин аҳвол то дараҷае ба назар мерасад, ки дар сиккаҳои баъдина дар тарафи рӯйи сиккаҳо хатҳои ба сурати одам каме шабоҳатдошта тасвир шуда, дар тарафи пушти сиккаҳо бошад, танҳо баъзе пасту баландиҳои номаълум нақш дорад. Аз чунин бе-сифатшавии марҳалавии сиккаҳо ва ба вучуд омадани фарқиятҳои зоҳирии миёни онҳо, бисёр муҳаққиқон гумон кардаанд, ки сиккаҳои гуногуншакл бо навиштаҷоти «Васудева» ба якҷанд шоҳ мутааллиқ аст. Ин омил боиси пайдо шудани фарзияе шуд, ки гӯё дар давлати Кушонӣён ду ва ҳатто се Васудева ҳокимият карда бошад. Дар асл бошад, сиккаҳои Васудеваро агар мувофиқи марҳалаҳои зарбшавии онҳо ба як тартиби муайян пайҳам гузорем, бо мушоҳидаи чашм пай мебарем, ки онҳо зарби як давраи таърихӣ ва мансуб ба як шоҳи кушонӣ мебошанд.

Муҳаққиқ дар мавриди дигар ба хулосае омадааст, ки омили дигари ба вучуд омадани фарзия оид ба ҳокимият кардани ду ё се Васудева дар давлати Кушонӣён ин ҳолигии хронологӣ дар замони ҳокимияти Кушонӣён аз соли 176 мелодӣ то рушди давлати Гуптаҳо мебошад [8, 147].

Дар таҳқиқоти ин олими шинохта оид ба давраи ҳокимияти яке аз охириин шоҳони кушонӣ Канишкаи III низ маълумоти дақиқ оварда шудааст [8, 222-226]. Дар солномаи давраи кушонӣ танҳо дар як маврид, дар соли 41 тақвими Канишка оид ба салатанати ин шоҳ гуфта шудааст. Бештари сиккаҳои Канишкаи III дар тарафи рӯяшон тасвири шоҳи рост истода, дасти росташ ба тарафи курбонгоҳ ва дасти чапаш дар камар тасвир гардидаанд. Дар тарафи пушти сиккаҳо бошад, тасвири Худои фаровонхосилӣ Ардохш дар тахт нишастааст ва дар дасташ рамзи фаровониро дар шакли ҳалқаи баргҳои дарахти зайтун мисли гулчанбар нигоҳ медорад, зарб шудааст. Навиштаҷоти «шоҳи шоҳон, Канишкаи кушонӣ» бошад, қанораи чунин сиккаҳоро ороиш додааст, ки чун анъанаи шоҳӣ яке аз ҷузъиёти асосии фарқият дар шакли зоҳирии сиккаҳои ӯ мебошад.

Мувофиқи маълумоти сарчашмаҳо дар нимаи аввали асрҳои IV дар қаламрави давлати Кушон сиккаҳои барои муҳаққиқони соҳа маълуми кушониву сосонӣ ба муомилот ворид мешаванд. Ба қавли устод Б. Ғафуров чунин сиккаҳо баъд аз забт гардидани қисмати давлати кушонӣён аз тарафи сосонӣёни Эрон дар заробхонаҳои Балх ва Марв зарб шудаанд [1, 193-196].

Е. В. Зеймал оид ба гурӯҳи алоҳидаи сиккаҳои мисии тақлидии шоҳони кушонӣ Хувишка, Васудева ва Канишкаи III се боби алоҳидаро иншо кардааст. Ба

қавли ӯ сиккаҳои мисии тақлидӣ баъд аз таназзули салтанати Кушониён, аз ҷониби ҳокимони маҳаллӣ, бо мақсади пурра таъмин намудани муомилоти бозорӣ зарб шудаанд. Е. В. Зеймал ба он бовар аст, ки сиккаҳои тақлидӣ то замони давлати ҳайтолиён дар муомилот қарор доштаанд [7, 25-28; 8, 235-256]. Пас, бинобар сабаби ба гурӯҳи сиккаҳои аслии шоҳони кушониён мансуб набудани сиккаҳои тақлидӣ ва сиккаҳои замони Сосониён, мо таҳқиқоти Евгений Зеймалро дар боби онҳо баррасӣ намекунем.

Асарҳои илмие, ки муҳаққиқи дақиқназар Е. В. Зеймал дар тӯли фаъолияти пурсамараш офаридааст, барои равшан кардани саҳифаҳои номаълум ва норавшани таърихи аҳди қадими ниёгонамон саҳми бебаҳо гузоштаанд. Бахусус, монографияи ӯ «Древние монеты Таджикистана» (1983) ҳамчун шоҳасари беназир ва манбаи бозғатимод оид ба таърихи сиккаҳои асрҳои V то милод то VII милодӣ, ки дар қаламрави Тоҷикистон ёфт шудаанд, маълумоти пурраи илмиро ҷамъбаст намуда, барои муҳаққиқон, ҳамчунин, дӯстдорони таърих ва нумизматика манбаи басо арзишманд мебошад [8].

Нақши Е. В. Зеймал дар баҳамоварии маълумоти муҳталифи муҳаққиқон ва таҳлили муштараки онҳо доир ба ташаккули назарияи таърихи муомилоти пулии давраи қадими Тоҷикистон ва берун аз он беназир аст.

Бо боварии комил метавон гуфт, ки тавассути таҳкими корҳои бостоншиносӣ, кашфи ганҷинаву сиккаҳои нав ва дастбӣ ба сарчашмаҳои хаттии нав дар қаламрави шаҳракҳои маданияти кушонӣ мо метавонем, бо истифода аз усулҳои таҳқиқотӣ саҳифаҳои норавшани таърихи ниёгонамонро, ки Зеймал Е. В. ва дигар муҳаққиқон пояи илмии онро гузоштаанд, эҳё намуда, таърихи ғанӣ ва пурмазмунни охири ҳазораи то милод ва оғози ҳазорсолаи аввали милодии Ватани худро дар пояи сарчашмаҳои нав зинда гардонем. Осори чунин муҳаққиқон ҳамзамон барои баланд бардоштани ифтихори миллӣ ва эҳёи ҳувияти таърихӣ он метавонад нақши муассир дошта бошад.

АДАБИЁТ

1. Гафуров, Б. Ғ. Тоҷикон: таърихи қадимтарин, қадим ва асри миёна / Б. Ғ. Гафуров. – Душанбе, 2020. – 976 с.
2. Давидович, Е. А. Клады древних и средневековых монет Таджикистана / Е. А. Давидович. – М.: Наука, 1979. – 462 с.
3. Давидович, Е. А. Монетные находки на территории Таджикистана в 1953 г. / Е. А. Давидович // Археологические работы в Таджикистане. – Вып. I. – Сталинабад, 1954. – С. 69-77.
4. Давидович, Е. А. Монетные находки на территории Таджикистана, зарегистрированные в 1956 г. / Е. А. Давидович // Археологические работы в Таджикистане. – Вып. IV. – Сталинабад, 1956. – С. 171-179.
5. Довуди, Д. Развитие нумизматики в Таджикистане в годы независимости (1991-2019) / Д. Довуди // Археология, религия, традиции. – 2019. – № 40. – С. 42-51.
6. Дьяконов, М. М. Работы Кафирниганского отряда / М. М. Дьяконов // Труды Согдийско-Таджикской археологической экспедиции. – Т. I. 1946-1947 гг. (МИА. № 15). – М.–Л., 1950. – С. 147-186.
7. Зеймал, Е. В.; Давидович, Е. А. Денежное хозяйство Средней Азии в переходный период от древности к средневековью (к типологии феодализма) / Е. В. Зеймал, Е. А. Давидович // Бартольдские чтения. – М., 1978. – С. 25-28.

8. Зеймал, Е. В. Древние монеты Таджикистана / Е. В. Зеймал. – Душанбе, 1983. – 344 с.
9. Зеймал, Е. В. Кушанские монеты из собрания Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР / Е. В. Зеймал // Известия ООИ АН Таджикской ССР. – Вып. 1 (22). – Сталинабад, 1960. – С. 115-128.
10. Зеймал, Е. В. Кушанская хронология (материалы по проблеме) / Е. В. Зеймал. – М., 1968. – 186 с.
11. Зеймал, Е. В. Политическая история древней Трансоксианы по нумизматическим данным / Е. В. Зеймал // Культура Востока: Древность и раннее средневековье. – Л., 1978. – С. 192-214.
12. Литвинский, Б. А.; Седов, А. В. Теппаи Шах: Культура и связи кушанской Бактрии / Б. А. Литвинский, А. В. Седов. – М., 1983. – 240 с.
13. Массон, М. Е. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии за 1928 и 1929 гг. / М. Е. Массон // Научная мысль. – 1930. – № 1. – С. 1-11.
14. Фрай, Ричард Нильсон. Наследие Ирана / Р. Н. Фрай. – М.: Наука, 1971. – 468 с. – (Серия «Культура народов Востока»).
15. Шеркова, Т. А. Египет и кушанское царство: торговые и культурные контакты / Т. А. Шеркова. – М., 1991. – 192 с.

САҲМИ ЕВГЕНИЙ ЗЕЙМАЛ ДАР ТАҲҚИҚИ СИККАҲОИ КУШОНӢ

Дар мақола саҳми назарраси Е. В. Зеймал дар омӯзиши ёдгориҳои нумизматикии давраи Кушониён, ки аз Тоҷикистон ва ҷанд минтақаи дигари Осиёи Марказӣ, Афғонистон ва Покистон кашф шудаанд, таҳлил мегардад. Сиккаҳои мавриди таҳқиқ қароргирифта манбаъи муҳим ва арзишманди иттилооти илмӣ гардида, ҷанбаҳои асосии рушди таърихӣ, сиёсӣ ва иқтисодии давраи ҳукмронии сулолаи Кушониёнро (асрҳои II пеш аз милод – IV мелодӣ) дақиқ менамоянд.

Е. В. Зеймал дар омӯзиш ва таҳқиқи таърихи замони кушониён то имрӯз яке аз муваффақтарин донишмандон ба ҳисоб меравад. Дар осори илмиаш андешаву ҳулосаҳои олимони хориҷиву замони Шуравиро бо ҳам қиёс карда, нодурустиву муваффақияти онҳоро бо далоили қомилан илмӣ ҷамъбаст намудааст. Дар муҳоҷиса бештар ганҷинаҳо, сиккаҳои алоҳида ва сарчашмаҳои ҳаттиро истифода намуда, доир ба таърихи замони Кушониён саҳифаҳои навро рӯйи китоб овардааст.

Ибраз менамояд, ки гурӯҳи сиккаҳое, ки баъд аз вафоти шоҳони алоҳидаи ҷунону бохтарӣ ва кушонӣ аз номи онҳо зарб шуда, дар давраи кушониён ва пасокушонӣ дар гардиш қарор доштаанд, дар таъмини муомилоти пулӣ нақши муҳимро бозидаанд. Кашф гардидани шумораи зиёди сиккаҳои алоҳида ва ганҷинаҳо ҳангоми кӯшишҳои бостоншиносӣ нишонаи муҳими ҳосилшавии давраи кушонӣ мебошад, ки аз рушди баланди иқтисодиёт, тичорат ва муомилоти пулӣ ғувоҳӣ медиҳад.

Дар мақола бештар нақши Зеймал дар таҳқиқ ва тафсири омилҳои нумизматикии таъкид мешавад, ки барои амиқтар намудани тасаввуроти илмӣ дар бораи равандҳои таърихӣ иҷтимоӣ ва фарҳангии он замон мусоидат намудааст. Дар хотимаи мақола ба зарурат ва аҳамияти омӯзиши минбаъдаи ҳамҷониби таърихи Кушониён, ки барои мутахассисони соҳаи бостоншиносӣ, таърих ва нумизматика аҳамияти хос дорад, ишора мегардад.

Калидвожаҳо: *Канишка, кушон, сулолаи кушониён, сикка, ҳокимони кушонӣ, таҳқиқ, муомилоти пулӣ.*

ВКЛАД ЕВГЕНИЯ ЗЕЙМАЛЯ В ИЗУЧЕНИИ КУШАНСКИХ МОНЕТ

В статье анализируется значительный вклад Е. В. Зеймалю в изучение нумизматических памятников кушанского периода, обнаруженных в Таджикистане, а также в ряде других регионов Центральной Азии, Афганистане и Пакистане. Рассматриваемые монетные находки стали важным источником новых научных данных, позволяющих уточнить ключевые аспекты исторического, политического и экономического развития эпохи правления династии Кушанидов (II век до н. э. – IV век н. э.).

Е. В. Зеймаль в сфере изучения и обследования нумизматических материалов по-прежнему является одним из выдающихся исследователей истории кушанского периода. В своих научных трудах он анализирует рассуждения и предположения зарубежных и советских учёных, сопоставляя их между собой и на основе научных аргументов выявляя как недостаточность фактов, так и достижения отдельных авторов. При исследованиях он, прежде всего, использует клады, отдельные найденные монеты, а также письменные источники, которые, в свою очередь, открывают новые страницы и факты в истории кушанского времени.

Учёный подчёркивает, что группа монет, чеканенных после смерти некоторых греко-бактрийских и кушанских царей от их имени, сыграла немаловажную роль в обеспечении денежного обращения кушанского и посткушанского периодов. Находки многочисленных отдельных монет и кладов из городищ кушанского времени, обнаруженные при археологических раскопках, являются важной особенностью материальных остатков этих городищ и свидетельствуют о развитой экономике, торговле и денежном обращении данного периода.

В статье, главным образом, подчёркивается роль Е. В. Зеймалю в систематизации и интерпретации нумизматических материалов, что существенно способствовало углублению представлений о социальных и культурных процессах кушанского периода. В заключение акцентируется внимание на актуальности и необходимости дальнейшего комплексного изучения истории Кушанидов, представляющего значительный интерес для специалистов в области археологии, истории и нумизматики.

Ключевые слова: *Канишка, кушан, династия кушанидов, монета, кушанские правители, исследование, денежное обращение.*

THE CONTRIBUTION OF YEVGENY ZEYMAL TO THE STUDY OF KUSHAN COINAGE

This article analyzes the significant contribution of Yevgeny V. Zeymal to the study of numismatic monuments from the Kushan period discovered in Tajikistan, as well as in several other regions of Central Asia, Afghanistan, and Pakistan. The coin finds under consideration have become an important source of new scholarly data, allowing for a

more precise clarification of key aspects of the historical, political, and economic development during the reign of the Kushan dynasty (2nd century BCE – 4th century CE).

Yevgeny V. Zeymal remains one of the most distinguished scholars in the field of Kushan history. In his academic works, he critically examines and compares the interpretations and hypotheses of both Western and Soviet researchers, identifying their respective weaknesses and strengths on the basis of sound scientific reasoning. His research primarily draws upon coin hoards, individual coin finds, and written sources, which, in turn, reveal new insights and verifiable facts about the history of the Kushan era.

Zeymal emphasized that certain groups of coins minted posthumously in the names of Greco-Bactrian and Kushan rulers played a significant role in sustaining monetary circulation during the Kushan and post-Kushan periods. The discovery of numerous individual coins and hoards at Kushan-period urban sites during archaeological excavations represents an important characteristic of these settlements, attesting to a developed economy, active trade, and dynamic monetary circulation in this era.

To determine the «*Absolute Date of Kanishka*», which marks the precise starting point of the Kushan calendar based on written sources, Zeymal advanced an original scholarly hypothesis - a contribution notably acknowledged by Academician B. Gafurov in his book *Tajiks*.

The article primarily emphasizes Zeymal's role in the systematization and interpretation of numismatic materials, which has substantially deepened scholarly understanding of the social and cultural processes of the Kushan period. In conclusion, the article underscores the relevance and necessity of further comprehensive research into the history of the Kushanids, a subject of considerable significance for specialists in archaeology, history, and numismatics.

Key words: *Kanishka, Kushan, Kushan dynasty, coinage, Kushan rulers, research, monetary circulation.*

Маълумот дар бораи муаллиф: Сайдализода Фаррух Сайдали – сармуҳофи-зи фонди Осорхонаи миллии бостонии Тоҷикистон назди Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи Аҳмади Дониш.

Сведения об авторе: Сайдализода Фаррух Сайдали – старший хранитель фонда Национального музея древностей Таджикистана при Институте истории, археологии и этнографии им. А. Дониша.

Information about the author: Saydalizoda Farrukh Saidali – Senior Curator of the Fund of the National Museum of Antiquities of Tajikistan at the A. Donish Institute of History, Archaeology, and Ethnography.

Маҷаллаи илмӣ-назариявӣ «Муаррих» нашрияти расмӣи Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносӣ ба номи Аҳмади Дониши Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон буда, нашри он мутобиқи Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи матбуот ва дигар воситаҳои ахбори омма» амалӣ мегардад. Маҷалла ба нашри мақолаҳо аз самтҳои гуногуни илми таърих ихтисос дорад.

ҲАДАФҲОИ МАҶАЛЛАИ ИЛМӢ-ТАҚРИЗШАВАНДАИ «МУАРРИХ»

– Инъикоси саривақтии натиҷаҳои пажӯҳишҳои илмӣи олимони Ҷумҳурии Тоҷикистон, инчунин муҳаққиқони кишварҳои хориҷии наздик ва дур оид ба самтҳои зерини илм: таърих, таърихнигорӣ, бостоншиносӣ, мардумшиносӣ, сик-кашиносӣ, таърихи илм ва техника, таърихи муносибатҳои байналмилалӣ ва сиёсати хориҷӣ, таърихи санъат, фарҳанг ва фалсафа;

– Тақвияти ҳамкориҳои байналмилалӣ дар соҳаҳои таърих, таърихнигорӣ, бостоншиносӣ ва мардумшиносӣ;

– Фароҳам овардани имкони нашри натиҷаҳои таҳқиқоти илмӣ барои муҳаққиқон;

– Барарсии масоили мубрами илми таърих ва самтҳои умедбахши рушди он;

– Ҷустуҷӯи донишҳои нав барои рушди иҷтимоиву фарҳангии Ҷумҳурии Тоҷикистон ва минтақаҳои он;

– Тарғиби дастовардҳои илмӣи олимони институт, муассисаҳои таҳсилоти олӣ ва дигар ниҳодҳои илмӣи кишвар.

ШАРТҲОИ НАШРИ МАҚОЛА ДАР МАҶАЛЛАИ «МУАРРИХ»

– Ҳайати таҳририяи маҷалла мақолаҳо, тавзеҳот ва тақризҳои илмӣи қаблан дар ҳеҷ нашрияти ҷопӣ ё электронӣ интишорнаёфта ро мепазирад, ки дорои навоҳариҳои назариявӣ ё амалии асоснок дар соҳаи илми таърих бошанд;

– Қарор дар бораи қабул ё радди мақола тибқи аҳаммият, навигарӣ ва арзиши илмӣи мавод қабул карда мешавад;

– Муаллиф (ё ҳаммуаллифон) барои саҳеҳияти иттилооти илмӣ ва ҳамаи маълумоти дар мақола, тавзеҳ ва тақриз зикршуда масъул аст;

– Ҳамаи маводи пешниҳодгардида тавассути низоми «Антиплагиат» мавриди санҷиш қарор мегиранд. Дар асоси натиҷаҳо, ҳайати таҳририя дар бораи қабул ё радди мақола ба муаллиф хабар медиҳад;

– Маводе, ки аз санҷиши плагиат гузаштаанд, ба таҳлили таҳқиқотӣ аз ҷониби мутахассисони соҳавӣ (тақризи дохилӣ) ирсол мешаванд;

– Мақола бояд тибқи талаботи сомонӣ расмӣи маҷалла таҳия гардида, ба тавсияҳои муқарризон посухи дақиқ дода шавад;

– Ҳайати таҳририя метавонад хатоҳои имлоӣ, услубӣ ва техникӣ-муҳарриро бе мувофиқа бо муаллиф ислоҳ намояд, аммо дар ҳолатҳои муҳими мазмунӣ ин ислоҳот бо муаллиф мувофиқа карда мешаванд;

– Мақолаи тақмилшуда бояд дар муҳлати муқарраргардида ба таври ҷопӣ ва электронӣ ба идора баргардонида шавад;

- Мақолаҳои радшуда баргардонида намешаванд, аммо ҷавоби расмӣ асоснок ба муаллиф ирсол мегардад;
- Тақризҳо тибқи дархости шӯроҳои коршиносии КОА (Комиссияи олии аттестационӣ) пешниҳод мешаванд.

ТАЛАБОТ БА ТАҲИЯИ МАҚОЛА (ТАВЗЕҲ ВА ТАҚРИЗ)

1. Ба маҷалла мақола, тавзеҳ ва тақризҳои илмӣ мутобик ба ихтисосҳои 5.6.1-5.6.7 қабули ҷоп мешаванд, ки пештар интишор наёфтаанд.
2. Муаллифони бояд ҳуҷҷатҳои зеринро пешниҳод намоянд:
 - Матни мақола ба забонҳои тоҷикӣ, русӣ ва англисӣ (бо тарҷумаи ҳатмӣ унвон, фишурда ва калидвожаҳо ба ду забони хориҷӣ);
 - Мақтуби роҳнамо бо имзои роҳбари муассиса ва имзои аслии муаллиф дар шакли ҷопӣ;
 - Тақризи доктор ё номзади илм, бо мӯҳр ва имзои роҳбари муассисаи кории муқарриз;
 - Маълумотнома барои магистрантҳо ё аспирантҳо;
 - Нусхаи ҷопии ҳуҷҷатҳо бояд ба нишони зерин ирсол шаванд: **734025, ш. Душанбе, хиёбони Рӯдакӣ 33, Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониш, бинои асосӣ, ошёнаи 1, ҳуҷраи 21, тел.: (+992 37) 221-37-42;**
 - Нусхаи электронӣ ба почтаи: **istorik.tarena.tj@yandex.ru.**

МАҚОЛА БОЯД ДОРОИ УНСУРҲОИ ЗЕРИН БОШАД:

- Индекси УДК (аз тарафи ҷап, дар сатри алоҳида);
- Ному насаб, унвон ва дараҷаи илмӣ, ихтисоси илмӣ, ҷойи кор ва шаҳру кишвари муаллиф (ба се забон);
- Унвони мақола бо ҳарфҳои калон ба се забон, ҳуруфи Times New Roman 14;
- Фишурда ба забонҳои русӣ ва англисӣ, 100-250 вожа, бо зикри ҳадаф, вазифа ва натиҷаҳои асосии таҳқиқ;
- Калидвожаҳо (5-7 адад) ба русӣ ва англисӣ, курсив, бо вергул ҷудо карда шаванд;
- Рӯйхати адабиёт (танҳо сарчашмаҳои истинодшуда), бо риояи алифбо ва талаботи ГОСТ;
- Иқтибосҳо дар қавсайни квадратӣ бо зикри рақами сарчашма ва саҳифа: [3, 15], [4, 25; 7, 88];

ТАВАҶҶУҲ: Матни пешниҳодшуда бояд нусхаи таҳриршудаи ниҳой бошад ва ягон ғалати имлоӣ, услубӣ ва фактологӣ надошта бошад. Мақолаҳои номувофик мавриди баррасӣ қарор намегиранд.

Масъулияти илмӣ ва ҳуқуқии муҳтаво ба дӯши муаллифони ва муқарризон воғузор карда мешавад.

Идораи маҷалла

«Историк» – научно-теоретический журнал Института истории, археологии и этнографии имени А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана, который публикует материалы по историческим наукам в соответствии с законодательством Республики Таджикистан «О печати и средствах массовой информации».

ЦЕЛЮ И ЗАДАЧАМИ НАУЧНО - ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА «ИСТОРИК» ЯВЛЯЮТСЯ:

- Оперативное освещение результатов исследовательской деятельности учёных Республики Таджикистан, а также учёных стран ближнего и дальнего зарубежья в следующих отраслях науки: история, историография, археология, этнография, антропология, источниковедение, нумизматика, история культуры, история литературы, история философии и история религии;
- Развитие международного сотрудничества в сфере истории, археологии и этнографии;
- Предоставление возможности исследователям публиковать результаты научных изысканий;
- Освещение актуальных проблем и перспективных направлений исторических наук;
- Поиск новых знаний для духовного и социального развития населения Республики Таджикистан в целом и её регионов;
- Пропаганда достижений научно-исследовательской деятельности учёных Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана, а также исследователей других вузов и учреждений образования и науки Республики Таджикистан.

УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «ИСТОРИК»:

- редакционная коллегия журнала принимает для рассмотрения и публикации научные статьи, рецензии, научные обзоры и отзывы, которые ранее не были опубликованы в печатных и электронных изданиях. Эти материалы должны содержать научные идеи, результаты и достижения фундаментальных теоретических и прикладных исследований по следующим отраслям исторической науки: история, историография, археология, этнография, антропология, источниковедение, нумизматика, история культуры, история литературы, история философии и история религии.
- решение о публикации или об отказе в публикации принимается на основе актуальности, новизны и научной значимости представленных материалов.
- авторы (соавторы) несут полную ответственность за достоверность представленной научной информации и всех данных, содержащихся в статьях, отзывах, обзорах и рецензиях.
- все поступающие в редакцию журнала материалы подлежат обязательной проверке на оригинальность в системе «Антиплагиат». После этого редколлегия извещает авторов (соавторов) о результатах оценки рукописи и сообщает о принятии материала к дальнейшему рецензированию или об отказе от рецензирования.
- поступившие в редакцию статьи, отзывы, обзоры и рецензии, в случае положительного решения после проверки на сайте antiplagiat.ru, направляются на внутреннее рецензи-

рование с целью экспертной оценки ведущими специалистами в соответствующей отрасли науки.

– статьи, допущенные к внутреннему рецензированию, должны быть оформлены в полном соответствии с требованиями, предъявляемыми к публикациям на сайте журнала: <https://istorik.tarena.tj/ru>.

– Если рецензия содержит рекомендации по исправлению или доработке статьи, автору направляются замечания и предложения рецензента (без указания сведений о нём) для доработки и исправления материала.

– Доработанный материал представляется автором в редакцию журнала и направляется на повторное рецензирование вместе с ответом автора по каждому пункту замечаний.

– редколлегия вправе редактировать статьи без изменения их научного содержания. Орфографические и стилистические ошибки исправляются корректором без согласования с автором (авторами). При необходимости правка согласуется с автором (авторами).

– вариант статьи, направленный автору (авторам) на доработку, должен быть возвращён в редакцию в оговоренный срок с внесёнными исправлениями и изменениями в электронном и распечатанном виде.

– статьи, не принятые к опубликованию, не возвращаются автору (авторам). В случае отказа от публикации материала, редакция направляет автору (авторам) мотивированный отказ.

– по запросу экспертных советов ВАК при Президенте Республики Таджикистан, редакция журнала предоставляет им рецензии.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ (ОБЗОРОВ, ОТЗЫВОВ, РЕЦЕНЗИЙ), ПРИСЫЛАЕМЫХ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В НАУЧНО - ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ «ИСТОРИК» ИНСТИТУТА ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ ИМ. А. ДОНИША НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК ТАДЖИКИСТАНА

Для размещения в журнале принимаются ранее нигде не опубликованные научные статьи, обзоры, рецензии, отзывы, соответствующие научным специальностям: 5.6.1. Отечественная история; 5.6.2. Всеобщая история; 5.6.3. Археология; 5.6.4. Этнология, антропология и этнография; 5.6.5. Историография, источниковедение и методы исторического исследования; 5.6.6. История науки и технологии; 5.6.7. История международных отношений и внешней политики.

Авторы в обязательном порядке предоставляют в редакцию следующие документы:

– текст статьи на русском или английском (по возможности с переводом на русский язык), или таджикском языке с обязательной подписью автора (авторов) на печатном варианте статьи;

– рецензию доктора или кандидата наук, заверенную в отделе кадров по месту его работы;

– справку с места учёбы (для аспирантов и магистрантов).

Печатные варианты документов направляются в редакцию по адресу: 734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, проспект Рудаки, 33, Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана, главный корпус, 1-этаж, кабинет 21. Электронные версии по адресу электронной почты: istorik.tarena.tj@yandex.ru Телефон для справок: (+992 37) 221-37-42; адрес сайта журнала: <https://istorik.tarena.tj/ru>

—————МУАРИХ – ИСТОРИК – HISTORIAN—————

**В СООТВЕТСТВИИ С ТРЕБОВАНИЯМИ ВАК ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РТ,
СТАТЬЯ ДОЛЖНА СОДЕРЖАТЬ:**

- индекс УДК (размещается в начале статьи отдельной строкой слева);
 - фамилию, имя, отчество автора (авторов) полностью на русском и английском или таджикском, русском и английском языках;
 - учёную степень, учёное звание автора (авторов), наименование и шифр научной специальности (согласно номенклатуре), по которой ведётся исследование, на русском и английском или таджикском, русском и английском языках;
 - аспиранты, соискатели, преподаватели, докторанты указывают кафедру и учебное заведение (магистранты - направление подготовки) на русском и английском или на таджикском, русском и английском языках;
 - указание на должность, место работы, город, страну на русском и английском или на таджикском, русском и английском языках;
 - e-mail и номер телефона автора или соавторов для связи;
 - название статьи на русском и английском или на таджикском, русском и английском языках (заглавными буквами, шрифт Times New Roman 14 или Times New Roman tj 14, выравнивание по центру);
 - аннотация на русском и английском языках (шрифт TNR 14, выравнивание по ширине, от 100 до 250 слов с указанием цели и задач исследования, краткого хода работы и основных выводов, содержащих научную новизну);
 - ключевые слова на русском и английском языках (5-7 слов или словосочетаний из двух или трёх слов, через запятую, шрифт TNR 14, начертание - курсив, выравнивание по ширине);
 - статья в обязательном порядке должна содержать список использованной литературы с указанием только цитируемых работ. Список литературы приводится в конце статьи с общим объемом страниц источника. Список использованной литературы оформляется в алфавитном порядке в соответствии с ГОСТ.
 - ссылки даются в скобках, в которых указывается номер использованного источника согласно списку использованной литературы, а затем цитируемая страница.
- Статьи принимаются в течение года. Редакция оставляет за собой право отбора материала, а также право сокращения публикуемой статьи.
- Текст, присылаемой рукописи является окончательным и должен быть тщательно выверен и исправлен. Статьи, направляемые в редакцию с нарушением вышеперечисленных требований, к рассмотрению не принимаются. За компетентность и содержание публикуемых материалов несут полную ответственность авторы и рецензенты.

Редакция журнала

МУАРРИХ - маҷаллаи илмӣ - назариявӣ

Муассис: Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии
ба номи Аҳмади Дониши Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон

Назари ҳайати таҳририя метавонад бо дидгоҳи муаллифони мақолаҳо мутобиқат накунад. Муаллифон масъули муҳтавони мақола ва саҳеҳии ҳақиқи он ҳастанд. Дар суртаи чопи муҷаддади комил ва ё ҷузъӣ ба ҳар наҳве истинод ба манбаъ ҳатмист.

Мусахҳех: **Манзура ҲАСАНОВА**
Котиби масъул: **Абдумавлон ОДИНАЗОДА**
Мухаррири техникӣ: **Мухбирҷон КЕНЦАЕВ**

Ба матбаа 01.10.2025сол таҳвил шуд. Ба чопаш 10.10.2025 имзо шуд.
Андозаи 70x100¹/₈. Коғази офсетӣ. Чопи офсетӣ. Ҷузъи чопӣ 11.
Адади нашр 100 нусха.

Дар матбааи ЧДММ «Сармад-Компания» ба таъб расидааст.
734025, шаҳри Душанбе, кӯчаи Лохутӣ 6, гузари 1

ПОЧТОВЫЙ ИНДЕКС: 77771

ИСТОРИК - научно - теоретический журнал

Учредитель: Институт истории, археологии и этнографии
им. Ахмада Дониша Национальной академии наук Таджикистана

Мнение редакционной коллегии может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций.
Ответственность за содержание публикаций и достоверность фактов несут авторы. При полной или частичной перепечатке или воспроизведения любым способом ссылка на источник обязательна.

Корректор: **Манзура ХАСАНОВА**
Ответственный секретарь: **Абдумавлон ОДИНАЗОДА**
Технический редактор: **Мухбирджон КЕНДЖАЕВ**

Сдано в типографию 01. 10. 2025 г. Подписано в печать 10.10. 2025 г.
Формат 70x100¹/₈. Офсетная бумага. Офсетная печать. Печатный лист 11.
Тираж 100 экземпляров.

Отпечатано в типографии ООО «Сармад-Компания»
734025, г. Душанбе, улица Лахути, 6,1 пер.